

Эль Бланк

Колечко для наследницы

Глава 1

Выбор и детство. Куда от них деться?

Начинается взросление в славный праздник...

День рождения.

Теплый ветер, резкими порывами набрасывающийся на берег, несет с собой запахи моря – простора, влаги, соли. Раз за разом повторяя свою атаку, играет с волосами, выпутывая из прически синие прядки, рвет с тела одежду и вновь успокаивается, чтобы через минуту вернуться и с новыми силами продолжить наступление. Ласковые лучи Адапи гладят кожу, оставляя на ней ощущение тепла и неги. Скользят по гладкой поверхности воды и взрываются миллионами бликов, когда неожиданная волна подкатывает к берегу, ударяясь о скалу. Шумное «бум-ш-ш!» сливается с протяжным стоном потревоженных обитателей скал. Вынужденные подняться в воздух, ворки парят в кристально чистой атмосфере на фоне голубого неба, отливая разноцветным перламутром. Изумительное зрелище.

– Пора, – мелодично вплетается в этот прекрасный фон нежный девичий голос. – Ваш брат прислал сообщение. Нас ждут.

– Подождут, – легко отодвигаю неизбежное.

Наслаждаясь приятными ощущениями, я жмурюсь от слепящих даже сквозь опущенные веки лучей. Сильнее сжав пальцы, оплетающие идущий вдоль обрыва гладкий поручень, наклоняюсь, запоминая ощущение свободы и независимости. Больше я такого не испытаю никогда.

– Осторожнее, не упадите, – вновь проявляет заботу фрейлина. Моего запястья касаются тонкие пальцы в готовности оказать поддержку.

– Вария, – беру ее за руку, вынуждая к откровенности, – скажи мне, это сложно – кого-то любить?

– Нет, что вы! – счастливо улыбается наперсница. – Это такое приятное ощущение: томление, мечты, желание быть вместе... Вам понравится.

Ей легко говорить, она уже отпраздновала свое пятинадцатилетие. И влюбилась сразу. Теперь с моего брата глаз не сводит, при его появлении теряет, краснеет, дышит через раз. Была нормальная подруга и за каких-то два года превратилась в степенную фрейлину, озабоченную вниманием одного-единственного мужчины. А сегодня и мне это предстоит. Потерять голову и сделать выбор. Жуть.

– Допустим. – Я все равно не сдаю позиций, желая все прояснить. – Поначалу это не столь обременительно. А дальше? Ты в курсе, что тебя ждет через три-четыре года, когда организм начнет перестраиваться? А к совершеннолетию? Я слышала, девчонкам совсем плохо становится, особенно вдали от возлюбленного.

– И где же вы наслушались подобного? – Синие глаза подруги смотрят на меня с укором. – Ваша мама будет в шоке.

– Не важно.

Отвожу взгляд в сторону, словно заинтересовалась пролетевшим совсем рядом ворком. Ну не признаваться же в том, что подслушиваю разговоры слуг! Которые, кстати, без ущерба для своих обязанностей весьма активно и охотно обсуждают личную жизнь придворных. И если быть внимательной и осторожной, можно почерпнуть для себя очень многое.

– Не думаю, что вам стоит волноваться. Все это естественно. И от ранних привязок никто с ума не сходил, все спокойно дожидались совершеннолетия. Так что, я уверена, встретите женихов – и все страхи исчезнут, – так и не дождавшись ответа, резюмирует Вария, проявляя присущее ей понимание. Несмотря на юный возраст, она куда разумнее многих взрослых дам-наставниц, на уроках которых чаще мне приходится под них

подстраиваться, нежели наоборот.

– Ладно, идем. – Я со вздохом разворачиваюсь, понимая, что откладывая не откладывая, а итог все равно будет один.

По дороге, высеченной в крутом склоне над обрывом, мы доходим до парковой зоны. Камни здесь сменяются низкой травой, море скрывается за скальными поднятиями, пронизанными узкими ручейками. Срываясь вниз маленькими водопадами, водные потоки переливчато журчат, привлекая к себе местных обитателей. В другое время я бы обязательно остановилась, чтобы на них полюбоваться, но сейчас прохожу мимо.

За грядой появляются кустарники и вездесущие вьюны, поднимающиеся по любой вертикальной поверхности. Со стен дворца садовники каждый год снимают буквально вырастающие в камень проростки. Не делай они этого, здание за сотню лет скрылось бы в дремучих зарослях. И наверняка превратилось в развалины. А ведь оно так красиво!

Я совсем иначе смотрю на дом, в котором провела свое детство. Огромное внушительное сооружение из серого камня, на котором я рисовала знаки-указатели, играя с дочками придворных в прятки. Высокие оконные проемы, еще полгода назад закрытые прозрачным пластиком, а сейчас затянутые тонким, но куда более прочным трипслатом – подарком исгреан, определенно рассчитывающих, что сегодня я выберу их принца. Ведущие на площадку боковые лестницы, по ступеням которых я столько раз и степенно спускалась, и едва ли не скатывалась кувырком, торопясь на прогулку. Столько воспоминаний!

– Позвольте, я помогу! – Вария подхватывает меня под руку, когда я спотыкаюсь, перестав следить, куда шагаю.

– Спасибо.

Приподняв легкую ткань юбки бледно-голубого платья, я поднимаюсь к призывно распахнутым створкам парадного входа, пытаюсь разобраться – что же со мной происходит? Рассеянность, совершенно не имеющая причин. Тревожное ожидание, поселившееся в душе. Ностальгия по уходящему детству... Но почему? Я ведь никуда не уезжаю, как жила, так и останусь здесь жить до совершеннолетия. Что-то определенно меняется в моем сознании. Это и есть тот самый обещанный мамой «переломный момент»?

С каждым шагом, приближающим меня к тронному залу, где собрались прилетевшие на Вион гости, мое волнение растет. Воздух словно сгущается, с трудом проникая в легкие. Яркий свет, падающий в оконные проемы, кажется тусклым. Ощущение тепла сменяется зябкой прохладой, заставляя кожу покрываться мурашками. И все же, когда подошвы моих туфелек ступают на идеально гладкий, отшлифованный до зеркального блеска пол, когда моя фрейлина деликатно отходит в сторону, позволяя мне идти одной, когда голоса, заполняющие зал, стихают, я вновь обретаю уверенность и спокойствие.

Не глядя на придворных, отступивших к стенам, пересекаю зал, чтобы оказаться рядом с родителями. И на гостей пока тоже не смотрю, чтобы не нарушать подготовленный организатором праздника план церемонии. Мне ведь несколько дней пришлось его заучивать и репетировать.

– Идилинна, – ласково звучит голос отца, – прими наши поздравления.

Он протягивает руки, и я не мешкая шагаю ближе, чтобы оказаться в сильных и таких привычных объятиях. На краткий миг прижимаюсь щекой к плотной ткани темно-синего мундира где-то на уровне груди, потому как папа меня намного выше, и отстраняюсь. Прощептав «спасибо!», поднимаю голову, чтобы заглянуть в глаза изумительного оттенка стремительно темнеющего неба, испытующе всматривающиеся в мое лицо. Они молчаливо спрашивают: все ли в порядке? И я улыбаюсь в ответ, показывая: все хорошо. Мне достаточно понимания – отец поможет, если такая необходимость возникнет.

– С днем рождения, доченька! – Мама искренне радуется тому, что сейчас происходит.

Ее я обнимаю ничуть не менее крепко, хотя, надо уж признаться честно, с ней мы более далеки друг от друга. Папа всегда дела откладывал, если чувствовал, что для меня его

внимание в данный момент важнее. Мама же не только не поощряла подобного самопожертвования, но и не раз говорила, что он – император и король Виона, а потому игры с дочкой вовсе не обязательны, ведь есть специально нанятые для этого воспитатели. И сама не слишком часто со мной возилась. Я думаю, мама папу ко мне ревновала. Она даже сейчас радуется не столько моему пятнадцатилетию, сколько тому, что скоро я влюблюсь, выйду замуж и улечу жить на другую планету, к мужу. Тогда папа будет принадлежать только ей.

Впрочем, я напрасно ее в этом укоряю. Мама папу любит. И он в ней души не чает. Так что оба родителя у меня замечательные. Каждый по-своему, да, но этого и следовало ожидать: отец – вионец, а потому покладистый и всегда готовый пойти на компромисс, а вот мама, как истинная шенорианка, характер имеет воинственный. И делить мужа не желает даже с дочерью.

– С праздником, сестричка, – подключается к процессу Ваймон, дождавшись, когда я повернусь к нему. Правда, обнимать не спешит. Несмотря на то что мы родственники, это все равно неприлично, особенно при свидетелях: все же он совершеннолетний мужчина. Так что брат просто касается руки, которую я ему протягиваю.

И снова я улыбаюсь, ведь смотреть на Ваймона и не видеть в нем отца невозможно. Даже мама постоянно сетует, что сын от нее не получил ни единой черточки. Я хотя бы рост унаследовала, родительница тоже своему мужу едва до груди достает, а брат у меня высокий, статный, худощавый. И у нас с ним нет ничего, что характерно для облика шенориан: ни ярко-желтых волос, ни курносого носика, ни карих глаз, ни круглого личика. Маму это очень расстраивает.

– Позволь представить тебе наших гостей, – вновь перехватывает инициативу папа.

Я же глубоко вздыхаю, настраиваясь на церемонию, и разворачиваюсь к залу. Мне ведь не сказали, кто именно желает участвовать в выборе, чтобы я оставалась беспристрастной. Потому я готова увидеть кого угодно – в империи сейчас уже больше семидесяти планет. И шанс стать новой столицей есть у любой из них, при наличии неженатого представителя правящей династии, разумеется, ну и если до этого они статуса столицы не имели.

И сколько же желающих на текущий момент?

Скользнув глазами по ближайшему к нам окружению, понимаю – не так уж много. На фоне синеволосях вионцев всего пятеро мужчин выделяются своей необычной внешностью.

Первым, потому как его планета раньше остальных вошла в состав империи, навстречу шагает белокожий цессянин.

– Хэйрас Навин ли’Тон, – раздается за спиной голос отца.

Глядя в почти скрытые за белой челкой бледно-сиреневые глаза, я заставляю себя улыбнуться. И ощущаю больше беспокойства, нежели желания общаться. Нет, ну он же старый совсем! Ну и пусть альбиносы по пятьсот лет живут, у меня с ним разница лет в двести. Он ровесник моего отца, не меньше. Дикость какая-то.

Впрочем, и второй претендент – яркий красноволосый военный-лансианин не кажется мне намного моложе и привлекательнее. Сговорились они, что ли?

– Ром Олиин ош’Лак, – продолжается представление. – Щер Дилес зе’Орон...

Передо мной появляется серый, совершенно невзрачный молодой человек, больше похожий на бесцветную тень. Видийянин, несомненно. Только у них такой жуткий цвет кожи, от которого у меня снова мурашки бегут по коже.

– Евор Поис ро’дИас...

Темноволосый, симпатичный исгреанин одаривает меня заинтересованным взглядом и тут же отводит глаза в сторону. Однако я успеваю заметить мелькнувшее в них разочарование. И поначалу теряюсь – куда это он сейчас смотрел? Что ему не понравилось? Невольно опускаю глаза и вспыхиваю от догадки: да, фигура у меня еще не

женская, и, даже несмотря на элегантное платье и прическу, выгляжу я всего лишь девчонкой-подростком.

– Тогрис Ламин цу’лЗар.

В голосе отца тоже чувствуется возмущение реакцией истреанина, и мне становится жаль последнего претендента, потому что он-то ни в чем не виноват. Обычный светловолосый томлинец. Высокий, худощавый, с прямым открытым взглядом желто-оранжевых глаз, в выражении которых нет ничего пугающего или раздражающего. К тому же как раз его поведение и внешность отторжения у меня не вызывают. Впрочем, и желания броситься ему на шею тоже. М-да... Вот и думай теперь, нормально это или ненормально. И чего дальше ждать.

А дальше, кстати, официальная часть заканчивается. Распахиваются створки проемов, ведущих на террасу, звучит музыка, по залу разносится шелест голосов и шорох одежд. Кто-то покидает помещение, кто-то просто меняет положение, отыскивая знакомых...

Я вновь оказываюсь в компании Вари. Мои потенциальные кавалеры далеко не уходят, общаются друг с другом, пока не рискуя настаивать на личной беседе со мной. Рядом бдительно кружит Ваймон, не допуская в наш круг посторонних мужчин. А мне становится весело. С одной стороны, понятно – это страховка. Все хотят, чтобы мой организм побыстрее определился, привязался к нужному претенденту и не возникло проблемной тяги к кому-то неправильному. С другой стороны, выглядит происходящее на самом деле смешно.

Прислушиваюсь к себе и понимаю – не так уж страшно. Мне появление первого влечения представлялось каким-то глобальным, катастрофичным, необратимым. В реальности же ничего такого нет. Видимо, зря я себя накручивала. Ну и ладно, мне же спокойнее. А вот выбор все-таки сделать придется.

– Дорогие гости, – вспомнив наставления устроителя, обращаюсь к «женихам», – мне кажется, и нам следует выйти на террасу. В зале мы не увидим того прекрасного зрелища, которое подготовлено в честь вашего прибытия.

– Вашего дня рождения, – мягко поправляет меня ли’Тон.

– Не причина важна, а результат, – парирую я легко. Наверняка потому, что больше не смотрю на цессянина как на будущего мужа. – И он, поверьте, вам понравится.

Я ничуть не лукавлю. Как можно не восхититься стремительно летящими по лазурно-голубому небу лайрами? В сравнении с ними меркнет даже перламутровое оперение ворков. Маленькие бирюзовые создания, с изумительными длинными хвостами, похожими на тонкие золотые нити, раскинув серебристые крылья, скользят в воздушных потоках. Сливаются в единую мерцающую стаю, разлетаются в стороны драгоценными искрами, пикируют, опускаясь на перила террасы под дружное «ах!» зрителей.

Сменяя их, в воздух поднимаются ик’лы – практически невесомые существа, похожие на разноцветные шары. У них сейчас сезон размножения, потому, получив свободу, они мечутся в поиске пары. Кружат радужными хороводами, а найдя партнера, сливаются с ним, разбухают и лопаются, осыпаясь вниз маленькими шариками-детенышами. Теперь им больше года предстоит расти, чтобы затем последовать примеру родителей, пожертвовавших собственными жизнями.

И снова взлетают лайрами. Вернее, соскальзывают с перил, практически падая на площадку, расположенную ниже террасы. На лету подхватывают лежащие на камнях, сплетенные между собой цветы, а затем взмывают ввысь, поднимая гирлянду над дворцом.

– Какая качественная дрессировка, – не удерживается от восторженного замечания видийнин.

– С такими маленькими животными наверняка это несложно, – хмыкает в ответ лансианин. – Вам не приходилось сталкиваться с земульты. Вот кого приручить невероятно сложно.

– Наши хинари тоже не подарок, – презрительно цедит цессянин. – Годами обкатываем.

Томлинец молчит, как и исгреанин. Хотя у последнего определенно есть свое мнение, и он его все же высказывает, когда я вопросительно на него смотрю:

– Мы технику «дрессируем». Это нельзя сравнивать.

– А у вас? – не выдерживаю, обращаясь к Тогрису. – Разве на Томлине нет животных?

– Есть песчаные ящеры. Но они легко идут на контакт. Даже когда поднимаются в воздух.

– Летают? – В моем воображении тут же возникает картинка: мужчина, скользящий на мощном животном над пустыней. Шикарно!

– Только ночью. Днем просто бегают. С высотой уровень радиации быстро растет.

– Все равно это здорово! – радуюсь я, чувствуя, как по коже струится непонятное мне возбуждение. Словно предвкушение чего-то необычного. Наверное, потому и предлагаю: – А хотите на жирали полетать? Сравните ощущения.

– Очень хочу.

Тогрис искренне радуется моему предложению, а вот другие претенденты если и недовольны проявляемым мной вниманием к сопернику, стараются этого не показать. Делают вид, что заинтересованы чем-то иным. Понимают, что их попытки вмешаться будут выглядеть неэтично. И тогда у них шансов точно не останется.

Я же протягиваю томлинцу руку и с трепетом жду, когда его пальцы скользнут по моей ладони. Ведь впервые меня касается чужой мужчина, не родственник.

Сама традиция очень старая. С самого основания империи закрепились, когда ипериане вот таким своеобразным ритуалом показывали дружеское расположение зоггианам. А еще она в некотором смысле провокационная – да, кожа на руках наименее чувствительна, но иногда этих прикосновений достаточно, чтобы хорошее отношение женщины к мужчине начало трансформироваться во влечение. Тем и ценно доверие, которое я сейчас оказываю Тогрису. Он ведь теперь точно имеет преимущество перед другими.

Касание, поначалу едва ощутимое, легкое, неожиданно становится пленом для моих пальцев. Скольжение превращается в пожатие. И длится оно... чуть дольше, чем нужно. Чуть сильнее, чем требуется.

Томлинец не удержался! Минимально, но все же вышел за рамки приличий. Видимо, я ему нравлюсь, в отличие от...

Бросаю беглый взгляд на исгреанина, и сомнений не остается – этому империанину я точно не нравлюсь. Руки на груди сложил, поза выжидательная, на лице прямым текстом написано: «Скучно». А жаль. Я бы и с ним попыталась контакт наладить. Симпатичный же.

С другой стороны, это его право отказаться от возможности стать моим мужем и императором. Для мужчины, конечно, не составляет особых проблем прожить свою жизнь с нелюбимой женщиной, но все же лучше, когда влечение рождается обоюдное.

Думаю, что и остальные претенденты это понимают. Как и то, какой выбор я сделала.

– Прошу простить, дорогие гости, но нам придется вас покинуть. – Я улыбаюсь и тщательно подбираю слова, стараясь никого не обидеть. – Жирали взлетают только с поверхности земли, как и приземляются. Так что для полета нужно спуститься в аэрариум. Вы можете остаться здесь, представление будет продолжаться. Или же присоединяйтесь к нам, я буду рада.

Удивительно, но радовать меня решается... видийянин! Лансианин и исгреанин, коротко кивнув, отступают к ограждению, от которого отошли, чтобы нам удобнее было общаться. Цессянин, на мгновение замешкавшись, тоже следует их примеру. В итоге по залу, коридорам дворца, лестнице, а затем дорожке, ведущей к загонам, я иду в сопровождении Тогриса и Щера. Вария и Ваймон следуют за нами, стараясь оставаться

незаметными и не мешать.

Через несколько минут, когда распахиваются двери аэрариума, я любуюсь на удивленно вытянувшиеся лица моих спутников. Оно и понятно – мирно расслабляющиеся на травяной подстилке жирали, среагировав на наше появление, тут же вскакивают и принимаются подпрыгивать, смешно выбрасывая две длинные тонкие лапки в стороны и удерживая равновесие на третьей. Они танцуют, привлекая к себе внимание, ведь выбор наездника это для них единственная возможность подняться в воздух. А летать эти существа очень любят.

Изумление мужчин сменяется растерянностью, едва я тихим свистом подзываю свою любимицу. Жали – темно-синяя жираль, совсем молоденькая, но при этом достаточно крупная, хлопая крыльями, стремительно бросается мне под ноги и расплывается на траве. Повторяя ее движение, еще четыре особи покидают стаю, подчиняясь свисту зрителей загона.

Пока гости внимательно слушают краткие наставления моего брата, на собственном примере показывающего, как правильно сидеть на неведомом ранее средстве передвижения, я и Вария удобно устраиваемся на пушистых спинках, в плотном пространстве между шестью сложенными крыльями. А дальше наслаждаемся. Сначала быстрым разбегом, когда жирали разгоняются для взлета, а затем планирующим полетом с медленным набором высоты.

Летать в платье, разумеется, не так удобно, как в брюках, но принципиальной разницы все равно нет. Особенно если юбка объемная. Приходится лишь следить, чтобы ткань не мешала животному, не поднималась потоками воздуха вверх и не закрывала обзор.

Я оглядываюсь, отыскивая взглядом своих кавалеров. Томлинец, выбравший ярко-зеленую особь, выглядит совершенно спокойным, а вот видийянину, сидящему на черной с белыми пятнами жирали, явно не по себе. Вперед наклонился излишне сильно, за шею животное схватил в поиске дополнительной опоры. Определенно боится. И совершенно напрасно, потому что свалиться с жирали можно только при очень большом желании. У нее всегда два крыла оказываются изогнуты так, что окружают наездника. Тому просто некуда падать.

Теперь в моей душе и к Щеру рождается волна сочувствия. Он ведь так много теряет! Сосредоточенный на том, чтобы держаться, не видит ни красоты неба, покрытого белыми штрихами облаков, ни зеленого простора огромного парка, разбитого вокруг дворца, ни плотной городской застройки у самого горизонта, к которой мы медленно приближаемся. Вагдрибор – столица Виона, однако дворец не является его частью и всегда оставался изолированным.

Не знаю, было ли это в планах устроителя праздника, но, едва мы оказываемся над городом, в воздух поднимается целая стая жиралей. Окружив кольцом, они нас сопровождают, и я с легкостью узнаю среди наездников вице-короля Виона, его жену и дочь – Ларилину.

Хорошее настроение тут же сходит на нет. Не только у меня, но и у летящей бок о бок со мной Варии. Мы обе не в восторге от этой девицы, а причина проста до банальности – у нее тоже привязка к моему брату, а сбивать ее он не торопится, потому что все, а в особенности ее отец, на свадьбе настаивают. И меньше всего мне хочется портить себе праздник присутствием этой раздражающей особы.

Увы... Мы уже обратно поворачиваем, а сопровождающая кавалькада от нас не отстает и возвращаться в город не спешит. Вот меня теперь и гложет вопрос: то ли это я сглупила, когда сюда полететь решила, то ли они и без моей самостоятельности все равно оказались бы во дворце.

– Идилинна! С праздником, дорогая наша девочка!

Вице-король, едва мы приземляемся, торопится подойти ко мне, чтобы приветствовать. И я, испытывая чувство вины за свое нежелание видеть его семью рядом, подаю руку. Он хороший империанин, добрый, и не виноват, что дочка не в него характером пошла. В маму, да... Вот в эту худющую, затянутую в облегчающее темно-синее бархатное платье даму, которая на голову выше своего полноватого мужа и ведет себя куда более чопорно,

как и говорит:

– Пятнадцатилетие – самый ответственный этап в жизни наследниц. Мы все в ожидании решения, кто же станет новым императором.

– Легкого выбора вам, – скромно опустив глаза, вторит ей Ларилина.

Зубы сводит от приторности, с которой эта... ол'ва меня поздравляет. Сладко на вкус, а по факту потом сутки мучаешься, пока организм от яда не избавится. И ведь отказать в общении нет никакой возможности – статус не позволяет!

Хорошо, что брат меня выручает. Приобняв потенциальную невесту одной рукой, ухитряется второй обвить талию помрачневшей Вари и утащить обеих в сторону. Теперь влюбленная девица становится проблемой моей фрейлины, зато я вновь могу сосредоточиться на своих кавалерах. Тем более они уже стоят рядом и ждут.

– Вам понравилось? – спрашиваю, потому что действительно хочу понять, что же мужчины чувствуют.

– Очень приятный полет. На ящерах все же менее комфортно, – первым отвечает Тогрис.

– Для меня это совершенно новые впечатления, – словно извиняется Щер, виновато разводя руками. – На Видийх вечный туман и нет возможности видеть такие большие открытые пространства.

– Как же вы ориентируетесь?

Вопрос срывается с моих губ и губ томлинца настолько синхронно, что мы от неожиданности замолкаем, а потом вместе смеемся невероятному совпадению.

– По магнитным полям. – Видийянин, ответив нам, тоже улыбается, но как-то иначе. Грустно, что ли. Или просто устало?

– Давайте вернемся в зал. Нас ждут. – На этот раз я протягиваю руки им обоим, так и не определившись в своих предпочтениях. Да, внешность томлинца мне больше импонирует, но и мужество видийянина, до этого ни разу не поднимавшегося в воздух, достойно восхищения. Значит, и шансы у мужчин должны быть равные, а дальше... дальше пусть организм решает. Привязка ведь на уровне физиологии формируется.

Потому стараюсь не анализировать, что мне приятнее – уверенное, уже знакомое пожатие теплой руки Тогриса или осторожное, едва ощутимое прикосновение прохладных пальцев Щера. Просто жду, когда они воспользуются возможностью, которую я им предоставляю. Да и в оставшееся до ужина время больше не провоцирую ни себя, ни кавалеров. Любуюсь очередным ярким представлением, которое запускается, едва мы поднимаемся наверх, а когда оно заканчивается, в сопровождении Вари ухожу в свою комнату. Это только принцы приглашены в зал на личную беседу с императором, а мне там делать нечего.

Энергична и упряма, в курсе всех событий...

Мама.

– Лина, ты закончила ужинать? Выходи, обжорка, я тебя жду!

Из-за неплотно прикрытой двери столовой до меня доносится громкий уверенный голос. Шаги. Шорохи. И новая порция добродушного возмущения:

– Вария! Почему платье не убрано? И кровать не готова! Ты опять за этим не следишь? До сих пор в мыслях на жирали летаешь?

– Я сейчас. Простите! – сплетается с нотацией виноватый лепет фрейлины. Однако, несмотря на это, родительница продолжает сетовать:

– Ты одна уже не справляешься. Придется брать еще одну наперсницу... Лина! Ты как не моя дочь, честное слово! Сколько можно есть?

- Иду, иду...

С сожалением посмотрев на тарелку, куда я только что положила добавку, поднимаюсь из-за стола. Аппетит у меня на самом деле зверский. И это никак не соотносится со способностями шенориан, которые я должна была от мамы унаследовать. То есть вместо того чтобы спокойно голодать сутками напролет, кушаю я вполне плотненько. А вот вес не набираю, и куда исчезает избыток веществ, никому не ведомо.

- Ну-ка, дай на тебя посмотрю...

Я едва успеваю открыть дверь столовой и ступить на мягкий ковер своей спальни, а мама уже стоит рядом. Окидывает придирчивым взглядом изящную ночнушку из тонкой белой ткани, распущенные волосы, перехваченные широкой лентой, многозначительно хмыкает и, крепко вцепившись в запястье, тащит к кровати, чтобы усадить, набросить на плечи теплое пушистое покрывало, сесть рядом и приказать:

- Рассказывай!

- Что именно? - обреченно вздыхаю, поджимая ноги под себя и укутываясь плотнее.

- Все! - предсказуемо масштабно заявляет родительница. Смеется и снижает объем требований. - Кто тебе понравился, разумеется!

- Я не уверена...

- Ой, да ладно! - Карие глаза, потрясенные моей скрытностью, поднимаются к украшенному орнаментом высокому своду потолка. - То-то я не видела, как ты на цу'лЗара смотрела. Ну и правильно. Он с тебя глаз не сводил.

- Зе'Орон тоже хотел быть рядом. Я ему понравилась.

- Еще бы не нравилась. Ты же наследница, - легко отмахивается мама. Смотрит на мое недовольное лицо, потому что с объяснением я не согласна, и восклицает: - Лина! Наивная! Да заинтересованность видийянина влечением и не пахнет! Он же второй сын короля. Никаких перспектив на правление планетой. Потому и цепляется за возможность стать императором.

- Ясно. - Хотя и остаюсь при своем мнении, но больше не спорю. - А ро'дИасу мой статус, видимо, безразличен, я ему внешне не приглянулась.

- Про него вообще говорить не хочу! Даже твой отец возмутился. Если бы не подарок, который исгреанин сделал, его выгнали бы с праздника, - сообщает мама. Разве что ее объяснение в корне отличается от того, которое я дала поведению мужчины. - У этих вояк пунктик на синем. На дух этот цвет не выносят. А уж голубой и подавно. Вот и зачем, в таком случае, на отбор лететь?

- Может, принц надеялся, что отторжение не проявится? - неожиданно слышится тонкий голосок.

Удивительно, но вмешательство Вари, которой обычно всегда доставалось за попытки вступить в разговор без разрешения, на этот раз остается безнаказанным. Мама лишь бросает на нее задумчивый взгляд и высказывает иное предположение:

- Или его отец на участии настаивал. Тогда я не удивлюсь, если ро'дИас специально так себя повел, чтобы уж его точно не выбрали.

- Полетел на отбор, только лишь чтобы исполнить волю родителя? - ужасается фрейлина.

- Ну да. Со стороны посмотреть - к нему никаких претензий. Он долг выполнил, попытался, но не смог получить такую драгоценность, как рука наследницы. - Мама усмехается и возвращается ко мне. - Значит, Тогрис цу'лЗар, - говорит утвердительно. - Ну что ж, хороший выбор.

- Я еще не решила! - аж подпрыгиваю от возмущения.

– Ага, верю. – Язвительности в голосе родительницы прибавляется. – Предпочтешь одного из старых прожженных интриганов, который будет всю жизнь тобой управлять. Ты повзрослеешь, а он этого даже не заметит, продолжая считать глупой маленькой девочкой. Шикарная перспектива!

Она права. Увы, но так и есть. То есть будет, если рискну выйти замуж за лансианина. Или цессянина.

– Почему?.. – не выдержав, всхлипываю, размазывая покотившиеся по щекам слезы. – Почему у меня выбор такой маленький? Семьдесят планет! А женихов...

– Прекратить истерику! Немедленно! – командным голосом приказывает мама.

Шенорианка. Характер у нее несгибаемый. Проще послушаться, чем продолжать настаивать на своем, встречая нешуточное сопротивление. Даже папа так поступает. Вот и мне приходится, вцепившись в платочек, который подала торопливо подскочившая Вария, убирать с лица следы паники. И слушать.

– Кто бы жаловался, только не ты! У тебя пять – Идилинна, слышишь? – целых пять претендентов! У меня не было никого, кроме твоего отца. Вообще не было выбора, понимаешь? Твоя прабабушка дала обещание бабушке твоего отца, когда тот родился, что ее внучка выйдет замуж за ее внука. Глупое обещание, опрометчивое. А в итоге меня лишили выбора. Но я же не жаловалась. Ты от меня хоть полслова упрека отцу слышала? Вот то-то же! А мало претендентов прилетело, потому что остальные – трусы! Не хотят брать на себя ответственность. Ясное дело, проще управлять одной-единственной планетой, на которой ты у себя дома, чем решать проблемы разных планет, решившихся на объединение. А ты подумай, дочка, нужен ли империи нерешительный, не способный принимать волевые решения император? Так что радоваться нужно, что недостойные претенденты сами избавили тебя от необходимости с ними знакомиться. А что касается любви, – из голоса исчезает металл и появляются ласковые нотки, – она придет обязательно, кого бы ты ни выбрала. Не сейчас, так после танца. Даже не сомневайся. Такова уж наша физиология.

Сраженная ее словами, я и не замечаю, как успокаиваюсь. И на мокрый платок в руке смотрю с недоумением. Действительно, было бы из-за чего расстраиваться! Ведь есть тот, кто мне симпатичен. Даже двое. Одного из них одобряют мои родители. Ну и какие проблемы? Да никаких.

– Я поняла, – киваю и признаюсь: – Мне на самом деле Тогрис нравится.

– Вот и замечательно! – с облегчением вздыхает мама, поднимаясь на ноги. Убирает за ухо желтую прядку, выбившуюся из прически, и расправляет юбку. В отличие от меня, она ко сну еще не готова, даже пришла в нарядном платье, в котором на празднике была. – Тогда ложись спать. На официальное объявление утром тебе приходиться не обязательно, но с кавалером общаться придется весь день. Он имеет на это право.

– А как общаться-то? – торопливо спрашиваю, потому что родительница готова уже уйти из комнаты, оставив меня на попечение Вари. В итоге она останавливается, хотя видно, что задержка ей не нравится.

– Ну как, как... – задумывается, однако от прямого ответа воздерживается. – Ты поменьше об этом думай. Доверься жениху. Цу'лЗар взрослый мужчина, ему, насколько я знаю, около шестидесяти, и точно не нужно объяснять, как завоевать сердце девушки.

Совет меня совершенно не устраивает. Однако мама исчезает за дверью, а потому я сердито складываю руки на груди и смотрю на фрейлину.

– Нормально, а? Можно подумать, я совсем... – осекаюсь, не договорив, потому что меня осеняет идея: – Вария, давай-ка ты мне расскажешь, как Ваймон тебя зацепил.

Похоже, просьба девушку пугает. Она меняется в лице, ошарашенно выдыхая:

– Вас же никогда это не интересовало...

– А теперь интересуется!

Сдаваться я не собираюсь, а потому хватаю ее за руку, заставляя сесть рядом. И даже одеялом делюсь, набрасывая фрейлине на плечи, чтобы чувствовала себя уютнее и побыстрее во всем призналась.

Уловка срабатывает – я получаю немало пищи для размышлений, даже несмотря на то, что большая часть информации мне уже известна. Например, я прекрасно знаю, что Вария, как и другие, подходящие по возрасту дочери знатных семей Виона, прошла отбор на право стать фрейлиной. Она должна была показать умение принимать верные решения, способность контролировать себя, покладистость, рассудительность, тактичность, знание этикета... Для пятнадцатилетней девочки требования более чем серьезные. А вот о том, что часть испытаний Ваймон контролировал лично и, соответственно, судил, насколько успешно претендентка с ними справилась, я не знала.

– И вот однажды нас отвезли в дальнюю часть парка, сказав, что мы должны самостоятельно вернуться во дворец. И заставили выпить какую-то горькую жидкость. Это была проверка способностей к нейтрализации ядов. Те, кто испытание задумывал, хотели убедиться, что фрейлина в случае отравления быстро придет в себя и не оставит наследницу без присмотра. Ваймон единственный, кто шел с нами. Нам тогда всем было очень плохо. Я шла последней, думала, не дойду. В глазах темнело, дыхания не хватало, ноги слабели. В какой-то момент я на мгновение потеряла сознание и упала бы, но ваш брат меня поддержал. Заставил отдохнуть, прежде чем идти дальше. Я была поражена. До этого, когда мы выполняли задания, он мне казался серьезным, неприступным, жестким. Бесстрастно наблюдал, словно мы ему безразличны. А тут такое...

Понятно. Приятное удивление, чувство благодарности за оказанную помощь, положительные эмоции, да еще и с непосредственным физическим контактом – самые благоприятные условия для развития влечения у девушки. Вопрос в другом: почему брат проявил неосмотрительность и подобное допустил? Знал же, что сбить такую привязку не сможет, пока девушка не станет совершеннолетней. И все равно не остановился. Мало того, еще и именно этой девушке предпочтение отдал, когда принималось окончательное решение по итогам отбора.

– Нас четверо осталось, кто дошел до финала. У меня результаты были не самые лучшие, и ваша мама готова была выбрать другую претендентку, но Ваймон сказал «нет». И показал на меня.

Вот! Я так и знала, что причина у братца имелась! Ему нужна была... Кто? Сама Вария? Или ее привязка?

– Когда отбор завершился, Ваймон продолжал со мной встречаться. Учил ориентироваться во дворце и в парке. О вас рассказывал, чтобы мне проще было найти с вами контакт. Морально поддерживал, особенно когда вы меня прогоняли и запрещали возвращаться...

Упрек, пусть и скрытый, но справедливый. Мне в то время было тринадцать и, насколько помню, я была увлечена биологией ик'лы. Сутками напролет не вылезала из королевского инкубатора. Потому появление рядом наперсницы лишь отметила как факт. Причем очень раздражающий – ведь теперь совершенно посторонняя девица постоянно находилась рядом. А мне и наставниц более чем хватало. Потому я и злилась на девушку, которая, по сути, ни в чем не была виновата.

– Постепенно я поняла, что без Ваймона чувствую себя некомфортно. Мне хочется, чтобы он был рядом. В душе все переворачивается от его взглядов, прикосновений, самых простых знаков внимания...

Это я тоже знаю – картинку любовных переживаний созерцаю регулярно, особенно когда брат находится в зоне видимости. А появляется он ежедневно, поскольку его обязанность присматривать за мной. Другой вопрос, что Ваймон весьма своеобразно подошел к организации этого самого «присмотра». Возможно, полагал, что, если у фрейлины будет к нему влечение, она меня никогда не предаст?

Теперь любопытство относительно мотивов брата гложет куда сильнее, чем предстоящее общение с женихом. Таков уж у меня характер – живу себе спокойно, пока в голову не придет какая-нибудь «гениальная» идея. Лишит покоя, сна и возможности думать о чем-то ином. И успокоюсь, лишь получив желаемое.

Вот и сейчас, как ни стараюсь я забыть о родившихся вопросах, ничего у меня не получается. Нетерпение бурлит, заставляя вертеться в кровати, не находя удобного положения. Накатывает жаркими волнами и погружает в холодные потоки, вынуждая то раскрываться, то забираться под одеяло в попытках согреться. Спазмом сжимает мышцы живота, словно я в комнате гигиены не меньше суток не была.

Туда и отправляюсь, стараясь не шуметь и не разбудить спящую на соседней кровати Варию.

Постоянное присутствие рядом наперсницы, даже ночью, – еще одна традиция, которую ввели, чтобы не допустить тесного общения с мужским контингентом дворца. Правило не оставлять наследницу одну – своеобразная страховка от появления случайной привязки. Совершенно бессмысленная, на мой взгляд. Во-первых, до достижения пятнадцати лет ни о каком влечении и речи быть не может. Во-вторых, уйти из спальни я могу и не через главную дверь. Есть проход для прислуги, он находится в столовой, а в нее ведет дверь из туалетной комнаты. Я этим «черным ходом» всего один раз воспользовалась, лет в десять, когда мне вдруг захотелось погулять ночью по дворцу. Больше не было необходимости. До сегодняшнего дня...

Стоп! А разве сейчас она есть? Ловлю себя на том, что уже пригибаюсь, пробираясь через невысокий проем в темноту подсобного коридора. Впрочем, колебания мои исчезают так же быстро, как закрывается дверь за спиной. Если подсознательно меня тянет поговорить с Ваймоном, значит, так нужно.

Глаза быстро перестраиваются на ночное зрение, и я без особых проблем шагаю по неосвещенному коридору, отыскивая дверь в столовую брата. О том, как будет выглядеть мое появление среди ночи, да еще и столь экстравагантным способом, стараюсь не думать. Брат у меня адекватный. Строгий, но не импульсивный. То есть не станет с ходу возмущаться и ругать. Сначала подумает и найдет моему поступку логическое объяснение.

И все же, прежде чем войти, лишь слегка приоткрываю дверь и прислушиваюсь. Разумеется, не время ужина, но Ваймон мог зайти, чтобы выпить сок, а видеть, как он это делает, мне не хочется. Я все же девушка приличная.

Убедившись, что в столовой никого нет, уже без опаски шагаю на мягкое, приглушающее шаги покрытие и аккуратно огибаю стол. Здесь не так темно – тонкая полоска неяркого голубоватого света пробивается из-за неплотно притворенной двери. Брат еще не спит. Читает, возможно. Или же новости просматривает...

– Главное, что девочка определилась, – неожиданно громко звучит женский голос, и я замираю, поняв, что Ваймон в спальне не один. Мало того, в компании с тем, то есть той, от которой я точно получу взбучку по полной программе и со всеми вытекающими последствиями, если окажусь застигнутой на месте преступления. Мне же одной по дворцу гулять нельзя, для того и существует наперсница.

Подстегиваемая этими соображениями, я тактически отступаю, однако, нащупав рукой столешницу, останавливаюсь. Чего перепугалась, спрашивается? Мама же не пойдет в столовую брата, у нее своя имеется. Значит, я в безопасности. А потому могу себе позволить незримо присутствовать при разговоре. Тем более говорят-то обо мне! Главное, потом тихо уйти и себя не выдать.

– Хорошо, я понял, – доносится до меня приятный мужской голос. – Прослежу.

– Варию держи при себе, далеко не отпускай, – продолжает мама. – Пусть будет рядом, для страховки. Мы же не можем предсказать, как поведет себя Тогрис, вдруг девочке поддержка понадобится.

– Ладно. А с Ларилиной как быть? Я не рассчитывал, что она здесь появится. Мне сложно, когда приходится разделять внимание.

– А что ты хотел? – вздыхает родительница. – Девушка спит и видит тебя в своей постели. Она уже совершеннолетняя, ей сложно сдерживаться и жить вдали от тебя. Может, ты все же изменишь свое решение? Выберешь себе подходящую по возрасту фаворитку и женишься...

– Нет, – категорически отрезает брат. – Я уже выбрал. Ты знаешь кого.

– Знаю. А еще я знаю, что Вария не в курсе, кем для тебя станет в будущем. И не удивлюсь, если в конечном итоге Ларилина не выдержит и обвинит ее виновницей твоей холодности.

– Да, я Варию люблю! – В голосе Ваймона появляются сердитые интонации. – И не виноват, что мое сердце не готово разделить эту любовь на двоих. А Ларилина... Пусть радуется тому, что хотя бы мой разум принимает ее как возможную жену, и ждет свадьбы Идилинны. Когда Вария освободится от обязанностей фрейлины, тогда и я женюсь.

– Дорогой мой, еще семь лет без женщины... Ты уверен, что выдержишь?

– Мама! – возмущенно, впрочем, весьма сдвоенно восклицает брат. – Я взрослый мужчина и...

– Взрослый, взрослый, – успокаивающе мягко перебивает его родительница. – Потому я и переживаю. И де'вРон за дочь беспокоится.

– Его что-то не устраивает? – не успокаивается Ваймон. – Пусть мне об этом скажет. Я же не против сбить привязку. И не моя вина, что родителям Ларилины хочется видеть дочь королевой Виона, а вы с отцом их в этом желании поддерживаете.

– Род де'вРонов после рода ди'Донов самый древний и уважаемый на Вионе! – нравоучительно и строго парирует мама. – Потому твой папа и передал Грану статус вице-короля. Настраивать его против себя не самый хороший вариант, не находишь? Тем более отец Варии всего лишь губернатор Жеольской провинции, много ли он может дать тебе как будущему королю, которому нужна поддержка общественного мнения и круг преданных влиятельных приближенных?

В комнате воцаряется напряженное молчание, и я прихожу в себя, неслышно отступая обратно к столу – не заметила в увлеченности, как подошла к самой двери.

Вот так ситуация... Не думала, что все настолько сложно и серьезно.

Не думала? А о чем я вообще все это время думала? Жила себе спокойно, воспринимая окружающих и близких как нормальный, привычный фон. Родители, брат, придворные, наставники, девчонки-подружки, фрейлина... Они сами по себе и рядом лишь тогда, когда у меня в них есть необходимость, но чаще всего и я сама по себе. А теперь, оказывается, не вникала я в их взаимоотношения совершенно напрасно. Вон сколько интересного пропустила!

– Я не отказываюсь от своих обязательств. – Голос брата звучит хрипло и устало. Определенно не первый раз у них заходит разговор на эту тему. – Но и от Варии не откажусь.

– Знаю, милый. Ни один мужчина не захочет терять любимую женщину. – В интонациях родительницы тоже нет ни оптимизма, ни удовлетворения уступчивостью сына. – Я завтра поговорю с Ларилиной, попробую убедить ее не давить на тебя. Но обещать ничего не могу, сам понимаешь. Она ведь влюблена, ей на самом деле трудно.

– Спасибо.

Ответ сдержанный, лаконичный. За ним следует тяжелый вздох, шорох, звук, кажется, поцелуя в лоб... Мама выходит из комнаты, потому что слышен щелчок замка. Я же замираю, решая, как поступить мне: тоже уйти или выйти к брату и откровенно поговорить?

– Дихол!

Раздраженное восклицание, резкий удар, от которого я вздрагиваю, невольно подсакивая к двери и заглядывая в щель.

Ваймон лежит ничком на кровати. Стул с погнутой ножкой валяется на полу. А на матовом темно-синем покрытии стены вмятина...

Нет уж, сейчас к брату лучше не соваться. Иначе точно получу по полной программе.

Приняв решение, возвращаюсь к себе. Вария спит, уткнувшись лицом в подушку. Тонкая рука пальцами касается пола, и я не удерживаюсь – поднимаю ее и укладываю удобнее.

– Вай... – едва слышно всхлипывает девушка.

– Спи-спи, – успокаивающе шепчу в ответ.

Забираясь в кровать, вздыхаю при мысли, что совсем иначе воспринимаю все, что происходит рядом. То, что мне предстоит завтра. И то, что ожидает меня в будущем.

Как же сильно может изменить сознание простое любопытство, помноженное на переходный возраст...

Все дела твои забрось, ждет внимания твой...

Гость.

– Я счастлив.

Приятный глубокий голос окутывает ласкающими интонациями. Зачаровывает, заставляя прислушиваться только к нему, ощущать лишь приятное тепло ладоней, согревающих мои руки, и трепетать в груди неведомые струны.

– Я счастлив, что вы оказали мне честь назвать вас в будущем своей невестой... Идилинна.

Совсем маленькая пауза перед именем, почти незаметная заминка, однако ее оказывается достаточно, чтобы настороженность, которая со вчерашнего дня накрепко угнездилась в моей голове, немедленно разогнала все очарование момента и сосредоточилась на подозрительном факте.

– Вам не нравится мое имя?

– Что?

Сидящий рядом со мной на скамье мужчина изумленно смотрит, не понимая вопроса. То ли я плохо его сформулировала, то ли это он от неожиданности.

– Вы не сразу имя назвали, – поясняю, осторожно высвобождая пальцы из захвата.

– Ах вот в чем дело... – с явным облегчением выдыхает Тогрис. Улыбка возвращается на его губы, а мою руку он весьма ловко ловит, возвращая в плен своих ладоней. – Это потому, что на Томлине не принято обращаться к девушке напрямую по имени, если она не принадлежит к кругу семьи.

– А как принято?

Заинтригованная, жду ответа и получаю неожиданное:

– С указанием статуса, фисса Идилинна.

Фисса? Надо же, какая любопытная традиция. Хотя чему я удивляюсь? Уникальные, как и способности жителей, традиции имеются на каждой планете. Постепенно они распространяются и принимаются, становясь привычными для всех, кто входит в состав империи. Особенно быстро это происходит, когда планета становится столицей, а ее король или его сын – императором.

– А к мужчинам как обращаться? Фис?

– Почти, – смеется томлинец. Ему нравится моя сообразительность и непосредственность. – Если у мужчины нет династического статуса, тогда фист, если же есть, то ферт.

– Значит, я вас должна звать ферт Тогрис?

– Верно. Вот только... – Он снова берет паузу, на этот раз несомненно намеренную, чтобы заинтриговать меня сильнее. – Еще пять минут назад я был в этом уверен, а теперь сомневаюсь.

– Почему?

– У вас очень красивый голос. Певучий и звонкий одновременно. И мое имя звучит так... притягательно. Я готов даже забыть о статусе, лишь бы слышать его из ваших уст.

– А вы не слишком торопитесь? – Теперь уже я смеюсь, потому что поведение мужчины и его слова кажутся мне невероятно забавными.

– Ничуть, – не смущается томлинец. Скорее наоборот, становится смелее и придвигается ближе, склоняясь к моему виску. – Скажу по секрету, – объясняет-таки свои действия, – мне даже кажется, что я непростительно медлителен. Идилинна, вы безумно привлекательная девушка. Во всех смыслах.

– Ага, – скептически хмыкнув, я отодвигаюсь на прежнюю дистанцию, – особенно в смысле моего статуса наследницы.

– Да при чем тут это? – восклицает Тогрис, изумляясь моей непонятливости. – Неужели ваши зеркала не отражают реальности? Или же вы не хотите ее видеть, потому что... – Он задумывается и приходит к выводу: –...еще очень молоды.

– Вот в этом вы правы, слишком молода, – преувеличенно серьезно киваю, соглашаясь. И тут же меняю тактику. – Ой, нет, не правы! Не могу я быть привлекательна во всех смыслах. Один из них мне точно еще недоступен.

Заявление вводит мужчину в ступор. Он даже руку мою выпускает и смотрит в недоумении, стараясь разобраться. Его глаза с желто-рыжим ободком радужки, которая на свету кажется необычайно прозрачной и чистой, прицельно скользят по мне, изучая кончики лакированных белых туфель, воздушную ткань многослойной юбки цвета грозового неба, ажурный бледно-голубой корсаж, открытые плечи... Поднимаются выше, следуя за темно-синей волной распущенных волос, на несколько секунд замирают на губах... Наконец снова приходят в движение, встречаясь со мной взглядом. Растерянным.

– Возможно, я дорада, но... Что вы имели в виду? Это намек на неискренность и невозможность близких отношений? Но тут и без уточнений понятно, что все это не может рассматриваться по отношению к вам как привлекающий мужчин фактор.

– Это только вы так полагаете.

Перед глазами вновь встает разочарованное лицо истреанина, и мое настроение как-то резко меняется. В худшую сторону. Не то гнев, не то просто возмущение рокошет в глубине души, не желая утихомириваться.

– Идилинна... Кто же так плохо повлиял на вашу самооценку?

Моя рука вновь оказывается в теплых ладонях томлинца, а в его голосе появляются нотки заботы и участия, постепенно сменяющиеся раздражением, направленным на того, кто посмел меня обидеть. И, кстати, Тогрис проявляет удивительную догадливость, высказывая предположение:

– Ро'дИас?

Я лишь плечом дергаю, не в силах определиться, чего мне хочется больше: подтвердить проявленную истреанином бестактность или же ее скрыть. Однако это не мешает мужчине понять все правильно.

– Вам не стоит принимать так близко к сердцу его мнение. Если только...

Он резко замолкает, а глаза темнеют, становясь почти карими. Теперь в их глубине плещется что-то непонятное, зловещее. Мой отец однажды так же смотрел на

шенорианского посла, когда тот осыпал маму комплиментами. На следующий день этого империанина в составе делегации уже не было. Это ревность?

- Если что? - Смущенная и заинтригованная, я все же подталкиваю Тогриса к продолжению, и он вынужденно, но заканчивает:

- Если только вы не считаете его достойным статуса императора и вашего мужа.

- Не считаю.

Взмахом свободной руки я отметаю в сторону все, что более для меня несущественно. Вот если бы исгреанин симпатию проявил, тогда можно было бы сожалеть. А так...

- Ферт Тогрис, а почему вы сказали «дорада»? - вспоминаю, с чего, по сути, начался разговор.

- Потому что это самое глупое существо на Томлине.

- И на Вионе, - добавляю я.

- Неужели они и у вас обитают? - удивляется Тогрис. - Вот уж не думал.

- Не только у нас. Они и на Цессе живут, и на Ле, и на Ипере, и еще на нескольких планетах. Правда, внешне все же чуток разнятся, но по отсутствию ума и крайне низкой осторожности ничем не отличаются. И называют их везде одинаково.

- Как любопытно.

Взгляд томлинца скользит по веткам и листьям кустарника, наверняка пытаюсь отыскать хоть одну дораду. Вот только нет их в королевском парке по очень простой причине: они быстро размножаются, но столь же быстро и гибнут из-за собственной неосторожности. А кому приятно находить маленькие пушистые трупки везде, куда они смогли забраться, чтобы самоубиться? Правильно. Никому. Вот садовники и следят, чтобы они здесь не селились.

- Расскажите мне о ящерах, - решаю, что тема самая благоприятная, чтобы как можно дальше уйти от обсуждения личностей. - Как вы их называете?

- Краги, - с готовностью выполняет мою просьбу Тогрис. - Массивные, рогатые, четвероногие, с покрытой роговыми пластинами кожей и с мускулистым хвостом. В дикой природе они в подземных пещерах живут, там, где много томлитонита. Это кристалл, который создает своеобразное поле, защищая от радиации. А чтобы обезопасить ручных крагов, мы им надеваем ошейники с этим камнем.

- Мне тоже ошейник носить придется? Или защитный комбинезон? - Неожиданно его слова наталкивают меня на мысль о малоприятной перспективе. Это только томлинцам высокий уровень радиации на их планете вреда не причиняет, потому что расовые способности у жителей соответствующие. А всех остальных убьет за считанные часы.

- Не думаю, что это потребуются. Мы обязательно найдем более удобный и красивый вариант. Вы же очень маленькая, миниатюрная по сравнению с крагами. Так что будет достаточно изящного гарнитура для постоянного ношения - браслета и цепочки с подвеской из томлитонита. Он бывает разных желтых оттенков и будет изумительно сочетаться с цветом ваших волос и глаз, - почему-то невероятно ласково, практически мечтательно продолжает мужчина, в то время как подушечки пальцев томительно медленно скользят по голой коже плеча. - Вы станете настоящим сокровищем на Томлине. Мы очень ценим яркие цвета, которых так мало на нашей планете.

Ну вот. Кому-то мой облик не нравится, а для кого-то желанен и ценен.

Стоп! Опять я об исгреанине думаю?! Да что же такое? Почему он в мою голову упорно лезет? Это то самое влечение, о котором твердит мама? Или что-то иное? Например... ну не знаю. Обида и желание доказать, как сильно он ошибся.

- Я снова сказал что-то не то? - реагирует на мое молчание Тогрис. Смотрит на свою руку, которая замерла, прекратив движение, и спрашивает: - Или вам неприятно?

– Нет, что вы, ничего неприятного, – успокаиваю томлинца. Ведь на самом деле совершенно спокойно его действия воспринимаю. Без энтузиазма, конечно, но и без отторжения. – Просто сидеть устала. Давайте погуляем? Я вам парк покажу.

Предложение получается удачным. В том смысле, что движение куда больше способствует продуктивному разговору, не позволяя посторонним мыслям надолго поселиться в голове. Лишь иногда мелькнет что-то отвлекающее и исчезнет, стертое новыми впечатлениями: теплым сильным ветром, путающим волосы и забрасывающим юбку на ветки кустов; руками томлинца, помогающими мне освободиться; веселым смехом мужчины, в ладонях которого впервые оказался ласковый зеленый шарик – молоденький ик'лы.

– Вы можете взять его с собой на Томлин, – предлагаю, видя, с какой заинтересованностью Тогрис смотрит, как малыш то липнет к коже, распластываясь в плоский блинчик, то превращается в упругий мячик, катаясь по ладони, то сворачивается в толстую нить, стараясь уползти под одежду.

– А он у меня выживет? – проявляет сомнение мужчина. – Я ведь не знаю, ни как за ним ухаживать, ни как кормить.

– Не волнуйтесь, это совсем просто. Ваш питомец зеленый, значит, обладает фотосинтезом. Ему, кроме воды, воздуха и света, ничего больше и не нужно. Вот с синим было бы больше проблем – они хищники. А красные питаются растениями. Хотите красного? – спрашиваю, потому что томлинец задумался.

– Нет, нет, меня цвет устраивает. Я думаю, как его от радиации защитить.

– Скормите ему малюсенький кусочек томлитонита. Переварить его он не сможет, но и вывести наружу тоже.

– Здорово! – восхищается моей находчивостью Тогрис, однако почему-то снова колеблется. – Но он ведь будет скучать. И ему, наверное, пара нужна.

– Одиночество ик'лы неплохо переносят, если рядом есть хозяин. Пара малышу понадобится через год-два, и тогда, конечно, важно, чтобы он оказался в стае. Правда, на этом его жизнь закончится, а вам, если захотите, достанется его детеныш. Вы ведь будете прилетать на Вион? Или я вас теперь увижу только перед свадьбой?

Вопрос животрепещущий. Мне как-то не хочется выходить замуж, не полюбив будущего мужа. И вообще, за десять лет я забуду, как он выглядит!

– Конечно, я буду приезжать. Постараюсь делать это как можно чаще. Я ведь не занят управлением планетой, лишь помогаю своему отцу, а он, несомненно, поймет мое желание проводить как можно больше времени на Вионе. С вами, Идилинна.

Хоть и приятно звучит последнее заявление, но в его реализации я сомневаюсь.

– Боюсь, что последнее не верно. Сняв с себя задачу управления Томлином, вы будете вынуждены вникать в вопросы управления Объединенными территориями. Мой отец стопроцентно воспользуется вашим присутствием, чтобы передать вам свой опыт. Так что времени на личное общение у нас останется немного.

– Согласен. Но даже это лучше, чем ничего. Верно?

Не дожидаясь ответа, Тогрис неожиданно останавливается и разворачивается, преграждая мне путь. Опускается на одно колено, удерживая в своих ладонях мои пальцы. Смотрит в глаза, не опуская взгляда.

– Идилинна, я ведь вижу, как вы далеки от симпатии ко мне. Да, вы молоды, но причина не в этом, а в том, что я, по всей видимости, оказался непривлекателен для вашего организма. И все же, несмотря на равнодушие, вы меня не отталкиваете, идете навстречу, оставляете шанс. У меня не хватает слов, чтобы высказать вам свою признательность. Как же я рад, что у нас еще много времени, чтобы узнать друг друга. Чтобы полюбить. Я сделаю все, чтобы вы чувствовали себя счастливой. И уже сейчас уверен, что буду любить вас всю жизнь, моя фисса.

Его губы нежно касаются кожи на запястье и...

И сердце, глупое сердце, которое все это время билось через раз, словно тоже слушало и боялось пропустить хоть слово, пускается вскачь. По телу прокатывается жаркая волна, будто меня опустили в кипяток. В глазах темнеет. Ох...

Для всех родителей на свете важнее всего их...

Дети.

- Лина, доченька! Не пугай нас так, малышка... Лина!

Мамин голос, настойчивый и взволнованный, врывается в сознание, и я даже не сразу понимаю – что случилось? Почему она так переживает? И лишь когда слышу расстроенное «никак в себя не приходит», вспоминаю – я же сознание потеряла!

Подскакиваю. Вернее, сажусь. Во-первых, потому что лежу на диване в лазурной гостиной дворца. Во-вторых, у родительницы, которая сидит рядом, свои планы – она тут же обнимает, не позволяя вскочить на ноги.

- Ну вот, замечательно... Фух... – с облегчением выдохнув и прижав к себе, мама гладит меня по волосам. Впрочем, длится проявление заботы совсем недолго. Как обычно, едва убедившись, что мне больше ничего не грозит, родительница отстраняется. Словно большая степень опеки кажется ей излишней.

- Вария! От Лины ни на шаг! – непререкаемо приказывает, поднимаясь и направляясь на выход из гостиной.

Моя фрейлина, которую я не видела, потому что та стояла сзади, опускается на сиденье в моих ногах.

- Как я тут оказалась? – не удерживаюсь от вопроса, едва родительница исчезает за дверью.

- Вам плохо стало. Цу'лЗар вас сюда принес.

- На руках?

- Да. Ваймон попытался вас забрать, но не сумел. Видели бы вы, как принц на него посмотрел.

- Как?

Вместо ответа Вария сердито сдвигает синие брови к переносице и грозно прищуривается. Да уж. Словами это передать на самом деле сложно. Больше похоже на «Мое! Не смей!»

Пантомима меня забавляет, и я хихикаю, представляя, как бедный Ваймон ошалел от подобного безмолвного заявления. Еще никто и никогда такого себе не позволял. Потому, наверное, брат и отступился.

- Ясно. А где... – замолкаю, прислушиваясь, потому что за неплотно прикрытой дверью точно идет еще один разговор.

- ...не имел права так поступать! Литт, ты должен с ним разобраться!

- Майри, хватит, – мягко просит папа. Ведь это ему мама претензии предъявляет. – Имел, не имел... Нельзя рассуждать так категорично. Ситуация нестандартная.

- Да что ж тут нестандартного? – не сдается родительница. – Ведь все просто! Даже поцелуй руки требует согласия девушки. А Тогрис его не просил.

- У него было ее согласие, – терпеливо объясняет отец. – Потому что выбор Лина сделала.

- Косвенное согласие. Она же несовершеннолетняя!

- Майри, прекрати. Отношения Лины и цу'лЗара - это исключение из принятых правил. Да, девочка несовершеннолетняя, значит, невестой быть не может, но по факту сделанного выбора она ею стала.

- Пусть так. Но целовать-то зачем? - В голосе родительницы появляются плаксивые нотки. Поняв, что проигрывает, она сменила тактику. А вот папа остался так же спокоен, как и был.

- Чтобы организм Лины определился. После спровоцированного поцелуем гормонального всплеска уже не останется сомнений - появится к Тогрису влечение или нет.

- Хочешь сказать, он решил рискнуть? Вместо того чтобы просто подождать свадебного танца?

- А вдруг за эти годы, на фоне отсутствия влечения к будущему жениху, у нее возникла бы привязка к другому? И этот другой отказался бы ее сбивать? Потребовал титул императора? И при этом оказался еще и недостойным кандидатом?.. Майри, - ласково убеждает папа, - я считаю, что Тогрис поступил правильно. Если сейчас организм Лины отвергнет, мы просто организуем еще одну встречу и пригласим больше принцев. Если же примет, то у нас не останется причин для переживаний. Мы будем спокойны и за судьбу нашей дочери и за будущее империи.

- Ты, похоже, уже сейчас спокоен, - раздражение в голосе мамы не снижается, - раз считаешь нормальным, что Тогрис довел Лину до обморока. И состояние дочери тебя не волнует...

- По-твоему, я просто так сюда пришел?!

О! Впервые слышу, как родители разговаривают на повышенных тонах. То ли мне просто везло, то ли на самом деле они первый раз ссорятся. А я причиной конфликта быть не хочу. Поэтому, когда дверь наконец распаивается и папа, шагнув в гостиную, с беспокойством смотрит на меня, весело отвечаю, опережая вопрос:

- Я себя прекрасно чувствую!

- Подслушивала? - Отец подходит ближе, чтобы погладить по голове и присесть на диван, с которого при появлении императора весьма споро вскочила Вария.

- Вы очень громко все обсуждали. И проем был... приоткрыт.

Бросив укоризненный взгляд на замершую у входа маленькую желтоволосую фигурку в темно-синем бархатном платье, старательно сохраняющую на лице невозмутимое и не самое довольное выражение, папа вновь смотрит на меня.

- Готова его увидеть? Или отложим выяснение? Можешь вообще отказаться от встречи, если чувствуешь, что он теперь тебе неприятен.

О ком речь, не уточняет. Потому что и так понятно, что о Тогресе.

- Неприятен? - переспрашиваю и задумываюсь. Представляю образ томлинца, вспоминаю наш разговор, его прикосновение, охватившее меня волнение... Оно и сейчас рождается в груди, учащая дыхание и прокатываясь мурашками по коже. - Пожалуй, нет. Я на него не злюсь и не хочу, чтобы он исчез и больше в моей жизни не появлялся.

- Хорошо. Тогда... - Отец, надавив на запястье, включает коммуникатор. - Ваймон, мы вас ждем.

Вновь погладив меня по голове, он поднимается, смотрит на Варию, и фрейлина немедленно бросается ко мне, помогая встать и привести в порядок одежду. Она даже прическу успевает поправить, прежде чем в комнате появляются мужчины. Я же хоть и волнуясь, но, едва вижу шагнувшего ко мне Тогрису, успокаиваюсь. Нет, не ошиблась. Мне на самом деле приятно его присутствие.

– Прошу простить меня, фисса Идилинна, – извиняется он, останавливаясь в двух шагах от меня. – И благодарю за еще один шанс.

– Это я должна просить прощения, ферт, – поощряя принца, даже новое слово использую. – Раньше я не отличалась столь высокой чувствительностью, так что я сама не ожидала от себя такой реакции. И спасибо, что мне помогли.

Протягиваю руку и, чувствуя сильное, уверенное пожатие, от которого на душе становится так хорошо, с улыбкой разворачиваюсь к родителям.

– Мы можем погулять еще немного? Или это недопустимо?

– Гуляйте, – с отчетливо заметной обреченностью разрешает мама. Папа лишь молча кивает. Однако я уверена, что он доволен.

Не боясь испачкать ноги, мы шагаем по...

Дороге.

– Сегодня я не нравлюсь вашей маме, – констатирует Тогрис, когда дворец оказывается позади и мы вновь углубляемся в парк. – Вчера вроде нравился...

– Мама вообще очень противоречива. У нее настроение и убеждения меняются мгновенно, стоит лишь измениться обстоятельствам. Ее возмутили ваши действия, поэтому про все хорошее она сразу забыла. Не переживайте. Вспомнит.

– Или же мне придется искать способ реабилитироваться, – вполне резонно замечает мужчина. – Идилинна, а вы на самом деле на меня не обижены?

Обижена? Я? Даже останавливаюсь, с удивлением глядя на ожидающего моего ответа томлинца. В глазах тревога, поза напряженная, дыхание беспокойное. Вот ведь как переживает! И этого не скрывает. Не думала, что мужчины так поступают. Ваймон, например, ни за что не признается в том, что происходит в его душе. Сегодня утром, по крайней мере, на лице брата не было никаких следов вчерашних душевных терзаний, столь явно проявившихся ночью. И в присутствии Варии он вел себя совершенно спокойно.

– Хотите знать, что я чувствую? – спрашиваю. Стараясь сделать это незаметно, сжимаю ткань длинной юбки, присобирая ее и, едва Тогрис кивает, провоцирующе останавливаясь перед каждым словом, предупреждаю: – Тогда... сначала... вам... придется... меня... догнать!

Последнее говорю быстро и, взвизгнув, стремглав бросаюсь прочь по дорожке, ведущей к побережью.

– Идилинна, стойте! – слышу изумленное восклицание, но выполнять просьбу не собираюсь. Вот еще! Хватит с меня этих... «взрослостей»!

Кстати, бегают Тогрис неплохо. Он даже ухитряется со мной поравняться до того, как оказываемся на площадке, где вчера я в компании с Варией коротала время в ожидании, когда нас позовут на церемонию.

Еще некоторое время у меня получается ловко маневрировать, ускользая от рук пытающегося меня поймать томлинца. В итоге ему все же удается перехватить меня за талию и оторвать от земли. А все почему? Да потому, что веселюсь я много. Очень уж забавное развлечение выходит. Играть в догонялки с фрейлиной не так интересно, а Ваймон до этого вообще не опускается.

– Идилинна, какой же вы еще ребенок! – смеется Тогрис, пытаюсь удержать брыкающуюся и хохочущую меня. – Сколько же в вас энергии!

– Фух! – выдыхаю я с облегчением, прекращая игру. – Наконец-то поняли.

– Понял, конечно, – все еще тяжело дыша, подтверждает мужчина. – Обещаю больше не

задавать серьезных вопросов. Разумеется, до тех пор, пока вы не станете для этого достаточно взрослой.

– Отлично! – радуюсь, обвивая руками шею томлинца, и лишь после этого обращаю внимание, что он меня не просто поймал, но еще и на руки поднял.

Удивляюсь, само собой. А еще болтаю ногами в воздухе, убеждаясь, что юбка их все же закрывает, а не задралась до колен.

– Поставить вас на землю? – тут же спохватывается, становясь серьезным, Тогрис.

Ну вот, опять он за свое!

– Не надо. Лучше до мыса донесите, там скамейки есть, можно будет посидеть. Я устала.

Указав рукой направление, демонстративно укладываю голову на широкое мужское плечо. Вернее, на плотную наплечную вставку пиджака. А дальше мне остается лишь получать удовольствие от легкости, с которой томлинец меня несет, шагая по каменистой дороге.

Какой, оказывается, удобный способ дойти до нужного места... Надо будет почаще его использовать.

Тогрису, похоже, процесс тоже нравится. Скованность его движений исчезает, а когда оказываемся на смотровой площадке и меня аккуратно опускают на упругую поверхность скамьи, рука мужчины продолжает обнимать за талию. Если бы его что-то не устраивало, он ведь просто бы отстранился. По крайней мере, мне так кажется.

– Здесь очень красиво. – Томлинец с явным восхищением рассматривает лазурное небо, накатывающие на побережье волны и летающих над ними ворков. – Вам повезло, фисса, родиться на такой прекрасной планете. Томлин с ней вряд ли сравнится.

– А я читала и в фильмах обучающих видеела, что у вас там тоже много красивых мест. Подземные озера и моря, песчаные дюны, шахты, – парирую, потому что мне не нравится, как Тогрис отзывается о своей родной планете. Да он первый должен вставать на ее защиту! Она для него должна быть самой лучшей.

– Это другая красота, – объясняет мой собеседник. – Суровая, аскетичная. А Вион мягкий, ласковый.

– Отличный контраст! – смеюсь я. – Меня наставницы учили, что все познается в сравнении. Лишь так можно правильно оценить и понять все, что нас окружает. И я с огромным удовольствием побываю на Томлине, чтобы в этом лично убедиться. Кстати! – спохватываюсь, вспомнив, о чем хотела его попросить. – Как думаете, меня отпустят с вами? Хотя бы ненадолго! Вы можете папу об этом попросить? Или, чтобы увидеть вашу планету, мне придется ждать свадьбы?

– Вроде бы я не слышал о каких-то запретах, с этим связанных, – задумывается мужчина. – Если ваши родители согласятся, я с удовольствием организую для вас отдых и экскурсию по Томлину... Идилинна, а вы вообще летали в космос?

– Да... То есть нет. Когда мама была мной беременна, родители летали на Шенор. К бабушке Алли. А так все к нам прилетают.

– Почему *до* вашего рождения, а не *после*? – удивляется Тогрис. – Был какой-то особый повод?

– Можно и так сказать. Бабушка при смерти оказалась, потому что королевский дворец попал под сверхмощный метеоритный удар. Тогда многие пострадали.

Наступает молчание, которое завершается расстроенным:

– Простите. Я ведь знал об этом. Читал же в новостях о судьбе шенорской династии, а события и время почему-то не сопоставил. И невольно вам о трагедии напомнил.

«Почему-то»? Он так плохо умеет анализировать? Это не очень хорошо. Все же король,

пусть и будущий, а уж тем более император, должен мыслить широко и быть прозорливым. Ладно хоть извинился. То есть честно признался. Значит, готов учиться и набираться опыта. Что же касается «напоминания», то тут моя мама куда больше переживает, а я ведь бабушку так и не увидела.

Не желая произносить все это вслух, я пожимаю плечами и принимаюсь постукивать носком туфельки о маленький камушек, выступающий из кладки на дорожке. Пять-шесть ударов, и он расшатывается. Откатывается вперед, а я спрыгиваю со скамьи, чтобы его поднять. Подбежав к ограждению, с размаха бросаю трофей в воду, наблюдая, как он бесследно исчезает в волнах, а ворки, принявшие его за неосторожного ик'лы, кидаются следом.

– Попробуйте, – предлагаю мужчине, который, наверняка меня страхует, уже стоит рядом.

Тогрис осматривается, видимо отыскивая свободно лежащие камни. Понятно, что дорожку портить ему не хочется, но тут, увы, вариантов нет. Либо портить, либо идти к дальнему краю площадки, где заканчивается окультуренная территория и начинается дикая смесь каменного крошева, выступов материнской породы и чахлой растительности, ухитрившейся за это все зацепиться. И ведь вот что удивительно – томлинец сразу на это место нацеливается.

– Кажется, там и камней больше и кидать их будет удобнее, – поясняет, протягивая руку, чтобы не позволить мне остаться. И хотя топтать в такую даль я желанием не горю, приходится это делать. Сама игру предложила. А то, что партнер действует не так, как мне хочется... Увы, но это по правилам. Потому как его ход.

– А зачем вообще бросать камни в воду? Это какой-то ритуал?

Молчать и идти в тишине, вернее под мерные удары волн о скалы и вопли ворков, мой спутник явно не намерен. С другой стороны, это правильно. Он налаживает контакт. И использует для этого все возможности.

– Нет, это просто развлечение. Вионцы его любят. Если вода спокойная, следить за падением очень интересно. Тогда и брызги видны, особенно если камень большой, и круги, и даже воронки. Но это редко бывает. Такой величины булыжники поднять и бросить на большое расстояние, где глубина, сложно.

– Почему бы тогда на площадке не сделать запас маленьких камешков для тех, кто хочет развлечься? – не сдается Тогрис.

– Потому что сюда часто приходит моя мама, а для нее каждый летящий по воздуху неорганический объект ассоциируется с метеором, ударом, взрывом... На Шеноре, где она родилась и выросла, метеоритные дожди не прекращаются. Плюс трагедия с бабушкой... В общем, папа решил, что ее психологическое спокойствие ему важнее моего удовольствия.

– Боюсь, что я тоже не смогу вам его обеспечить, – расстраивается мужчина. – На Томлине больше песка, чем камней. Разве только в шахтах... Да и бросать что-то в подземные водоемы проблематично. Там... В общем, это не очень безопасно.

– Да? Там кто-то живет? – Мое воображение тут же рисует кровожадных монстров, у которых томлинцы втихую воруют воду, пока те спят.

– Нет, – куда более весело отвечает мой спутник. Мой энтузиазм заставил его забыть о начале разговора. – Просто дно у них непрочное, рыхлое, а под ним скапливаются газы. Так что, если нарушить спокойствие, вода станет мутной и непригодной для питья, а воздух в пещере опасным для дыхания.

– Брр... – Я передергиваю плечами, представляя неприятную перспективу. Конечно, способность моего организма к нейтрализации ядов сохранит мне жизнь. Но отравление все равно будет сильным.

Тогрис больше к этой теме не возвращается. Помогает мне преодолеть небольшой подъем, взобраться на каменное поднятие, потом с него спуститься... Обогнув выступающую из общей массы скалу, мы очень скоро оказываемся на широком уступе,

заваленном теми самыми булыжниками, ради которых сюда шли.

Теперь уже не испытывая сомнений, мужчина подбирает камни и, следуя моему примеру, осваивает новую для него забаву. Сначала кидает просто так, потом понимает, что от формы, веса снаряда, направления броска и его силы тоже очень много зависит. А потому тщательно изучает камни, прежде чем поднять, подкидывает на руке и ловит, оценивая, прицеливается и лишь затем отправляет в полет. И у него замечательно получается! Воронки, конечно, создать такими мелкими камешками сложно, но, например, срезать гребешки волн, если осколок оказывается плоским, – запросто.

– Здорово! – радостно восклицаю я и хлопаю в ладоши, подпрыгивая от возбуждения, едва очередной снаряд врывается в поднявшуюся волну и разбивает ее на мелкие брызги, разлетающиеся в стороны. – Ух! – округляю глаза, когда следом за первым в соседнюю волну попадает второй. Третий...

Не сразу, но все же понимаю, что бросил их вовсе не Тогрис. А когда оборачиваюсь, вижу тех, кто, видимо, обнаглев, решил без спроса к нам присоединиться. Один из них – красноволосый крепкий мужчина в розовой полурасстегнутой рубашке с небрежно закатанными до локтей рукавами и бордовых брюках, заправленных за кроваво-красные высокие голенища сапог. Второй – куда более тонкий цессянин, в элегантном, расшитом лазурной нитью белоснежном костюме. Последний на фоне дикой природы смотрится совершенно неуместным.

Однако беловолосого принца это совсем не смущает. Шагает он ко мне грациозно, словно не замечая неровной поверхности. И объяснение его звучит вполне естественно:

– Вы не во дворце, именинница, а мы сегодня покидаем гостеприимный Вион. Вот пришли с вами попрощаться.

– Благодарю за оказанную честь, Хэйрас Навин ли’Тон. Мне очень приятно ваше внимание, – столь же вежливо отвечаю и ему, и его спутнику. – Ваше в той же степени, Ром Олиин ош’Лак.

– Ферты... – непривычно, но вполне уважительно начинает говорить Тогрис.

– Не стоит, – с отчетливым оттенком презрения хмыкает, перебивая его, цессянин, в то время как лансианин отворачивается и принимается за поиски подходящего камня. Наверное, решил продолжить развлечение.

– Что именно? – теряется Тогрис.

– Не стоит уже сейчас навязывать нам свои традиции. Вы еще не император. Дождитесь хотя бы помолвки с наследницей. Да и после... – Он многозначительно не договаривает фразу, а в интонациях появляется предупреждение. – Позволю себе вам напомнить: мы находимся в составе Объединенных территорий ровно до тех пор, пока видим в этом выгоду для себя. И вам в будущем придется очень постараться, чтобы мы продолжали ее видеть.

– Приму к сведению. – Если Тогрис и злится, то виду не показывает, говорит совершенно спокойно. – Однако и я напому вам, что цессянский институт семьи был принят другими планетами империи, несмотря на то что Цесс так и не стал ее столицей. Так что я удивлен, что к традициям другой планеты, притом что она вскоре получит статус столицы, вы относитесь столь пренебрежительно.

– Так ведь это была и есть исключительно полезная и целесообразная для всей империи традиция! – парирует цессянин. – А какой смысл в дополнительном указании статуса? Представителей правящих династий и без него легко опознать. Ферт Хэйрас Навин ли’Тон, – важно произносит, словно пробует на вкус, и морщится, припечатывая: – Определенно перебор!

– Зато, если к вам обращаются только по имени, указание подчеркнет статус, – не оставляет попыток его убедить томлинец. Однако оппонент лишь на мгновение задумывается, а затем презрительно кривит лицо и сокрушенно вздыхает:

– Бесплезная дискуссия. Все равно ведь протащите эту чушь в законодательство при первой же возможности. А она у вас точно будет. Вам повезло, цу’лЗар, но лишь потому,

что наследница слишком юна. – Он неожиданно переключается на меня, впиваясь взглядом в лицо. – Эх, милая Идилинна, что ж вы так опрометчиво цените в мужчинах лишь молодость, веселость и привлекательность, забывая о житейском опыте, мудрости?

– И способностях, – хмыкает лансианин.

Невольно посмотрев на него, я замираю в изумлении. В руках ош'Лака камень такой величины, который вряд ли может поднять обычный мужчина. А он его держит легко, словно тот вообще ничего не весит. Подходит к краю уступа, но, вместо того чтобы бросить с размаха, просто толкает вперед.

Я забываю как дышать. Приоткрыв рот, смотрю, как гигантский кусок скалы плывет по воздуху, а вздымающиеся волны лижут его своими кончиками, словно приглашая упасть. Он и падает в итоге, наконец обретая ту массу, которую имеет. Уходит под воду, формируя огромную воронку, самую большую из всех, что мне доводилось видеть. А когда она схлопывается, в воздух взметывается столб жидкости и брызг. До нас они не долетают только потому, что расстояние немаленькое.

– Вот так как-то, – гордо резюмирует лансианин, опуская руки, которые все это время держал повернутыми ладонями к камню. И я лишь после этого вспоминаю про гравитационные потоки, которые эта раса умеет контролировать.

Впечатляюще, ничего не скажешь. Только теперь на это как-то надо отреагировать... Нет, не «как-то», а очень дипломатично. Чтобы никого не обидеть. Иначе от наставниц выговор получу, ведь они последний год именно на этикет общения упор делали.

– Спасибо, Ром Олиин ош'Лак. Мне очень понравилось. Однако для империи все способности важны, между ними нет принципиальной разницы, даже если проявляются они не столь эффектно. А мудрость... – Бросив краткий взгляд на прищурившегося ли'Тона, я заглядываю в лицо понурого томлинца и улыбаюсь, чтобы почувствовал, на чьей я стороне. – Мудрость со временем приходит ко всем.

– Согласен. Очень правильная позиция, – неожиданно громко звучит еще один голос, и я с облегчением вздыхаю. Наконец-то можно расслабиться и предоставить общение с гостями брату. Он у меня опытный, взрослый и вообще помогать обязан...

Ваймон меня не разочаровывает. Незаметно подталкивает к нам Варию, которая пришла вместе с ним, и сообщает:

– Прошу прощения, но моей сестре нужно вернуться во дворец. Время позднее. Тогрис, прошу вас сопровождать девушек, а я останусь и составлю компанию нашим уважаемым гостям.

– Мы тоже уходим, – недовольно отзывается цессянин.

– Значит, провожу до посадочной площадки, – ничуть не тушуетс брат. – Ваши вещи уже доставлены на корабли. Другие делегации два часа как отбыли...

Мысленно хихикая, я вкладываю пальцы в ладонь Тогриса, другой рукой цепляюсь за локоть фрейлины. Все! Домой! Хватит с нас «позитивных» эмоций.

Идем мы молча. Вария, похоже, стесняется, я не считаю нужным в ее присутствии обсуждать произошедшее, да и Тогрис, видимо, тоже. Впрочем, поглядывает на меня кавалер с нетерпением. Вария это видит не хуже меня, поэтому, едва оказываемся в коридоре первого уровня дворца, тактично отворачивается, делая вид, что ее увлекло что-то интересное за окном. Мужчина, пользуясь предоставленной ему возможностью, склоняется к моему виску и шепчет:

– Спасибо, Идилинна. Вы были бесподобны.

– Мы завтра увидимся? – улыбаюсь, потому что от комплимента и ненавязчивой легкости, с которой его пальцы гладят мои, на душе становится так приятно.

– Обязательно, – обещает кавалер. – У меня есть еще несколько дней, чтобы провести их с вами, прежде чем вернуться на Томлин.

Если ты устал играть, то ложишься на...

Кровать.

Рассматривая витраж на потолке – темный, потому что ночь уже давно наступила, а освещение в спальне, можно сказать, никакое, – ловлю себя на том, что глаза упрямо отказываются закрываться. А еще я совершенно глупо улыбаюсь: воображение мое не желает отпускать образ Тогриса, постоянно возвращаясь к нашему с ним общению. В общем, вместо того чтобы спать, память смакует произошедшее и предвкушает приятные впечатления завтрашнего дня.

И, похоже, не я одна сегодня такая «несчастливая». Фрейлина тоже не в ладах с собственным сознанием. Раз перевернулась. Другой. Еще раз...

– Не спишь?

Приподнимаюсь на локте, чтобы видеть девушку, свернувшуюся клубочком на кровати, стоящей у противоположной стены спальни.

Услышав вопрос, Вария откидывает одеяло и садится. Она не имеет возможности рассмотреть меня в темноте. Зато мне сложно не заметить отнюдь не самое счастливое выражение ее лица.

– Я вас разбудила? – виновато звучит тихий голос.

– Нет, я тоже уснуть не могу, – успокаиваю фрейлину и, решив, что момент благоприятный, интересуюсь: – Чем ты занималась, пока я с Тогрисом гуляла?

– Мы с Ваймоном за вами наблюдали. На второй террасе сидели, там хороший обзор смотровой площадки.

– Подсматривали, значит, – не удерживаюсь от смешка.

– Ваш отец приказал следить, – оправдывается фрейлина. – И он оказался прав, вам ведь потребовалась поддержка. Мы сразу спустились, как только увидели, что гости к вам направились.

– Ну да, вряд ли папа не доверял Тогрису, скорее вот таким... – не договорив, замолкаю, потому что есть другой вопрос, который не дает покоя. Именно его и задаю: – Вария, а Ваймон тоже тебе руки целовал? На руках носил?

– Нет, что вы! – пугается девушка. – Я ведь ему никто. И... это я его люблю, а не он меня.

Голос дрожит, срываясь, а я неожиданно осознаю, что брат действительно никогда не показывал своих чувств. По сути, я ведь и узнала о том, что он тоже влюблен, лишь вчера, и то совершенно случайно. А до этого о взаимности чувств фрейлины как-то не задумывалась даже.

Потому и ощущение вины накатывает особенно остро. Как же я могла быть к подруге настолько безразличной? Мне ведь действительно было не особенно интересно, каково отношение к ней брата. Ну влюбилась она, и что? Ведь все через это проходят! Теперь же воспринимаю происходящее иначе. Как любить, если не получаешь ничего в ответ?

В общем, словно меня толкнул кто, спрыгиваю на пол, чтобы забраться на кровать к фрейлине. Обнимаю за плечи, успокаивая:

– Прости. Я эгоистка, только о себе думаю.

– Это не так! – Девушка принимается убеждать меня в обратном. – Вы никогда не ставите себя выше других! Просто раньше у вас не возникало потребности вникать в чужие проблемы.

– Ты сейчас как наставница говоришь. Которой уже лет сто и о нормальной речи она уже забыла, – смеюсь, укутывая ее и себя в одеяло. Вечером во дворце становится прохладно. – И вообще, сколько раз я тебя просила перестать обращаться ко мне

официально, когда мы наедине.

Вария задумывается, почти минуту сидит, покусывая губы, в итоге отрицательно качает головой.

– Не могу, простите, – жалобно звучит тонкий голосок. – Боюсь, что когда-нибудь забудусь и при всех неправильно к вам обращусь. Меня тут же выгонят...

– Ладно, как знаешь. – Вздыхаю, потому что рассчитывала на иной ответ, и вновь возвращаюсь к теме, с которой начала: – А ты уверена, что Ваймон к тебе ничего не чувствует?

И снова фрейлина впадает в ступор. Затем отвечает медленно, постепенно раскрывая то, что таила в душе:

– Я не знаю. Ему со мной приятно... иногда. Он улыбается, смотрит ласково. Но и холоден бывает тоже. Вчера мое общество его тяготило. Если бы не приказ, он точно бы меня отослал подальше. Знаете, Идилинна, я стараюсь поменьше об этом думать, просто живу, радуясь тем приятным ощущениям, что рождаются в его присутствии. Не хочу питать напрасных надежд. И иллюзий по поводу будущего у меня никаких – ваш брат на мне никогда не женится. Даже если влюбится.

– Но может попросить стать фавориткой, – срывается с губ, и я прикусываю язык. Ох, все же не сдержалась!

– Э-э-э... Ну да. – Вария теряется, видимо, действительно не думала о таком варианте развития отношений.

– согласишься? – подталкиваю, потому как интересно, насколько легко будет брату получить то, что он хочет.

Очередная порция молчания. И краткое:

– Не знаю.

– Хорошо, допустим, откажешься. Но ведь ты Ваймона любишь. И он тоже может в тебя влюбиться. Как тогда быть? – не сдаю, беспокоясь теперь уже за брата.

– Разве вы не знаете, как от этого избавляются? – грустно улыбается Вария. – Природа жестоко толкает нас друг к другу, привязывая влечением, но она же нас жалеет, оставляя возможность разлюбить. Для этого нужно всего лишь...

– Знаю, знаю, – нервно хихикнув, закрываю ей рот ладонью. А то начнет сейчас вводить меня в курс интимных отношений. Я, конечно, не ханжа и все, что с этим связано, на занятиях с наставницами разбирала, но все равно тема меня смущает.

– В любом случае до совершеннолетия ничего нельзя изменить, – дождавшись, когда я уберу руку, продолжает подружка. – У меня еще семь лет впереди. Так что поспешных решений принимать не стоит.

Рассудком я с ней полностью согласна. Чувствами – нет. Мне хочется ясности, точности, уверенности... И все же приходится смириться. Рано. На самом деле слишком рано зашел об этом разговор. Получается, Ваймон поступает очень мудро, не обсуждая с Варией перспектив их отношений. Не давит, не торопит. Просто ждет.

Если это так, то его терпению и выдержке можно позавидовать. Я вот, например, подобными качествами не обладаю. И с утра нервничаю ничуть не меньше, чем ночью. Тороплю время, тянущееся как ленивый ик'лы, ворчу на фрейлину, которая долго возится с моими волосами, укладывая их, сержусь на платье, почему-то именно сейчас ставшее неудобным, теряю терпение, когда блюда издевательски медленно появляются на столе... В общем, все сегодня сговорились, отдаляя мое свидание с Тогрисом.

Наконец получив возможность, к месту встречи в холле дворца практически бегу. Вария семенит позади и едва не врзается мне в спину, когда я вынужденно притормаживаю, чтобы в свою очередь не влестись в идущего навстречу брата.

- Стоп! – Ваймон раскидывает руки, и я замираю, понимая, что обойти его мне не удастся. – Поворачивай и топай в приемную отца.

- Как?.. – теряюсь, отступая, но тут же бросаюсь в бой. – Меня Тогрис ждет! Мы договаривались! И папа разрешил!

- Обстоятельства изменились. Так что нечего испепелять меня взглядом. Иди давай.

Вот и бреду теперь уныло под конвоем брата, утешаемая шепотом фрейлины:

- Не расстраивайтесь, может, не все так уж плохо. Наверняка есть причина.

- Знаю я эту «причину», – бурчу сердито, косясь на виновника задержки. – Наверняка решили, что томлинец меня недостойн.

Однако едва оказываюсь в белой приемной, как пессимизм улетучивается. А все потому, что Тогрис, разговаривающий с моим отцом, быстро оборачивается и стремительно шагает навстречу.

- Фисса Идилинна...

Замирает, не решаясь коснуться первым, и лишь когда я с облегчением выдыхаю и улыбаюсь, протягивая ему руку, крепко сжимает мои пальцы. А потом еще и к дивану отводит. Усаживает и сам садится рядом, так и не выпустив руки.

- Что случилось? – спрашиваю я весело. Успокоилась, поняв, что с нашими отношениями разговор не связан, а остальное... Остальное меня не столь сильно тревожит. И, как выясняется, совершенно напрасно.

- Два часа назад пришло сообщение. Флот фузойлийцев, вот уже год осаждающий Дагру, начал передислокацию. По данным разведки, их целью станет Томлин, – словно извиняясь, говорит Тогрис.

Только теперь замечаю, что одет он не в повседневный легкий костюм, а в плотный дорожный мундир.

- Вы улетаєте... – расстраиваюсь, чувствуя себя обманутой. Мне так хотелось вместе с ним полетать на жирали, погулять по улочкам Вагдрибора, поплавать в заливе... Эх! Столько планов было!

- Неприсоединившиеся миры – это постоянная угроза. Они нападают и друг на друга, и на тех, кто находится в составе империи, – вмешиваясь в наш диалог, объясняет папа. Опускается в белое, украшенное голубым шитьем кресло, стоящее напротив нас, и мягко просит: – Доченька, ты должна понять, что твой избранник не может оставаться в стороне, когда опасность грозит его родине.

- А у Томлина хороший флот? – беспокоюсь я. – Сильный? Не хочу, чтобы... Чтобы что-то плохое случилось.

- В систему Иона направится имперская эскадра, а Тогрис цу'лЗар будет назначен ее командующим.

В голосе отца теперь слышна не только забота, но и удовлетворение. Ему нравится мое неравнодушие к судьбе избранника. Томлинцу, кажется, тоже. Заглянув в прозрачно-оранжевые глаза мужчины, я вижу не только сожаление о столь раннем расставании, но и благодарность. Да и ласковые поглаживания руки тоже говорят о многом. Они примиряют меня с неизбежным куда в большей степени, чем сочувственное: «Привыкай, доченька. Мужчины иначе расставляют приоритеты. Особенно те, кто у власти», – от моей мамы. Она, кстати, этим и ограничилась, когда вместе с нами провожала томлинскую делегацию – шестерых мужчин с коротко остриженными волосами песочного цвета в черных с желтыми вставками мундирах. А я и не знала, что Тогриса кто-то сопровождал.

- Жаль, что мне не удастся устроить вам экскурсию по Томлину, – прощаясь, извиняется принц. – Но очень надеюсь в будущем, когда путешествие станет безопасным, все же выполнить свое обещание. И еще...

Мужчина засовывает руку за пазуху, а когда вытаскивает, вижу прильнувшего к пальцам зеленого ик'лы. Теряюсь, растерянно хлопая глазами. Он... Он отказывается от такого милого и совсем необременительного питомца?

Я насупливаюсь, а Тогрис вздыхает объясняя:

– Не хочу, чтобы малыш мучился, если мне не удастся вернуться на Вион.

– Вы вернетесь! – убежденно заявляю, тут же забывая об обиде. – Даже не смейте думать о плохом. Понятно? Поклянитесь, что мы снова встретимся!

– Какая же вы милая, Идилинна, – одними уголками губ улыбается принц. – Хорошо. Клянусь. И все равно, пусть малыш останется. Мне так будет спокойнее. Обещайте, что позаботитесь о нем.

– Обещаю. – Теперь мне приходится уступить. Забрать из мужских рук трепещущий комочек и посетовать, услышав переливчатую расстроенную трель. – Он к вам уже привык.

– К вам тоже привыкнет. И вы будете меньше скучать.

– О! – смеюсь, такими веселыми кажутся мне его слова. – Боюсь, скучать мне не дадут наставницы. Я ведь теперь не ребенок и на более сложную программу обучения перехожу. Уроков станет больше, времени на развлечения меньше... Я не жалею! – восклицаю, заметив тень сочувствия на лице собеседника. – Мне нравится учиться.

– Это очень хорошо, – хвалит меня Тогрис. Услышав деликатное покашливание за спиной – это мой отец решил напомнить о времени, – оглядывается и, неожиданно завладев моими пальцами, спрашивает: – Позволите?

Взгляд пристальный, готовый и отступить, приняв мой отказ, и действовать в случае согласия. Выразительный настолько, что других слов, чтобы понять, о чем именно он просит, не нужно.

Наверняка поэтому мой организм решает все за меня. Я киваю раньше, чем успеваю проанализировать, действительно ли хочу этого поцелуя.

Тогрис склоняется к руке, касаясь кожи губами, я же замираю, жадно впитывая уже знакомые и все же совершенно новые ощущения. И едва дыша, провожаю глазами сначала удаляющуюся фигуру томлинца, окруженную соотечественниками, а затем маленький воздушный транспорт, который поднимает пассажиров на орбиту, где их ждут настоящие космические крейсеры.

Вздрагиваю от зябкой волны холода, прокатившейся по телу, и перевожу взгляд на фрейлину, которая набрасывает мне на плечи теплую накидку.

– Сегодня прохладно, – объясняет Вария и предлагает, посмотрев на дрожащего ик'лы на моей ладони: – Хотите, я его заберу? Мне несложно.

– Нет. Я сама буду за ним ухаживать, – решительно отказываю, пересаживая малыша на предплечье.

Ик'лы тут же растекается, мягко скользя по коже, и прячется под рукавом. Теплый. Упругий. Такой же ласковый, как пальцы Тогриса. Может, даже хорошо, что он питомца мне отдал. Теперь я о своем будущем женихе точно не забуду.

Глава 2

Советы и дружба. Зачем это нужно?

Каждый день, невзирая на сложности, мы читаем и слушаем...

Новости.

Яркие желтые лучи Адапи скользят по листве за тонким слоем прозрачного трипслата и бликуют, отражаясь от маленьких капель, оставшихся после утреннего дождя. Расцветивают радугой белый корсаж моего платья и ласково согревают кожу на руках, где ткань совсем легкая, воздушная. В такую погоду хочется гулять, а не сидеть в душной классной комнате под надзором чопорной и весьма придирчивой наставницы Гренны. Именно она ведет у меня курс политической истории.

– Я вас слушаю.

Строгий голос заставляет меня переместиться от окна в центр помещения, собраться, сосредоточиться и, выбросив из головы посторонние мысли, начать говорить:

– Империя образована триста пятьдесят лет назад как экономический союз звездных систем Фиссо и Эфус.

Отступаю на шаг, чтобы оказаться рядом с картой и указать рукой на нужные объекты.

– По сути это закрепленное династическим браком либо возможностью его осуществления территориальное объединение планет локального звездного скопления, изолированного от второго внешнего рукава Галактики довольно обширной зоной пустого космического пространства. В скоплении насчитывается сто тридцать миров.

Посмотрев на Гренну, которая, подперев кулаком морщинистую щеку, молча слушает доклад, я снова поворачиваюсь к карте, чтобы мои слова не казались пустыми заученными фразами.

– Три из них населены негуманоидными формами жизни, одна – гуманоидной, но лишенной способностей, остальные – цивилизациями, различающимися по расовым способностям и внешним признакам, но с высокой долей вероятности имеющими общих видовых предков. Однако существование такового вида на какой-либо из планет в настоящее время не доказано. Вся собранная по этому вопросу информация находится в отдельной папке, – поясняю, заметив, как хмурится Гренна, просматривая мои записи. И лишь когда она кивает, обнаружив искомое, продолжаю:

– Сейчас Объединенные территории включают в себя семьдесят четыре звездные системы, семь из которых вошли в состав империи за последние десять лет, что существенно опережает темпы расширения границ до двухсотого года, когда прирост составлял менее одной цивилизации за тот же период. Расчеты и графики имеются в приложении.

И снова жду, пока блеклые голубые глаза, лет сто назад, несомненно, имевшие насыщенный синий цвет, изучат плоды моих трудов, а грубоватый голос разрешит:

– Дальше.

– Со времени основания империи шесть планет находились в статусе столиц, а их правители в статусе императоров, средняя длительность правления которых составляет около шестидесяти стандартных лет. Функционал императора направлен на координацию торгово-экономических связей, обеспечение мирного урегулирования вопросов взаимодействия планет в составе Объединенных территорий и организацию защиты от внешней угрозы, которую несут неприсоединившиеся миры, при этом полномочия императора не затрагивают внутривнутриполитических отношений на самих планетах, за исключением случаев, когда таковые несут непосредственную угрозу стабильности империи.

Замолкаю, решив не вдаваться в подробности. Все же у меня реферат, а не диссертация. К тому же мой коммуникатор уже несколько раз вибрировал, а я, пока Гренна не

закончит занятие и меня не отпустит, не могу сообщение даже просмотреть.

– Ну что ж... Удовлетворительно, – выносит вердикт наставница. – Вы забыли упомянуть про наследниц, которых было столько же, сколько и столиц. А также про их уникальную способность накапливать и передавать расовые признаки по наследству, которой больше никто не имеет.

– Я сделала это намеренно, решив, что этот аспект в большей степени касается биологии, нежели истории, – объясняю, стараясь сохранить внешнее спокойствие. Замечание действительно кажется мне притянутым за уши.

– В науках не бывает четкого разделения сфер изучения. Взаимосвязи и интеграция встречаются повсеместно. Мне жаль, что вы этого не учли. Надеюсь, к следующему заданию вы подойдете с позиции большей широты восприятия, – нравоучительно выговаривает Гренна, аккуратно складывая материалы, разложенные на столе.

– Я постараюсь, – послушно отвечаю. Доброжелательно и миролюбиво, хотя хочется мне спорить, доказывать... Однако если начну это делать, урок быстро точно не закончится. Плюс в наказание за строптивость Гренна родителям на меня наябедничает. Скажет, что я ее профессиональное мнение не уважаю и препираюсь. Папа, как обычно, отнесется к этому спокойно, а вот мама... Мама будет долго читать нотацию. Так что лучше уж я несправедливые упреки сейчас потерплю, чем потом.

Однако наставница отпускать меня никак не желает. Самым тщательным образом долго разбирает новое задание, которое мне предстоит выполнить. И это притом, что не может она не видеть мое нетерпение! Я же и с ноги на ногу переминаюсь, и вздыхаю, и отвечаю односложно... Никак понять не могу, то ли у нее характер такой дотошно-скрупулезный, то ли она отчего-то лично меня невзлюбила и потому пытается вывести из себя.

Спасает пришедшее теперь уже на ее коммуникатор сообщение. Едва бросив взгляд на запястье, Гренна в две минуты излагает все то, что, несомненно, планировала обсуждать не меньше часа. А в завершение совсем ошарашивает:

– С завтрашнего дня у вас маленькие каникулы, так что с тем, о чем я только что говорила, вы начнете работать, когда они у вас закончатся.

Ого! Теперь мое любопытство зашкаливает! Кому же я обязана неожиданным отдыхом?

Едва шагнув за порог классной комнаты, хватаюсь за коммуникатор и замираю, увидев на экране опознавательный знак имперской службы межпланетной связи, переславшей мне письмо.

«Фисса Идилинна, дорогая. Простите за краткость, но на этот раз у меня есть новости, которые я хочу сообщить вам лично, потому что обстоятельства наконец позволяют мне прибыть на Вион. Ферт Тогрис цу'лЗар».

Лишь прочитав последний символ, я судорожно втягиваю воздух – все это время не дышала – и, подпрыгнув, взвизгиваю от радости. Ура! Он прилетает наконец-то! Пять лет! Я пять лет этого ждала! Ведь с моего пятнадцатилетия мы ни разу не виделись. Как бы ни хотелось, как бы ни планировалось – жизнь вносила свои коррективы, отдаляя встречу. Нам приходилось довольствоваться письмами. Моими – частыми, ведь у меня было время описывать все, что происходит на Вионе и в моей семье. А вот те, что приходили от Тогриса, были куда более редкими и лаконичными. Я не обижалась, понимала, что у него забот и проблем в десятки раз больше. Да и в любом случае письма это совсем не то, что личное общение.

– Начиталась? – смешливо фыркает за спиной мужской голос, и я в очередной раз подпрыгиваю. Правда, теперь не от радости, а от неожиданности и чтобы развернуться к незаметно подкравшемуся брату.

– С ума сошел, так пугать? – возмущенно восклицаю, в отместку шлепнув раскрытой ладонью по рукаву легкого ярко-синего жакета Ваймона. – Нормально меня позвать нельзя было?

– Я так и сделал, да только ты увлечена была и не услышала, – невозмутимо парирует он, потирая плечо. Удар хоть и несильный, но все же чувствительный получился. – Идем, нас

родители ждут. Будут ценные указания раздавать, раз уж такое знаменательное событие намечается, как визит будущего императора.

Я настолько теряюсь от его первого заявления, что даже не сразу акцентирую внимание на втором. Хотя оно-то как раз важнее – получается, это по настоянию моих родителей Гренна столь оперативно урок завершила. Но это все я уже после соображаю, а в настоящий момент вопросительно смотрю на фрейлину, которая ждала в конце коридора и присоединилась к нам, едва мы с ней поравнялись.

– Он действительно меня звал? – интересуюсь вполголоса.

Вышагивающий чуть впереди Ваймон оглядывается и тут же отворачивается, но я успеваю заметить на его лице хитрую улыбку, а потому мгновенно догадываюсь, каким будет ответ. Да и Вария, подтверждая мою догадку, отрицательно качает головой.

Понятно. Значит, самым наглым образом врал, а я приняла за правду, раз сразу во лжи не обвинила. Эх, слупила. Теперь у Ваймона сорок очков против моих тридцати восьми. А ведь такой шанс был его догнать и сравнять счет!

Впиваюсь взглядом в гордо расправленные плечи и уверенную походку. Ладно, ладно, торжествуй пока. Все равно я выиграю. До пятидесяти очков тебе еще далеко, успею реабилитироваться.

– Вы зачет-то сдали? – отвлекает меня от размышлений фрейлина. Волнуется, понятное дело.

– Лучше бы не сдавала, – вздыхаю, на время отложив обдумывание тактики. – Мне удовлетворительно поставили, представляешь? Вот что стоило Тогрису на день раньше сообщение прислать? Отчиталась бы после каникул, возможно, тогда и оценка была бы лучше.

Сказала и сама устыдилась. Что за нехорошее стремление – искать оправдания, винить в своих проблемах других и сокрушаться о том, что могло бы быть? Оно уже есть! И с этим нужно дальше жить.

С этой мыслью, выбросив из головы все негативное, следом за братом я захожу в малую гостиную. Не столь ярко освещенную, нежели другие помещения, ибо окно тут только одно, да и то затянато дымчатыми пластинками слюды, а не прозрачным трипслатом. Куда менее воздушную по отделке, в которой нет ажурных элементов и глянцевых поверхностей, лишь матовые и ровные. Иной и по цветовому решению – вместо синего спектра здесь преобладает серый в сочетании с коричнево-желтым и черным. Эту комнату родители больше всего любят. Мама – потому что она ей дворцовые интерьеры Шенора напоминает. Папа – оттого что маму первый раз именно в них увидел. И влюбился, как он утверждает, с первого взгляда.

Кстати, мама на этом фоне на самом деле смотрится шикарно – пушистые волосы желтым облаком окутывают голову, украшенное золотистой вышивкой голубое платье прекрасно гармонирует с бархатно-серой обивкой дивана. А вот отец здесь кажется не столь уместным в своих любимых ярко-синих домашних брюках и белой рубашке. Впрочем, его это не волнует совершенно – он во дворце хозяин. И муж. Поэтому маму из объятий выпускает, только когда мы уже оказываемся внутри помещения, ничуть не смущаясь интимности ситуации, в которой мы их застали.

– Располагайтесь, дети, – приветствует нас, удобнее усаживаясь на сиденье. Мама приглаживает растрепавшиеся волосы и поправляет корсаж платья, рукава которого определенно забыли, где находится положенное им место.

Переглянувшись, мы с Ваймоном не удерживаемся от улыбки. Похоже, скоро в нашей семье будет пополнение. Вот и мамин любимый кулончик многозначительно поблескивает в вырезе отцовской рубашки. Подарила-таки! А ведь говорила, что свой долг и перед империей, которой была нужна новая наследница, и перед Вионом, которому требовался принц королевской династии, выполнила и больше детей не хочет. Видимо, папа ее переубедил.

Между прочим, кулон, который специально для меня изготовили королевские ювелиры,

я уже видела. Едва заметно голубой, прозрачный каплевидный виараз в изумительном ажурном плетении белого металла... Краси-и-и-вый! Аж дух захватывает! Мне папа показал под большим секретом и сказал, что я его на свое совершеннолетие получу. Раньше мне это украшение без надобности. Зато когда двадцать пять исполнится, замуж выйду, вот тогда точно пригодится. Мужчина ведь должен быть уверен, что женщина готова на большее, чем просто удовольствие от взаимности, а полученное от нее украшение – самое верное доказательство.

Разумеется, так было не всегда и не везде – ритуал дарения кулона никак не связан с физиологией, а потому совершенно субъективен. Не на всех планетах до этого «додумались». Но мы ему следуем. Потому что удобно. Это раз. Положила начало традиции мама первой наследницы, от которой мы еще и второе имя получаем. То есть должны с уважением относиться к наследию. Это два. Ну и...

– Лина! – возмущенно-громкий голос мамы возвращает меня в настоящее, прервав размышления. – Ты где витаешь? Хоть слышала, что папа сказал?

Ой... Сказал?

– Да, – теряюсь настолько, что ответ срывается с губ раньше, чем я успеваю его обдумать. Спыхватываюсь и исправляюсь: – То есть нет. – Увидев удивленно ползущие на лоб брови отца, пытаюсь объяснить: – Я просто...

– Размечталась она, – снисходительно перебивает меня Ваймон. – Спит и видит, когда ее суженый объявится.

– И ничего не размечталась! – шиплю в ответ. – Мне и без Тогриса есть о чем думать! По себе меня не равняй.

– Это в каком смысле? – прищуривается брат.

– Сам знаешь! – Я бросаю многозначительный взгляд на дверь, за которой осталась Вария.

– Хватит, дети! – приказывает папа, и мы замолкаем. – Лина, я говорил, что тебе кое о чем нужно узнать раньше, чем увидеть.

Я киваю, наостряя уши. Ну надо же! Тогрис новости обещал, теперь вот папа... Интересно, это одна и та же информация или все же разная?

– Ты ведь курсе, что цу'лЗар все эти годы был командующим имперской эскадрой, которая защищала подступы к Томлину. Фузойлийцы отступили, однако своих захватнических амбиций не растеряли. Они создали временную коалицию с адерианцами и, усилив свои позиции, напали на Заркосс. Нам пришлось перебрасывать флот в систему Шаон и вести полномасштабные военные действия, чтобы доказать состоятельность империи в обеспечении безопасности.

Начал папа издали, однако я перебивать его не спешила, хоть и хотелось мне, чтобы он побыстрее перешел к сути. Понимала, что наверняка есть причина для такого вступления.

– Твой будущий жених после снятия блокады с Томлина мог бы остаться на своей родной планете, но проявил похвальную сознательность и не бросил пост, продолжая командовать крейсерами. В последнем сражении, которое принесло нам окончательную победу, заставив агрессоров позорно отступить и вернуться на свои планеты, мы потеряли больше половины эскадры. Флагманский корабль тоже пострадал.

– Но Тогрис же не погиб? – растерянно выдавливаю, не понимая, как я могла получить от него письмо. И кто тогда прилетает?!

– Нет, цу'лЗар жив и хорошо себя чувствует, несмотря на серьезное ранение, но... – Ответ разрушает все мои вопросы и, посмотрев на маму, в глазах которой я вижу сочувствие, отец заканчивает: – Врачам не удалось спасти ему ноги.

– Как же служба безопасности это допустила? Куда его телохранители смотрели? Почему другие крейсера не защитили флагманский? – Халатность подчиненных

возмущает меня настолько сильно, что я даже масштаб увечий не сразу осознаю.

– Лина... – Папа морщится, но терпеливо объясняет: – Ты представляешь себе бой впечатляющей эффектной сценой, с четким статичным построением кораблей противников друг против друга и чередующимися точными ударами, которыми обмениваются крейсеры, закрытые силовыми экранами. В реальности же все иначе. Враг отнюдь не деликатен и бьет со всех сторон. Корабли двигаются, теряют управление и сталкиваются. От лаонных зарядов защитные поля, вместо того чтобы закрывать корабли, схлопываются и формирующие их установки взрываются, буквально разрывая корабль на части. Крейсер командующего попал под такой удар. Тогриса, который в этот момент был в рубке управления, отшвырнуло к выходу. Началась разгерметизация, и сомкнувшиеся створки, изолирующие помещение, отсеки ему голени... Прости за некрасивые подробности.

Последнее он добавляет потому, что я вздрагиваю. Воображение у меня всегда было хорошее, и картина несчастья как наяву встает перед мысленным взором. Отсюда и реакция организма.

– Если тебе неприятно, можешь отказаться... – начинает мама и осекается, когда папа бросает на нее укоризненный взгляд, а в моей душе поднимается волна возмущения, от которой дыхание учащается и пальцы сжимаются в кулаки.

– Отказаться? – нарастающая злость словно выдергивает из меня резкие слова. – Я, по-вашему, совсем бездушное создание? Бесчувственное и прагматичное? Думаете, что с легкостью выброшу из своей жизни того, кого выбрала? И вообще, я его люблю!

Сорвавшееся с губ признание меня саму пугает настолько, что я зажимаю рот рукой. Ведь никогда раньше подобные мысли мне в голову не приходили. Да, я о Тогрисе думала, и о первой встрече вспоминала, и о совместном будущем мечтала, но чтобы до такой степени...

Мама выразительно поднимает глаза к потолку и отворачивается, передергивая плечами. Папа тоже реагирует своеобразно – вроде и приятны ему мои слова, но и беспокоят тоже. Кстати, не только сказанное, но и то, что мама обиделась. Потому первое, что он делает, – пододвигается к ней, чтобы обнять. И лишь затем говорит:

– Ты не сердись, Лина. Твоя мама не имела в виду ничего плохого. Лишь то, что тебя никто принуждать не будет. И с выводами относительно своих чувств тоже не торопись. Вы столько времени не виделись.

На этот раз мне хватает выдержки, чтобы промолчать. Понятно, что папа будет защищать маму, даже если она не права. А мне следует лучше себя контролировать. Впрочем, совет несколько запоздалый. Разговор на этом заканчивается и нас с братом фактически выставляют за дверь.

– Ты реально не поняла? Или только вид сделала? – восклицает Ваймон, едва за нашими спинами смыкаются створки.

– Что я должна была понять? – ворчу, покосившись на Варию, которая ожидала на диванчике, а теперь поднялась и идет к нам.

– Она же тебя специально провоцировала. Чтобы проверить наличие у тебя к нему влечения.

– И какой в этом смысл? – Мои подозрения, что брат водит меня за нос, усиливаются, но вида я пока не подаю. Жду момента.

– Самый элементарный. Цу'лЗар как император теперь невыгоден. В этом самом последнем сражении он себя не в лучшем свете показал. Победили мы только по счастливой случайности. Так что если у тебя нет к нему влечения, одной проблемой сразу стало бы меньше. А если есть... – Он сочувственно посмотрел на меня. – Родители потому еще одного ребенка и торопятся родить до твоего совершеннолетия. Если это будет девочка, она станет наследницей вместо тебя. А ты останешься с этим неудачником.

– Врешь, – уверенно заявляю, уже не сомневаясь, что его слова это часть игры.

– Вру, – с улыбкой соглашается брат. – Молодец, все же сравняла счет. Вот только вру, к сожалению, не я один. Смотри.

Мы с Варией, которая как раз оказалась рядом, с любопытством смотрим на экран, который Ваймон сделал больше и развернул, чтобы было удобнее читать. Однако по мере этого самого чтения мое возмущение растет в геометрической прогрессии. Одни новостные заголовки чего стоят!

«Наследница вынуждена остаться с неудачником!» «Кандидатура будущего императора под сомнением!» «Нужен ли нам недальновидный стратег?» «Объединенные территории ждут новые выборы?»

А уж про содержание и говорить нечего.

«За тактические ошибки будущего императора заплатили жизнями сотни империан. Что же будет с Объединенными территориями, когда он придет к управлению?..

Какое разочарование ждет наследницу, которая оказалась заложницей ситуации в плену влечения собственного организма! А ведь были более достойные и компетентные претенденты...

Если Тогрис цу'лЗар порядочный империанин, а не корыстный (и далее по списку), то обязан сбить возникшую у наследницы привязку к нему...

Императора следует выбрать снова, с учетом обстоятельств...»

– Сволочи! – безапелляционно заявляю, с досадой отворачиваясь от экрана. – С этим можно что-то сделать?

– Что тут сделаешь? – Ваймон пожимает плечами, выключая вильют. – Найти первоисточник этих сплетен сложно, все валят друг на друга. Мол, перепечатывают инфу. А она с каждым разом наполняется все более неприглядным смыслом.

– Но ведь это неправда!

– Разумеется. Тогрис действовал правильно, с учетом возможностей и обстоятельств. Сомневаюсь, что, будь на его месте кто-то другой, результат чем-то отличался. Но, по всей видимости, есть те, кому выгодно иное видение ситуации.

– И я даже знаю, кто это может быть... – зло цежу сквозь зубы, вспоминая, с каким презрением смотрел на Тогриса «мудрый» Хэйрас Навин ли'Тон. С него станется подстегнуть сплетни, чтобы получить второй шанс стать императором.

Жаль, только доказать это невозможно. Зато можно принять к сведению и учесть в разговоре с томлинцем. Наверняка мой суженый не в восторге от такого «признания» его заслуг.

Встреча с той, что на выданье, превращается в...

Свиданье.

«Не в восторге» – это мягко сказано. В унынии, в депрессии, в состоянии безысходности... Вот куда более подходящие эпитеты для того, кто сейчас сидит рядом со мной и молча смотрит в голубую даль. На небо, привычно чистое и прозрачное. На далекий горизонт, исчезающий в белесой дымке. На те самые волны, в которые когда-то с таким азартом бросал камушки...

Ну да, сидит он вовсе не на скамье, а в специальном кресле. Молчит потому, что собирается с духом, чтобы признаться в том, что я уже знаю. И угрюмость понятна – это я обо всем узнала буквально вчера, а Тогрис под прессингом несправедливых высказываний уже несколько недель находится. Причем свалились они на него, едва он в себя пришел после ранения. Тем и объясняется пессимистичный настрой мужчины. Но все равно он мне не нравится.

А раз не нравится, значит... Значит, будем исправлять!

– Я действительно стала привлекательнее? – начинаю издалека. Вернее, с той единственной точки опоры, что имеется в моем распоряжении. Ведь кроме фразы «вы изумительно выглядите, фисса Идилинна» Тогрис мне пока ничего не сказал. Да и я не считала нужным болтать при телохранителе, который катил кресло с томлинцем от выезда на смотровую площадку, где мы встретились, до скамьи. Зато теперь, когда военный ушел, оставив нас наедине, молчать я не собираюсь.

– Действительно, – выдержав пусть небольшую, но все же паузу, отвечает Тогрис. – Боюсь даже представлять, в какую красавицу превратитесь к своему совершеннолетию.

Комплимент? Да. Но тон... Все тот же депрессивный. И в глазах тоска. Словно мужчина заранее знает, что ему моя красота не достанется. А вот я уверена в обратном.

– Может, и к лучшему, что не представляете. Значит, я вас приятно удивлю. Вам ведь наверняка снова долго придется отсутствовать: лечиться, на своей планете побывать, чтобы способности не снизились. Да и вникать в дела империи тоже нужно. А когда прилетите, получите приятный сюрприз!

– Идилинна, мы с вами... – начинает томлинец, видимо все же решившись, но я его перебиваю, не позволяя все испортить.

– Мы с вами будем самой счастливой парой! – восклицаю, может, и излишне экзальтированно, зато результативно. Тогрис давится словами, посмотрев на меня как-то странно. Печально. И с горечью.

Это он меня жалеет? Или себя? Впрочем, не важно. Он вообще не должен подобных чувств испытывать! Иначе плохой из него получится император.

– Ферт Тогрис... – Я сдвигаюсь по скамье ближе к нему. И тон выбираю более спокойный, рассудительный. Эмоции эмоциями, а томлинцу определенно не хватает уверенности в своих силах. – Знаете, какая мысль мне в голову пришла? Я пока папе не говорила, хотела сюрприз сделать, но теперь, думаю, правильнее будет поделиться ею с вами. Чтобы именно вы могли ее реализовать.

Цу'лЗар по-прежнему молчит, но взгляд изменился – в нем появилось ожидание, и брови вопросительно поползли вверх, выдавая возникшую заинтересованность.

– Вы ведь играете в «Ривус»?

Спрашиваю почти утвердительно, зная, насколько эта игра-стратегия популярна. Сложно найти мужчину, который не умеет или не любит в нее играть. Женщины тоже увлекаются, но не все и не всегда. Я, например, совершенно спокойно к ней отношусь, без особого энтузиазма, хотя и знакома с правилами. Мне больше нравится смотреть, как играет отец со своими министрами. И, конечно, выигрывает.

– Так вот, – продолжаю, когда томлинец кивает. – Как вы смотрите на то, чтобы создать игровое поле, моделирующее последний бой имперской эскадры с объединенным флотом фузойлийцев и адерианцев? И внести в правила, что выигравший сражение иным способом, нежели это произошло в реальности, и потерявший при этом меньшее число кораблей, получит весомую награду лично из рук императора? Папа согласится, я с ним поговорю, а это поле станет самой популярной стратегической эмуляцией в империи! А возможно, и в неприсоединившихся мирах.

– Но ведь иного способа победить, не понеся еще больших потерь, не существует, – напрягается Тогрис. Он явно не понял смысла моего предложения, потому я радостно сообщаю:

– Вот именно! А раз такого способа нет, значит, вы – самый умный и дальновидный стратег в империи!

И достойный будущий император – добавляю про себя. Ведь поскольку иные комбинации проигрышные, игроки быстро поймут, что командующий действовал верно и в нападках на него нет ничего, кроме попыток очернить. А уж в том, что попробуют свои силы все, можно даже не сомневаться. Азарт сделает свое дело.

Представляю, как мудрый Хэйрас Навин ли'Тон снисходительно, с апломбом скажет уже успевшему потерпеть поражение в игре силачу Рому Олиин ош'Лаку: «Смотри, как надо!» Сядет за стол с «Ривусом» и... с треском проиграет. А вокруг – те самые репортеры, что так рьяно подхватывают любую сенсацию. И новый взрыв в новостной ленте: «Наследница выбрала идеального кандидата на пост императора!» Шикарная картинка!

Не знаю, может, Тогрису на ум пришла какая-нибудь другая, но он тоже улыбнулся. Еще неуверенно, робко, но ведь пять минут назад даже об этом можно было лишь мечтать.

– А тот, кто откажется проверять свои силы, тем самым признает себя некомпетентным, – закрепляю результат. И перехожу к следующему этапу, словно спохватываясь: – Тогрис! Вы ведь согласились на имплантацию?

– Да. – Теперь и голос звучит спокойнее, увереннее. – Правда, для этого мне придется несколько месяцев провести на Шеноре. Врачи настаивают на длительной реабилитации.

– Ничего страшного, – успокаиваю его. – Наоборот, это опять же к лучшему. Совместите лечение с разработкой игрового поля. К окончанию реабилитации и «Ривус» пополнится новой стратегической эмуляцией, и вы думать забудете, что в вас есть что-то искусственное. Шенориане по части срачивания неживого и живого настоящие профессионалы. Они же часто травмируются, потому как и характер у них воинственный, и условия на планете экстремальные. Вот и отшлифовали технологию восстановления тела до совершенства. Мама рассказывала, что у ее отца, моего дедушки, был искусственный позвоночник. А его министры все как один имели протезированные руки-ноги... Хорошо хоть не головы!

Наконец-то засмеялся. Успокоился, воспрянул духом, расслабился. Вот что значит правильно оказанная поддержка! И раз уж с задачей номер один я так успешно справилась, не откладывая перейду ко второй.

Поправив юбку, сдвигаюсь, оказываясь на самом краю скамьи.

– Вы упадете, фисса, – покосившись на меня, предупреждает Тогрис.

Он все еще улыбается, оттого и слова звучат отнюдь не наставительно. Хотя мне, разумеется, куда приятнее думать, что это потому, что он ко мне равнодушен. Ну а если все же еще нет... Пять лет назад, будучи нескладной девчонкой-подростком, я ему нравилась. Неплохой старт. И чтобы к финишу – моему совершеннолетию – томлинец пришел влюбленным мужчиной, мне нужно сокращать расстояние. То есть быть к нему как можно ближе. И не только психологически.

– Действительно, – с неудовольствием смотрю на разделяющее нас пространство.

Небольшое, куда меньше вытянутой руки, оно кажется мне безобразно огромным. Потому нестерпимо хочется высказаться в адрес телохранителя, который поставил кресло так далеко, что Тогрис не в состоянии проявить галантность и меня поддержать.

Придется самой падать в нужном направлении. И делать это лучше из положения стоя.

Привычно, а потому ловко выбиваю ногой камушек из дорожки. Останавливается он у самых ног томлинца, закрытых плотным теплым пледом. Я спрыгиваю со скамьи, чтобы добытый снаряд подобрать. Замах и... И разумеется, в вертикальном положении я не удерживаюсь.

Нога соскользнула. Голова закружилась. Воздуха не хватило... Да мало ли какая причина лишила меня равновесия! Главное – результат. А он-то как раз мне очень даже нравится: я наконец оказываюсь там, где мечтала, – в руках мужчины и на его коленях. А еще больше мне нравится изумление, сверкнувшее во взгляде моего спасителя. И его хриплое:

– Идилинна...

– Что? – прикусываю губу, чтобы рот не растянулся до ушей от острых волн удовольствия, прокатывающихся по телу. – Вам неудобно? – Оплетаю руками его шею, с наслаждением скользнув ладонями по коротким волосам на затылке. Прижимаюсь к

широкой груди и интересуюсь: – Так лучше?

– Я не об этом. – Тогрис зажмуривается и определенно дышит через раз, гася то самое влечение, что сейчас должен испытывать его организм. По крайней мере, я на это надеюсь.

– О чем тогда? – ласково массирую пальцами его шею.

– Вы уверены в том, что делаете? – распахивая глаза, отрывисто спрашивает, словно в воду бросается суженый. – Действительно этого хотите? Я же на грани. Все это время сдерживало меня лишь разделяющее нас расстояние и страх влюбиться в вас, а потом потерять. Но если я полюблю по-настоящему... – Он шумно сглатывает, борясь с эмоциями. – Поймите, тогда я уже не смогу хладнокровно с вами переспать, чтобы убрать возникшую у вас привязку, если вы все же передумаете и выберете другого жениха. Вы разобьете мне сердце... Вы убьете меня, Идилинна.

Его слова окутываются зовом нежности, сворачиваются в спираль неведомого мне ранее наслаждения столь желанной близостью, затягивают в водоворот ласкового притяжения. Оттого и говорю уверенно, ни на мгновение не усомнившись в принятом решении:

– Мне не нужен никто другой.

– Это говорит ваше тело, а не разум, – вздыхает упрямец.

– Ну да, – подтверждаю, точно зная, что мои попытки его переубедить будут менее результативными, нежели следование логике, направление которой он сам задал. Я не раз в этом убеждалась – мужчины никогда не примут открытое противостояние женщины. – Но ведь вы прекрасно знаете способ все изменить.

– До свадебного танца еще пять лет, – напоминает Тогрис.

– До свадебного танца я и не посмотрю ни на кого другого. Мне привязка не позволит, – улыбаюсь, заглядывая в темную глубину оранжевых глаз. – Может, вы меня уже обнимете? А то я соскальзываю.

Демонстративно ерзаю, усаживаясь удобнее, и наконец получаю больше, нежели простую поддержку: руки мужчины оплетают мою талию, практически вжимая боком в напряженный корпус.

Облегчая контакт, я опускаю голову ему на плечо и радуюсь отсутствию плотного мундира, которому томлинец предпочел теплый, но тонкий свитер. Потому и ощущения мои куда более явные, контрастные. Подъем и опускание груди вслед за дыханием. Негромкий стук сердца. Непривычный запах медикаментов, миоцы и еще чего-то незнакомого, от которого кожа покрывается мурашками.

– Вам холодно? – беспокоится Тогрис.

Он не видит моего лица, но и разжимать рук, чтобы меня отстранить, не хочет. Потому голос звучит над виском, дыхание шевелит волосы и щекочет. Однако все, что усиливает притяжение, меня сейчас более чем устраивает.

– Нет, это у меня на вас такая реакция, – хихикнув, признаюсь и спохватываюсь: – А разве у вас это первый опыт? Я имею в виду формирование влечения у девушки? Или раньше все происходило само собой и вы никогда активного участия в этом не принимали? Вам только сбивать спонтанно возникшие привязки приходилось?

– Кр-хгм... – Из горла мужчины вырывается такой своеобразный звук, что я не удерживаюсь и, пусть на пару секунд, но жертвую ощущениями ради информации. То есть отрываю голову от груди, чтобы увидеть выражение лица.

Ошалевшее, надо признать. От моей прямолинейности, надо полагать. И бесцеремонности, надо думать.

Вот только меня эта тема на самом деле ничуть не смущает. Я же понимаю, что мужчина он взрослый и в отличие от моего брата причин блюсти целибат не имел точно.

– Если не хотите, можете не отвечать, – разрешаю, возвращая голову на место.

– Дело не в сложности признания для меня, – наконец обретает способность говорить Тогрис, – а в том, будет ли вам приятно его слышать. Ваше любопытство, учитывая возраст, понятно и объяснимо, но о последствиях вы вряд ли задумываетесь.

– Не вижу в этом проблемы, – в очередной раз с ним не соглашаюсь, однако решаю на этот раз проявить строптивость. Мне интересно, как он отреагирует. – Ревновать вас глупо, учитывая ваш возраст, – возвращаю томлинцу его же слова. – Так что я совершенно спокойно отнесусь к любому количеству влюбленных девушек, от настойчивого внимания которых вы предпочли отказаться.

И все же вместо признания Тогрис предпочитает уйти от ответа, сделав мне очередной комплимент:

– Вы удивительная, Идилинна. Я с каждой минутой все больше убеждаюсь в том, насколько сильно мне повезло, что вы меня выбрали.

Приятно, конечно, но все же хотелось бы иного. Ну да ладно, успею еще выяснить. Не в этот раз, так в следующий. Найду способ. А пока придется найти более безобидную тему для разговора.

– Тогрис, расскажите мне о вашей семье. Я вам много говорила о своей, а о вашей имею только официальные сведения. Это нечестно!

– На самом деле мне нечем вас удивить, – сокрушается томлинец. – Вряд ли я скажу что-то вам неизвестное. Мой отец правит Томлином уже шестой десяток лет, после смерти деда. У меня пять сестер: три старшие и две младшие. Четверо из них имеют семью. Мужа самой старшей, Даграны, вы как раз видели сегодня – его зовут Рил, он мой телохранитель.

Насчет «вряд ли» он точно погорячился. О личности сопровождающего принца томлинца я ничего не знала. А вот о сестрах в новостях писали много. Все же пусть они и не имеют права наследования престола, но родились в королевской династии с сильными расовыми признаками. Ну а то, что их так много... Так ведь в большинстве миров империи перевес рождаемости девочек – стандартное явление. Особенно на планетах, где площадь суши намного больше по сравнению с водными просторами. Найти объяснение этой закономерности пока никто не может, но на Томлине как раз воды очень мало.

– Королевский замок построен в очень удачном месте, – между тем продолжает рассказывать Тогрис, – на плато, открытом ветрам всех направлений. С него краги взлетают увереннее, чем с песчаной низменности. Сейчас, конечно, это уже не столь важно – после вступления в состав Объединенных территорий мы импортируем много техники. А вот раньше, когда краги были единственным средством передвижения, да еще и не самым многочисленным, их наличие имело принципиальное значение. Теперь же они остались как приятное развлечение и память о прошлом, о нашей истории. На них летает только элита.

– А у нас все летают на жиралях. И на агральных плавают, это еще один подвид птиц-ралей. Они все очень похожи внешне, только ногами различаются, ну и, соответственно, способом передвижения, – не удерживаюсь я, почувствовав, что мой собеседник готов замолчать. – Тогрис, знаете, что я подумала? Вы ведь никогда не плавали по большим открытым водным просторам. Давайте завтра устроим морскую прогулку? Вам будет весело, обещаю!

Я отстраняюсь, чтобы увидеть на лице Тогриса радость и воодушевление, ведь предложение на самом деле замечательное. Однако вместо этого в глазах томлинца ясно читаю смятение. Ему и отказывать мне не хочется, и соглашаться тоже... Но почему?

Наверняка мимика у меня в этот момент очень выразительная – цу'лЗар вздыхает и признается:

– Идилинна, я не хочу, чтобы вы видели меня... ущербным. Беспомощным. Мне ведь самостоятельно даже не перебраться с кресла на эту самую аграль. Вернее, я смогу,

конечно, ползти, но выглядеть это будет... неэстетично.

– Я понимаю, вы правы, – признаю, мысленно укоряя себя за то, что не подумала о его самолюбии. Для мужчины, особенно привыкшего быть сильным, показаться слабым – настоящее унижение. – Но прогулка все равно состоится, когда вернетесь на Вион здоровым и на своих ногах. Договорились?

– Договорились, – соглашается Тогрис.

Легко соглашается. Уверенно. Значит, взял себя в руки, успокоился, обрел потерянную уверенность относительно будущего. Отличный результат! Мне очень нравится итог нашей встречи... Нет, свидания! Именно так, потому что я все же получила самое главное – понимание, насколько мне рядом с томлинцем хорошо. Приятно, когда его руки не слишком смело, с невероятным трепетом касаются открытых участков кожи, а потом столь же осторожно помогают встать. Радостно от счастья, с которым на меня смотрят оранжевые глаза. Волнующе-тревожно в преддверии завтрашнего дня, ведь прежде чем вернуться со своим телохранителем Рилом в гостевые покои дворца, оставив меня на попечении фрейлины и брата, Тогрис пообещал мне сюрприз.

Теперь я жду его с огромным нетерпением. Что же это будет?

Если в жизни повод яркий, должен ты дарить...

Подарки.

– Идилинна, вам все подходит. Белое хорошо гармонирует с синими волосами, потому как на нем отделка им в тон. Голубое за счет фактуры ткани делает вас очень нежной и невесомой. Темно-синее более плотное, зато хорошо подчеркивает светлый тон кожи...

– Вария! Ты мне совсем не помогаешь! Я все это и так знаю! Мне нужен другой совет. Что понравится Тогрису? – тоскливо тяну, закатывая глаза к мозаике на потолке. Хорошо освещенной, потому что Адапи уже давно встало и даже неуклонно ползет к зениту. А я еще платье не выбрала!

– Но ведь я незнакома со вкусами вашего избранника, – виновато извиняется фрейлина. – И мне трудно предсказать...

Закончить не успевает. Обрывая ее, со спины раздается громкий голос моей мамы:

– Зато я знаю, кто знаком и кому будет совсем не трудно!

Я в отражении зеркала вижу, как она стремительно заходит в комнату. Миниатюрная, привычно уверенная в себе, одетая в ярко-желтое платье в пол, юбка и корсаж которого украшены вышивкой синим растительным орнаментом – этакий компромисс между предпочтениями моего отца и личными симпатиями мамы.

А вот следом за ней появляется еще одна личность, мне незнакомая и очень необычная. Потому я оборачиваюсь не менее быстро и теперь с любопытством рассматриваю молодую девушку, вероятнее всего, мою ровесницу.

Она даже роста со мной одинакового и телосложения похожего, разве что лицо более круглое. Однако вполне симпатичное. Взгляд светло-оранжевых глаз доброжелательный, изгиб полных губ красивый, я бы даже сказала чувственный, носик чуть вздернутый. Песочного цвета коса, перекинута через плечо на грудь – толстая, с вплетенной в нее атласной желто-зеленой лентой. На платье, кстати, такого же цвета и фактуры вставки, придающие скромному темно-серому наряду более свежий и нарядный вид.

– Знакомьтесь, девочки, – мама времени даром не теряет, – это Рильмина. Она – томлинка, как нетрудно догадаться. Мало того, очень хорошо знакома с цу'лЗаром, потому что... – Она многозначительно замолкает и выразительно смотрит на свою протеже, показывая, что та может продолжить сама.

– Потому что мой брат женат на его старшей сестре.

Голос у девушки тоже приятный. Не такой мягкий и певучий, как у Вари, а звонкий, уверенный. Чувствуется, что по характеру томлинка побойчее вионки. Контраст между ними разительный.

– Вашего брата зовут Рил? – В памяти моментально всплывают детали вчерашнего разговора. Да и имя у девушки явно перекликается с именем телохранителя Тогриса.

– Верно, – улыбается Рильмина. На щеках появляются очаровательные ямочки, а в глазах задорный блеск. – Это была прихоть родителей – назвать всех своих детей так, чтобы первые сочетания букв были одинаковыми. У меня есть еще одна старшая сестра Рилиона и младший брат Рилан.

– Как интересно, – тоже не удерживаюсь от улыбки. Новая знакомая мне нравится своей непосредственностью и, наверное, тем, что многое знает о Тогрисе. Ну не может она, состоящая пусть и не в кровном, но все же родстве, да еще и с таким темпераментом, не интересоваться жизнью принца – будущего короля и императора.

– Мы с папой посовещались, – вновь вмешивается родительница, – и решили, что Рильмина замечательно подходит на должность твоей второй фрейлины. С ее родственниками мы договорились. Она будет готовить тебя к жизни на Томлине. Надеюсь, Идилинна, ты это оценишь.

Ну вот. Мама все же добила своего. А ведь я все эти годы старательно гасила ее порывы снабдить меня второй наперсницей. Да, мама чуть ли не каждый месяц вспоминала, что Вария со своими обязанностями не справляется. И все равно я сумела сохранить за подругой право быть единственной приближенной.

С другой стороны, это любую другую вионку я воспринимала как угрозу нашей паре – дружной и понимающей друг друга с полуслова, а томлинка, вполне вероятно, будет хорошим дополнением. И главным образом из-за своей осведомленности и живости. Последнего мне в Вари очень не хватает.

Надо отдать Рильмине должное – к своим обязанностям она приступает сразу. Причем настолько качественно, что, когда я вхожу в парадный зал для торжественных встреч, сидящий в кресле Тогрис, едва взглянув на меня, теряет дар речи. Он даже на вопрос моего отца, который тот как раз задал, не смог ответить, лишь растерянно приоткрыл рот. Папа, кстати, тоже замер и про разговор забыл. На его губах появилась слабая улыбка, а взгляд скользнул на маму, которая, несомненно довольная реакцией будущего жениха, одобрительно улыбнулась.

Мне тоже нравится произведенный эффект. Честно говоря, даже не думала, что именно это платье так понравится томлинцу. Сине-зеленое, лишь немного светлее костюма, который выбрал для себя мужчина. Получается, Рильмина знала, как сегодня одет Тогрис? Вероятнее всего, просто видела. Потому что прибыла во дворец в составе томлинской делегации, а ко мне пришла, когда официальная часть встречи действующего и будущего императоров уже начиналась.

С моим появлением церемония завершилась, именно поэтому приглашенные на прием гости незаметно начали покидать зал. Остались немногие приближенные: вице-король, пять министров, их жены, несколько молодых вионцев и девушек.

От невольного вздоха я не удерживаюсь. Как и от сочувственного взгляда в сторону опустившей глаза в пол Вари. Ну да, Ларилина тоже среди гостей. Мало того, она еще и под руку с Ваймоном стоит. Улыбается, что-то ему рассказывает...

Брат недовольства не выказывает, но и счастьем не светится. Он все эти годы соблюдал нейтралитет по отношению к обеим девушкам. Не провоцировал, но и не отталкивал. И о своих чувствах ни словом не обмолвился. Мне тоже пришлось молчать. Любовь брата это не моя тайна, не имею я права ее разглашать. Даже подруге.

– Идилинна! Подойди же к нам. Или ты так и будешь стоять у дверей?

Голос отца заставляет вспомнить о цели визита, и я тут же забываю о брате. У меня свои проблемы, а он пусть занимается своими.

К сидящему в кресле Тогрису ноги меня несут быстрее, чем голова успевает вспомнить,

что сначала я все же должна приветствовать отца. Спыхватываюсь совсем поздно, когда руки столь же бесконтрольно протягиваются к томлинцу.

Однако папа от нотации воздерживается. Хмыкает, понимающе усмехается и только машет рукой. Типа общайтесь, я не против.

Легкое, практически целомудренное пожатие пальцев быстро превращается в тесный плен, из которого мне совсем не хочется убегать. Я даже не сразу понимаю, что Тогрис тянет меня вниз, вынуждая сесть с ним рядом на невесть откуда взявшееся кресло.

– Вы ведь не передумали? – одними губами, едва слышно спрашивает. А во взгляде волнение, готовность принять любое решение, отступить.

– Нет, конечно, – серьезно отвечаю, хотя рот так и норовит растянуться в улыбке. Какой же Тогрис милый! Даже эта неуверенность характеризует его с лучшей стороны – он ведь о моем счастье думает!

– Через три недели у меня день рождения, – воодушевленный моим постоянством, теперь уже намного громче говорит томлинец. – Но, поскольку в это время меня уже не будет на Вионе, я хочу сделать вам подарок сейчас.

Ах, так вот о каком сюрпризе он говорил!

Я едва не подпрыгиваю от нетерпения в ожидании, когда еще один томлинец, видимо, помощник, которому Тогрис выразительно махнул рукой, принесет мне украшенную шкатулку. Или коробку. Или контейнер... Хм... Я ведь на самом деле понять не могу, что это за предмет. Для украшений великоват, для какой-нибудь одежды определенно мал, для хранения личных мелочей излишне броский, а для учебных предметов и техники он просто неудобен.

Стараясь не выдать своего недоумения, осторожно снимаю украшенную замысловатой вязью и сверкающей инкрустацией крышку. Заглянув внутрь, теряюсь окончательно: практически весь объем занимает желто-коричневый... кусок камня, не иначе. Грубо обработанный, шероховатый, неровный. И наверняка очень тяжелый. Вон с каким трудом томлинец поставил его на торопливо придвинутый кем-то столик.

Может... Может, это для броска в воду? Такой камушек точно большую воронку создаст. Разумеется, при условии, что кое-кому сил хватит отбросить его подальше от берега.

– Это яйцо крага, – разрушает все мои домыслы Тогрис. – Если он вылупится и будет расти рядом с вами, то станет послушным и управляемым. Эти ящеры привязываются к одному седоку и очень неохотно принимают чужаков, так что вам нужен личный краг. Я понимаю, на Вионе громоздкий питомец – не самый удачный вариант. Но они долго растут. Через пять лет этот малыш будет еще некрупной особью. Хотя двоих, а то и троих поднять в воздух сможет. А после свадьбы он вместе с нами полетит на Томлин.

– Как здорово! – восторженно откликаюсь я, осторожно укладывая ладони на шершавую поверхность. На удивление теплую и живую. По ощущениям она даже подрагивает, хотя внешне этого совсем не видно. – А как за ним ухаживать? Чем кормить? Расскажите? – спыхватываюсь, сообразив, что, кроме названия, по сути, ничего об этих животных не знаю.

– Вам не о чем волноваться, Идилинна, – успокаивает Тогрис. – И мои советы вряд ли понадобятся. В вашем окружении есть тот, кто прекрасно знает, как растить крага, и поможет в дрессировке.

Мои пальцы вновь оказываются в сильных ладонях. На этот раз мужчина сам проявляет инициативу и это поднимает в душе новую волну нежности. Как же приятно чувствовать, что ты желанна! Я даже на последнюю фразу не сразу внимание обращаю, а когда рядом почему-то оказывается Рильмина, смотрю на нее с недоумением. Фрейлину я к себе не звала.

И лишь когда Тогрис продолжает, меня осеняет, кого же он имел в виду.

– Моя протеже – одна из лучших наездниц. Она со всем справится и воспитает для вас отличного крага.

Протеже?

Я хлопаю глазами, растерянно переводя взгляд с лица избранника на новую наперсницу и обратно. На губах Тогриса легкая покровительственная полуулыбка, выражение глаз спокойное, мягкое. Томлинка же улыбается широко и смотрит на него заодно, мне даже на мгновение показалось с вызовом. Впрочем, нет, наверное, я ошиблась. Это больше похоже на предвкушение и азарт. Она рада новой должности и готова доказать, что с легкостью выполнит возложенные на нее обязанности.

– От лица нашей семьи позвольте выразить вам благодарность за честь, оказанную моей сестре, – отвлекает меня от изучения незнакомый мужской голос.

Я вынужденно сосредотачиваю внимание на стоящем слева телохранителе Тогриса. Теперь, зная о нем куда больше, смотрю на него иначе. На свою сестру он очень похож. Такой же круглолицый, с песочного цвета волосами, заплетенными в короткую косичку. Разве что бледно-оранжевые глаза смотрят серьезно и озабоченно.

Его что-то волнует? Может, он не так уж сильно хотел, чтобы сестра улетала с Томлина? Почему?

– Пять лет, которые Рильмине предстоит жить на Вионе, – долгий срок. За это время ее расовые способности угаснут. И восстановятся не скоро, – высказываю догадку, о которой в суматохе подготовки к встрече даже не задумалась. – Ваша сестра идет на риск, и это заслуживает высокой оценки и благодарности.

– Для нашей семьи нет ничего превыше служения своей династии и империи. И ваше благополучие важнее способностей Рильмины.

Говорит Рил уверенно, не чувствуется в его голосе колебаний или сомнений. Значит, мое предположение все же неверно и причина иная. Но какая?

Теперь я еще внимательнее наблюдаю за своим окружением, стараясь ничего не упустить и получить максимум информации. Завтра ни Тогриса, ни Рила здесь уже не будет, поэтому довольствоваться придется исключительно признаниями Рильмины. Уж я постараюсь добиться от нее откровенности. А пока... Пока ловлю каждое слово, каждый жест, которые позволяют себе мои собеседники.

– Мне обещали ошейник, то есть украшение из томлитонита. Он прекрасно компенсирует отсутствие способностей. Я на пару с молодым крагом буду щеголять в «кольце».

Язвит девочка. То ли брата провоцирует, то ли своего покровителя.

Все же Тогриса, потому что, отвечая, именно он недовольно морщится, словно от зубной боли.

– Прекрати, Рильмина. Хватит сравнивать себя с животным.

– Помогая Идилинне, ты приносишь пользу всему Томлину, – добавляет Рил, и понятно становится, что он как раз на стороне принца.

– С меня было бы достаточно пользы, которую я хотела принести одному томлинцу, – фыркает Рильмина. – Увы, он ее не оценил.

Упрек? Упрек. Вопрос: кого же под этим самым «томлинцем» она имеет в виду?

Тогрис равнодушно смотрит на свою протеже и молчит, а вот его телохранитель сестру отчитывает:

– Ты прекрасно сознавала последствия своего решения. Поздно показывать характер.

– Сама разберусь. Ладно хоть поводок не выдали. И намордник не надели.

Резко. Грубо. Видимо, довели девочку. Хорошо, что мои родители этого не слышат, они у затянутого трипслатом прозрачного проема с вице-королем и его женой беседуют. А вот Тогрис определенно сердится.

- Вы заставляете меня жалеть о проявленной по отношению к вам лояльности, фисса Рильмина!

Голос суровый, жесткий, со мной он так никогда не разговаривал. И, кстати, на официальное обращение перешел, устанавливая дистанцию, которой раньше в их отношениях точно не было.

Удивительно и другое – агрессивный запал томлинки тут же исчезает. Она пугается, понимая, что перешла какую-то черту. Опускает глаза в пол и тихо извиняется:

- Простите, ферт. Это все переживания из-за разлуки с семьей, домом. Я буду очень скучать... по Томлину.

Кажется, Тогриса ее ответ не совсем устраивает, особенно заминка перед последним словом, но на этом конфликт он считает исчерпанным. Кивает Рилу, позволяя отступить, и взмахом руки отправляет фрейлину к диванчику у стены, на котором скромно присела Вария.

- Идилинна, надеюсь, вас не сильно расстроила эта некрасивая сцена? Рильмина замечательная девушка, надежная, умная, образованная, из хорошей, уважаемой на Томлине семьи. Да, не всегда думает, прежде чем говорит, но потом ей самой становится стыдно за свою несдержанность.

Моей ладони нежно касаются пальцы мужчины, и я наконец прекращаю изучать неспешно удаляющуюся девичью фигурку, возвращаясь взглядом к принцу. В его глазах снова лишь забота и волнение, а голос настолько обволакивающе мягкий и уютный, что мне, невзирая на присутствие свидетелей, хочется, как вчера на смотровой площадке, пересест к нему на колени и оказаться ближе. И все же я остаюсь на месте. Лишь протягиваю томлинцу и вторую руку, показывая, что уж на этот контакт сегодня он точно может рассчитывать в полной мере.

- Я доверяю вашему выбору, ферт Тогрис. Вы несомненно действуете в моих интересах. И в интересах империи.

А что еще я должна была сказать? Укорять принца в том, что он навязал мне девицу, не соблюдающую правил субординации? Ссориться перед расставанием, а потом долгие месяцы, а то и годы мучиться? Проще уж сделать вид, что меня все устраивает, и найти общий язык с Рильминой. В конце концов, она ведь не моя нянька. И даже не наставница по этикету. Всего лишь компаньонка и воспитатель крага. Вот кому-кому, а ящери до деликатности обращения точно не будет никакого дела. Боюсь, как бы, наоборот, не пригодилась резкость томлинки. Какое-то у меня нехорошее предчувствие, что другого тона краг просто не воспримет...

Всех покоряет вновь и вновь большое чувство с именем...

Любовь.

- Драк! Ты... Ты безмозглая скотина! Ты вообще в курсе, сколько за свои несчастные полгода жизни сожрал жиралей? Хотя бы чередовал их с агралами! Ах, ну да! В гидрариуме же мокро! Туда твоя благородная сухая шкура лезть не намерена!

Рильмина, задышавшись от возмущения, читает нотацию крагу, который при нашем появлении прекратил жевать и прижался к земле, делая вид, что его тут нет. Увы, пытаться слиться с зеленой травой для ящера песочного цвета занятие бессмысленное. Наверное, поэтому малыша не хватает надолго. Он фыркает, встряхивает шипастой головой, избавляясь от перьев, прилипших к мордочке, и, наступив лапой на изодранное тельце, вновь принимается за пиршество. Возможно, он просто понял, что, кроме выговора, никакого наказания не получит?

Ему ведь не впервой в азрариум наведываться. Причем он постоянно изобретает новые пути проникновения, и попытки изолировать жиралей оказываются бессмысленными. Первый раз банально прошмыгнул незамеченным между ног зрителей, когда те закрывали загон на ночь. Утром шесть тушек лежали бездыханными – съесть Драк успел лишь одну, и то частично, потому как сытый был. Его ведь кормят до отвала.

Естественно, после этого следить за дверьми стали тщательнее. Не помогло. Краг подкоп сделал. Потом еще один, в другом месте. Когда нижнюю часть загона углубили, забрался по вьюнам, оплетающим стены, и влез в оконный проем под крышей. Пришлось и этот путь закрывать решетками.

Преграда не остановила охотничий азарт крага, который вошел во вкус. Он как раз летать начал и самым наглым образом при свете дня и на глазах у всех завис над крышей, а потом всей массой (которая, несмотря на небольшой размер, была не так уж мала) рухнул вниз. Перекрытие, само собой, не выдержало, в отличие от шкуры крага, на которой не осталось ни царапины. О сохранности не успевших взлететь жиралей можно ничего не говорить. Как и о том, что из моей спальни Драк, которого пришлось там поселить, чтобы он ко мне привык, исчезает не менее изобретательно. Вот вчера, например, когда мы спать ложились, ящер безмятежно сопел в своем углу. При этом утром его там не оказалось, несмотря на закрытые двери и окна. Как он выбрался, осталось загадкой. Впрочем, пока невыясненным был и способ, которым Драк проник в аэриум. На первый взгляд никаких разрушений в нем нет.

Недоумение наше длится недолго.

– Конвейерная труба для подачи корма, – вздыхает остановившийся рядом смотритель загона. – Он в нее как-то втиснулся. Похоже, всю ночь лез. А защитную решетку своей массой выдавил. Придется и ее укреплять.

– Если он будет есть с таким аппетитом, то не придется. В следующий раз он там застрянет, – рассудительно замечает Вария.

– Хорошо бы понять, почему его к жиралам так тянет, – подхватывает Ваймон.

– У него к ним любовь. Неистребимая, – хмыкает Рильмина.

– Но ведь ты говорила, что на Томлине никаких других животных нет. И краги питаются, обкусывая мясистые плоды растений. Откуда тогда такой сильный охотничий инстинкт? – не выдерживаю я.

– Понятия не имею, – пожимает плечами томлинка. – Может, когда-то давно животные были? И краги их всех пожрали? А потом вынужденно на другую пищу перешли.

М-да... Хорошо что не на самих томлинцев. Похоже, двуногих наездников краги рассматривают как несъедобных. По крайней мере, Драк никого из нас ни разу не попытался укусить даже играючи.

– Ну и что нам делать? – в который раз пытается найти решение Ваймон. – Может, все же на цепь посадим?

– И все испортим, – уверенно отвечает Рильмина. – Краги больше всего на свете личную свободу ценят. Закрытые помещения еще переносят, если рядом с ними будущий наездник, а в остальном... Стоит один раз его ограничить, и все. Больше никого к себе не подпустит. Никогда.

Несколько минут мы молча смотрим, как Драк, жмурясь от удовольствия, с аппетитом глотает мясо и шевелит толстым у основания, коротким хвостом, покрытым роговыми пластинами. А потом умиротворенно отпрыгивает, переступая коротенькими ножками. Смотрит на нас ярко-желтыми глазами с узким вертикальным зрачком, останавливает взгляд на мне, издает совершенно милое «ур-р-р» и уверенно подходит, чтобы... Ну да – вытереть свою наглую, перепачканную в крови и перьях мордочку о мою юбку. И решительно улечься в траву... Спать. Устал от непосильных трудов, видимо.

– Ольс, – я разворачиваюсь к смотрителю, – пожалуйста, отнесите Драка в мои покои. А я к папе пойду. Попробую уговорить его временно отправить большую часть жиралей в Вагдрибор. Легче будет следить за сохранностью оставшихся.

– Вам сменить платье нужно, – мягко напоминает Вария.

– Непременно, – соглашаюсь, кивая фрейлинам. – Идемте.

– Подожди, Идилинна, – останавливает меня Ваймон. – Тебе же достаточно помощи

одной Рильмины? Мне с Варией нужно поговорить.

Вот как? Интересно, о чем? И почему так срочно?

Вспоминаю, что брат утром сам заглянул к нам в спальню, чего раньше никогда не делал. Наверное, как раз и хотел попросить о личной беседе. Вот только исчезновение Драка нас отвлекло. Ну а в том, что наперсница не в курсе, я даже не сомневаюсь – на ее лице удивление не меньшее, чем у меня. Впрочем, причин для отказа я не вижу, поэтому разрешаю:

– Хорошо. Идем, Рильмина.

Томлинка, в глазах которой светится неприкрытое любопытство, послушно следует за мной, оглядываясь на оставшуюся пару. Однако едва мы оказываемся вне зоны видимости и, соответственно, слышимости, останавливается.

– И что? Вот так просто уйдешь? – несдержанно восклицает она.

– Разумеется. – Мне тоже приходится остановиться. Я за время знакомства с Рильминой уже не раз убедилась, что ее упрямство границ не имеет. И проще выслушать все сразу, чем потом получать отдачу маленькими порциями.

– Разве ты не хочешь узнать, что задумал твой брат?

– Зачем? – пожимаю плечами. – Вария вернется и все нам расскажет.

– А если скроет правду? Или скажет, но не все? – не сдается фрейлина.

– Значит, так нужно. Она в состоянии самостоятельно принимать решения.

– Ладно, – отвечает томлинка тоном, пропитанным несогласием. – Но я бы на твоём месте все же подслушала.

– Это неэтично, – продолжая путь, я отворачиваюсь и стараюсь скрыть улыбку, потому что вспоминаю, как сама однажды именно так поступила. Правда, не совсем по собственной воле.

– Зато информативно, – бурчит Рильмина у меня за спиной.

Я ее не слушаю. Поднимаюсь по лестнице в свою новую комнату. Из маленькой спальни, которую мы столько лет делили с Варией, пришлось переселиться в более просторное помещение, где и столовых хватило на нас всех, и комнат для гигиены. Мне здесь нравится меньше, но, увы, иного варианта нет. Жить отдельно я не могу. Ни из-за фрейлин, ни из-за питомца.

Шагнув на гладкое белоснежное покрытие, первым делом бросаю взгляд в ближайший угол, куда Ольс укладывает ящера, которого нес на руках. Драк спит, свесив лапы и голову. Даже язык высунул. Ему сейчас безразлично, что именно с ним делают, однако он прекрасно чувствует, что вокруг происходит. И тут Рильмина права: если я уйду и дверь закрою... Проблем потом будет выше головы. Кстати, к моему отсутствию при открытых дверях краг относится спокойно. Странное животное.

Вария отсутствует долго. Я успеваю и переодеться, и побывать у отца, и проведать маму, которой врачи, опасаясь за ребенка, посоветовали больше времени проводить в постели. Состояние мамы кажется им не самым благополучным, хоть шел всего второй месяц беременности.

В общем, я уже к себе возвращаюсь, а моя вторая фрейлина все еще гуляет под руку с Ваймоном по дворцовому парку. С открытой террасы-коридора третьего этажа их прекрасно видно. И я, нетерпеливо меряя шагами комнату, даже жалеть начинаю, что не послушала совета Рильмины. О чем так долго можно говорить?

Мое состояние томлинка чувствует. Смешливо фыркает, однако прежде чем успеваю высказаться, я прячусь в столовой. Хватит с меня ее провокаций! А то ведь, не ровен час, действительно рвану в парк, отыскивать возможность подслушать.

В комнату мы с Варией возвращаемся одновременно. Я – сытая и сгорающая от любопытства, она... Она потерянная. И на глазах слезы.

– Что случилось? – пугаюсь, бросаясь к ней и хватая за плечи. – Он тебя обидел?

Фрейлина молчит, избегая смотреть на меня, но головой отрицательно качает. Не обидел. Ладно. Тогда что?

Обняв Варию, усаживаю на свою кровать, которая оказывается ближе всего. Глажу по голове, успокаивая и пытаюсь разобраться в причинах ее состояния. Что, надо честно признать, оказывается сложным делом. Не потому, что она говорить не хочет. Просто каждое слово дается ей с трудом. А уж связанными фразы можно назвать весьма условно. Мне приходится постараться, чтобы сложить из них цельную картину. В итоге получаю следующее: сначала Ваймон пытал Варию на предмет чувств к нему, а потом и сам признался, что любит.

– Я в обморок чуть не упала, – сквозь всхлипы лепечет подруга. – Думала, он просто терпит меня и ждет, когда привязку... можно будет сбить. А он...

Ну, братик, удивил. Что же ты так внезапно разоткровенничался? Неужели Ларилина пошла в наступление? Других причин я не нахожу, скорее наоборот, вчерашний визит вице-короля во дворец становится понятным. И твое мрачное настроение после посещения. Обсуждали свадьбу, по всей видимости.

Правда, все равно непонятно, чем Вария, то есть ее осведомленность, тебе поможет. Против воли родителей ты не пойдешь и стать женой ей не предложишь, а официально признать своей фавориткой не сможешь, пока она несовершеннолетняя... Стоп!

– Что он попросил? – спрашиваю прямо, потому что только в ответе на этот вопрос и может крыться причина состояния девушки.

Фрейлина снова всхлипывает, комкая воздушную ткань юбки, бросает на меня быстрый затравленный взгляд и с не меньшим опасением смотрит на томлинку.

Ясно. Брат затеял какую-то авантюру и потребовал поклясться, что Вария никому не проговорится. Наверняка даже мне.

И все же я не сдамся.

– Рильмина?... – выразительно смотрю на присевшую на диван у окна наперсницу.

– А что я? – изумляется та, округляя глаза. Несколько секунд непонимающе хлопает светлыми ресничками, а когда до нее доходит, в чем причина, обиженно восклицает: – Девочки, ну вы чего? Я ничего никому не скажу! Зачем мне кого-то подставлять? Я и сама в такой же подвешенной ситуации. И честно вам все рассказала. Ничего не скрыла. А ведь это тоже был секрет!

Верно. Рильмина, может, и кажется грубовато-прямолинейной, зато говорит то, что думает. Когда я спросила про привязку к некоему томлинцу и поинтересовалась, уж не к Тогрису ли, она с легкостью это подтвердила. Даже не попыталась уйти от ответа. Хотя, в общем-то, могла и не признаваться – реальных доказательств никаких, лишь косвенные признаки. Мало того, томлинка и своих дальнейших планов не скрыла, совершенно открыто заявив, что ждет не дождется совершеннолетия, чтобы возникшее влечение убрать.

– Я дорадой была, когда, узнав про ранение Тогриса, упростила брата взять меня с собой! – сердито делилась с нами своими мыслями фрейлина. – И если до этого чувствовала к ферту лишь легкую симпатию и заинтересованность, то несколько месяцев, проведенных у его постели, окончательно меня в него влюбили. Теперь сама этому ужасаюсь, знаю же, что он на мне не женится. А я женой быть хочу!

Откровениям я не слишком удивилась. Ожидаемо, да. Потому с легкостью поинтересовалась, не предлагал ли ей Тогрис после совершеннолетия стать его фавориткой.

– Щас, – язвительно хмыкнула в ответ Рильмина. – Принц в этом качестве меня даже не

рассматривает. Никого не рассматривает. Знаешь, сколько у него неофициальных любовниц? Когда мой брат за Даграной ухаживал, мы во дворце некоторое время жили. Так вот, почти каждую ночь в покои Тогриса новая девица наведывалась. Желающих попытать счастья и поймать будущего короля не так уж мало. А он этим пользуется.

Последнюю фразу я пропустила мимо ушей. Во-первых, девочка, даже если осознает, что перспектив никаких, все равно ревнует того, к кому ее тянет. Я вот, например, точно это чувство испытываю. Сдерживаю, контролирую, но... Хотя Тогрис мне и не муж, наличие любовниц все равно неприятно и хочется, чтобы другие женщины держались от него подальше. Так что я вполне допускаю некоторое преувеличение в словах Рильмины относительно количества любовниц и намеренных провокаций со стороны Тогриса с целью образования привязок. Во-вторых, меня бы куда больше оскорбило, vedi себя принц иначе. То есть если бы он отказывал бедняжкам, получившим к нему привязку. Это же жестоко – заставлять их мучиться долгие годы, пока влечение само собой сойдет на нет. Потому и Рильмине я в большей степени сочувствую, чем сержусь на нее. Жалко девочку. Вместо того чтобы добиться взаимности свободного мужчины, она будет вынуждена ждать два года, прежде чем наконец избавится от своего желания с принцем переспать и сможет снова влюбиться.

– Он полагал, что Ларилине все же надоест ждать и она от свадьбы откажется...

Ой! Я увлеклась воспоминаниями и упустила момент, когда Вария решила открыть нам чужую тайну. Потому наостряю уши.

– ...а она не отказывается, – продолжает фрейлина. – И вчера вице-король потребовал назначить дату свадьбы. Причем в обозримом будущем, а не эфемерно далекую.

– С чего такая срочность? – перебивает ее Рильмина.

– Ваймон не уверен, но полагает, что это из-за угасания привязки. Ларилина уже десять лет как совершеннолетняя, а влюбилась-то за год до этого. Наверное, она испугалась, что еще немного и сама уже танцевать не захочет. Вот и заторопилась.

– Ну а ты чем ему поможешь?

Теперь уже я не выдерживаю, потому что фрейлина надолго замолкла, ушла в себя. Мое нетерпение и недоумение понять легко: жена вице-короля (а я уверена, что именно она озаботилась пошатнувшимися перспективами будущего дочери и подтолкнула мужа) умеет прилипнуть крепче, чем ик'лы. Разве что с кожей отодрать получится. Так что у Ваймона никаких шансов не осталось. Тем более мои родители на стороне будущей невесты.

– Я могу подтвердить, что готова после совершеннолетия стать его фавориткой, – тихо признается Вария. – Это даст Ваймону еще два года отсрочки.

Логично. Правильно мыслит братик. Иметь в семье и жену и фаворитку мужчине законы империи позволяют. Но официальная любовница должна появиться до свадьбы, после это уже невозможно. Как невозможно и признать фавориткой девушку, не достигшую половой зрелости.

– А дальше? – округляет глаза Рильмина. – Если это не сработает, ему все равно жениться придется, а ты подобным обещанием себе всю жизнь испортишь. Раз Ваймон признался, что тебя любит, значит, на свадьбе будет и с тобой танцевать тоже. После этого ты навсегда с ним будешь связана. И в его семье останешься. Думаешь, Ларилина станет к тебе хорошо относиться?

– Я люблю его... – вместо ответа всхлипывает Вария, закрывая ладонями лицо.

Понятно. Согласилась.

Томлинка закатывает глаза к потолку, качая головой и беззвучно ругаясь. Мне тоже хочется последовать ее примеру, однако вместо этого я придвигаюсь к подруге и обнимаю ее, в который уже раз принимаясь успокаивать:

– Ты все правильно сделала. До совершеннолетия можешь давать любые обещания, они все равно не будут считаться законными. И никто тебя обязать их выполнить не сможет.

Потом откажешься, скажешь, что передумала...

В последнее мне самой не верится. У Варии чувство долга и ответственности зашкаливает, и если бы Ваймон ее не любил, возможно, ее согласие было бы действительно временной поддержкой. Но он-то любит, а она к этому чувству относится очень серьезно. Знает, что мужчинам влюбиться сложнее. Как и разлюбить. У них влечение на психологическом уровне развивается, а не на банальной физиологии, как у женщин.

У ее отца была такая несчастная любовь до встречи с мамой Варии. Ему не повезло. Он влюбился в девушку, имеющую привязку к другому. А тот ее фавориткой сделал и, когда женился, оставил в своей семье, не отпустил. Отец Варии долго не мог забыть первую возлюбленную. И жениться ему пришлось без любви. Потому и ребенок у них единственный и очень поздний.

– Мне кажется, ты должна Ваймону прямо сейчас сказать, что твое обещание фиктивное и ты не станешь его фавориткой. – Рильмина сводит на нет все мои усилия. Варию сейчас нужно просто поддержать, дать время успокоиться, чтобы могла мыслить разумно – она же на эмоциях. А томлинка своей прямолинейностью лишь усугубила ее состояние.

– Не фиктивное! – возмущенно восклицает вионка. – Стану, если будет нужно! Я его не предаю! И не... не откажусь... – Она снова плачет, упав лицом мне на плечо.

– Как есть дорада... – сердито бурчит Рильмина, откидываясь на спинку дивана.

– А ты не дорада, – напоминаю ей ее же слова.

– Дорада, – соглашается томлинка. – Однако умею разделять то, что хочу здесь, – она кладет ладонь на низ живота, – от того, к чему стремлюсь здесь, – теперь указательный палец другой руки упирается в висок. – Лина, хоть ты ей объясни, что если твой брат поймет, что Вария готова на самом деле остаться с ним на любых условиях, то не будет даже пытаться ситуацию исправить. Ему-то без разницы, кто у него любимая: жена или фаворитка. По-моему, мужчины вообще не понимают, насколько для нас важно быть единственными. Мой брат, узнав о привязке, прямым текстом заявил, что я должна все сделать, чтобы ферт Тогрис от меня не отказался. Я возмутилась, пыталась его убедить, что не согласна быть на вторых ролях, но разве меня кто-нибудь слушал? Потому сюда и отправили, чтобы... – Она зло прищуривается и сердито цедит: – Я их разговор подслушала. Сначала принц отказался обсуждать свои личные дела, но Рил умело нашел нужные аргументы, и ферт пошел на уступку. В общем, они решили, что если мы с тобой подружимся, то Тогрис подумает насчет моего будущего. Совместного с ним, естественно.

Вот это да... Таких нюансов я не знала. Впрочем, откуда мне их знать? Мой суженый улетел на Шенор лечиться, так ничего и не рассказав. Вот и думай теперь – на самом деле он задумался о фаворитке в придачу к жене или просто не захотел портить отношения с мужем сестры?

Разбегается народ, когда крэг идет на...

Взлет.

– Тише, мой хороший, спокойнее. Там нет ничего страшного, вода будет далеко и ты в нее не упадешь...

Ласково поглаживая Драка по чувствительному загривку, где кожа намного тоньше и не имеет роговых пластин, я изо всех сил стараюсь его успокоить. Чтобы сам набрался смелости и пролетел над морем, а не сделал это по принуждению. Поэтому на выразительную мимику и жесты Рильмины, которая потрясенно поднимает глаза к небу и в умоляющем жесте складывает руки на груди, внимания не обращаю. У нее свой подход к воспитанию крэга, у меня свой. Ну не могу я, как она, морально давить на моего любимца. Мне намного приятнее, когда ему самому нравится делать то, что мне нужно.

К счастью, мои усилия не оказываются бесполезными. Драк коротко шумно вздыхает,

припадает на передние лапы, приподнимая задние и заставляя меня крепче вцепиться в два роговых шипа по бокам головы. Несколько раз качнув из стороны в сторону хвостом, который стал еще толще, но остался таким же коротким, ящер резко бросается вперед. Площадку перед обрывом преодолевает за считанные секунды и, словно камень, брошенный в волну, летит над пропастью. Сначала по инерции, а потом... Потом за моей спиной раздается звук, словно резко встряхнули плотную ткань. Это развернулись упругие кожистые крылья – небольшие, компактные, но на удивление сильные, ведь вес животного, которого они удерживают в воздухе, мне кажется невероятно большим. Драк за эти два года вырос так сильно, что я, стоя рядом, смотрю ему прямо в глаза. А ведь он всего лишь подросток. Боюсь представить его размерчик, когда будет взрослым!

Кстати, он стал не только больше, но еще и спокойнее. Уже не боится оставаться в одиночестве и понял, что я от него никуда не денусь. Даже перестал рваться в азариум, потеряв интерес к жиралам. Впрочем, мне кажется, они стали для него слишком маленькими и потому неинтересными. Он ведь никогда не увлекался добычей меньше себя по размеру, всегда охотился на то, что крупнее. На ворков или ик'лы, которые случайно оказывались рядом, лишь сердито ворчал и мотал головой, отгоняя в сторону. Сейчас примерно то же самое происходит с жиралами. Он их воспринимает просто как помеху, досадное недоразумение, которое летит рядом и мешает.

– Прекрати немедленно, – все же одергиваю, когда Драк своим рыком пугает одну из птиц, которую ее наездник неосмотрительно подвел слишком близко.

В ответ ящер издает такой жалобный звук, что мне становится стыдно – он ведь на самом деле не со зла это сделал, просто особенность его полета такая, что не предусматривает препятствий на пути. Лавировать крагу сложно. А с учетом, что под нами вода, а не песок, падать ему очень страшно.

– Прости, малыш, я не хотела тебя обидеть, – извиняюсь и успокаиваю его: – Ты не волнуйся, все хорошо. И вообще ты молодец! Смотри, вон уже и берег показался. Ты справился!

На мои слова внешне Драк никак не реагирует, но мне почему-то кажется, что ему моя забота приятна. Это ощущается... не знаю, как описать... В другом напряжении мышц у меня под ногами. В чуть ином изгибе короткой шеи, на которую я опираюсь. Даже в свисте, который рождает рассекаемый мощным телом воздух.

Мне сейчас на удивление радостно, потому я надеюсь, что и у него хорошее настроение. Ведь так сложно остаться равнодушным к ярким желтым лучам Адапи, заливающим светом окружающее пространство. Слепящим бликам, отражающимся от водной глади моря. Гребешкам волн, которые по мере приближения к берегу становятся все выше и плотнее. Теплому сильному ветру, норовящему сорвать с меня платье. Непередаваемому запаху моря – влажному, соленому, будоражащему...

Оглянувшись, я улыбаюсь и машу рукой Рильмине, жираль которой летит следом за крагом. В ответ получаю кивок головой и вижу ее пальцы, сложенные в условный предупреждающий знак: «Не отвлекайся». Она всегда серьезно относится к полету. Постоянно мне напоминает, что ящеры не умеют планировать, если падают по вине наездника, то камнем вниз. Оттого и взлетают только с возвышенностей. Однако я в Драке уверена – он меня не подведет!

Вария летит с другой стороны, так что я и к ней поворачиваюсь тоже. Фрейлина мне улыбается, но грустно, совсем невесело. И это притом, что сидит она не одна, а с Ваймоном, который ее обнимает и что-то шепчет, практически зарывшись носом в гладкие волны синих волос.

Он, после того как признался в любви, вообще старается ее от себя не отпускать. Брат и раньше постоянно был где-то поблизости, но все-таки создавал нам иллюзию своего отсутствия и появлялся только по необходимости. Теперь же я вижу его рядом постоянно. Ваймон лишь на ночь уходит к себе, и то когда я уже недовольно ворчать начинаю.

Разумеется, его понять можно, признание для мужчины – это как сорванный стопор. Он принял решение, и теперь его не остановить. При этом они всего лишь встречаются, официально Вария все еще свободная девушка. Представляю, что будет, когда их

отношения на другой уровень общения перейдут... А до этого момента осталось совсем немного. Три дня назад моя фрейлина стала совершеннолетней, а за день до этого получила возможность быть с мужчиной – физиология в этом смысле довольно точна и расхождения в сроке редко превышают несколько дней.

И ведь вот что удивительно – Ваймон ситуацией не воспользовался! Хотя и знает, что теперь для него преград уже нет, а держит себя в руках. Причин я не понимаю, объяснять свои действия брат не спешит, а устраивать ему допрос у меня просто не было времени. Мы к приему у вице-короля готовились. Наряды, подарки, личные вещи... Хотя и рядом совсем его резиденция – на острове, недалеко от побережья, а вернуться домой, если что-нибудь забудем, будет проблематично. Это не краткий визит, нас на несколько дней пригласили.

Водный простор внизу меняется на насыщенно-зеленый, травяной, и Драк становится увереннее. Прочная опора, на которую можно сесть и не провалиться невесть куда, его, несомненно, радует. Он даже позволяет себе повернуть голову и покоситься на меня хитро прищуренным желтым глазом.

– Нет, дорогой, тут тебе добычи тоже не будет! – Я смеюсь, потому что прекрасно помню этот взгляд, полный лукавой безнаказанности, в то время когда мощные челюсти исправно пережевывают жираль.

– Ваур-р иур-р-р... – бархатисто ворчит в ответ краг.

«А это мы еще посмотрим!» – услужливо подсказывает перевод моя фантазия.

Нет, конечно, ящеры не говорят, но ничто не мешает мне думать иначе.

Равнина сменяется пологими холмами, растительность на которых гуще. На одной такой природной возвышенности бликует отраженным светом невысокое строение, напоминающее прозрачный купол, врытый в землю. У вице-короля, вернее его жены, своеобразный вкус. Старину она не так ценит, как новые необычные материалы и современный дизайн.

Перед резиденцией высокие растения отсутствуют, и мне это место кажется удобным для посадки. Я мягко хлопаю ладонью по шее ящера, показывая, что нам нужно вниз.

– Гур-р-р... – снижаясь, он вновь подает голос.

«Держи-и-ись!» – слышится мне.

Вытянув вперед все четыре лапы, Драк тормозит, вспарывая землю. По инерции я отклоняюсь назад и смеюсь, цепляясь за роговые выросты. А когда останавливаемся, не дожидаясь помощи, спрыгиваю со спины, покрытой плотной тканью, и крепко обнимаю своего питомца за шею. Какой же он молодец!

– Опять ты... – Подбежавшая к нам Рильмина принимает меня отчитывать, но тут же осекается, бросает испуганный взгляд на Ваймона, помогающего Вари слезть с жирали, и исправляется: – Вы его совсем разбаловали! Он не должен так резко опускаться. Вы могли не удержаться, упасть и покалечиться.

А вот и положительный эффект от постоянного присутствия брата – он в первый же день тесного общения поставил Рильмину на то место, которое она должна занимать. Томлинка в своей обычной манере, то есть неофициально и бесцеремонно, обратилась ко мне, когда мы по террасе гуляли. Спросила о чем-то неважном, я даже не помню, что именно ее заинтересовало. А в ответ получила от Ваймона настоящий выговор. Мало того, потом еще месяц ходила на занятия к моей наставнице по этикету, дабы не забыть, что к наследнице нельзя обращаться на ты.

Мне наказание показалось излишне жестким, и я его смягчила, заверив фрейлину, что в частных беседах нам незачем так строго соблюдать правила. Возможно, сделала это напрасно, потому что Рильмина нет-нет да и срывается. Вот как сейчас.

– Это ваше упущение. Вы здесь для того, чтобы научить его действовать правильно, – строго парирует брат, не позволяя мне проявить лояльность. Слова фрейлины он все же услышал. Осматривается и громко приказывает сопровождающим: – Разгружаемся!

Ясное дело, в отсутствие родителей, которые остались во дворце, он здесь главный. К нему и с вопросами обращаются, и слушаются без возражений. Я же прохаживаюсь по лужайке, поглядывая в сторону здания, из которого так никто и не вышел. Такое ощущение, что нас здесь не ждут.

Впечатление обманчиво. Нам просто дают возможность привести себя в порядок, а нашим спутникам снять груз с птиц. Едва последний контейнер касается травы, как прозрачные трипслатовые створки дверей распахиваются, являя главу семейства де'Вронов, его жену и дочь.

Ну что сказать... В изысканности наряда никому из них не откажешь. Ярко-синий глянцево-камзол вице-короля идеально гармонирует с платьем спутницы, лазурным, как вода в море, пронзенная полуденными лучами Адапи. На Ларилине не менее симпатичный комплект: юбка цвета грозового неба и в тон ей короткий жакет, из-под которого, словно облака, выбиваются кружева рубашки.

К манерам тоже никаких нареканий. Суеты и спешки никакой. Первый зрительный контакт со мной. Вежливые улыбки дам, протянутая рука мужчины, по ладони которой я скольжу подушечками пальцев, почти не касаясь, показывая свое расположение к собеседнику. И он тут же радушно меня приветствует:

– Идилинна! Ну, здравствуй, девочка! Как добралась?

– Спасибо, отлично. Погода изумительная для полетов.

Я тоже улыбаюсь, правда, в большей степени потому, что меня смешит забавная смена выражений на круглом одутловатом лице вице-короля, когда он смотрит на вальяжно разлегшегося на траве крага. Изумление, восхищение, опасение...

– Ох, не думал, что он такой большой! – Мужчина в смятении проводит пальцами по подбородку. – Нам сообщили размеры, конечно, и загон для него готов, но, оказывается, знать и видеть – совершенно разные вещи.

Согласна. Мне про Ларилину тоже много хорошего говорили, но вижу я совсем иное. Хотя, разумеется, чисто внешне придаться не к чему: поза самая что ни на есть скромная, глаза опущены долу, голосок елеинный.

– У вас очень красивый зверь.

– Он не зверь. – Я вздыхаю, стараясь не выдать своего возмущения вопиющей безграмотностью. – Это ящер.

– Да? – пытаюсь сообразить, чем же эти понятия отличаются, девица с удивлением смотрит на крага.

– Ящеры – это как птицы, только без перьев, – со знанием дела сообщает ее мать.

Мне же хочется спрятать лицо в ладони и истерически захихикать, однако приходится сдерживаться и мило хлопать ресничками. Нет, я могу, конечно, прочитать им лекцию по фауне планет, но ведь обидятся. А портить с ними отношения мне нельзя. Папа запретил.

Понять родителя можно. Это я выйду замуж и улечу с Виона, а моему отцу и брату здесь еще жить и править. А если на планете будет оппозиция нынешней власти, тем более такая высокопоставленная, которая может найти себе немало союзников, добра не жди. Папа ведь именно по этой причине так в браке Ваймона и Ларилины заинтересован – в этом случае вице-король станет только союзником, никак иначе.

Ясное дело, что и другая сторона имеет стимул к свадьбе ничуть не меньший. Когда власть уплывает из рук, будешь готов на все, лишь бы остаться при ней. Ничего не пожалеешь, даже собственную дочь.

Впрочем, дочь как раз не против того, чтобы ее использовали. Она лишь смотрит на Ваймона, а дыхание уже становится чаще. Щечки розовеют. В глазах обожание. А уж когда он ей руку протягивает...

– Я так рада нашей встрече, – тихо лепечет Ларилина в ответ на краткое «приветствую».

Я с удивлением перевожу взгляд с нее на брата. Кто-то говорил об угасании привязки? Да тут влечение в самом разгаре, даже слепой это почувствует! Ну и на что же рассчитывает Ваймон? Неужели Рильмина права и он удовольствуется тем, что приготовила для него судьба? То есть послушно исполнит желание родителей и предпочтет сделать вид, что не замечает, как больно его любимой.

Вария даже сейчас, хоть и контролирует свои эмоции, выглядит потерянной. Не знаю уж, что ей шептал брат во время перелета, наверняка клялся, что все будет хорошо и она должна ему верить, но результат аховый.

Он не изменяется даже тогда, когда мы оказываемся в отведенных нам покоях, хотя необычность и оригинальность отделки более чем способствуют отвлечению внимания от всего, кроме... Перламутровых, идеально гладких стен, плавно переходящих в не менее изящные многоуровневые плоскости иссиня-черного, глянцевого пола. Необычной, совершенно прозрачной мебели, из-за чего кажется, что находящиеся в них предметы висят в воздухе, не имея поддержки. Потокам света, проникающим сквозь разноцветный потолок из трипслата.

Да уж... Мне страшно представить, сколько же все это стоит! Понятно, что вице-король не бедствует – род древний, накоплений много, да и нынешний пост весьма доходный, но не настолько же. Интересно, а папа все это видел?

– Насколько я знаю, нет, – задумчиво бегая глазами по интерьеру, отвечает брат. – Вроде бы резиденцию совсем недавно обновили. Любопытно...

По-моему, он в своей заинтересованности даже о присмотре за мной и о влюбленных в него девушках забыл. Весь оставшийся день и половину следующего провел в компании вице-короля и приближенных, также приглашенных на отдых. Нам же оставалось лишь наслаждаться изумительными блюдами в умопомрачительных столовых, гулять по шикарному кустарниковому парку, забавляться с пушистыми йкурпами, которых здесь, пожалуй, больше, чем дорад и ик'лы вместе взятых, и развлекать себя разговорами.

Последнее удовольствие сомнительное. В первую очередь потому, что Ларилина и ее мать считают своим долгом проводить время со мной. Как и мои фрейлины. Что получается в итоге – страшно пересказывать. Одни вопросы и комментарии чего стоят.

– Как же так?! Вария, ты до сих пор не фаворитка?..

– Ваймон из-за тебя столько времени вынужден обходиться без женщины!

– Ты ведь совершеннолетняя! Почему отказываешь?

– Как не стыдно! Ты же мальчика держишь к себе привязанным. А другие ждут...

– Он из-за тебя мне так мало внимания уделяет!

– Это же большая честь – быть для принца законной официальной любовницей!

Они наперебой возмущаются, советуют, расспрашивают. Мы втроем едва справляемся с их наглостью и напором. Даже Рильмина и та вздыхает с облегчением, когда собеседницы наконец соизволили удалиться.

– Можно я встречу этих дорад в каком-нибудь темном закоулке этого ослепительного сооружения? Прибью и скормлю Драку. Случайно, так сказать.

Ярость в ее голосе более чем очевидна. Хорошо, что, кроме нас, фрейлину никто не слышит.

– Нельзя, – на риторический вопрос я риторически же отвечаю. – Драк отравится. А он мне еще нужен.

Да, я нахожу в себе силы шутить, потому что Вария совершенно сникла. Мне ее хоть как-то поддержать нужно! Так она хоть слабо, но все же улыбнулась.

Спать мы ложимся в молчании. Наговорились.

Не знаю, как мои фрейлины, а я уснуть не могу долго. Мысли, воспоминания, образы, впечатления – все это крутится в голове, смешивается, бурлит, рождая самые невероятные сочетания. Руки Ваймона, обнимающие фрейлину так же, как меня обнимают руки Тогриса. Звонкий смех Рильмины, превращающийся в свист ветра. Наш дворец, на который волнами накатывает желтый песок томлинской пустыни. Драк, плывущий по морю, словно аграль...

– Лина! – слышу настойчивый тихий зов. – Лина, проснись же! Нам надо поговорить!

– С ума сошел? – протираю глаза, но голос все же приглушаю, чтобы фрейлин не разбудить.

Смотрю на неожиданного посетителя. Решительно сжатые губы, упрямый взгляд, поза уверенная, никаких сомнений в том, что делает... М-да, без ночных откровений Ваймон не уйдет. Придется вставать.

– Идем.

Стараясь сделать это бесшумно, сползаю с кровати и, утащив за собой одеяло, ныряю в дверь столовой. Брат заходит следом, и я нервно вздрагиваю.

Нам с младенчества вбивают в голову, что столовая – это индивидуальное пространство. Прием еды вообще сугубо личный процесс, для которого свидетели не нужны. А тут посторонние. Пусть и в лице брата, по сути, мне родного, но ощущения все равно неприятные. Ладно хоть еды сейчас нет, не так стыдно.

Отбросив приличия, потому что вариантов все равно нет, я опускаюсь на стул и закутываюсь в одеяло.

Ваймон, помедлив, садится прямо на крышку стола.

– Они настаивают, чтобы я на завтрашнем приеме сделал Ларилине и Варии официальные предложения, – начинает без предисловий.

– Да я поняла уже, – отмахиваюсь, вспоминая «содержательную» беседу с хозяйками резиденции.

– Я не хочу, – коротко сообщает брат.

– Чего именно? Варию как фаворитку или Ларилину как жену?

– И ту и другую. Ларилина нравится нашим родителям, она из уважаемой семьи, красивая, богатая...

– Глупая, – не выдерживаю и добавляю, перебивая, потому что брат никогда не позволит себе оскорбить женщину нелестным эпитетом.

На мгновение Ваймон осекается и вновь бросается в бой.

– Возможно. Но я к ней чувствую лишь неприязнь. Раньше это не так сильно проявлялось, но в последнее время неприятие становится все острее. Сегодня я вообще едва выдержал ее прикосновение. Наверное, я однолюб, потому что хочу сделать счастливой одну-единственную женщину.

– Свадебный танец это исправит, – с деланным безразличием я зеваю. – Лет через... десять.

Мне так хотелось сказать пятьдесят, но решаю все же срок снизить и трагизма не нагнетать. Помогает мало.

– Издеваешься?! – рывкает Ваймон так, что я основательно пугаюсь. Подпрыгиваю даже. Вот эту бы ярость да в правильное русло...

– Тише! Девочек разбудишь! – шиплю, снова устраиваясь на сиденье. – А чем ты думал, когда проявлял к Ларилине внимание и позволил всем считать, что согласен на этот

брак?

– Я до встречи с Варией действительно был не против. Даже радовался, когда у Ларилины привязка образовалась. А потом понял, как сильно ошибся и какую глупость совершил. Да только менять что-то было поздно. Надеялся, что Ларилина сама отступится, но, видно, не судьба. Хотел сегодня во всем признаться вице-королю, думал, он меня поймет. Но когда тот заговорил о предложении, понял, что это бессмысленно. Лишь врага получу на всю оставшуюся жизнь. И отца подставлю. – Брат взъерошивает пальцами волосы, которые и без того лежат на голове в беспорядке. – Лина! Ну хоть ты меня не добивай, а? Я и так мучаюсь. Помоги лучше!

Пф-ф... Легко сказать – помоги. А что я могу? То есть могу, конечно, поговорить с родителями и постараться их убедить... Нет, не вариант. Времени на это у нас не остается. Да и не поймут они. Скажут, что причина смехотворная. Вот если бы Ваймон Варии совсем лишился из-за брака, тогда, конечно, было бы что обсуждать, а так... И все же...

– Ладно, – еще сомневаюсь, но уже чувствую, что решение близко. Нужно только обдумать его в спокойной обстановке. – Я попробую. Только ты имей в виду, что эта отсрочка будет последней. И жениться тебе все равно придется, если сам ничего за это время не предпримешь и не найдешь веского повода для отказа. Кстати, и переспать с Ларилиной тебе тоже придется при любом раскладе. Только в одном случае это будет разовое наказание за глупость, а в другом многолетняя каторга.

– Я понимаю. Спасибо, сестричка! Буду твоим должником.

М-да. Долг – это очень полезная штука, пригодится. Осталось лишь реализовать идею, которая на самом деле больше сложна в исполнении, чем в своей сути. Потому что... Потому что роль у меня будет не соответствующая моему характеру. Ну да ладно, переживу. Лишь бы Вария наконец обрела уверенность в будущем.

Но это вопрос времени. А пока раскрывать план фрейлине я не буду – она должна вести себя естественно. Как и Ваймон.

Хотя брату не нравится моя таинственность, настаивать он не рискует. Понимает, что иначе нас заподозрят в сговоре. Вария ведь даже не пытается плыть против течения. Она окончательно смирилась с худшим вариантом, грустит и украдкой вытирает слезы, но собирается на прием и помогает мне, спокойно выслушивая болтовню Ларилины, которая решила, что мне без ее ценных советов красивой сегодня не быть.

Мне настрой фрейлины не нравится, но... но он удачно вписывается в план! Особенно в ту его часть, для которой в невероятно красивый хрустальный зал, сквозь грани стен которого просвечивает зеленый фон, окружающий резиденцию, принесли вазы с цветами.

Это же не просто эффектный декор, это символ. Знак того, что женщина готова отдать себя мужчине не на краткий миг взаимного удовольствия, а на более долгий срок, пока он не решит – хочет ее отпустить или желает остаться с ней навсегда. Увы, в качестве любовника, а не мужа.

Гости с любопытством посматривают на ожидающие начала церемонии прекрасные бутоны – крупные, с махровыми ярко-синими лепестками, обрамленными белой каймой, с желтыми пушистыми серединками, напоминающими пух на загнивших агралей. Ритрасы – самые редкие растения на Вионе, поэтому мужчины их и дарят фавориткам. Чтобы хоть этим показать, насколько ценят своих любовниц.

Попросив своих фрейлин отойти в сторону и не мешать, я с преувеличенным любопытством рассматриваю живой элемент декора. Жду, когда зал заполнится приглашенными, а вице-король появится в сопровождении своих дам. Ну и, поскольку я тут гостя номер один, направится ко мне. Поприветствовать.

– Надеюсь, ты приятно проводишь время? – заботливо интересуется он, поправляя изысканного покроя камзол, который не очень-то ладно сидит на его грузной фигуре. – Не жалеешь, что не осталась с родителями?

– Нет, что вы! – Этого вопроса я давно ждала, поэтому отвечаю с легкостью, таинственно приглушая голос. – Если честно, я была рада хоть немного отдохнуть от Горана.

Привираю, конечно. Разве можно устать от самого милого на свете синеволового карапуза, который смешно сопит, пытается за все схватиться маленькими цепкими пальчиками и тащит в рот любой предмет, находящийся в пределах досягаемости. Игрушки, листья, палки, даже землю. Папа говорит, что это инстинкт и мы все так делали. Мол, организм таким образом вырабатывает устойчивость к ядам. Может, он и прав, но я за собой такой тяги не замечала. Или же просто не помню.

– Но император так рад рождению второго сына... – с явным оттенком грусти говорит вице-король.

Оно и немудрено – у него только одна дочь. Жена, видимо, категорически отказалась дарить мужу кулон второй раз. Поэтому сейчас она, несомненно намеренно, оказывает мне поддержку.

– А я вас понимаю. Это так утомительно – иметь маленького ребенка в семье!

Умно действует. Мое расположение тоже важно. Вот только я уже решила, как им распоряжусь.

– Тут многое зависит от того, кто рождает, – глубокомысленно замечаю, приняв самый серьезный вид. – Если жена, это одно, а если фавори-и-итка... – многозначительно растягиваю последнее слово, намекая, что мужчина может оставить без детей любую из своих женщин. Наверняка они об этом не задумывались, ослепленные идеей брака. Не договорив, спохватываюсь, вновь впиваясь взглядом в ритрасы. – Кстати! А у вас, насколько я вижу, сегодня цветочная церемония была запланирована. Здорово! Я никогда на такой не присутствовала. Очень любопытно посмотреть. А кто решил закрепить статус?

С этим вопросом на губах самым внимательным образом осматриваю присутствующих, отыскивая виновников торжества и демонстративно не останавливая взгляда ни на Варии, ни на Ваймоне.

– Так ведь ваш брат... – растерянно лепечет собеседница, но я не даю ей договорить.

– Брат? – изумленно смотрю, словно она что-то очень неожиданное сказала. – А Ваймон-то тут при чем? Ой! – не дожидаясь ответа, всплескиваю руками, словно от неожиданного озарения. – Он и Ларилина решили стать законными любовниками?

Невнятный писк вместо нормального ответа и лицо, по которому пошли красные пятна, – вот видимый эффект моей «наивности». Вице-король тоже беззвучно открывает рот, не зная, как отреагировать. Я даже жалею, что его дочь моего заявления не слышала, потому что предпочла общество Ваймона компании родителей.

Ну да ладно. У нее еще все впереди.

– Ах, как это мило! – продолжаю, делая вид, что не замечаю смещения своих визави. Лучезарно улыбаюсь, прижимая руки к груди. – Они доставят другу другу столько удовольствия!

– Идилинна, ты не так все поняла, – наконец обретает голос вице-король. – Ведь Вария уже давно дала согласие стать фавориткой.

– И что? – Я непонимающе хлопаю ресничками. – Если брат передумал и решил, что Ларилина подходит на это место больше...

– Нет, он не передумал, – настойчиво гнет свою линию собеседник.

– Вот как? Значит, цветы для...

Замолкаю, приняв крайне задумчивый вид. Поднимаю брови, морщу нос, хмурюсь, словно о чем-то размышляю. И наконец...

– Вы!.. Вы меня хотите лишить подруги! – негодуя взвизгиваю. Да так громко, что

гости, которые мирно наслаждались беседой, разворачиваются к нам, замолкая. Я же и не думаю прекращать начатого спектакля. Даже ножкой топаю для большей убедительности. – Это возмутительно! Я все отцу расскажу! Все-все! Безобразия!

– Идилинна, девочка, успокойся, – испуганно лепечет вице-король. – Да что же тебя так возмущает? Ты же знала, что это рано или поздно произойдет.

– Вот именно! Рано или поздно, а не сейчас! Мне по статусу положены две фрейлины! Я что, по-вашему, должна буду еще два года обходиться одной?

– Вы можете взять новую, – торопливо вносит свой вклад его жена. Но разве я с ней соглашусь?

– Новую?! – потрясенно возвожу глаза к медленно темнеющему небу за прозрачным сводом потолка. – Издеваетесь? Разве она сможет так же хорошо выполнять свои обязанности, как Вария, у которой стаж больше десяти лет!

– Идилинна, вы не волнуйтесь, – наконец к выяснению отношений присоединяется и главная виновница происходящего. – Мы не хотим лишать вас Варию. Она будет фавориткой и фрейлиной одновременно...

– Нет, вы точно действуете против меня! – злюсь, упирая руки в бока. – Я не дорада, Ларилина! Признайте сразу, что вы планировали заговор! Когда фрейлина по первому зову любовника отправится в его объятия, оставив наследницу одну, так легко расправиться с оставшейся без присмотра беззащитной девушкой!

Сгущаю краски и всхлипываю в панике. Даже отступаю на пару шагов, показывая, как же меня пугают подобные перспективы.

– Нет, нет! Дихол! – не выдерживает вице-король. – Ничего подобного у нас и в мыслях не было. Мы просто не подумали, что это станет проблемой.

Я молчу, настороженно глядя на него. Типа поверю, если доказательства будут. И он мне их предоставляет.

– Я прошу прощения, наследница. Это моя вина. Поторопился, не учел всех обстоятельств. Действительно, некуда спешить. И для нашей семьи будет честью, если свадьба Ларилины пройдет в один день с вашей. Надеюсь, случайное недопонимание не отразится на наших отношениях.

Я на всякий случай еще несколько секунд думаю и лишь затем неуверенно киваю. Нужно же сохранить иллюзию опасений в их адрес. На этом считаю свою миссию заверченной. А что? Результат налицо. Обещание, данное брату, я выполнила. Имею право расслабиться.

Опускаюсь на любезно предложенное место в центре зала – самое удобное, естественно. Улыбаюсь брату, замершему в счастливом ожидании, подзываю фрейлин, чтобы не сидеть одной, и любуюсь завораживающим шоу, демонстрируемым на голографическом экране. Вице-король и в этом впереди всего Виона. Где он раздобыл запись шоу с Эрциана, я ума не приложу. Это же настоящая контрабанда, потому что власти этой не присоединившейся к империи планеты запрещают трансляцию за пределы их системы.

Размышления о политике сразу наводят на мысли о будущем. Тогрису придется нелегко в правлении, даже учитывая, как много сделал мой отец и другие императоры до него. Вокруг нашей маленькой империи еще много миров, по-прежнему сохраняющих захватнические амбиции. И военные действия не прекращаясь идут то в одной звездной системе, то в другой. До полного объединения еще так далеко!

Мне очень хочется увидеть тот момент, когда все-все планеты в нашем кусочке Галактики станут единым целым. Будут не враждовать, а сотрудничать. Не убивать друг друга, а помогать выживать.

Конечно, есть надежда, что за те триста лет жизни, что отпущены мне природой, полное объединение произойдет. Но эта надежда слабая. Тогрис, при всем моем нежном к нему отношении, политик не самый сильный. Я-то думала, он успеет набраться опыта у моего отца, времени было много. Однако судьба словно не желает дать ему этой возможности.

Сначала война, потом ранение и реабилитация. И даже это еще не все. Не успел он адаптироваться к новым ногам на Шеноре, как его отец почувствовал недомогание и попросил сына взять на себя правление, чтобы не назначать другого преемника, пусть даже временного. Тогрису пришлось срочно возвращаться на Томлин.

Разумеется, поступил он правильно. Вот только когда же я теперь его увижу?

Правда всегда обретает известность,

А двигаться к ней помогает нам...

Честность.

Сегодня, сегодня, сегодня он прилетает! Наконец-то сумел вырваться из сумасшедшего круговорота дел и обязанностей. Наконец все же нашел временную замену своей незаменимой на Томлине персоне. Наконец написал мне, что ужасно соскучился и сделал все, чтобы наша встреча состоялась как можно скорее.

Три года прошло, как мы с ним последний раз общались. Год с момента начала его правления после скоропостижной смерти отца. Я уж начала опасаться, что такими темпами мы только на помолвке и сможем увидеться. Но нет, ошиблась. И это замечательно!

Я готова прыгать от радости, смеяться от счастья, млеть от предвкушения... Впрочем, почему – готова? Я именно это и делаю, когда мои фрейлины выходят из своих столовых. Ну а поскольку сочетание улыбки до ушей, скакания по комнате и нервного хихиканья для меня, в общем-то, нетипично, девушки теряются.

– Вы неважно себя чувствуете? – деликатно беспокоится Вария.

– Ты что-то не то съела? – пользуясь отсутствием бдительного стража этикета, настороженно присматривается ко мне Рильмина.

– Нет и нет! – отвечаю сразу обеим и делюсь новостью: – Тогрис прилетает!

Раскинув руки и покружившись по комнате, падаю спиной на кровать, утопая в мягком кружевном белье.

Как же мне хорошо... Стоп! Не хорошо! Вечером мой суженый рассчитывает на меня любоваться, а я без красивой укладки, лицо наверняка уставшее, кожа обветренная после полета на Драке, и платье...

От моей эйфории не остается и следа. Стремительно подскакиваю, пугая фрейлин еще больше. Впрочем, я сейчас на этом внимания не заостряю. Есть более важные заботы. И вообще, сначала помогать мне, потом уже думать о себе – это прямая обязанность наперсниц, подкрепленная не только нравственным долгом, но и ощутимой финансовой составляющей.

Через четыре часа суматошных сборов я придирчиво рассматриваю себя в зеркале, решая, остановиться на том, что получилось, или запустить процесс в третий раз. Потому что первые два мне не понравились.

Салатовое платье, подобное тому, что я надевала на торжественный прием четыре года назад. Облегающая фигуру, тонкая, но тяжелая ткань, струящаяся при движении словно потоки воды. Белая кожа лица, румянец на которой смотрится необычайно мило. Высоко поднятые волосы, ниспадающие спиралями на плечи...

– Вы отлично выглядите, – с надеждой на отдых робко высказывается Вария.

– Принц будет в восторге, – поддерживает ее Рильмина.

– Ну ничего себе... – вплетается в общую картину голос старшего брата. И тут же дополняется еще одним:

– Каласавица!

– Иди ко мне, мой сладкий! – зову, увидев в зеркале появившуюся в дверном проеме пару.

Разворачиваюсь и подхватываю подбежавшего малыша на руки. Легко поднимаю, потому что, по сути, Ваймон это делает за меня – весит Горан совсем немало.

– Тебе правда нравится? – поцеловав пухленькие щечки и потрепав мягкие синие волосы, заглядываю в озорные глаза, которые у обоих братьев совершенно одинаковые – насыщенно-синие и большие.

– Да! На Дл-л-лака хотю! Лина Гола катать, катать, катать!

– Мы завтра на нем летаем.

– Ага, – легко соглашается малыш. – Пути!

Он несколько раз изгибается всем телом, добиваясь, чтобы Ваймон поставил его на пол.

– Почему он с тобой? – тихо спрашиваю, присматриваясь, как Горан лезет вверх по декоративным горизонтальным полочкам на стене, напоминающим вертикальную лесенку. Он нагло пользуется поддержкой Вари, которая не может сорванцу ни в чем отказать. Рильмина, в отличие от вионки, идти на поводу маленького манипулятора не спешит. Стоит рядом, скрестив руки на груди, и скептически на все это смотрит. У нее определенно подход к воспитанию детей такой же, как к крагам. Жесткий.

– Родители в провинцию Мод улетели. Отдохнуть. Завтра вернутся.

Понятно, значит, у Тогриса визит неофициальный, раз никаких торжественных встреч не планируется. Впрочем, это понятно. Будь иначе, я бы не сегодня утром о его прибытии узнала, а намного раньше. Ну что ж, так даже лучше.

Ваймон, решив, что мне его общество больше не требуется, уходит к сосредоточенно пытящему братику, преодолевшему уже половину подъема до окна. Одним движением подхватывает мальчишку и ставит на подоконник. Варию же, которая с облегчением опустила руки, обнимает и целует в висок.

О! К лицу все ближе? Так-так-та-а-ак... Это, несомненно, прогресс в отношениях. Обычно прикасается к лицу только муж. Бывают, конечно, исключения. Если мужчина, например, полагает, что таким способом спровоцирует привязку. Срабатывает это в редких случаях, только когда у девушки настрой к нему позитивный. Если же влечение уже есть, нет никакого смысла в такой дополнительной стимуляции. А вот в том, чтобы показать, с какой нежностью он к девушке относится, смысл имеется.

– Ты о чем задумалась-то? – прерывает мой мыслительный процесс Ваймон. – Лина, можно я заберу у тебя Варию до завтра? Я один с Гораном не справлюсь.

Лукавит, конечно. Еще как справится. В конце концов, зачем во дворце поселились две няньки и гувернер? Другой вопрос, что братик еще слишком мал, его нельзя оставлять с ними наедине, без внимания кого-то из семьи. Но настоящая причина в том, что Ваймону просто хочется больше времени проводить с любимой. С Ларилиной он теперь старается не встречаться, а если оказывается рядом, то держится на расстоянии. Правда, как ему это поможет избежать свадьбы, я все равно не понимаю.

Однако это не повод, чтобы отказывать подруге, у которой глаза светятся счастьем, когда ее возлюбленный рядом. И лишь когда они уходят, а я перевожу взгляд на Рильмину, сосредоточенно рассматривающую даль за трипслатовым окном, запоздало соображаю, что она наверняка ждет появления Тогриса ничуть не меньше меня.

– У нас еще есть время, может, ты тоже приоденешься? – тихо спрашиваю, а затем говорю громче, потому что она не реагирует: – Рильмина, ты меня слышишь?

Оборачивается томлинка медленно. Смотрит с недоумением. Так глубоко задумалась, что ей приходится приложить немало усилий, чтобы вернуться в реальность. Она встряхивает светлой головой, проводит руками по волосам, перекидывая толстую косу через плечо, набирает в грудь воздуха и решительно заявляет:

– Зачем мне красоту наводить? Тогрис к тебе приехал. На меня он смотреть не будет, а привязку сбивать все равно еще рано.

Последнее верно и неверно одновременно. У нее совершеннолетие через неделю, так что в настоящий момент, несомненно, рано. А вот чуть позже – очень даже вовремя. Если, конечно, мой суженый сможет остаться на такой длительный срок.

И он меня не разочаровывает. Едва я бросаюсь к нему, появившемуся в гостевом холле дворца, едва, не сумев сдержаться, всхлипываю, едва прижимаюсь всем телом и вцепляюсь пальцами в его руки, не желая отпускать даже на минуту, успокаивает:

– Идилинна, милая, не надо так переживать. Я не исчезну, и улетать мне не завтра.

– А когда? – Этого заверения мне недостаточно, хочется точно знать, сколько продлится мое маленькое личное счастье.

– После дня рождения Рильмины. То есть после того, как... – Он нерешительно замолкает, видимо не желая говорить на деликатную тему.

Меня же не столько смущает процесс сбивания привязки, сколько волнует истинная причина появления принца на Вионе.

– Хочешь сказать, что ты только ради этого прилетел? Чтобы с ней... получить удовольствие? Разовое? Или на постоянной основе? – сердито бросаю отрывистые фразы, даже не замечая, что сорвалась и перешла на неофициальное обращение. И заставляю себя оттолкнуться от того, к кому хочется прилипнуть как ик'лы к коже.

– Идилинна... – страдальчески стонет Тогрис. Ловит меня за талию, возвращает в свои объятия и утаскивает к дивану.

Я злюсь. Возмущенно вырываюсь, хотя получается как-то не очень. То ли моих сил не хватает, то ли мне просто не слишком хочется, чтобы мужчина меня отпускал. А он, усаживая меня рядом и обнимая, объясняет, усиливая мое смятение:

– Не нужна мне Рильмина! Я хочу быть только с вами. Поверьте, я не желаю, чтобы в наши отношения вмешивался кто-то еще. Я думал, будет правильнее как можно скорее избавиться от проблемы. Ведь вам самой станет проще, если у фрейлины не будет ко мне влечения.

Затишаю, положив голову ему на плечо и вслушиваясь в ласкающие интонации. Приятно. И рассуждает он правильно.

– Значит, вы не предложите ей стать вашей официальной любовницей? – подняв голову, заглядываю в прозрачно-оранжевые глаза.

Тогрис непонимающе хлопает светлыми ресницами.

– А вы хотите, чтобы в нашей семье была фаворитка? – наконец сдавленно спрашивает он.

– Нет, не хочу, – выдыхаю с облегчением. Все же слова Рильмины, что Тогрис подумает насчет их совместного будущего, если мы с ней подружимся, прочно засели в памяти. – Просто подумала, что у вас могло быть такое желание, раз вы попросили моих родителей устроить ее на должность фрейлины.

– Ясно. Вы восприняли этот поступок как мой личный план. Но я это сделал лишь потому, что обещал Рилу помочь его сестре устроиться в жизни, – терпеливо объясняет Тогрис, ласково скользя пальцами по голой коже моей руки. – Единственные, кто меня поддержал сразу после ранения и последующей лавины обвинений в некомпетентности, – мои близкие. Отец, сестры, Рил и Рильмина. Они все помогали мне. И в отношении сестры своего друга я не мог остаться неблагодарным, тем более что из-за тесного длительного контакта у нее пошла ко мне привязка. Но моя благодарность вовсе не подразумевала длительных отношений. Рильмина приятная девушка, но вы...

Последнее слово прозвучало так выразительно, с таким чувством Тогрис в этот момент смотрел в мои глаза, что даже в груди что-то защемило, перехватывая дыхание.

– Идилинна, я безумно соскучился. По вашему голосу, синим глазкам, мягким волосам... – Он с явным наслаждением погрузил пальцы в пряди волос, наверняка испортив прическу, над которой так долго трудились фрейлины. – Последние ваши голографии в сети просто умопомрачительны – вы с каждым днем становитесь все краше. А я ревную, когда думаю, что кто-то любитесь ими так же, как я. Вы дали обещание, но от меня так далеко. Я с ума схожу...

Вот! Большого мне и не нужно. Вернее, нужно, но оно только через год станет возможным. А потому пока я получаю удовольствие иного рода, наконец начиная понимать Варию, которая с придыханием вспоминает свои целомудренные прогулки с Ваймоном. Хотя, казалось бы, что такого особенного? Ну слова, ну прикосновения, ну взгляды. А какой эффект!

Мне на самом деле хорошо сидеть с ним бок о бок, смотреть в глаза, держаться за руки, сочувствовать, слушая о событиях на Томлине и смерти короля, восхищаться популярностью созданного будущим императором игрового поля «Ривуса», рассказывать о Драке и его детских шалостях, вместе радоваться, что Тогрис снова может ходить... Мне совсем не хочется расставаться даже на ночь, несмотря на то что утром я его снова увижу.

Поглощенная своими чувствами, молчаливую угрюмость Рильмины я замечаю не сразу. Спыхватываюсь, лишь оказавшись в постели. Что случиться-то могло? С Тогрисом она не говорила, только с братом – они оба в коридоре перед холлом нас ждали.

– Отсутствие элементарного доверия случилось, – в привычной грубой манере сообщает фрейлина. – Не бери в голову.

– Не брать я не могу. Мне сейчас хорошо и хочется, чтобы все вокруг тоже были счастливы. А ты в этот план не вписываешься.

Решив не пускать дела на самотек, я продолжаю допрос. Приподнимаюсь на локте, чтобы лучше видеть лежащую на соседней кровати девушку. Пусть мое ночное зрение и не такое отчетливое, как дневное, но видеть выражение лица это не мешает.

– Через неделю впишусь так, что радости будет хоть отбавляй. Особенно у братца моего, – неожиданно признается Рильмина. – Представляешь, он, оказывается, так настаивал на моей связи с Тогрисом только затем, чтобы я из упрямства поступила наоборот. Рил, видите ли, думал, если скажет, что Тогрис не для меня и глупо рассчитывать на серьезные отношения, то получит эффект противоположный. Я обижусь и стану навязываться.

Вот и как мне на такое реагировать? Как, как... Ну уж точно не промолчать и не лечь обратно в кровать. Рильмина все же моя фрейлина. И подруга. Почти. С Варией я все равно ближе. Однако моего безразличия или холодности томлинка не заслуживает точно.

– А мы докажем твоему брату, что он ничего не понимает в женской логике! – Перебираюсь к ней на кровать и в ответ на скептическое «каким образом?» объясняю: – Завтра мои родители возвращаются, поэтому мы должны быть во дворце – Тогрису их поприветствовать нужно. А послезавтра на аграх в Белую заводь поплывем. Проведем там несколько дней, как раз до твоего дня рождения. Будем наслаждаться красотой залива и отдыхать. Проявишь к Тогрису больше внимания, чем нужно. Намекнешь, что с удовольствием стала бы фавориткой. В шутку, естественно, только чтобы подразнить твоего брата. Пусть помучается, видя, что все получилось с точностью до наоборот. Он ведь не знает, что именно ты за эти два года для себя решила? – на всякий случай уточняю, а то вдруг Рильмина ему в сегодняшнем разговоре все как есть выложила. И радуюсь, когда она отрицательно мотает головой. – Ну вот, отлично! А перед тем как привязку сбить, признаешься, что это розыгрыш был.

– Да уж, представляю его реакцию. Это подействует как холодный душ, но и научит его точно, – кривит губы в усмешке фрейлина. – Ладно. Согласна. А Тогриса не предупредишь?

Вопрос очень правильный, и я надолго задумываюсь. В итоге все же отрицательно качаю головой – не предупрежу. Да, это неэтично. Можно сказать, это своего рода подстава. Но

гложут меня какие-то смутные подозрения в правдивости слов, которые я сегодня слышала. А вот такая контролируемая провокация со стороны Рильмины позволит мне проверить его чувства и убедиться. Я хочу быть на сто процентов уверенной в нем! Хочу, чтобы он, когда останется наедине с Рильминой, думал только обо мне. Представлял, что он со мной, а не с ней. Тогда и мне будет легче пережить этот момент.

Может, я ошиблась. Может, поступила глупо, но... Как говорится, не попробуешь – не узнаешь. Поэтому я и пробую, самым внимательным образом отслеживая малейшие изменения в выражении лица, позы и интонациях томлинца.

Недоумевающий взгляд в ответ на причитание Рильмины: «Ах, как же я сама на эту аграль заберусь? Ферт Тогрис, вы мне не поможете?» и краткое ответное: «Рил! Помогите сестре». Легкую тень недовольства на лице, когда во время прогулки томлинка «случайно» касается его руки. И неприкрытое удивление, едва в ночной тишине раздаётся негромкое, но вполне отчетливое:

– Знаешь, я тут подумала, может, не так уж плохо быть фавориткой...

Это моя фрейлина с братом беседу ведет. Мы с ней долго место и время выбирали, чтобы и звук не приглушался, и все действующие лица находились в нужных местах. Она с Рилом – в шатре, я с Тогрисом – прямо за ним, на берегу залива, а Вария с Ваймоном на прогулке в окрестностях.

Сковавшее принца напряжение я прекрасно чувствую, потому как сижу в его объятиях. Остается только проверить, что именно его беспокоит: само признание или мое присутствие при этом.

– Она влюблена, – тихо поясняю.

– Я знаю. – Ответ краткий и ничего не объясняющий.

Поэтому я продолжаю:

– Ей будет очень больно принять, что у ваших отношений нет будущего.

– Лина...

Тогрис так резко переходит на неофициальное обращение, что я дар речи теряю. И способность двигаться. А потому очень быстро оказываюсь на мягкой пушистой поверхности ковра, закрывающего камни, и в тесной близости от мужчины, нависающего надо мной.

– Лина, ты о ней думаешь, а обо мне? Мне будет не больно? Быть с ней, а желать тебя...

Одна из рук, которыми он опирается на ковер, чтобы оставаться надо мной, меняет положение. Скользит по моему телу вниз, к коленям, и сминает ткань юбки, подтягивая ее выше. Тело же, лишенное опоры, опускается совсем низко, прижимая меня своим весом. Теперь мужчина опирается только на одну руку, ладонь другой гладит голый участок кожи на бедре, медленно поднимаясь все выше. Я же, пораженная его действиями, лишь рот открываю в беззвучном протесте, который никак не может сорваться с губ. Ум в панике от того, что происходит, а вот тело... Оно без, сомнения, не желает отказываться от неприличного контакта.

А Тогрис и не думает останавливаться. Оставив ногу в покое, рука перемещается мне на плечо, жадным движением освобождая от ткани и его. А когда я все же нахожу в себе силы и пытаюсь его с себя столкнуть, он просто ловит мою ладонь, чтобы жадно поцеловать. И прошептать, не отпуская:

– Знаешь, как часто я себя корил за то, что позволил развиться привязке у несовершеннолетней, да еще после того, как в моей жизни появилась ты? Я потому и хочу побыстрее освободить Рильмину от болезненного влечения, чтобы она могла влюбиться в другого. Тогда с последним, что нас обоих тяготит, будет покончено. Навсегда.

– Что тут происходит? – Гневный мужской голос одной фразой разрушает атмосферу томительной чувственности и неги.

Тогрис моментально отстраняется и вскакивает на ноги. Я куда более медленно сажусь, приходя в себя, приводя в порядок платье и старательно избегая смотреть на возмущенного Ваймона. Впрочем, меня брат и не обвиняет. Он принца отчитывает:

– Я был о вас лучшего мнения, Тогрис цу'лЗар! Вы нагло воспользовались наивностью и неискушенностью моей сестры! А где... – Он яростным взглядом окидывает окружающее пространство и рычит: – Рильмина!

Едва фрейлина выскакивает из шатра, как оказывается под прессингом праведного гнева:

– Почему вы оставили наследницу без присмотра? Вы же знали, что на вас ложится эта ответственность, когда рядом нет второй наперсницы! Я лишаю вас всего, заработанного за этот месяц! Если подобное повторится, отправитесь обратно на Томлин. С соответствующими рекомендациями. Вария!

Голос все еще сердитый, но даже злость не может скрыть ноток нежности к любимой.

– Вария, проводи Идилинну... Рильмина, вы особого приглашения ждете? Тогрис, будьте любезны зайти ко мне.

Ясно. Выговор продолжится.

Понурые и напряженные, мы молча сидим в шатре на мягких подушках, заменяющих нам кровати, и прислушиваемся к голосам, которые слышны даже через два слоя плотной ткани. Слов не разобрать, но я и так знаю, о чем Ваймон говорит.

Тогрис не имел права на такое тесное физическое взаимодействие. Касаться рук еще куда ни шло. Волос. Тела через одежду. А все остальное запрещено, ведь он мне не жених, лишь получил возможность сделать предложение с высокой вероятностью, что на него ответят согласием. Но ведь могут и отказать. То, что мои родители простили ему вольность того первого поцелуя, от которого я потеряла сознание, вовсе не означает поблажек в остальном. Так что он совершенно напрасно возомнил себя героем-любовником и решил, что ему дозволено больше, чем другим.

– Ваймон наверняка расскажет все твоему отцу, – наконец нарушает молчание Рильмина. – Что будет дальше?

– Не знаю. – Я вздыхаю, потому что на самом деле предсказать решение папы мне сложно. – Может, простит?

Вероятность маленькая, но все же есть. И на следующий день, когда мы возвращаемся во дворец, я все еще надеюсь. Увы. То ли Ваймон перестарался, то ли на самом деле мои родители сочли нарушение вопиющим безобразием, но Тогрису попросили покинуть Вион. К счастью, не навсегда. Через год он вернется, как раз к моему совершеннолетию, чтобы сделать мне официальное предложение. Если я к тому времени не передумаю, конечно.

– Простите меня, Идилинна, – прощаясь со мной, принц ведет себя максимально корректно. И обращение вновь официальное и прикосновения нейтральные. – Я хотел показать, насколько вы мне дороги, но этим все испортил. Не сердитесь на меня.

Грустно, но я ему улыбаюсь. Шепчу: «Буду ждать», и он уходит к ожидающему его транспортнику, возле которого замерли томлинцы-охранники во главе с Рилом. Идет Тогрис медленно, неохотно, постоянно оглядываясь. Мне даже показалось, что он прихрамывает, хотя до этого я ничего подобного не замечала.

Принц, несомненно, расстроен и угнетен. Я с трудом сдерживаю слезы и желание броситься следом, позволяя эмоциям вырваться на свободу, лишь когда небольшой посадочный бот превращается в маленькую темную точку и исчезает в свинцово-серой мгле, закрывающей небо. Кажется, даже погода солидарна со мной и грустит, провожая того, кто мне так дорог. Я рыдаю на плече Вари, чувствуя, как осторожно касается моих волос еще чья-то рука.

– Так лучше сестричка, поверь мне, – шепчет брат.

Я не отвечаю. Мне совсем не хочется с ним говорить, хоть умом я и понимаю, что в чем-то он прав. Теперь мне остается лишь ждать. И Рильмине придется ждать... Вот чем закончилось мое стремление выяснить истину.

Глава 3

Думать и не рисковать. Где терпенье отыскать?

Когда после ночи является утро,

Мы поступаем не глупо, а...

Мудро.

Лазурно-зеленая роспись, имитирующая морские водоросли, играет яркими красками в лучах заглядывающей в оконный проем Адапи. К светилу тянутся нежно-зелеными пушистыми листочками растущие в кадках под окном кустистые рокуансы, готовые зацвести, а потому усыпанные набухшими голубыми почками. Два молоденьких йкурпа, одетые в серо-голубые шерстяные шкурки, весело перепрыгивают с ветки на ветку и нежно урчат. Старший, почти черный, лежащий в тени, лениво за ними наблюдает, приоткрыв один глаз.

Я все это замечаю лишь как фон, меня сейчас занимает совсем другое – неподвижная фигура брата, стоящая ко мне спиной. Скрестив руки и опираясь на стену, Ваймон неотрывно смотрит в пространство коридора за приоткрытой дверью. Я же меряю шагами комнату, нервно комкая концы пояса, перехватывающего белую удлиненную рубашку, лежащую поверх темно-синей юбки. Останавливаюсь, чтобы поинтересоваться:

– Все?

– Нет.

Получить ответ и продолжить движение, пытаюсь хоть этим себя отвлечь. Я даже не могу сесть рядом с Варией, которая, посматривая на меня с сочувствием, расположилась на диване и играет с розовым ик'лы. Фрейлина пыталась меня успокоить, отвлечь, но ничего у нее не вышло. Очень уж момент волнующий.

– Все?

– Нет.

Новая дистанция. Дихол! Как же долго. Неужели сделать все по-быстрому так трудно? Мама, когда мы с ней это обсуждали, смеялась, говорила, что мужчина никогда не потратит на нелюбимую женщину больше времени, чем необходимо. Убедится, что свою порцию удовольствия она получила, и на этом завершит процесс. Может... Может, им обоим понравилось? Нет! Даже думать о такой возможности не желаю! Наверняка проблема в самой Рильмине.

– Все?

– Нет.

Очередной забег. Вот уж не думала, что мне будет так сложно. Я за этот год не волновалась столько, сколько за последний час. Казалось бы, ну привязка, ну что такого? Обычное дело. Сбил, и ладно. А по факту столько переживаний! Сомнений. Тревог. Тогрису проще – он делом занят, а я бездействуй и страдай!

– Все?

– Нет.

Гр-р-р... Я сейчас в душе на Драка похожа. Была бы Рильмина жиралью, ей бы точно не поздоровилось. Тогрису мне тоже хочется немного растерзать. Угрозило же его обременить себя этой привязкой и обязанностью ее снять! Еще и по срокам такой длительной. Ну ничего, мне до совершеннолетия пять дней осталось. До помолвки два. Получу право и возможность физического контакта, и все. Пусть жених всецело занимается вопросами моего удовольствия. От себя его не отпущу! Никаких временных любовниц! И уж тем более постоянных.

– Все?!

- Не...

Привычный ответ обрывается, и я тут же бросаюсь к выходу.

- Стоять! – грозным шепотом приказывает Ваймон, перехватывая меня за талию. – Куда понеслась? Мы же договаривались!

- Я не понеслась! Я просто посмотреть! – яростно шиплю, отдирая от себя его руки. – Пуст! Мне надо!

Спорить со мной сейчас бессмысленно. Брат это быстро понимает и отступает, освобождая мне наблюдательный пост. Вовремя. Я успеваю рассмотреть направляющегося в боковой коридор Тогриса. Одет он неряшливо: рубашка не застегнута, лишь заправлена в брюки, жакет в руках. Торопился уйти, по всей видимости. Шагает неторопливо, но без особого воодушевления. На лице усталость и даже что-то брезгливое.

Ага! Ему не понравилось! Не понравилось! Ура!

От облегчения на душе так хорошо становится, радостно, ярко. Я счастливо смеюсь, на краткий миг обнимаю брата и тут же бросаюсь к поднявшейся с дивана Вари. Схватив за руки, кружусь с ней по комнате, не в силах остановить затапливающую меня эйфорию.

Это все гормоны. Влечение. Привязка. Умом я это понимаю. Знаю, что сейчас мой организм все делает для того, чтобы получить то, что ему нужно. А изменить этого не могу. Все мысли только о том, как хорошо мне будет, когда мы с Тогрисом останемся наедине. И как же замечательно, что этот момент настанет совсем скоро!

- Ну хватит, хватит, – ворчит Ваймон. – Вот ведь неугомонная! Ты бы лучше свою энергию на подготовку к свадьбе направила.

- Мне ее на все хватит! – легко парирую, но совет все же не игнорирую. – Варя, идем! Нас примерка ждет! И репетиция!

Брата не зову, он сам следует за нами как приклеенный. И мрачный, потому что хочет он одного, а поступать ему приходится совсем иначе. Он ведь так много сделал, чтобы его мечта исполнилась. Родителям свою позицию объяснил. С Ларилиной напрямую поговорил. Даже ее родителям честно признался. И к отцу Вари слетал, чтобы попросить поддержки. А в итоге... В итоге папа категорично сказал: «Хочешь на Вари жениться – отказывайся от права наследования». Мама вздохнула и посетовала: «Ох уж эти дети, только о себе думают». Отец Вари, у которого, как оказалось, есть своя фаворитка, почесал в затылке и констатировал: «Значит, такова ее судьба». Вице-король, стимулируемый подсказками жены, пообещал будущему зятю отстроить второй дворец, точно такой же, как наш, чтобы и жена и фаворитка чувствовали себя равными. Навязанная невеста расстроилась, разревелась и устроила истерику, а на следующий день приехала с визитом и при моих родителях попросила Ваймона принять от нее кулон в обмен на сбивание привязки. Мол, если не ты, так хоть твой ребенок со мной останется. Украшение брат не взял. Так что теперь у него одновременно со мной состоится свадьба с дочерью вице-короля. Фрейлине ничего не остается, кроме как принять цветок фаворитки и танцевать с Ваймоном второй танец. Отпускать ее он категорически отказался. И привязку до сих пор не сбил. Да и Варя ничего не хочет слышать о расставании, на все готова, лишь бы с ним остаться.

Раньше, возможно, я бы ее понять не смогла. Но теперь прекрасно понимаю, потому что сама в том же положении. Уверена, случись сейчас невероятное, перевернись мир с ног на голову, скажи Тогрис, что я не могу быть ему женой, только фавориткой, и это бы ничего для меня не изменило. Я бы согласилась.

Так что Вари тоже нужно праздничное платье, как и мне. Она на свадьбе должна быть такой же красивой. Ваймон не должен стыдиться своей любимой, пусть и не такой титулованной и богатой, как Ларилина.

- Давайте мы вот эти рюшечки все же уберем. Они ее полнят, – советую портнихе, которая занимается примеркой.

Когда та кивает и снимает отделку, вновь скольжу взглядом по шикарному длинному платью из переливающейся струящейся ткани. Синяя юбка имеет несколько разрезов почти до талии, из них при движении проглядывает вторая – желтая. Цвет неплох сам по себе, но...

– Подъюбник сделаем белым, – решаю все же заменить.

– Но белый ни с чем не сочетается, – пытается переубедить меня женщина, – а желтый будет хорошо гармонировать с ритрасами.

Я именно этого и хочу избежать – лишнего напоминания. Поэтому готова уже настоять на своем. Однако у Вари на этот счет есть свое мнение, и она меня опережает:

– А мне нравится! Пусть остается. Лина, я же говорила, что не требую для себя иного статуса. Меня все устраивает.

Она уверена, что Ваймон любит только ее. Поэтому счастливо улыбается и смотрит в свое будущее с оптимизмом. Больше нет ни слез, ни переживаний.

– Ладно, как знаешь. – Я пожимаю плечами, на этот раз сосредотачиваясь на наряде, что предназначен мне.

Эффектный ничуть не меньше. Ультрамариновые язычки пламени, идущие по низу юбки, охватывают ее синим пожаром, постепенно переходящим в нежно-голубую вышивку на белом фоне. Легкие, почти невесомые рукава закрывают лишь часть плеча, оставляя соблазнительную полоску кожи, а глубокий вырез не намекает, он кричит о достоинствах той части тела, которая так привлекает мужчин.

– Очень красиво! – восхищается Вария, когда портнихе удастся наконец подогнать все детали по фигуре.

Я с ней согласна, так что примерку мы заканчиваем быстро. Да и с отработкой фигур танца тоже проблем никаких – недаром же столько лет потратили на обучение.

Хотя нет, есть одна проблема. И имя ей Ваймон.

Он замер у стены, скрестив руки на груди. В его глазах выражение, которое сложно описать словами. Для влюбленного мужчины смотреть, как танцует его девушка, – самое большое испытание на прочность. Я брата понимаю, несомненно, ему хочется забыть обо всех ограничениях, выбросить из головы все обязательства, сбросить с себя груз ответственности и танцевать с той, которую любит. Однако... Однако он этого не делает. И не отворачивается, не выпускает нас из виду ни на мгновение. Это гардеробом мы занимались в его отсутствие, а вот танцуем под строгим надзором. Если бы на месте брата находился посторонний мужчина, такой присмотр был бы неприличным. Но сейчас это не так, а потому мы с Варией без стеснения повторяем за наставницей-танцовщицей основные элементы и фигуры. Задорно смеемся, когда у нас не получается или сбиваемся с ритма. Бегаем по залу и кружимся, выплескивая то напряжение, которое нарастает в предвкушении церемонии.

Скоро! Скоро этот одиночный танец станет парным! Он будет самым важным событием в жизни, переломным, после него нет пути назад, нет возможности передумать и сказать: «Мы ошиблись. Давай пойдем разными дорогами». Связь станет прочной, неразрывной и будет такой же долгой, как наша жизнь.

– Класиво! Как класиво! Я тоже так хочу!

К нашему смеху присоединяется еще один голос. Звонкий, жизнерадостный. Он врывается в зал вместе с шустрым мальчишкой, за которым, по всей видимости, гувернер не уследил. Тот, кстати, тоже появляется, с ужасно виноватым выражением лица, покрасневший, бормочущий извинения, но вынужденный следовать за неугомонным сорванцом. Он пытается Горана поймать, но мальчишка не дается. Прыгает вокруг нас, прячась за юбками и весело требуя:

– Я хочу, хочу! Лина... Нет, Валя пусть со мной танцует! Со мной, со мной, да!

Мы хоть и оказываемся втянуты в процесс, а все равно с умилением за ним наблюдаем.

Ваймон же к брату относится с куда большей строгостью, потому ловит, останавливая, и предупреждает:

- Тебе нельзя. С девушками можно танцевать только на свадьбе.

- Почему? – удивляется малыш, который еще только познает законы нашего мира.

- Потому что после танца мужчина и девушка уже не смогут расстаться.

- Мне Валя нравится, я не хочу с ней расставаться.

- И мне нравится, – впервые за весь день улыбается Ваймон.

- Жалко, – с милой серьезностью хмурит синие бровки Горан, но не сдаётся. – А посмотреть на танец можно?

- Нельзя.

- Тебе можно, а мне нельзя, – обижается братик. Надувает губы и топает ножкой, обутой в лакированный синий сапожок. – Ладно! Вот я выласту и тебе не лазлешу смотлеть, как танцует моя жена!

- А мне разрешишь? – Я не выдерживаю и приседаю, чтобы его обнять.

- Ага.

Маленькие ручки обвивают мою шею. Щеке достается поцелуй, и малыш, забыв о своих обидах, вприпрыжку бежит на выход.

Смешной он. И очень милый. Я рада, что братик родился и подрос раньше, чем я замуж вышла. По крайней мере, родителям будет не так грустно со мной расставаться – у них Горан останется. Да и Ваймон ведь никуда не улетит. Избавится от необходимости за мной присматривать и займется наконец вопросами управления Вионом. Будет у отца учиться быть королем.

Ну а я... Я буду счастлива с тем, кого выбрала. Если, конечно, Рильмина исчезнет из нашей жизни и у Тогриса не возникнет желания снова пригласить ее в комнату для свиданий. Тогда и ее влечение угаснет раньше, чем мы улетим на Томлин.

- Идилинна! Вы опять ошиблись! Неужели так трудно запомнить? Сначала вы стоите здесь, потом отходите вот сюда. Влево, а не вправо! Пожалуйста, будьте внимательнее. Не заставляйте меня краснеть за вас при ваших родителях и гостях.

Я действительно задумалась и ушла в себя. Даже не заметила, как мы вышли на террасу, где нас ждал устроитель церемонии. Теперь он причитает, а я извиняюсь и пытаюсь разобраться в сложной последовательности движений. Когда начать, куда встать, к кому повернуться... Варию куда проще. Ей только в сторонке постоять, цветок принять и на танец выйти. А мне? Мне и к отцу подойти. И сквозь какую-то арку пройти. И жениху руку подать. И подождать... Да кто все это придумал?!

- Как – кто? – изумляется устроитель, всплеснув тонкими руками. – Это же свадебные традиции планет-столиц вместе сложились. Каждая что-то свое внесла, получилась дань уважения мирам, так много значащим для империи!

Мешанина получилась. Потому мне и не освоить быстро, что нет никакой логики. Мало того, все знакомые элементы расставлены шиворот навыворот. Шенориане, у которых арка – это символ защиты от падающих с неба метеоров, под ней несколько часов проводят. Мы же всего лишь краткий миг перед тем, как остаться вдвоем. Ночные часы наедине должны стать для нас проверкой чувств, хотя на Рооотоне для этого ждут наступления краткого дня. А поцелуй, который у ипериан означает помолвку, вообще будет завершением свадьбы!

Сочувствую наследницам, которые будут выходить замуж после меня. Наверняка лет через пятьсот уже все звездные системы нашего скопления будут в составе империи, а планет, побывавших столицами, наберется не пяток, а десяток. В конечном итоге ведь это число и до сотни дойдет. Бедные мои прапраправнучки!

Надеюсь, Тогрис не преподнесет сюрприза в виде какого-нибудь нового действия. Очень не хочется окончательно запутаться. Хотя, конечно, если папа скажет, что так нужно... Эх, не поспоришь.

В общем, в спальню я возвращаюсь еле живая. Можно сказать, доплетаюсь на последнем издыхании, мечтая лишь поесть и упасть на кровать. А ведь завтра еще один сумасшедший день предстоит! И суматохи будет ничуть не меньше, наверное, даже больше, потому что он последний перед помолвкой.

Вария тоже утомлена. Она даже не осталась с Ваймоном на ежедневный часовой тет-а-тет, традиционный с тех пор, как она стала совершеннолетней. Впрочем, сегодня причина, вероятнее всего, не в усталости, а в том, что вторая фрейлина отсутствует – у нее однодневный отпуск. А оставить меня одну, да еще накануне свадьбы... Скандал гарантирован.

Так что брат, пусть и не слишком довольный, проводив нас, все же уходит. А я, вернувшись в комнату из столовой и готовясь ко сну, жду, пока Вария закончит приводить в порядок мои волосы. Смотрю в зеркало, но больше не на себя, а на подругу, по розовым губам которой нет-нет да скользит мечтательная полуулыбка.

Ее состояние, как и недовольство брата, мне понятно. Она на гормональном допинге, а он боится, что ее привязка угаснет, если этот поток эйфории и наслаждения ослабнет.

Я Ваймона и порицаю, и сочувствую ему одновременно. С одной стороны, нечего было переходить к близким отношениям до свадьбы. Сам ведь сорвался! С другой, десять лет воздержания, когда любимая так близко... Кто бы на его месте устоял?

Поначалу я склонна была верить, что встречи брата и фрейлины носят исключительно платонический характер, но потом стала обращать внимание на припухшие губы, растрепавшиеся волосы и томный взгляд, когда Вария возвращалась. Но даже после этого мысль, что изменения могут быть связаны с чем-то большим, чем просто объятия или поцелуи, мне в голову пришла не сразу. Подозрения накатили лавиной, лишь когда Ваймон стал проявлять настойчивость в том, чтобы свидания были регулярными, а о них, кроме нас, никто не знал. Тогда я не удержалась и решила все прояснить.

– Вария, а вы с Ваймоном, случайно, не... – многозначительно не договорив, растянула фразу. Надеялась, что она сама догадается и признается. Увы. Лишь синие глаза лукаво на меня взглянули, сопровождая невинный вопрос.

– Что – не?

– Не любовники? – деликатничать я не стала, напрямую спросила. Но даже это не помогло, потому что фрейлина, посмотрев на меня с укором, спокойно ответила:

– Нет.

Ну-ну. Вижу я это «нет». Вот и сейчас в зеркале именно оно отражается, даром что сегодня парочка в вынужденном воздержании. Зато при первой же возможности Ваймон упущенное наверстает.

Секретность, с которой он это делает, вот что меня беспокоит. Да, я понимаю, что до моей свадьбы официально признать любимую фавориткой Ваймон не может – я же сама такое условие поставила, когда спасала его от скоропалительного брака с Ларилиной. Так что сейчас фактически Вария для моего брата неофициальная любовница, а это считается неприличным. Разовый секс, чтобы сбить привязку, – пожалуйста. То есть получила ты удовольствие, избавилась от влечения к тому, кому ты не нужна, и пошла искать другого, более достойного. Либо стала женой, если он этого хочет. Либо фавориткой – постоянной законной любовницей, раз уж женой никак. Но длительные близкие отношения без обязательств... Это аморально.

Так что я виновата в шатком положении, порицаемом в обществе, в котором находится Вария. Надеюсь, она на меня за это не сильно обижается и отказ признаваться связан не с этим, а с опасениями потерять место фрейлины. Вряд ли мои родители оставили бы без внимания подобное нарушение приличий. Уж если Тогриса за куда меньшее прегрешение попросили улететь, чтобы не было скандала, то Варию с позором выгнали

бы точно.

Получается, правильно подружка делает, что все отрицает и даже мне не признается. Вдруг я случайно их тайну выдам? Ведь потом сама себе этого не прощу. Не зря же говорят: меньше знаешь, меньше наделаешь проблем. Себе и другим.

Соединяет два сердечка обручальное...

Колечко.

– Тогрис поставил еще три фрагмента стены-укрепления и говорит: «Будьте внимательнее, Эриш. Прошлый ход вы сделали рискованный. Проиграете». А тот ему: «Не проиграю! Смотрите!» И отправляет боевых юнитов как раз туда, где, скрытые силовым экраном, стоят самые мощные защитные башни Ваймона. Ясное дело, они тут же всех и уничтожили. И все. Дальше играть смысла уже не было.

Я смеюсь, представляя изумленно вытянувшееся лицо молодого томлинца, которого Тогрис по прилете отрекомендовал нам как своего кузена и нового министра внешней политики. Они позавчера с папой и Ваймоном в «Ривус» играли. Само собой, после этого брат с Варией впечатлениями поделился. Вот только вчера она их не пересказала – утром меня совсем иное занимало, а потом забылось.

Зато теперь фрейлина воодушевленно рассказывает, ловко сплетая свои длинные волосы и укладывая их венком на голове. Она приводит себя в порядок, а моей прической занимается Рильмина, появившаяся в нашей спальне под утро.

Томлинка непривычно молчалива. Сама на себя не похожа, словно ее подменили. Раньше она на такой рассказ точно бы отреагировала каким-нибудь язвительным замечанием.

– Ай! Осторожнее! – дернувшись от боли, я хватаюсь за голову. На пол падают заколка и расческа, которыми наперсница так неаккуратно воспользовалась.

– Простите, я случайно, – поднимая вещи, бормочет девушка.

Я даже оглядываюсь и осматриваю комнату, не доверяя собственным глазам, которые в отражении зеркала видят, что Ваймона здесь нет. Значит, нет и необходимости в официальном обращении.

– Рильмина, с тобой все в порядке? – задаю вопрос, начиная чувствовать беспокойство.

– Да, да... – отвечает она с прежней заторможенностью, неторопливо расчесывая мои локоны. И во взгляде поволока. Вот ведь как меняет восприятие мира и поведение длительная привязка! Вернее, процесс избавления от нее. Организм вроде и получил то, что хотел, но до конца еще не прочувствовал – достаточно ему этого или он хочет повторения. А потому не в состоянии определиться, что теперь с этим новым ощущением делать. Этот эффект может на несколько дней растянуться, иногда до месяца требуется, чтобы влечение окончательно сошло на нет. Тут главное, чтобы контакты с мужчиной на этом прекратились.

Любопытно, как быстро моя фрейлина поймет, что все закончилось и Тогрис ей не нужен? И когда же она справится со своими обязанностями? Я такими темпами хорошо если к обеду соберусь.

– Вы еще не готовы? – В раскрывшийся проем заглядывает Ваймон. На меня он смотрит лишь первое мгновение, а дальше только на Варию, хотя по-прежнему говорит со мной. – Идилинна, поторопись. Через полчаса тебя родители ждут в малой гостиной.

Сказал и исчез. Ведь мог и письменным сообщением ограничиться, но все равно пришел лично. Для чего? Да для того, чтобы любимую лишний раз увидеть.

Я его понимаю. У меня самой все мысли о встрече с Тогрисом. Нам ведь так и не удалось побыть вдвоем. Делегация томлинцев прибыла на Вион официальная, многочисленная – все приглашенные на свадьбу. Потому и встреча прошла на высшем уровне, который

личных бесед не предполагает. А потом нас обоих взяли в оборот устроители церемонии, да еще и Тогрису пришлось Рильминой заниматься... Так что я с огромным нетерпением иду к родителям, надеясь, что хотя бы после разговора у меня появится шанс на пусть самое-самое коротенькое, но свидание.

И когда, шагнув на порог той самой гостиной, где мы собираемся исключительно в тесном семейном кругу, я вижу своего жениха, это становится приятной неожиданностью. Нарядный, в строгом черном костюме с желтыми вставками, он сидит в кресле напротив дивана, где разместились родители. Я непроизвольно направляюсь к нему, но Ваймон ловит меня за локоть и усаживает в соседнее кресло. Сам остается позади, однако я быстро забываю о его присутствии. Ведь Тогрис смотрит на меня не отрываясь. Я и без того в радостном предвкушении была, а теперь улыбка не сходит с моих губ. Какой же он все же... притягательный! Сидеть так близко и не иметь возможности прикоснуться – невыносимо. Ох, быстрее бы наступило завтра!

– Кхм... – пытается привлечь наше внимание папа, но мы по-прежнему поглощены друг другом, и он не выдерживает: – Так. Лина, Тогрис, хватит! Завтра будете друг другом наслаждаться, а сегодня, прошу, на мне сосредоточьтесь!

Мне с трудом удается опустить взгляд. Теперь я старательно смотрю куда угодно, но не на того, к кому стремлюсь всем сердцем. И слушаю, потому что просто так отец не стал бы нас приглашать. Точно есть важная причина.

– Беседа неофициальная, как вы уже поняли. Вопрос, который нужно обсудить, касается и нас и империи в целом. Мы должны выбрать традицию Томлина, которая станет единой для всех планет империи. Решить, будет ли она удачной и гармоничной, послужит ли сплочению империи и не приведет ли к ее дисбалансу. А затем уже вынести ее на одобрение в совет Объединенных территорий. Тогрис, мы вас слушаем.

Папа говорит мягко, даже маму обнимает, показывая, что обстановка действительно домашняя и уютная. Поэтому в голосе моего суженого нет напряжения.

– Спасибо, Литт, – благодарит он отца, в очередной раз запнувшись перед именем. – У меня два предложения. Первое, это все же законодательно ввести указание титула в официальном разговоре. Я понимаю, вам всем привычно называть просто имя, но для меня это настоящее испытание. Боюсь, что не выдержу, если ко мне как к императору обратятся, игнорируя титул. Вторая традиция очень красивая, она, несомненно, станет украшением свадебной церемонии. Это дарение невесте колечка.

– Мм... – задумывается папа. – С первым понятно. И причины, которые лежат в основе вашей просьбы, тоже. А кольцо?

– На Томлине кольцо, которое мужчина надевает на палец женщине, – это символ зачатия. Демонстрация серьезности намерений и желания иметь от любимой ребенка, а не просто получать и дарить удовольствие.

– Не понимаю, – нервно выдыхает мама, которая к вопросу детей всегда относилась болезненно. – Для этого есть кулоны.

– Кулон – это просьба женщины, а кольцо – принятое мужчиной решение, – объясняет различия Тогрис.

– В каком смысле – принятое? Это обещание, что ребенок будет зачат, когда женщина захочет? Или констатация факта, что женщина забеременеет, потому что мужчина считает это уместным? – не успокаивается мама. И я не понимаю ее волнения, пока не слышу:

– Второе.

– Литт! – едва не задыхается от возмущения родительница. – Это невозможно! Нет, нет и нет! Я против! Вы хотите лишить женщин едва ли не единственного их права? Мы и так во всем ограничены! Работать на ответственных должностях нельзя. В управлении нельзя. А если кого и допускают, то только под строгим контролем. Создать семью или сбить привязку – тоже не мы решаем. Если лишимся возможности планировать рождение детей, кем тогда станем? Безвольными куклами, во всем зависящими от

мужчин?

– Милая, успокойся, – примирительно уговаривает папа. – Мы же не ограничиваем вас в выборе одежды, жилья, прислуги, того, чем заниматься в свободное время... У женщин достаточно прав.

– А станет на одно меньше! Лина, не вздумай соглашаться! – вспомнив, что я еще не высказала своего мнения, восклицает мама.

– Дочка? – Папа выжидательно на меня смотрит, а я...

Я в ступоре не меньшем, чем мамино возмущение. Да, мне хочется, чтобы Тогрис был со мной счастлив, но я не готова так быстро заводить детей! Мне хочется хотя бы пару лет наслаждаться единением с тем, кого я люблю. А ребенок при всем том, что у нас будет уйма помощников, все равно отнимет много сил и времени. Получится, что мужа, который и так будет занят вопросами управления, я буду видеть очень редко. И вообще, у меня двести, а то и триста лет в запасе! Куда торопиться?

Одно дело, когда я захочу ребенка, тогда о нем попрошу. И совсем другое – принять кольцо и находиться в постоянном напряжении, зная, что у мужа есть право больше меня не спрашивать и моим мнением на этот счет не интересоваться. То есть я могу забеременеть и сразу после свадьбы, и в любой другой день, когда ему захочется? Ну нет! Никаких колец. Точка.

– Я не приму кольцо, – упрямо заявляю, соглашаясь с мамой. – Я хочу остаться свободной в своем праве решать, когда у нас появится ребенок. И подарю мужу кулон, когда сама захочу забеременеть.

Папа, пожав плечами, вновь притягивает к себе маму, которая, нервничая, выскользнула из его объятий. Она, вздохнув с облегчением, уютно устраивается в кольцо его рук, положив голову на плечо. Тогрис тоже вздыхает, но совсем иначе – растерян, с сожалением. Однако, удивляя меня, не спорит.

– Пусть остается кулон, мне будет приятно его получить. Я просто подумал... – прикусывает губу, словно сомневаясь, говорить или нет. Бросив быстрый взгляд на моего отца, заинтересованно приподнявшего бровь, отступает. – Не важно. Если имперский совет одобрит традицию именования, этого будет более чем достаточно.

Мне же безумно интересно: что он хотел сказать? Вот только не та обстановка и окружение, чтобы спрашивать. А когда оно меняется, мне опять не удастся остаться с суженым наедине. Его и моего отца снова ждут на репетиции, обоим императорам – и будущему, и нынешнему – на второй день свадьбы предстоит очень длительная и сложная церемония передачи власти. Да и мне следует повторить последовательность перемещений, чтобы не путаться. А еще нужно выгулять Драка – он и так, бедненький, вчера весь день в загоне сидел, потому что и я и Рильмина заняты были.

– Мне тоже традиция с кольцом не понравилась. Хорошо, что ты отказалась, – неожиданно слышу за спиной, когда в сопровождении фрейлин торопливо иду по парку к побережью. Там, рядом с гидрариумом, поселили моего питомца.

Оглянувшись, вижу догнавшего нас Ваймона. Через мгновение его рука уже обнимает Варию, которая буквально на глазах расцветает и воодушевляется.

– Из-за Ларилины? – спрашиваю, хотя мысль брата мне и так ясна. Если кольцо станет помолочным, то есть обязательным, то и у мужчины не останется возможности отказаться от рождения детей. Или хотя бы одного ребенка. Фактически он этим подарком своей жене его уже гарантирует.

– Ну да. Я хотя бы на законном основании могу не принимать ее кулона.

– А мой примешь? – игриво интересуется Вария.

– Хоть сейчас, – не задумываясь, отвечает Ваймон. – Подаришь?

– После свадьбы подарю, – смеется фрейлина. – Когда буду уверена, что не разлюбил.

– А сейчас, значит, не уверена? – наигранно сердится брат. – Ну, держись! Придется тебе доказывать обратное!

Он якобы случайно убирает руки и, когда Вария с визгом подхватывает юбку и бросается наутек, бежит за ней. Дорожка, по которой мы шли, узкая, поэтому девушка с нее сворачивает и лавирует между кустами, не позволяя себя поймать. Ваймон же решительно отсекает ей возможность вернуться ко мне, и они постепенно убегают все дальше, исчезая из виду. Я улыбаюсь и смотрю им вслед, но радость мою быстро приглушают непередаваемо горькие нотки в голосе оставшейся рядом Рильмины.

– Счастливые... – Впрочем, тон быстро меняется, становясь напористым, сердитым. – Но глупые! Ларилина испортит им жизнь. Я бы на месте Варии действовала, а не ждала, пока мужчина проблему устранил.

Подумав, что бессмысленно выяснять, как именно, по ее мнению, следовало поступить фрейлине, я предпочитаю ответ, который польстит самолюбию томлинки. Она и так чувствует себя ущемленной.

– Ты решительнее, чем Вария. А если Ваймон правильно построит семейные отношения, то жена ничего не испортит.

– Н-да? – хмыкает Рильмина. – Я как-то сомневаюсь... Смотри!

Дорожка, свернув, выводит нас на открытую площадку перед глубоко врезающейся в береговую линию узкой полосой залива. И я сразу вижу причину скепсиса наперсницы: у входа в гидрариум, уперев руки в боки, стоит Ларилина. Напротив нее, в позе не менее властной, замер Ваймон, а за ним прячется Вария, которую брат прикрывает своей спиной.

Хотя мы и так идем быстро, я прибавляю шаг и, когда оказываюсь достаточно близко, слышу:

– Не потерплю!

– И не надо!

– Надо! Вай, она же на мое место метит! Разве не видишь? Все делает, чтобы ты с ней на первый танец вышел!

– Это не так! Вария ради меня готова на все. А ты ничем жертвовать не хочешь.

– Да, не хочу! – топает ногой девушка. – Я влюбилась в тебя раньше! И столько ждала не для того, чтобы так просто отдать тебя этой сиурве!

– Выбирай выражения, Ларилина, – злится Ваймон. – Иначе собью привязку насильно, и не жалуйся потом, что не можешь забеременеть.

– Ха! Напугал! Я не дорада! У меня и так детей не будет, раз ты кулон брать не хочешь! Так что какая разница, по какой причине я буду бездетной? А так хотя бы от тебя удовольствие получу...

– Ну хватит! – приказываю, пользуясь тем, что этикет мне это позволяет. Иначе они тут друг другу такого наговорят, что потом сами не рады будут. – Нашли время и место отношения выяснять! Скажи лучше, почему ты здесь одна?

– Родители завтра на жиралях прилетят, – вынужденно переключается на меня девушка. Впрочем, в синих глазах по-прежнему сверкает негодование, перемешанное с обидой. – А я хотела во дворце церемонию отрепетировать. И спальню подобрать, где мы с Ваймоном будем проводить время. Мне не нравятся гостевые покои, в которых я в прошлый раз жила. Мама сказала, что у жены короля, даже будущего, должны быть лучшие комнаты во дворце...

Она плаксиво лепечет, а я на брата смотрю, который едва сдерживается. У меня даже ощущение возникает, что еще немного, и он сорвется. Скажет, что никакой свадьбы не будет, а от трона он отказывается.

Но все же я ошибаюсь. Прикрыв глаза, Ваймон несколько раз глубоко вдыхает воздух, накрывает своей рукой ладонь Вари, которая гладит его по плечу. А когда Ларилина замолкает, спокойно говорит:

– Тебе нужно было предупредить меня о своих планах. Я бы тебя встретил, и тебе не пришлось бы волноваться.

– А я и так не волнуюсь, – цедит невеста, передергивая изящными плечами в облаке кружевных белых оборок. – Просто напоминаю. Чтобы ты о нашем договоре не забыл.

Тон предупреждающий, взгляд, брошенный на меня, можно трактовать так: я кое-что знаю, но ты, надеюсь, не знаешь. Ваймон молча наклоняет голову – типа помню, не дурак. А вот в глазах Вари мгновенно появляется страх. И она сама вздрагивает.

Так-так-так... Ларилина, похоже, опустилась до шантажа. Но чем же она могла так крепко зацепить Ваймона? Чем, чем... Тем, что Вария его неофициальная любовница, вот чем. Как-то узнала, увидела, донесли... Не важно. Главное, она этим воспользовалась, чтобы удержаться в нужном ей статусе. Наверняка потребовала первый танец в обмен на молчание.

И это более чем неприятно. Это гадко, противно, мерзко... Но тут даже я ничем не могу помочь.

Пусть будет сложной подготовка, зато легко пройдет...

Помолвка.

– Идилинна, просыпайтесь, пора вставать, – ласково зовет меня голос Вари, и я, откинув одеяло, сажусь на постели.

– Уже не сплю, – сообщаю удивленной подруге.

Ну да, обычно по утрам меня не добудиться. А вот в эту ночь мне не удалось нормально поспать. Столько мыслей крутилось в голове, столько эмоций бушевало в душе... Я ворочалась в кровати, в комнату гигиены на цыпочках бегала, в столовой воду пила и снова ворочалась, не в силах совладать с волнением. Задремала лишь под утро, но все равно слышала, как фрейлины, которым этикет предписывает просыпаться раньше наследницы, шуршали одеждой и покрывалами, приводя в порядок себя и комнату.

Конечно, это не слишком хорошо, что я не выспалась, – день предстоит долгий и нервный. Но теперь-то время назад не вернешь. Его и так не хватает.

Не успеваю я набросить на плечи халатик, как в комнату заглядывает Ларилина. Платье нарядное, синее, прическа шикарная, улыбка на губах.

– Доброе утро, Идилинна, – нежно воркует, усаживаясь на диван. – Я только что с Ваймоном говорила. Он просил вас предупредить, что первую половину дня проведет с вашим женихом.

– Спасибо, – вынужденно благодарю за известие, которое и без нее знаю.

Это тоже часть обряда. До момента официальной встречи будущего жениха и невесты они оба проводят время в исключительно мужской и, соответственно, исключительно женской компании.

– Ваша мама придет через полчаса. Моя присоединится к нам перед прогулкой. Остальные женщины и девушки, приглашенные на праздник, будут ждать уже в парке, – деловито продолжает выполнять функции организатора Ларилина, не обращая внимания на косые взгляды фрейлин.

Я подруг понимаю. Им, как и мне, прекрасно помнится вчерашнее. И то, что брат вынужденно оставил Варию и повел будущую невесту во дворец, никому из нас не понравилось. Однако отреагировали мы по-разному. Рильмина пробурчала, что надо было все же Ларилину скормить Драку, пока тот маленький был. Вария промолчала,

грустно посмотрев вслед любимому. Ну а я, присмотревшись к изумительным и очень дорогим камням, украшавшим платье вице-принцессы, вспомнила свои подозрения относительно финансов, вложенных вице-королем в постройку второго дворца. Вспомнила, что говорила об этом маме, и она обещала все выяснить. Эх, если бы нашелся повод обвинить семью Ларилины в махинациях и присвоении средств! Он стал бы неоспоримым основанием для отказа в танце!

Жаль только, не оправдались надежды.

– Доходы легальные, – сообщила мама, едва я, вернувшись после прогулки, напомнила ей про обещание. – Вернее, с позиции политики империи они, конечно, незаконны, потому что торговля налажена через Милбар. Но две трети дохода идет в казну Виона, де'вРон забирает лишь остатки. Так что, сама понимаешь, папа на контрабанду глаза закрывает. Прекрывать такой источник дохода глупо.

Вот и провалилась моя попытка хоть чем-то помочь брату. Хотя, я уверена, он и сам эту информацию проверял. Может, Ваймон и мягкий и уступчивый характером, как большинство мужчин-вионцев, но в уме ему не откажешь.

– Лина, ты почему опять в столовой так долго? Смотри, наберешь вес, тебя потом даже Драк в небо не поднимет!

Хотя дверь закрыта, громкий голос мамы все равно прекрасно слышен, и я от неожиданности прекращаю жевать. С удивлением смотрю на опустевшие тарелки и стаканы, понимая, что родительница права. Я на нервной почве только сплю плохо, а ем очень даже хорошо. Крученые ральфики в кисло-сладком соусе, тонкие хрустящие полоски агузы, мелкие липкие шарики пельцы, сочные дольки плодов дагри, красный сок льяри, тягучий экстракт из шоста... Кухня у нас работает великолепно, все блюда очень вкусные и в любую столовую дворца поступают в большем объеме, чем нужно ее владельцу. Ну а вдруг что-то не понравится, а что-то, наоборот, понравится больше всего?

Мне сейчас все по вкусу, и потому с количеством съеденного я точно переборщила. Это если посмотреть со стороны. А вот если прислушаться к своему организму, то недоела однозначно. Я все равно голодна. Вот что значит иметь шенорианские гены!

Запихнув в рот последний оставшийся ральфик и торопливо его прожевывая, выхожу.

– Ага... – Мама придирчиво оценивает мою фигуру, переводит взгляд на раздувшиеся щеки и констатирует: – Я так и думала. Она в платье не влезет. Ну что, помолвку отменим или одежду перешивать будем? Как думаете, девочки?

– Мама! – разом проглотив то, что жевала, возмущенно восклицаю я.

– Ладно, ладно, уж и пошутить нельзя, – смеется родительница, увлекая меня за руку к гардеробной. – Нужно же тебя как-то расшевелить! И фрейлин. А то и у них настрой мрачный. Одна Ларилина выглядит довольной.

– А у меня всегда отличное настроение. Даже когда не все идет удачно, – весело откликается подхалимка. Она и не думает нам помогать, сидит себе на диване, играя с розовым ик'лы.

– Это вам хорошо, когда другим плохо, – тихо-тихо вздыхает Вария.

Слышу ее только я и то лишь потому, что фрейлина у меня за спиной стоит, помогая расправить закрутившийся вокруг пояса подбюник.

– И у тебя все будет хорошо. Ваймон обязательно найдет выход. У него еще целых два дня до свадьбы, – обнадеживаю подругу, пользуясь тем, что мама увлеченно раскладывает верхнее платье на диване и не обращает на нас внимания.

В ответ получаю вымученную улыбку. В глазах все равно печаль. Вария мне не верит и разочарование в любимом с каждой минутой растет. А все почему? Да потому что близости с Ваймоном у нее не было... дня три, наверное. Может, и больше. У нас тут такая круговерть с подготовкой к празднику, что утверждать я не берусь. А привязка Вари танцем не закреплена, держится на честном слове. То есть на регулярном сексе.

Ох, не зря брат переживает! Так ведь и потеряет любимую. Она же, если угасание пойдет быстро, никакого цветка не примет и фавориткой быть не захочет. Даже на танец может не согласиться, если разлюбит.

Возможно, я перегибаю палку. Возможно, Вария любит его не только телом, но и душой. Тогда, конечно, и влечение пропадать будет очень и очень медленно. Тут ведь у всех по-разному идет процесс. Индивидуально. Одинаков лишь итог. Нет танца или секса – нет привязки. Пшик.

– Неужели влезла? – преувеличенно удивленно восклицает мама, когда Рильмина все же стягивает на моей груди корсаж, основательно поднимая грудь, а Вария завязывает ленты шнуровки на талии. Хорошо, что мне еще легкая вуаль положена, открытый верх не будет смотреться так вызывающе.

– Мама, вот скажи честно, а как ты с этим справляешься? – не выдерживаю я. Нет, ну на самом деле! Она же шенорианка. У нее должны быть те же проблемы.

– С чем именно? С аппетитом? – уточняет родительница.

– Да. Ты ведь не так много ешь?

– Какие у тебя вопросы неприличные, – загадочно улыбается мама, разглаживая юбку бледно-желтого платья. Вовсе не голубого. Лишь синяя вышивка по подолу и кромкам поддерживает традиции Виона. – Впрочем, ты девочка взрослая...

– Почти, – огорченно вздыхаю я.

Расстраиваюсь я не без причины. Мне ведь вчера двадцать пять исполнилось, поэтому и помолвку на сегодня назначили, но половозрелой я так и не стала. Надеялась, что хоть сегодня это произойдет. Увы. Никаких намеков на изменения. Видимо, мой организм решил не торопиться. Обидно. А ведь я так хотела, чтобы первая ночь нас с Тогрисом по-настоящему сблизил!

Мама моего замечания не слышит, потому что Ларилина, заинтригованная не меньше меня, вскочила на ноги, чтобы подойти ближе. И уронила беднягу ик'лы, который нервно пискнул, заглушив мой голос.

Укоризненно посмотрев на потенциальную невестку, огорченно лепечущую «ой, я случайно», родительница продолжает:

– Организм шенориан запасает вещества впрок, чтобы надолго хватило, когда наступает голодное время. Но делает он это только в том случае, когда у него нет уверенности, что пища появится. Если женщина и мужчина... едят... вместе... вернее... – Паузы повторяются с завидной регулярностью, потому что мама никак не решается сказать как есть. И все же говорит: – Если мужчина кормит женщину из своих рук, то организм снижает запросы, потому что чувствует – рядом тот, кто может его питанием обеспечить... Хватит хихикать! – сердится, потому что мы все без исключения, кто громче, кто тише, смехом пытаемся замаскировать смущение. – Лина, будешь так реагировать, выйдешь к гостям с красным лицом!

А я бы и рада не реагировать, да только как? Это ведь жутко неприлично! Мало того что кто-то смотрит, как ты ешь, так еще и... кормит. Брр. Хорошо хоть я до свадьбы узнала о таком извращении. Наставницы, когда мы личные отношения с мужчинами разбирали, ничего подобного не рассказывали. Стыд-то какой! И мне это предстоит? Ой, нет! Лучше я заранее попрошу Тогриса ничего такого не делать. Если, конечно, смелости наберусь. А может, он и сам не захочет? С чего бы ему вдруг меня кормить? Тем более он не шенорианин. С другой стороны, папа, судя по маминым словам, именно этим с ней занимается. Хотя, возможно, лишь потому, что она попросила? Чтобы не хотелось есть много. И на других планетах мужчины такого безобразия не практикуют?

Вопрос так сильно меня волнует, что я теперь лишь о том думаю, кто мне на него ответит. Кто, кто... Рильмина, больше некому. За все планеты она, конечно, ручаться не будет, но за свою-то может.

Вот только спросить возможности нет. При маме и Ларилине этого не сделаешь, а количество тех, кто может разговору помешать, увеличивается по мере того, как мы

покидаем мои апартаменты и приближаемся к парку. Появляется возможность лишь там, где кустарники не дают женскому сообществу обступить меня плотно.

– Думаю, он захочет, – в лоб ошарашивает меня Рильмина, когда я тихо задаю вопрос.

– Почему? – расстраиваюсь. Все же я надеялась иное услышать.

– Потому что, когда Тогрис раненый в постели лежал и я его кормила, ему нравилось. – Томлинка даже не пытается смягчить шокирующую информацию.

– Ты?.. Сама?.. – Я мучительно краснею, чувствуя, как кровь приливает к щекам.

– А что мне оставалось? – отводит взгляд фрейлина. Впрочем, ее тон остается уверенным и резким. – Дать ему умереть с голоду? Да и влечение все равно уже развивалось, я ведь чувствовала.

Мы выходим на открытое пространство, где меня вновь обступают весело щебечущие девушки, и я облегченно вздыхаю, радуясь, что приходится прекратить неприятный разговор.

Привязку сбить куда ни шло, но кормить... Возмутительно! Это... это... А вот это как раз ответ на вопрос, почему организм Рильмины так долго не теряет тяги к Тогрису. Еще бы! Такой контакт провокационный!

Фрейлину я осуждаю куда больше, нежели ей сочувствую. Страдает она из-за собственной неосторожности. А вот нечего было идти на поводу у жалости! Пусть бы сам ел. И слабость тут не оправдание. Собрался с силами и ложку до рта донес! Мужчина он, в конце концов, или нет? Дети и те стремятся к уединению во время еды, им, только пока они совсем несознательные, кормильцы помогают. А тут – на тебе, нравится! И ладно бы с той нравилось, на которой жениться собрался, то есть со мной, так ведь нет! Мало того что с совершенно посторонней девицей такой интимный процесс разделял, так еще и делал это с удовольствием!

Возмущение так и кипит в душе. Я не замечаю, как мы выходим на площадку, где будет проводиться помолвка. И на прекрасный фон – оплетающие камни зеленые вьюны и гирлянды цветов – тоже внимания не обращаю. Не вижу даже Драка, который чуть в стороне от приглашенных на торжество империян нетерпеливо ждет прогулки. Я до тех пор негодую, пока среди встречающих нас мужчин взгляд не находит виновника моего состояния.

Тогрис смотрит не отрываясь, словно каждым моим шагом любит, и я о Рильмине забываю тут же. Ведь он такой... такой... Желанный! Статный, красивый, притягательный! Невольно ускоряюсь, стремясь как можно быстрее оказаться рядом, коснуться руки, почувствовать тепло его ладони, услышать мягкое, ласкающее: «Добрый день, фисса Идилинна».

Титул он произносит уверенно – вчера имперский совет принял нововведение. Впрочем, скоро, уже через пару часов, когда церемония будет завершена, моему жениху это не понадобится. Он сможет и имя сокращать, и обращаться ко мне неофициально. Наконец-то мы хоть в этом станем ближе, избавившись от необходимости соблюдать условности.

И как же я рада, что все, что мне приходится делать, отработано до автоматизма. Мне совсем не хочется думать о том, куда идти и что говорить. Я с волнением слежу лишь за тем, что делает Тогрис. Послушно слеую за ним через увитую вьюном каменную арку. Млею от счастья, ощущая крепкое пожатие руки. С трепетом ловлю каждое слово, которое он произносит, опустившись передо мной на одно колено:

– Фисса Идилинна Мео Эвон, наследница Виона, дочь империи Объединенных территорий. Я, Тогрис Ламин цу'лЗар, король Томлина, прошу разрешения назвать вас своей невестой.

Ответа от меня не требуется. Вернее, подтверждение даст мой отец, а вовсе не я. Так что я лишь улыбаюсь, всматриваясь в оранжевые глаза и слушая уверенный, размеренный голос отца.

– Ферт Тогрис Ламин цу'лЗар. Я, Литт Эвон ди'Дон, император Объединенных

территорий, даю согласие на брак. Завтра ты принесешь клятву служения империи. Послезавтра моя дочь станет твоей женой, а ты императором. Помолвка совершена.

Вот и все. Теперь я настоящая невеста!

Его коснись (даю подсказку), и получишь ты...

Привязку.

Не скрывая своей радости, смотрю, как жених поднимается с колена, чтобы крепко взять меня за руку. Как же я мечтала об этом!

У нас целый вечер и вся ночь впереди! И мы не ограничены в том, как их провести. Можем летать на Драке, можем плавать на агралях, можем бродить по парку, пока не надоест. Можем провести время среди гостей, можем остаться наедине, можем выбрать ограниченный круг тех, с кем нам будет приятно провести время. Можем сразу вернуться во дворец, можем гулять до заката, а можем не спать всю ночь, наслаждаясь обществом друг друга. Даже ужинать можем вместе, хотя, честно говоря, не представляю, как мы будем это делать. Только близкие отношения для нас пока невозможны, и то лишь потому, что мой организм упрямо не желает предоставлять нам этой возможности. А мне так хочется!

– Лина, – ласково зовет Тогрис, – ты о чем задумалась?

– О том, как будем развлекаться, – улыбаюсь, впервые услышав совсем иное к себе обращение, и намекаю: – Драк сегодня еще не летал.

– Выгуляем обязательно, – обещает жених. – Кстати, ты не будешь против, если вечер с нами проведет мой кузен Эриш? Ты можешь пригласить своих фрейлин и брата. Получится прекрасная компания.

Я расстраиваюсь, конечно. Все же побыть вдвоем меня бы устроило больше. С другой стороны, а чем нам наедине заниматься, раз секс еще невозможен? Да и ночью времени для личного общения будет много.

Потому с женихом и не спорю. Пока он отыскивает своего кузена, сообщаю растерявшимся подругам и брату о нашем решении. Недовольный взгляд Ваймона игнорирую. Да, он наверняка рассчитывал приятно провести время с фрейлиной в мое отсутствие, но тут уж вариантов никаких. Потерпит. Пусть скажет спасибо, что я Варию с собой беру, а не Ларилину.

Эриш оказывается приятным молодым томлинцем, действительно похожим на Тогрису, хотя, разумеется, до него ему далеко. Слишком высокий, глаза блекло-оранжевые, излишне худощавый, нос длинный и волосы какие-то... не такие, в общем. Во всех его чертах я вижу недостатки, которых нет у моего любимого.

– Летим до Вагдрибора, – пока я рассматриваю нового знакомого, инструктирует Тогрис. – Гуляем по пригороду, потом возвращаемся в замок.

Наши спутники усаживаются на жиралей, мы забираемся на Драка, который ворчит, почувствовав прикосновение чужака. Успокаивается, лишь когда я оказываюсь на нем первой. Но даже после этого я вижу, как щелевидный зрачок, хорошо заметный на желтой радужке, внимательно и недобро посматривает на второго наездника, сидящего позади меня.

– Краги жуткие собственники, – вполголоса говорит Тогрис, обняв меня и прижав к себе. – Жаль, что вылупился мальчик, ему теперь сложно будет найти себе пару. Обычно мы самцов обкатываем только после того, как они привязываются к самочке. Тогда они любого наездника принимают, лишь бы пара была рядом.

– А определить пол, пока краг в яйце, нельзя? – Откинув голову ему на плечо и закрыв глаза, я наслаждаюсь уютными объятиями и теплым ветром, несущимся навстречу.

– Увы, – чувствую, как мужчина пожимает плечами. – Скорлупа очень толстая, особенно

в начале развития. Ее даже специальными приспособлениями просветить невозможно. А когда истончается, потому что вещества уходят на развитие скелета и чешуи, яйцо лучше не трогать. Оно становится уязвимым.

Да, это я помню. Был момент, когда Рильмина строго-настрого наказала не то что пальцем не прикасаться, даже не дышать рядом с яйцом. А через пару дней оболочка стала тонкой, как пленка, и прозрачной настолько, что я крага сквозь нее видела. И он меня тоже. Следил своими желтыми глазами за моими передвижениями по комнате. Запоминал, видимо. Оттого и ревнует сейчас. Даже к Рильмине относится иначе, словно понимает, что она для него всего лишь воспитательница.

Слезаю я с Драка после жениха. В первую очередь из-за соображений его безопасности. Во вторую, потому как Тогрис мне помогает... Нет, как раз вот эта причина главная! Соскользнуть со спины крага в объятия любимого – непередаваемое удовольствие. Видеть в его глазах восхищение – огромная радость. Чувствовать силу его рук и близость тела – невероятное наслаждение!

Я и на том, что нас окружает, не могу толком сосредоточиться. Возвышающиеся над невысокой растительностью дома. Ну да, вроде красивые... Вид на королевский парк. Можно подумать, я его раньше не видела... Закат Адапи, окрашивающий все в причудливые оранжевые оттенки. Всю жизнь только его и наблюдаю. Хочется уже разнообразия.

– Как же я на Томлин хочу, – протяжно жалуюсь, теснее прижимаясь к обнимающему меня за плечи мужчине. – Там все будет новое, привлекательное, и ты всегда будешь рядом. Твой замок, краги, подземные озера, пустыни. Наверняка все это завораживающе красиво! Я от Виона устала. Тут все такое обычное, скучное...

– Ты несправедлива, любимая, – нравоучительно, но очень ласково говорит Тогрис. – Вион прекрасен. И другие планеты тоже.

– Нет, – не сдаюсь я. – Томлин лучше всех! Ты сам посуди. На Ле до жути холодно, на Рооотоне мрачно и темно, на Шеноре страшно, на Ипере тишина гробовая! А Томлин... – мечтательно жмурюсь от удовольствия. – Теплый...

– Жаркий, – неожиданно перебивает меня чужой голос.

Я не сразу соображаю, что это идущий за нами следом Эриш сказал. А когда понимаю, оглядываюсь на наглого томлинца, награждая возмущенным взглядом. Ну вот кто просил его вмешиваться в наш разговор?

– Песчаный... – упрямо возвращаюсь к перечислению достоинств.

Но и кузен не сдается:

– Пыльный.

– Бескрайний, – начинаю злиться я.

– Душный.

Да что ж такое?! Так и хочется вспылить, но рука Тогриса нежно касается шеи, скользя пальцами к затылку, а глаза смотрят с такой заботой, что я тут же теряю воинственный запал. Зачем доказывать что-то совершенно постороннему и неинтересному для меня мужчине? Главное, чтобы Тогрис был мной доволен.

– Эриш, ты бы не моей невесте надоедал, а Рильмину беседой развлек. Девушке скучно, разве не видишь? – встает на мою защиту жених.

Я, хоть мне и хочется прильнуть к нему и благодарно курлыкнуть, как почувствовавшему тепло ик'лы, все же отыскиваю глазами фрейлину.

А ведь она действительно не рада прогулке. Держится на расстоянии, на лице каменная маска, губы плотно сжаты, по сторонам не смотрит, только на дорожку. С другой стороны, а чему ей радоваться? Это Вари и Ваймону хорошо. Они хоть и стараются не слишком привлекать к себе внимание, но все же заняты друг другом.

Не знаю, чем руководствовался жених, когда подбирал наше окружение, но сделал он это не слишком разумно. Или же...

Неожиданная догадка заставляет иначе посмотреть на происходящее. Сгорая от нетерпения, дожидаться, когда кузен соизволит приступить к исполнению рекомендации. Замедлить ход, чтобы еще больше увеличить расстояние между нами и нашими спутниками. И наконец спросить:

– Ты специально их сводишь вместе? Хочешь, чтобы она в него влюбилась?

– Рильмина Эришу нравится. Они будут хорошей парой, если все сложится. Ты же не против?

Я? Против? Да я после Тогриса вообще первая в очереди, кто фрейлину к кузену подтолкнет! Даже если сопротивляться будет, все равно привязку получит. Уж я постараюсь и обеспечу ей счастливое будущее. А то ведь, не ровен час, нарвется на какого-нибудь легкомысленного кавалера, у которого одни только развлечения с девушками на уме, и снова будет страдать от неразделенной любви.

В общем, инициатива жениха меня и радует и вдохновляет. Если Рильмина станет женой Эриша, а он будет министром, то я подругу не потеряю. Должности фрейлины, ясное дело, в моем штате уже не будет, но окружение все равно хотелось бы иметь знакомое.

Мне даже становится понятной проявленная кузеном бестактность в разговоре со мной и отсутствие внимания по отношению к Рильмине. Фрейлина все еще не отошла от первой привязки и потому не очень-то жалуется новых кавалеров. То есть для Эриша вероятность получить отказ куда выше, чем добиться привязки. А так вроде и оправдание есть, типа я не очень-то хотел тебе докучать, пока ты не готова, но раз уж будущий император повелел...

Хоть я и не спрашиваю, но почему-то уверена, что они с Тогрисом эту стратегию заранее разработали: Эриш «случайно» нарывается на выговор, ну и посылается в нужном направлении. Все же жених у меня умничка! Не просто так его игровое поле с битвой имперской эскадры против объединенного флота фузойлийцев и адерианцев до сих пор самое популярное в империи. А по неофициальным данным, и в неприсоединившихся мирах.

Теперь я от прогулки получаю куда больше удовольствия. Любуюсь закатом, окрашивающим песочного цвета волосы томлинца в медные оттенки. Восхищаюсь ажурными оградами домов, которые так хорошо гармонируют с декоративными вставками на черном камзоле жениха. Мне даже удается спровоцировать его за мной побегать, как в детстве, когда мы только познакомились. И порадоваться, что шенорианские протезы движений ничуть не сковывают, скорее наоборот, делают мужчину выносливее.

Догнав, Тогрис подхватывает меня на руки точно так же, как на побережье, когда я еще совсем ребенком была. Тогда мне было весело. Сейчас безумно приятно. Волнующе...

– Ты ведь ночью меня не оставишь, – тихо спрашиваю, убирая жесткие волосы с шеи и касаясь губами кожи.

Мужчина вздрагивает от необычных ощущений и хрипло стонет:

– Ты провокатор, Лина. Хочешь, чтобы завтра я ничего не соображал на церемонии принесения присяги?

– Прости, – тут же прекращаю заигрывания. – Я обещаю, больше так делать не буду. Останешься?

– Останусь, если ты дашь мне возможность хоть немного поспать, – медлит, но все же не отказывает Тогрис.

– Конечно! – У меня тут же меняются приоритеты. От меня сейчас мужчине мало толку, так что он прав, пусть выспится.

Главное, что я его уговорила. Да, он в одиночестве поужинает в моей столовой вместо

своей, а потом терпеливо подождет, пока я сделаю то же самое. Да, жених будет крепко спать, вместо того чтобы получать удовольствие от общения со мной. Да, рано утром, еще до восхода Адапи, он уйдет к себе, приводить внешний вид в порядок и переодеваться. Зато все это время мы будем рядом!

А я уснуть не смогу. Так и просижу всю ночь на кровати, не сводя глаз с томлинца. Буду изучать черты лица, запоминая каждую линию. Буду прислушиваться к ровному дыханию, мечтая о том времени, когда оно будет хриплым и страстным. Буду невесомо скользить пальцами по одеялу, очерчивая контуры тела. И есть мне тоже не захочется – видимо, права мама. Хотя, конечно, совместно пищу мы еще не принимали...

Когда чего-то очень ждешь, достигнуть цели...

Невтерпеж.

Моих плеч касаются теплые ладони. Скользят по коже, даря ласку. Спускаются к запястьям, вновь поднимаются вверх. Останавливаются и медленно, нерешительно перемещаются на талию, на спину... На краткий миг Тогрис теряет контроль и резко притягивает меня к себе, чтобы обнять и тут же выпустить на свободу. Хотя как раз последнего я хочу меньше всего.

– До завтра, любимая...

Словно понимая, что мучает и меня и себя, жених решительно уходит. Дверь за ним закрывается, а я, стараясь не поддаваться безудержному желанию броситься за ним следом, впиваюсь пальцами в подоконник.

Как же тяжело! Я ведь его действительно до завтра не увижу, женщин не приглашают на присягу, так уж издревле повелось. Мне целый день и ночь, до завтрашнего утра, придется страдать. Эх, если бы близкие отношения для нас были возможны, мне было бы немного легче разлуку пережить!

Громадным усилием воли заставляю себя об этом не думать. Отвлекись. Смотреть, как первые робкие лучи все еще невидимой Адапи скользят по облакам, плывущим высоко в небе. Как окрашивают их в розовые тона. Как горизонт плавится огненным росчерком, вздымающимся все сильнее, словно морская волна.

– Доброе утро, Идилинна, – раздается тихое приветствие за спиной, и я разворачиваюсь к явившимся фрейлинам.

– Ну наконец-то... – с облегчением вздыхаю. – Долго же вы просыпались!

– Так мы же не знали, когда можно будет прийти, – не слишком доброжелательно отзывается Рильмина. Не выпалась, наверное.

– Мы встали, как только фист Рил сообщил, что ферт Тогрис уходит, – куда мягче оправдывается Вария. Она даже статус не забывает указать, доказывая, насколько серьезно относится к своим обязанностям.

– Ладно, – принимаю объяснение, понимая, что они действительно не виноваты.

Бедным фрейлинам пришлось спать в гостевой комнате напротив моих покоев из-за того, что Тогрис ночевал у меня. А вот его телохранителю, как я подозреваю, вообще не удалось глаз сомкнуть.

Смотрю, как Вария принимается приводить постель в порядок, и потому приказываю не ей:

– Рильмина, платье из гардероба достань. Самое бледное, простенькое. И туфли, которые без каблуков. Я в душ и завтракать, – сообщаю подругам.

Жаль, что нельзя взять их с собой, чтобы отвлекали. Пока я умываюсь и перекусываю, тоска накачивается с новой силой. Ведь здесь совсем недавно был мой жених. Даже его запах остался...

Чтобы себя не провоцировать, стараюсь как можно скорее вернуться в комнату. Увидев платье, одобрительно киваю, а бросив взгляд на кровать, удивленно поднимаю брови – Вария так медленно ее застилает, что прической, по всей видимости, тоже придется заниматься Рильмине.

Томлинка тоже это видит, поэтому без возражений берется за расческу. И со своей работой справляется быстро, забрав волосы в несколько косичек и мило закрепив их на голове.

– Вария, ты ускорься немного, – прошу, когда понимаю, что фрейлина опять зависла.

– Вы куда-то собираетесь? – спохватывается та, прекращая уборку.

– Не волнуйся, не к Тогрису. К Драку схожу. Надо подбодрить малыша. Он вчера нервничал, наверняка переживает. А мне его даже не выгулять. Сегодня летать никуда нельзя, а завтра из-за свадьбы не получится. Так что если ты не поторопишься, то останешься в комнате и меня сопровождать придется одной Рильмине.

– А можно я не пойду? – неожиданно интересуется томлинка. Увидев в зеркале мое изумление, поясняет: – Ферт Эриш прислал сообщение с просьбой встретиться и поговорить. До начала торжеств. Мы вчера с ним немного... повздорили, перед тем как разойтись. Я недолго буду отсутствовать. Думаю, он извиняться будет.

Привязку он провоцировать будет, я-то это точно знаю. Хотя, конечно, мне сложно представить, чего такого кузен мог наговорить Рильмине. Или это она ему наговорила? Ладно, вот вернется, все выясню. И потому со спокойной душой фрейлину отпускаю. Тем более мне одной Варии в качестве компаньонки достаточно.

В общем, на побережье мы топаем вдвоем. Вернее, втроем – едва вышли в коридор, как к нам Ваймон присоединился. Идем не привычной дорогой, через парк, а в обход, с другой стороны скального массива, по каменному крошеву. Так дольше, зато точно не встретим тех, кто непременно захочет со мной поговорить, поздравить, что-нибудь спросить... Праздничная суeta мне и в замке надоела, приглашенные гости прохода не дают. А я никого видеть не хочу! И слышать. И вообще, так хорошо идти в тишине, прислушиваясь лишь к хрусту гравия под нашими ногами...

Сообразив, что тишина совершенно ненормальная, заставляю себя вспомнить о своих спутниках. Это вчера они ворковали, как лайрами, а сегодня молчаливы, словно агралы. Идут вроде рядом, и Ваймон Варию за руку держит, да только она почти равнодушно воспринимает его желание быть ближе. Смотрит в сторону, о чем-то своем думает. Ох, неспроста!

Брат хмурится, пытается ее обнять, но итог все равно одинаков: девушка осторожно высвобождается, используя для этого любой повод. Присесть, поправляя туфельку. Обернуться ко мне, чтобы помочь перепрыгнуть через совершенно безопасный участок дороги. Шагнуть в сторону, увидев там что-то очень интересное. Она даже со мной в загон к Драку зашла, не осталась снаружи. То есть возможности побыть наедине с любимым предпочла мою скромную персону. При таком настрое завтра она точно цветок не примет!

Хотя за брата я и переживаю, но в их отношения не вмешиваюсь. Взрослые. Сами разберутся. А Ваймону так вообще полезно, чтобы впредь головой думал, прежде чем решаться на такие длительные неофициальные отношения. Знал ведь, чем все может закончиться.

Обратный путь ничуть не веселее. А оттого, что на подходе к замку становятся слышны веселые голоса, возгласы, звон металла, еще какой-то шум, несомненно связанный с подготовкой к торжеству, Ваймон окончательно мрачнеет. Я думала, что, проводив нас до моих покоев, он уйдет – ему ведь тоже привести себя в порядок нужно и присутствовать на присяге. Но нет, брат заходит следом. Тоскливым взглядом провожает Варию, которая направилась в ванную комнату, и судорожно выдыхает:

– Лина, я не хочу ее потерять.

Я лишь плечами пожимаю. Ясно, не хочет. А делать для этого хоть что-то собирается?

- У нас больше недели близости не было. Я вчера вечером на прогулке обещал ей, что эту ночь мы обязательно вместе проведем, раз ты с Тогрисом осталась. Но меня отец к себе вызвал. Пришлось полночи у него в кабинете провести.

- Что-то серьезное? - меня на самом деле вопрос волнует. А ну как это «что-то» на Тогрисе отразится!

- Нет, - морщится брат, взъерошивая пятерней волосы. - Текст присяги редактировали. Совет поправки внес, а о складном изложении никто не позаботился. Одни сухие официальные фразы. Вот мы и думали, как перефразировать, чтобы красиво звучало и смысл тот же остался... Лина! - едва не выкрикивает от волнения, но все же вовремя приглушает голос. - Не уходи от темы! Помоги лучше.

- Ну а сейчас-то я что могу? - обреченно выдыхаю. В который раз он о помощи просит.

- Отпусти Варию на пару часов.

Понятно. Решил восстановить привязку. В принципе, если ему удастся Варию соблазнить, на какое-то время влечение, может, и вернется. Но вот что дальше?

Однако и отказать, не дать брату шанс я не могу.

- У меня всего две фрейлины, - напоминаю. - И второй, как видишь, сейчас нет в наличии. А мне нельзя одной оставаться.

- Я подожду! - Ваймон с готовностью соглашается на отсрочку.

Воодушевленный, он в предвкушении расхаживает вдоль стены, улыбается вернувшейся в комнату Варию и бросается к ней, едва в раскрывшийся проем заходит Рильмина.

- С ума сошел? - взвизгивает Вария, которую брат перехватил за ноги и закинул на плечо. - Лина! Что происходит?! Вай! Пусти! Я тебя ненавижу!..

Последнее восклицание звучит уже из коридора, и я очень надеюсь, что им не заинтересуется кто-нибудь посторонний.

- Это что сейчас было? - Томлинка, прижавшаяся к стене, чтобы не мешать потерявшему контроль мужчине, изумленно смотрит им вслед.

Я лишь отмахиваюсь. Что тут объяснять? И так понятно.

Рильмина, в потрясении покачав головой, закрывает дверь, а я с любопытством смотрю на ее пояс, к которому привешена необычная сумка-сетка, удерживающая небольшую бутылочку с прозрачными стенками.

- Эриш тебе что-то подарил?

- Где? - теряется Рильмина. Осматривает себя, не сразу вспоминая о необычной вещи. - Ах это...

Она неторопливо отстегивает сумку, выпутывает предмет из тонких нитей и ставит на стол, поясняя:

- Не подарил. Отдал. Он воду привез из озера на Томлине. Для Драка. Там состав особый, важный для обмена веществ.

- Ясно... - Я с любопытством касаюсь пальцами гладкой прохладной поверхности. Осторожно поднимаю флакон, чтобы посмотреть на просвет и увидеть, как в мутной коричневатой жидкости перемещаются пузырьки воздуха. - Жаль, что так поздно отдал. Мы бы с утра ящера напоили.

- Не страшно. Можем еще раз сходить. Или я отнесу, когда Вария вернется.

- Лучше ты сама, - подумав, я решаю, что второго похода не хочу. А хочу... Хочу выяснить, что же думает Рильмина об Эрише. - Почему же воды так мало? - начинаю издали, чтобы постепенно подойти к нужной теме. - Разве крагу этого хватит?

- Ферт много привез, это я сейчас с собой взяла одну порцию. Ее Драку достаточно.

- А ты с Эришем давно знакома? Вчера вроде фертом не именовала, просто по имени.

Томлинка отвечает не сразу. Уходит к окну, почти минуту смотрит на что-то вдали, а когда говорит, голос звучит ровно, но печаль в нем все равно слышна.

- Нет. Он во дворце ни разу не появлялся. При мне, по крайней мере. Я только вчера с ним познакомилась. И его вообще никак не называла. Ты ошиблась.

Оттолкнувшись от подоконника, она перемещается на диван. Я, вернув бутылку на стол, подхожу к ней и сажусь рядом, чтобы не кричать через всю комнату.

Причина ее угнетенного состояния мне понятна, потому больше вокруг да около я не хожу, прямо говорю:

- Скоро влечение сойдет на нет и ты совсем иначе будешь себя чувствовать. Встретишь достойного мужчину, который тебя полюбит. Выйдешь замуж. Это ведь лучше, чем стать фавориткой... Кстати, разве не заметила, как Эриш вчера на тебя смотрел? Ты ему понравилась. Что он тебе сегодня сказал?

- Ничего особенного, - сердито бормочет фрейлина, привычно быстро переходя от пессимизма к агрессии. - Привязку он хотел, а не «понравилась». Чтобы в постель затащить под благовидным предлогом. Эриш тот еще ловелас.

- Ты и про Тогриса то же самое говорила. И вообще, если только вчера познакомилась, то откуда знаешь?

Рильмина, которая готова была продолжить, осекается. В ее глазах плещется недоумение и еще что-то, что я никак не могу распознать.

- Все мужчины одинаковы, - отрезает она категорично. - Если ты не имеешь династического статуса, то только в любовницы и годишься. Желательно розовые. Чтобы снять напряжение.

- А если Эриш на самом деле в тебя влюбится?

Вопрос совершенно невинный, вот только реакция на него неадекватная. Злость на лице Рильмины становится еще отчетливее, и она вскакивает, едва себя сдерживая.

- Что ты ко мне пристала? Эриш, Эриш! Вот сама к нему и привязывайся, раз уж так понравился!

- Выражения выбирай, - холодно осаживаю я зарвавшуюся фрейлину. - Сядь. И тон смени.

- Прости. - Томлинка спохватывается, осознав, как предосудительно себя ведет. Осторожно присаживается, стараясь успокоиться окончательно. - Я сама не понимаю, что происходит. Не понимаю, почему я не могу его забыть...

Она всхлипывает, но от моей руки, когда я пытаюсь погладить ее по плечу, отодвигается. Сильным движением стерев с лица мокрые дорожки, откидывается на спинку дивана и закрывает глаза.

Я, решив, что ни слова, ни действия с моей стороны сейчас не нужны, следую ее примеру.

Тишина и едва слышное дыхание девушки баюкают, мягкость дивана расслабляет, лучи Адапи, падающие через окно, греют кожу, я их даже с закрытыми глазами ощущаю. Они как руки Тогриса - нежные, ласковые, а мне так хочется большего - сильного, властного напора, который я лишь раз ощутила...

- Лина! - резкий голос безжалостно рвет мои воспоминания.

- А? - с трудом заставляю себя очнуться. И даже фрейлину не сразу узнаю, так глубоко в сон погрузилась.

– Лина, иди-ка ты в кровать, – хмурится томлинка. – Там спать удобнее. Ночью же глаз не сомкнула. Да и время быстрее пройдет.

А ведь она права! Я не первую ночь не высыпаюсь, завтра день долгий, беспокойный. Мне силы жизненно необходимы. Усну и... И не замечу, как наступит утро!

Как бы ни был ты силен, побороть не сможешь...

Сон.

Облака – мягкие, невесомые, скользят в вышине, куда я с легкостью поднимаюсь. Раскинув руки, забыв о том, что нужно держаться за выросты на спине крага, в нетерпении жду, когда же ящер заденет крылом облачный слой. Но нет, не выходит. Они, словно живые, разлетаются в стороны при нашем приближении.

Небо – голубое, бездонное, сливается с лазурной синевой моря, слепящей яркими отблесками. Волны то вздымаются высоко, норовя достать до облаков, то неожиданно опадают, смиряясь с тем, что Драк теперь опускается и, переходя на бредущий полет, вытягивает вперед ноги. Он тормозит о водную гладь, а я смеюсь, прикрыв рукой глаза. Брызги летят во все стороны!

Ящер резко дергается, рванув вперед, и я, потеряв опору, падаю. Тону, задыхаюсь, барахтаюсь, хватаясь за плотные струи, окутывающие тело.

– Дыши, Лина, дыши, – ласково уговаривает вода. – Ты же умеешь...

Умею? Да, верно...

Успокаиваюсь, позволяя ей утопить себя окончательно. Опустить на дно, качнув мягко, совсем нежно. Погладить кожу, окутав прохладным полупрозрачным одеялом. Обернуть в него с головой, лишая возможности видеть.

С каждой секундой становится темнее – муть превращается в песок. Сухой, мелкий, он осыпается под моими ногами. В нем увязают ступни, и я падаю, судорожно вдыхая тягучий неприятный запах. Пропитанный им воздух колеблется, плавится, и в этом призрачном мареве рождаются сгустки – неясные, зыбкие, качающиеся. Они то приближаются, то снова удаляются, но с каждым мгновением становятся все больше похожими на лица империян.

Я всматриваюсь в них, отыскивая знакомые черты в надежде узнать, вспомнить, но вижу лишь глаза, рассматривающие меня с пренебрежением. Так смотрят на того, кто ничего не значит, и встреча с ним никому не нужна, но он вдруг почему-то оказался на пути.

– Нас-с-следница... – с дуновением ветра неожиданно явственно шипит мужской голос.

Я вздрагиваю, с ужасом наблюдая, как плотный сгусток неожиданно превращается в дым, а на его месте оказывается высокий худощавый вионец в костюме таком же синем, как и его развевающиеся на ветру длинные волосы.

– Неблагодарная нас-с-следница, – повторяет он, раздражаясь все сильнее. – Она от меня ус-с-стала. Вы слыш-ш-шали? Обыч-ч-чный! С-с-скучный! Я с-с-столько ей дал, а она...

– Не ценят некоторые то, что получили.

Гортанный голос раздается за спиной. Обернувшись, никакого сгустка я не нахожу. Вижу лишь долгового, нескладного иперианина в желтых брюках и салатного цвета рубашке. Он неторопливо подходит ближе, останавливается, сложив руки на груди, и встряхивает головой, закидывая за спину зеленую косу.

– Их только ошибки могут научить, – глухо, словно камень, падающий в рыхлую землю, грозит еще один голос.

Я резко разворачиваюсь и невольно ахаю – настолько разительным получается контраст тех, кто появился раньше, с низеньким коренастым брюнетом-роотонцем. Мрачным,

недовольным, бросающим на меня сердитые взгляды.

- Простите, а вы кто? - нахожу в себе силы спросить, хотя язык едва слушается, а слова застревают в горле.

- Ни тебе почтения, ни уважения. О нас даже не помнят, - игнорируя вопрос, сетует вылепившийся из тьмы прямо передо мной блондин с ледяными серо-голубыми глазами. У цессян таких не бывает, да и кожа более темная, значит... леянин?

- Безобразие, - вторит ему крепко сложенный мужчина, с волосами столь же желтыми, как и у моей мамы. - Ей на Шеноре страшно! Она не знает, что такое настоящий кошмар.

- Не верит, что бывает тьма желанней света, - продолжает роотонец.

- Время торопит, - подхватывает леянин.

- Не слышит истинных значений слов, - припечатывает иперианин.

- Своей сути не сознает, - завершает вионец, заворачиваясь, как и остальные, в туманный плащ.

Остается последний мужчина. Когда он появился, я не заметила. И когда все говорили, он молчал, наверное, поэтому я его не видела. Теперь же я растерянно смотрю на грустное, невероятно красивое лицо, обрамленное темными волосами. А те шевелятся, словно он находится в толще воды.

- Прости, девочка. Я ничем не могу тебе помочь.

Незнакомец исчезает, как и все остальные, оставив после себя плотную белую дымку, осевшую на потемневший песок. Липкая взвесь течет, набухает, пенится, касается моих ладоней, и я вскакиваю на ноги.

Бежать! Но куда?

Я нигде. Сверху, снизу, сбоку - везде туман. Вязкий, холодный, белесый, глухой. Я бреду наугад в надежде выбраться. Шаг... Второй... Двадцатый... Сотый...

Каждое движение дается с трудом. Даже дышать сложно - настолько сильно сгустился воздух. От мутной недвижной картинке я словно ослепла, хотя там, за туманом, отнюдь не ночь.

Сколько я иду? Час? День? Год?

Теряя силы, падаю на колени, погружаясь ладонями в эфемерную опору. Единственное желание, которому я готова последовать, - лечь, закрыть глаза и исчезнуть, раствориться в дымке, стать ее частью. Ничем. Никем.

- Забвение будет приятным, - обещаю сама себе.

- Нет, нет, нет... - шипит туман.

- Иди, иди, иди... - плачут капли.

Прислушиваюсь к тихим звукам. Надо? Значит, пойду.

- Куда? - вновь спрашиваю, найдя в себе силы встать.

- Туда, туда, туда... - шелестит дымка.

И снова я бреду, медленно переставляя ноги. Вот только теперь с каждым шагом становится легче. Свободнее. Увереннее. Просторнее!

Я уже не иду, я бегу! Последнее усилие, и словно порыв ветра отдергивает штору, заставляя меня вскрикнуть от радости и... проснуться. Увидеть над собой мозаику потолка моей спальни. Вдохнуть полной грудью. Почувствовать себя живой.

Я с наслаждением зеваю и зажимаю. Ощущая, как сильно затекли мышцы, потягиваюсь. Переворачиваюсь на живот и, сев на кровати, выдыхаю:

- Ох, девочки, до чего же жуткий сон мне снился...

Глава 4

Долг чести огромен. Кто в этом виновен?

Все, чему нет объяснения, вызывает...

Удивление.

Скользну ладонями по такой приятной простыне – привычно гладкой, нежной... Не поняла.

С недоумением смотрю на разорванную ткань, в которую попали пальцы. Это что еще за безобразия? И почему на кровати листья?

Растерянно смахиваю на пол несколько засохших листочков. Встряхиваю головой, убирая с лица закрывающие обзор волосы, отдергиваю легкий прозрачный полог и замираю в замешательстве.

Да, это моя комната, но... Но она какая-то неправильная! Облицовка стен, которая всегда была яркой, сейчас совсем тусклая, выцветшая. Одно из окон разбито. Хотя что могло повредить необычайно прочный трипслат, мне представить невероятно сложно. Осколки рассыпались по полу, который покрыт слоем пыли, отчего рисунок едва заметен. В образовавшуюся дыру пролез вьюн, который оплел не только раму, но и часть потолка. И это его листья упали на кровать, решив украсить собой интерьер.

– Вария! Рильмина! Что за глупые шутки?

Все еще не веря своим глазам, громко зову фрейлин. Прислушиваюсь к эху своего голоса, отразившемуся от стен, к тишине, в которой слышны лишь неясные шорохи, и в панике вскакиваю с кровати. Что вообще происходит?

Судорожно осматриваю себя.

Платье... Свободное, легкое, синее. Я именно в него переоделась, прежде чем, по совету Рильмины, лечь спать. Правда, тогда оно было ярко-синим, теперь же совсем бледное. И вышивка на нем иначе смотрится.

Ноги босые. Да, домашние туфельки я сняла, и они... Осматриваюсь и заглядываю под кровать. Обнаружив среди листьев то, что ищу, морщусь и, прихватив двумя пальцами, вытаскиваю покрытую слоем пыли обувь. Стукнув пару раз друг о дружку, надеваю, стараясь не надыхаться поднявшейся в воздух пылью.

Смотрю на пляшущие в столбе света пылинки и сама себе не верю. Может, это продолжение сна? Он ведь тоже был очень реалистичным! Как же проверить?

Во сне нельзя саму себя увидеть... Зеркало!

Запоздало о нем вспомнив, бегу к гардеробной. Распахнув дверь, облегченно вздыхаю – все мои наряды на месте. Вот только едва касаюсь одного из платьев, как сомнения накатывают с новой силой. Ткань, несомненно, стала тоньше и покрыта сетью мелких проколов. словно... истлела?

Резко разворачиваюсь, впиваясь глазами в свое отражение.

Нет, я совсем не изменилась. Из глубины зеркальной глади на меня смотрят испуганно округлившиеся синие глаза. Ресницы длинные, кожа гладкая, бледная, губы розовые, на скулах от волнения румянец. Ну, может, волосы чуть потеряли блеск. Но это точно из-за пыли.

Я не постарела, а все вокруг вдруг резко обветшало? Разве так бывает?

Не желая думать о худшем, в поисках ответа бросаюсь к двери. С трудом распахнув тяжелые створки, морщусь от неприятного, затхлого запаха, ударившего в нос. Воздух здесь спертый, сырой, в комнате такого не ощущалось из-за разбитого окна.

– Мама! Отец? Ваймон... Кто-нибудь... – зову в отчаянии, хотя ужас накатывает волной,

и я понимаю – бессмысленно. Здесь никого нет.

Но почему? Что же произошло? Где все? Где Тогрис?!

При мысли о женихе отчаяние и боль рвут душу в разы сильнее. Слезы, пока еще беззвучные, горячие, наполняют глаза и скатываются по щекам.

Почему он меня оставил одну? Бросил? Нет! Я не верю!

Не разбирая дороги, забыв о неприятном запахе, бегу по коридору, распахивая и заглядывая во все комнаты, что встречались на пути. Гостиные... Холл... Лестница, ведущая вниз, на второй этаж.

Малый зал... Приемная... Кабинет... Везде одно и то же: мрак, запустение и тишина.

Вбежав в гостиную родителей – такую родную, знакомую, сразу понимаю: те, кого я так люблю, здесь давно не живут. Никаких личных вещей. Исчезла почти вся мебель. Оставшаяся, видимо, никому не приглянулась – у столика отломана ножка, и он лежит боком, у дивана отсутствует один подлокотник...

На диван я и падаю. Рыдаю громко, цепляюсь пальцами за обивку, отчаянно твержу себе: «Это сон. Страшный сон. Надо всего лишь проснуться...»

Наконец с собой справляюсь. Паника все еще рвется наружу, но я глубоко вдыхаю, поднимаюсь, открываю глаза и... И едва не реву снова. Все осталось как было. Я не проснулась.

Подойдя к окну, занавешенному плотной гардиной, отбрасываю ее в сторону. И в испуге отскакиваю, потому что упала не только оторвавшаяся ткань, но и карниз. Вернее, он повис на полпути к полу, удерживаясь на частично вырванном крепеже. Больше я не рискую. Второе окно освобождаю от шторы и открываю медленнее, стараясь ничего не разрушить.

Свежий прохладный воздух наполняет комнату, принес с собой запах травы, моря, песка, а я смотрю на парк. Когда-то аккуратный, ухоженный, он превратился в дикие заросли. Буйно разрослись кусты, потеряв привычную форму, оплелись вьюном, цепляющимся за любую вертикальную опору. Везде, кроме...

С замиранием сердца я вливаюсь взглядом в ту часть парка, где кусты определенно ниже. Да и цвет их светлее – они там не такие плотные.

Я ни секунды не раздумываю. Спешу туда – по коридору, внутренней лестнице, каменным ступеням той, что расположена снаружи и за перила которой держаться точно нельзя. Камни тоже шатаются под ногами, поэтому и я замедляюсь. Спускаюсь осторожно, медленно. Оказавшись на земле, пробираюсь сквозь заросли, радуясь, что не все дорожки исчезли – когда-то самые широкие превратились в узкие тропинки. Но они хотя бы есть...

Добравшись до расчищенного участка, осматриваюсь.

Аккуратные кустики, ограничивающие окультуренный участок. Ровные границы грядок, на которых растут дагри – низкие стелющиеся растения с очень вкусными плодами. Чуть дальше полянка красных стеблей льяри, сок из которых я, пожалуй, люблю больше других напитков.

При мысли о еде рот заполняется слюной, и я не удерживаюсь, срываю сиреневый плод. Осторожно ломаю, стараясь не испачкаться, и вгрызаюсь зубами в сладкую мякоть. Мм... Как же я есть хочу! И одного дагри мне точно недостаточно. Срываю второй... третий...

Приглушив голод, иду дальше, огибая небольшой скальный выступ. За ним, насколько я помню, была ровная площадка для выгула жиралей в брачный сезон. Она им очень нравилась, потому что находилась высоко над поверхностью моря.

Площадка сохранилась, только теперь гнезд на ней нет, а стоит маленький каменный домик. Чистенький, одноэтажный, с конусообразной крышей, покрытой красным

водоотталкивающим материалом. В небольших окнах виднеются белые занавески, а двухступенчатое крылечко ведет внутрь. И дверь, кстати, гостеприимно открыта.

Мне терять нечего. И бояться тоже. Вряд ли в этом доме прячется то, что страшнее уже увиденного. А может... Может, там кто-то из моих близких?

Воспрянув духом и одновременно боясь разочароваться, я поднимаюсь по ступеням. Небольшая прихожая, где развешана верхняя одежда и стоят инструменты для обработки земли, но при этом чисто убранная и застеленная плетеным ковриком, ведет в уютное светлое помещение, напоминающее кухню. Здесь белые стены, украшенные мелким цветочным рисунком. Длинный кухонный стол, на котором разложены плоды дагри. Стеллажи с банками для хранения продуктов. Шкаф с посудой, а рядом маленькая автоматическая мойка.

Сидящую на полу спиной ко мне женщину я замечаю, лишь когда слышу нежный голос:

- Подожди, Ваймон, я сейчас помогу.

- Вария? - невольно срывается с моих губ, но свою ошибку я понимаю сразу. Незнакомка, отложившая в сторону нож, которым счищала кожуру плодов и начавшая вставать, оборачивается. На мою фрейлину она если и похожа, то очень-очень слабо.

Получается, мой брат выбрал себе другую жену? Ее родственницу?

- Ой... - Молодая женщина изумленно на меня смотрит, округлив синие глаза и схватившись рукой за сердце. - Вы?... - Она бросает взгляд за окно, где виднеются крыши замка, словно знает, что я могла прийти только оттуда, но все равно не может поверить. - Вы проснулись?..

Однако едва ее глаза снова находят меня, ступор проходит.

- Простите, простите! Проходите! Ох, как же так! Мы не предполагали... Вот сюда садитесь, пожалуйста, - хлопчет незнакомка, отодвигая от стены и разворачивая ко мне плетеный стул. - Извините, у нас не слишком много удобств. Дом маленький. Еду я выращиваю и перерабатываю. Да и мясо тоже самим добывать приходится. Вай на охоту пошел... Ах, если бы мы знали!..

- Подожди, - опускаюсь на упругое сиденье и останавливаю словесный поток, потому что окончательно запутываюсь - так много женщина говорит. - Как тебя зовут? - начинаю с самого простого.

- Сейлисса.

Замерев передо мной, вионка судорожно мнет в пальцах испачканный оранжевым соком белый передник, надетый на темно-синее, почти черное длинное платье.

- Сядь, пожалуйста, - прошу, потому что не хочу, чтобы она нервничала так сильно. Да и мне удобнее будет расспрашивать.

Жду, пока она снимет передник, займет еще один стул, и лишь затем продолжаю:

- Ты и Ваймон, - имя брата дается мне с трудом, настолько сильно волнение, - давно живете в этом доме?

- Я - тридцать два года, - неуверенно улыбается Сейлисса. - Я здесь родилась. А Вай пять лет всего, после того как мы поженились.

Ничего не понимаю. Она, конечно, старше меня, но, учитывая, что иногда вионцы и до четырехсот лет доживают, совсем молодая. Сколько же лет брату было, когда он на ней женился?

- Ты говоришь, что здесь неудобно. Почему же не уехала? Муж не позволил?

- Ну что вы! - ахает вионка. - Разве я могла нарушить клятву и оставить вас? И за Ваймона я вышла только потому, что он согласился со мной жить именно здесь.

- Какую клятву? - Нехорошее предчувствие холодит грудь, с каждой секундой сильнее

сковывая тело.

– Ждать, когда вы проснетесь. Оберегая ваш сон, жертвовать личным, не думая о себе. Ее мой прадедущка дал, но сыновей у него не было, так что такое же обещание дала моя бабушка. А потом мама. Ну и я.

– Сейла! Я вернулся! – не оставив мне времени на осмысление, врывается в дом веселый мужской голос.

Спустя секунду в дверях появляется симпатичный молодой вионец в бежевых кожаных брюках и свирте, надетом на голый торс. Светло-синие волосы убраны под повязку, чтобы не падали на лицо. Добрые яркие глаза, курносый нос, полные улыбающиеся губы, крупный подбородок. В одной руке оружие, видимо для охоты, потому что в другой добыча – пестроцветный раль, дикий родственник агралей.

– Ты не одна? – теряется незнакомец, опуская ношу на скамейку. – Это... Это она? – Он столь же потрясенно, как ранее женщина, смотрит на меня.

– Да, любимый. Наследница проснулась.

Сейлисса подходит к мужу, чтобы взять за руку и подвести ближе.

– Это мой муж, Ваймон. Я была так счастлива, когда мы познакомились. И вдвойне оттого, что Вай носит такое же имя, как и мой прадедущка. Он ведь был вашим братом.

Брат... Прадедущка? Она мне правнучатая племянница? Четыре поколения. Это же...

От ужаса, который завладел мной, волосы на голове шевелятся. Дрожь сотрясает тело, и я из последних сил заставляю себя спросить:

– Сколько лет прошло?

– Вы уснули в триста пятьдесят пятом, – мягко, понимая, как мне сложно, говорит Сейлисса. – Сейчас девятьсот семидесятый.

Больше шестисот?!

Я задыхаюсь. Воздуха не хватает, горло сжимает спазм от тошноты, в глазах темнеет...

Когда сила духа с отвагой подружится,

Тогда в человеке рождается...

Мужество.

– Я из дальних предков только бабушку помню. Но даже ее видела в раннем детстве, когда она уже совсем старенькая была...

Сейлисса, сидящая на краю дивана, держит меня за руку, успокаивающе поглаживая по тыльной стороне кисти. Я же, откинувшись на подложенные под спину подушки, вслушиваюсь в ее мягкий говор, находя в нем все больше знакомых интонаций. Таких привычных, родных, от которых хочется снова заплакать. И все же я держусь, стараясь сосредоточиться на смысле слов, а не на собственных переживаниях.

– Все, что о них знаю, мне мама рассказывала. А она говорила, что у прадедущки и прабабушки была самая необычная и романтическая история любви. Прабабушку звали Вария... – Родственница смущенно на меня смотрит и говорит, словно извиняется: – Вы, наверное, меня за нее приняли. Она в прадедущку влюбилась, а у него другая невеста была. Все думали, что прадедущка на свадьбе цветок фаворитки Варии подарит, а он вместо этого вывел ее на танец. А после этого отказался от права наследования и дал клятву охранять ваш сон. К невесте даже не подошел. Представляю, в каком все были шоке...

Да уж, это еще слабо сказано. Мать Ларилины, вне всяких сомнений, рвала и метала. Хорошо, что сделать ничего уже не могла. Вице-король, как мне кажется, отнесся к

произошедшему философски. Он ведь амбиции проявлял, исключительно угождая жене, а не по личным качествам характера. Ну а сама несостоявшаяся невеста наверняка презрительно скривилась и сама попросила привязку сбить. Без каких-либо условий. Ибо незачем ей ребенок от того, кто к власти больше отношения не имеет. Она всегда была прагматичной, даже свою влюбленность использовала с выгодой.

Но хоть за судьбу брата я теперь спокойна. И за фрейлину. Они прожили жизнь с тем, кого любят, а это дорогого стоит.

- Поначалу все надеялись, что вы быстро проснетесь, - рассказывает дальше Сейлисса. - Королевская семья продолжала жить в замке, и прадедушка с прабабушкой тоже. Моя бабушка там же родилась. А когда король Литт умер и власть над Вионом перешла к младшему принцу, тот, видя, что вы по-прежнему спите, решил переехать в другой дворец, который бывший вице-король де'Врон построил как приданое своей дочери. Ее саму и ее мужа новый король выселил в родовое имение. Если они и были этим недовольны, то предпочли промолчать. За любые попытки ему противодействовать король Горан отправлял на казнь без разговоров.

Ого... Младший братец проявил характер и решительность, которых так не хватало уступчивому и покладистому Ваймону. Да и отец предпочитал все решать миром и согласием.

- Бабушка поздно вышла замуж, ей было уже восемьдесят лет. Так уж сложилось, что до этого никто не затронул ее сердце. Брак оказался счастливым, хотя и был заключен по расчету - прадедушка нашел жениха, который согласился поселиться в глуши. Ведь теперь старый замок не был центром светской жизни. И прислуги там осталось совсем немного. Кто-то просто не захотел жить в пустом замке, кто-то последовал за королем. Но больше уезжали потому, что боялись вас.

- Меня? - Удивление мое настолько сильно, что даже душевная боль на мгновение отступает в сторону.

- Ну да. - Сейлисса виновато на меня смотрит и убирает руки, нервно их стискивая и складывая на коленях. - Вы ведь не видели себя со стороны - не дышите, тело холодное, недвижимое, а на щеках румянец и губы красные. Жуткое зрелище.

Теперь понятно, отчего замок в таком плачевном состоянии. Но все равно странно...

- Почему же меня оставили там, где уснула? Ведь можно было перенести в какую-нибудь постройку, за которой ухода меньше, - растерянно спрашиваю, надеясь, что ответ Сейлисса знает.

И она меня не разочаровывает.

- Ваша мама запретила. Все подумали, что вы умерли, а она первая заподозрила, что спите. Вернее, впали в леянский анабиоз. На Вион даже кто-то из леян прилетал, чтобы в этом убедиться. Он и сказал, что вас ни в коем случае нельзя перемещать. Вроде как в этом состоянии душа куда-то улетает, а обратно не вернется, если тела на прежнем месте не окажется. На Ле в ледяной глыбе полость вырубает и в нее ложится тот, кто уходит в анабиоз, чтобы его никто не потревожил и не помешал возвращению.

Эта традиция леян мне знакома. Правда, причины, по которой они ее столь неукоснительно придерживаются, я не знала. Теперь же мне остается лишь благодарить неведомого леянина за его признание. Скрой он правду, и я осталась бы в белом тумане навечно.

- Бабушка и дедушка жили в замке, пока были живы прадедушка и прабабушка, - продолжает рассказывать Сейла. - А когда те умерли, они начали строить этот дом. Правда, переезжать в него не стали, отдали дочери, моей маме, которая как раз замуж вышла. Мои родители больше ста лет вместе прожили, прежде чем я родилась. Папа утонул, когда мне пять лет было - его аграль сбросила в воду далеко от берега. Доплыть он не сумел. А мама умерла через год после нашей с Ваймоном свадьбы.

- Ее организм не выдержал нагрузки, - поясняет серьезный мужской голос. - Ведь она работала на износ, живя здесь в одиночестве, за замком присматривая, да еще и

заботясь о маленькой дочери.

Я перевожу взгляд на молодого мужчину, который стоит, прислонившись плечом к косяку двери и сложив руки на груди. Вижу боль в его глазах, когда он смотрит на грустную жену, и в моей душе растекается горечь, смешанная с негодованием. Неужели Горан оказался не только жестким, но еще и бесчувственным правителем? Оставил брата и его семью без средств?

– Королевская семья ничем не помогала? Никому? – сдавленно спрашиваю, чувствуя, что готова расплакаться от обиды.

– Нет, что вы, средства выделялись, пока был жив король Горан, – успокаивает меня Сейлисса, и мне становится стыдно, что я плохо о брате подумала. – Но его наследник не успел вступить в права наследования. Война ведь шла. Король Мьер, а ему тогда уже около двухсот лет было, и его сын, принц Эйрон, едва достигший совершеннолетия, защищали подступы к системе Адапи. До этого вионский флот трижды отбрасывал нападавших без особых потерь. Но в этот раз им не повезло. Флагманский крейсер подбили. Нападавшие не тронули оставшуюся без защиты планету, они удовольствовались тем, что захватили почти все корабли. На Вион вернулось всего три экипажа из сорока. И принцев среди них не было. Пропали без вести, как и остальные. Никто так и не знает, погибли они или попали в плен. Это сто пятьдесят лет назад произошло, как раз когда мои родители поженились. С этого момента и поддержка прекратилась.

– Кто сейчас правит Вионом? – Дурные предчувствия проходят по телу удушливой волной, переходящей в тошноту.

– Латал Роси де'вРон. Внук той самой невесты, которой пренебрег мой прадедущка, а она сама вышла замуж за своего кузена, – вздыхает Сейлисса. – Новая династия средства выделять перестала. И вообще предпочла забыть о нашем существовании. И о вас.

Вот как... Что ж, можно было и не спрашивать.

– Уничтожить не пытались? – от горькой усмешки я не удерживаюсь.

– По периметру парка стоят очень качественные охранные системы, – вновь подает голос Ваймон. – Древние, но безотказные. Они даже меня не пропускают, настроены на генетику рода ди'Донов. Если попытки сквозь них пройти и были, то наверняка они закончились плачевно для нарушителей.

Предусмотрительно. Спасибо, Горан, ты, можно сказать, меня спас.

Представить маленького карапуза взрослым мужчиной у меня никак не получается, оттого и щемящая боль никак не отпускает. Или она не с ним связана? А с тем, кого я любила и к кому стремилась всей душой? Тогрис...

– Мой жених... – едва смогла сказать это спокойно. – Что было с ним?

– Он вернулся на Томлин. Я ничего о нем не знаю. – Лицо Сейлиссы такое расстроенное, будто она лично в отсутствии информации виновата.

– А Рильмина, моя вторая фрейлина? Она здесь осталась?

И снова в ответ лишь отрицательное качание головой. Ясно, тоже улетела. А спрашивать, с кем, бессмысленно.

– А война? Ты сказала, на Вион несколько раз нападали. Почему война продолжалась? Неужели за столько лет так и не навели порядок? Кто сейчас правит империей?

Сейлисса и Ваймон обмениваются беспокойным взглядом и молчат, пугая меня окончательно. Я отталкиваюсь от подушек, подсакивая на диване.

– Говорите же! – требую, не в силах сдерживаться.

– В день, когда вы заснули, – обреченно признается Сейла, – ваш отец перестал быть императором, потому что ваш жених принес клятву. Но Тогрис цу'лЗар так и не получил

права правления, потому что свадьбы с вами не было. В общем, стало непонятно, кто из них остался императором. Тогда они договорились управлять вдвоем, но это не понравилось правителям других планет. Начались возмущения, кто-то на кого-то напал, те ответили. Война охватывала все больше звездных систем, а восстановить мир не получалось. Доверие к империи было подорвано, планеты начали выходить из ее состава. Вион и Томлин оставались последними, которые поддерживали друг друга, но после смерти короля Литта и этот союз распался. К пятисотому году от объединения не осталось ничего.

Жуткое признание. Страшное. С малых лет я знала, что моя жизнь принадлежит не мне, а тому, кто будет управлять Объединенными территориями. Что я обязана соединить свои и его способности, передав их нашей дочери, чтобы связать планеты еще крепче, сделать союз прочнее. И вот теперь... Империи не существует, и я никому не нужна. Свободна от обязательства, которое меня ничуть не тяготило!

Но что, вернее, кто в этом виноват? Кому было нужно развалить то, на что были затрачены столетия, принести в мир хаос, отбросив в то время, когда все так же враждовали, как сейчас?

– Ты знаешь, отчего я заснула так крепко? Это тебе рассказали? – шепчу с трудом, боясь даже строить предположения.

– Да, – кивает Сейлисса. – Рядом с вами нашли флакон, в котором была вода, привезенная с Томлина. Она особенная, смешанная с отравляющими газами. Вы, наверное, этого не знали, потому и открыли. Выпили, ну и надышались... – Она сочувственно вздохнула. – Любой вионец от такого сильного воздействия погиб бы прежде, чем его организм нашел способ избавиться от попавшего в организм яда. Очень уж он специфический и необычный, такой сложно нейтрализовать. А вы впали в анабиоз, чтобы замедлить процессы жизнедеятельности и не дать яду вас убить. Но это замедление в то же время мешало вам быстро вывести отраву. Вот сон и оказался таким долгим.

Рильмина... Ох, подруженька, за что же ты так со мной! Месть? Зависть? Что тебя вело? Или ты подумала, что, если меня не станет, Тогрис на тебе женится? И не удержалась от соблазна устранить соперницу, раз уж обстоятельства так удачно сложились? Ведь нет ничего проще: открыть флакон перед моим лицом, приложить к губам и заставить выпить. Вот не просто так я во сне захлебнулась! А всем сказать: «Она сама! Я не уследила! Всего на минуту оставила бутылочку без присмотра и наследницу одну, а когда вернулась...» Если нет свидетелей, кто узнает правду? И не проверишь, не обвинишь.

Бедная Вария... Как же она корила себя за то, что позволила Ваймону себя увести! А брат? Он ведь тоже счел себя виновным. Развлекался с любовницей, когда сестра на грани жизни и смерти оказалась. Не уберег. Даже представить себе не могу его состояние. Потому он и от трона отказался, да и Вария наверняка поэтому с ним осталась, хотя готова уже была уйти.

Впрочем, сколько раз я Ваймона выручала? Дважды. И оба раза брат говорил, что останется моим должником. Будем считать, что свой долг он вернул сполна. Да, в итоге потерял возможность стать королем, зато был счастлив со своей любимой. Кажется, я повторяюсь в выводах, но это лишь подтверждает их правильность.

Родители... Тут остается только пожалеть, что у них больше не было детей. Еще одна дочь, вторая наследница, наверняка спасла бы империю. И я уверена, что при всем нежелании мамы снова беременеть она подарила папе кулон еще раз. Но, видимо, нужного результата это не принесло, раз Сейлисса ни о чем таком не упомянула.

Горан, пожалуй, единственный, кто больше выиграл, чем пострадал. Хотя, разумеется, потеря сына и внука – это огромная боль, которая перечеркивает все плюсы от неожиданно полученной власти.

Ну а что касается Рильмины... Не думаю, что ей удалось скрыть содеянное и уйти от наказания. Мой любимый не дорада, наверняка во всем разобрался и уж тем более не приблизил бы к себе ту, которая едва меня не убила. Возможно, просто не стал ее поступок афишировать, чтобы не нагнетать обстановку, которая и без того поставила на

грань существования империи. Оттого Сейлисса и не в курсе. Впрочем, узнать это достоверно можно, только попав на Томлин и найдя тех, кто мне хоть что-то расскажет. Вряд ли можно рассчитывать на какие-то документальные свидетельства. Но я буду не я, если не попытаюсь.

Прислушиваюсь к себе и понимаю – отчаяние отступило. Пропала безысходность, лишающая жизнь смысла. Нет, боль не ушла, она по-прежнему терзает сердце и все так же истекает слезами душа, помня о тех, кого я навсегда потеряла. Но пустота в ней исчезла. Заполнилась стремлениями, новыми целями, смыслом. Решимостью разобраться до конца и вернуть утерянное. Не мое счастье – его я не заслужила. Я обязана собрать то, что разбилось, не важно, по моей неосторожности или по чьему-то злему умыслу. Хотя бы попытаться это сделать! Ради памяти тех, кто столько страдал. Ради будущего тех, кто страдает сейчас. Ради всех, кто еще только родится.

«Своей сути не сознает»... Слова из сна. Кто их сказал? Мое подсознание. Оно уже тогда знало и понимало больше меня. Наверняка под влиянием токсинов создало те самые странные образы, что со мной говорили. Но сообщило мне главное: я – наследница! Я не имею права быть предвзятой и кого-то выделять. Я не могу жить ради самой себя. Я – единственная, кто удерживает в себе тонкую связь между планетами, сумевшими когда-то объединиться. Сохранить эту связь, дополнить новой нитью, чтобы в итоге сплелась прочная сеть – смысл моего существования. И если я отступлю... Не будет у империи шанса на второе рождение.

Правильно спросишь - получишь ответ и непременно раскроешь...

Секрет.

– Вам легче?

Красивые синие глаза смотрят на меня с сочувствием, от которого даже боль отступает.

– Спасибо, Сейла, уже отпустило... Это разовый приступ, второго не будет?

Хоть и помню, что ни Рильмина, ни Вария ни о чем таком не упоминали, а все равно спрашиваю. Очень уж неприятные ощущения, не хочется повторения.

– Не будет. Кости быстро и сразу в нужное положение расходятся, – заверяет меня племянница. – Я сейчас принесу вам воду и другую одежду. Эту все равно носить уже нельзя.

Она исчезает за дверью маленькой гостиной, а я снимаю платье, пользуясь отсутствием мужчины, который тактично оставил нас одних, едва понял, что происходит. Присаживаюсь на край дивана, морщась от остаточного тянущего ощущения, и комкаю тонкую ткань, испачканную в крови.

Вот она ирония судьбы. Теперь, когда нет того, о ком я столько времени мечтала, мое тело готово его принять. Ну почему это не случилось тогда, когда мы с Тогрисом были вместе? Почему произошло именно сейчас, когда уже поздно? Как же это жестоко!

Нет, нет, не думать! Вернее, не думать о прошлом как о возможном настоящем. Сколько раз мне твердила наставница Гренна, что в истории нет сослагательного наклонения. И все мои если бы да кабы не просто бессмысленны, они опасны. Из-за них можно окончательно потерять желание жить. А мне нужен обратный эффект.

Нужна цель... Она у меня есть. Нужна точка опоры...

Вот с этим проблема.

Рассматривая в зеркале свой новый наряд – длинное синее платье без декоративных элементов и сложной отделки, – незаметно наблюдаю за Сейлиссой, которая расчесывает мои волосы, а затем заплетает их в толстую косу. Спокойная, вежливая, надежная. Ее муж тоже кажется мне порядочным и честным вионцем. Но помочь мне достичь желаемого они не в состоянии. Кроме этого дома и верности данному слову, у них ничего нет. Хотя как раз последнее может оказаться ценнее самых дорогих

украшений.

– Сейла, покажешь мне дом? И участок?

– Конечно!

Она с радостью принимает мою просьбу, наверное, даже не задумываясь о том, что именно мною движет – простое любопытство или желание оценить, узнать больше, убедиться... С готовностью рассказывает, что и когда сделано, где посажено, куда ведет, даже не допуская мысли, что в основе моей заинтересованности вовсе не обычное стремление сориентироваться.

Я же по ходу своеобразной экскурсии окончательно убеждаюсь сразу в двух вещах. Первая. Даже если все это продать, на аренду корабля вырученных средств мне не хватит. А ведь это отнюдь не все нужные расходы. Вторая. Оставлять племянницу и ее мужа без жилья и средств к существованию нельзя. Это подло и... недальновидно.

Последнее особенно актуально, ведь воодушевленная моим появлением Сейлисса загорается грандиозными идеями, которые, если дать им прорасти, на корню загубят все мои планы.

– Сегодня уже поздно, поэтому вам придется переночевать здесь, но завтра после завтрака мы отведем вас во дворец де'вРона. Пусть только попробует не признать за вами право на продолжение династии ди'Донов! Я уверена, вы быстро найдете себе мужа и защитника. А до этого я и Ваймон будем рядом...

– Нет, Сейла, ты с мужем останешься здесь.

– Но почему? – потрясенно ахает племянница и останавливается, непроизвольно хватаясь за выю на стене дома. – Вы нам не доверяете? Прогоняете? Но ведь мы... столько лет... – Она всхлипывает.

Слезы обиды так быстро появляются в глазах женщины, что я даже среагировать не успеваю. И вместо того чтобы сразу свое решение объяснить, мне приходится сначала ее успокаивать.

– Сейла, я доверяю вам обоим больше, чем самой себе. И ближе вас у меня нет никого на свете. Причина в том, что к де'вРону я не пойду.

– Как же так... – еще сильнее теряется родственница, но плакать перестает. – Неужели вы не хотите вернуть то, что принадлежало вашей семье? Откажетесь от своего статуса?

– Очень хочу. И не откажусь. Но при этом я хочу еще и выжить. Знаешь, после того как подруга, с которой мы бок о бок прожили пять лет, едва не отправила меня на тот свет, как-то слабо верится, что потомок женщины, оскорбленной и отвергнутой моим братом, не попытается сделать то же самое.

– Скорее, Латал захочет, чтобы вы стали его женой, чтобы укрепить свою власть, – судорожно вздыхает племянница, поднимая на меня полный тревоги взгляд.

– Он еще и не женат? – изумляюсь я. – Тогда я точно в замок ни ногой.

Теперь в синих глазах появляется неуверенность. Точно такая же звучит в голосе, хотя в словах, на первый взгляд, немало рассудительности.

– Может, все будет не так плохо? Мы сможем вас защитить. Есть же пресса. Другие семьи, заинтересованные в вашем возвращении. У Ваймона есть друзья, они наверняка согласятся быть вашими телохранителями.

– Друзья это хорошо. Но где гарантия их лояльности? Они ведь клятву не приносили. А что сделает пресса, если со мной произойдет «несчастный случай»? Или кто-то из других семей? Чем это поможет мне? Нет, Сейла, я не буду рисковать.

– Вы хотите скрыть от всех факт своего пробуждения?

– Именно. Поэтому тебе и Ваймону придется остаться здесь. Будете продолжать жить и

вести себя так, как это делали раньше. Вы – моя страховка. Тогда никто не заподозрит, что меня в старом замке нет.

– Если так, то да... – задумчиво соглашается Сейлисса. Наконец замечает вьюн в своей руке и резким движением срывает его со стены. Скручивает, наматывая на кисть, и сокрушается: – Только как же вы? Совсем одна, без поддержки, без... Ой! И денег нет! – Она роняет несчастное растение, хватаясь за щеки.

– Немного есть, – вмешивается в наш диалог спокойный мужской голос. – Помнишь, я три года назад поймал улетевшую из королевского питомника какую-то редкую жираль? Мне за нее хорошо заплатили, и из этих денег мы почти ничего не потратили. Я по окрестностям прошелся, – это он уже мне говорит. – Тут периодически народ появляется. То ли ищут чего, то ли проверяют. Может, вообще случайные, не поймешь. Но лучше не рисковать, раз вы хотите остаться инкогнито.

– Спасибо, – благодарю я его совершенно искренне. – Но я очень надеюсь, что эти деньги мне не понадобятся.

– Как так? – удивляется Сейлисса, да только я пока сама ни в чем не уверена. Потому и ответить на ее вопрос не могу.

Мне сначала нужно в замок вернуться, осмотреться, понять. Не может быть, чтобы мои родители не сделали схрона. Даже будучи уверенными, что все под контролем второго сына, они прекрасно понимали, что ситуация может измениться в одно мгновение, тем более было неясно, когда же я проснусь. Значит, оставили для меня страховку. Нужно лишь найти, где именно.

Отправляться на ночь глядя смысла не имеет. Да и торопиться мне некуда – от скорости исполнения успешность плана не зависит. Потому я неторопливо ужинаю в столовой, которую супруги мне уступили, а потом до утра сижу у окна, всматриваясь в звездное небо.

Спать мне не хочется. Возможно, я выспалась за шестьсот-то лет. Возможно, просто боюсь. Боюсь снова впасть в анабиоз и потерять ту крошечную связь с прошлым, которая чудом сохранилась. Глупо, конечно. Ведь нет тех стимулов, которые могут это состояние спровоцировать. Однако страх всегда иррационален. Ему можно дать объяснение, но его сложно побороть.

Я пока и не пытаюсь. Стресс, если он не слишком длительный, для организма тоже полезен. Мобилизует и подстегивает похлеще Гренны. А уж она-то точно знала, на что надавить, чтобы получить оптимальный результат. И я именно на этот результат и рассчитываю. Я уверена, что не оставлю надежды, не убедившись в полной ее бессмысленности.

Поднимая юбку, чтобы не промокла, потому что ступаю по траве, покрытой капельками росы, шагаю следом за уверенно идущей Сейлиссой. Поправляю лямки рюкзака с запасом еды, надетого на плечи, потому что неизвестно, сколько времени придется провести во дворце. Уже давно остался позади маленький домик. За скальным выступом с нами попрощался Ваймон. Заросли сгустились, преграждая путь. Маленькие доряды пуговообразно сыпались с веток, которые я случайно задевала...

Может, тайник сделан в парке?

Внимательнее присматриваюсь к буйно разросшейся растительности, которая, конечно, может что-то скрывать, но сомнений в этом у меня все больше. Ведь если бы отказали блокирующие доступ в парк системы, то схрон обнаружили бы быстро. Не я одна такая догадливая. Значит, не здесь.

Перед главной лестницей мы останавливаемся. Я изучаю фасад, Сейлисса терпеливо ждет моего решения, потому как, к сожалению, ничем существенным мне помочь не может – информации у нее нет. Видимо, не рискнули мои родные оставить устные подсказки. Ну что ж, будем искать материальные. Которых снаружи я точно не вижу – надписей нет, и внешне ничего не изменилось, не считая обвалившихся камней.

– Идем внутрь?

В голосе племянницы отчетливо слышится тревога, и я поспешно оборачиваюсь к ней, а потом сама же смеюсь над своей пугливостью – ее всего лишь туча беспокоит, которая грозит пролиться дождем. Хотя, конечно, промокнуть и мне не хочется.

Ступив на хорошо сохранившийся, хоть и грязный пол парадного холла, я с трудом заставляю себя идти дальше. Вот здесь стояли мои родители, когда мы встречали гостей. За этими колоннами прятались Вария и Ваймон, когда в их присутствии не было необходимости. А тут шел Тогрис, возвращаясь вместе со мной с прогулки...

– Что с вами?! – бросается ко мне Сейлисса, поднимая с каменного покрытия, на которое я буквально рухнула. – Плохо, да? Лучше сюда сядьте, здесь не так грязно.

На непослушных ногах я куда-то иду, опускаюсь на что-то мягкое, ничего не видя из-за застилающих глаза слез. Единственное, что воспринимаю, – заботливый, сочувственный женский голос.

– Это из-за воспоминаний? Прав был Ваймон, не нужно было торопиться... Может, вернемся? Ну его, этот клад!

– Нет, – собравшись с силами, я отрицательно мотаю головой. – Сейчас... пройдет.

Как я ни стараюсь, боль отпускает не сразу. Вернее, она и не исчезает никуда, просто становится постоянным фоном, к которому мне, видимо, придется привыкать. Ведь нет иного выхода. Здесь все мне напоминает о прошлом, и с этим ничего не поделать. Я ведь сюда пришла, зная, что будет непросто. Так чего теперь нить?

Потому и улыбаюсь присевшей рядом со мной Сейлиссе. Невесело, но хоть этим пытаюсь поощрить ее за вынужденные страдания. Ей ведь тоже непросто – видеть, как мне плохо, и не иметь возможности помочь. А потом мы поднимаемся на третий этаж в мои апартаменты. Я уверена, что начинать поиски нужно там. Должны быть зацепки, подсказки, намеки...

Ну вот! Я так и думала!

Стремительно подбегаю к столу, на котором вижу плотный лист, прижатый камнем, жадно впиваюсь взглядом в символы и... Горько смеюсь над своей наивностью.

«Дорогая Идилинна, простите, что не встречаю вас так, как этого требует моя клятва, но в замке нет возможности проживать. Вы найдете меня в домике на площадке жиралей...»

– Это ты написала? – смотрю на подошедшую ближе племянницу.

– А что мне оставалось? – Она расстраивается, наверняка в уверенности, что я сержусь. – Не могла же я сидеть здесь безвылазно и ждать? Да и не я одна так поступала... Вот.

Смотрю на кресло в углу комнаты, куда указывает ее палец, и вижу целую стопку похожих листов. Снизу древних, почти истлевших, сверху новее, но символы на них едва заметны из-за того, что выцвели.

– Мама каждые десять лет новую запись делала и лист меняла, – продолжает оправдываться Сейла. – Место выбрала удобное, хорошо заметное...

Заметное? Ну да, для того, кто проснулся и неторопливо занялся изучением комнаты. А та, которая, выпучив глаза, понеслась к гардеробу и на выход, не заметила бы этой записки, даже будь она на нее саму приклеена. Утрирую, конечно, но суть именно такая. Не учли мои родственницы шока, в котором я окажусь.

Ладно. Зато хоть понятно, что меня тут не бросили. Сейла права, ей тоже жить нужно. Достаточно того, что она к месту оказалась привязана – ни насовсем уехать, ни просто в гости. А я могла еще лет сто спать или даже больше. Так что никаких претензий у меня нет.

Успокоив племянницу, продолжаю осмотр и убеждаюсь в одном – мои драгоценности точно не здесь. Их нет ни в ящиках ветхой, но все же сохранившейся мебели, ни на полках гардеробной. Ничего ценного! Кто-то заботливо все собрал и... надеюсь, спрятал.

Присматриваюсь ко всему, что есть в спальне, к каждой мелочи, но, кроме подозрительно разбившегося окна, ничего не нахожу. А ведь оно меня еще когда я только проснулась насторожило.

Подхожу ближе, чтобы точнее оценить повреждения.

Удар был мощный, прицельный – от места пролома расходятся трещины. Но на противоположной стене комнаты никаких следов разрушений. Значит, не оружие. На полу под окном лежит скомканная ткань, а осколков нет.

– Что здесь произошло? – Думаю, что Сейла этим тоже должна была заинтересоваться и у своей мамы спросить.

– Это ваш питомец в окна и стены замка бился, чтобы к вам попасть. Его увезти хотели, а он вырвался, не смогли удержать. Краг зуб о трипслат сломал, но и тот не выдержал, треснул.

Драк... Нежность к верному существу отозвалась новой волной щемящей боли. Как же ему было плохо, если себя не щадил, лишь бы со мной остаться. И ему ведь не объяснишь, что в этом нет смысла, что ему будет лучше там, где он должен был жить.

Снова смотрю на пролом, пытаюсь понять ту неправильность, которую интуитивно ощущаю.

– А почему окно не починили? – наконец осеняет меня. Ведь в то время, когда готовилась к отлету томлинская делегация, еще все жили в замке, значит, и с ремонтом проблем не должно было быть.

– Не знаю, – теряется племянница. – В распоряжениях относительно дворца, которые я получила, было предписано только периодически проверять и закрывать отверстие ветошью, если она выпадала.

Это странно. Ведь нет ничего проще, чем залить дыру чем-то плотным, долговечным. Конечно, на Вионе не бывает холодно, но все равно с целым окном надежнее.

Возможно, это и есть подсказка? То есть нужно искать там, где краг? Однако...

– Драка увезли на Томлин? – принимаюсь за выяснение.

– Видимо, нет, – мнется Сейлисса.

– Что значит – видимо? – пугаюсь я.

Племянница тяжело вздыхает и молча ведет меня к выходу из спальни. Анфилада из шести комнат. Налево. Вверх по лестнице.

В темноте очередного коридора из-за идущей впереди Сейлы я не сразу замечаю препятствие на пути, а когда вижу, в ужасе отшатываюсь, ударяясь спиной в стену. А потом сползаю по гладкой, идеально отшлифованной поверхности, не в силах оторвать глаз от страшного зрелища.

Светло-желтые кости массивными позвонками, реберными дугами и изогнутыми хвостовыми пластинами почти на высоту моего роста возвышаются над полом. Скелет без плоти и шкуры, разинувший в устрашающем оскале пасть... со сломанным зубом.

– Это ведь он, да? – грустно спрашивает Сейла.

Сжимаю челюсти и киваю, пытаюсь не разреветься. Я предполагала, что Драка уже нет в живых, хотя Тогрис и говорил, что они могут жить очень долго, но перед моими глазами все равно вставал образ живого ящера, приветливо урчащего и ласково жмурящего желтые глаза. Увидеть его таким я была не готова.

И снова Сейлисса не позволила мне долго сидеть на полу. «Он холодный!» – строго объяснила, подхватывая меня под мышки и поднимая.

Я не спорила. Где-то здесь, под полом, проходит конвейерный ход для подачи корма жиралам. Он снизу поднимается, из подвала, оттого и воздух по нему движется

холодный. Когда-то по этому ходу маленький Драк пробрался в аэрариум. А теперь лежит здесь...

Совпадение? Или еще одна подсказка? Коридор узкий, сомнительно, чтобы краг сюда заполз по собственной инициативе. Логичнее было умереть поближе ко мне. Рядом со спальней, например.

Присматриваюсь к месту внимательнее. Пол цельный, не похоже, чтобы его разбирали. Могли, конечно, здесь схрон сделать и аккуратно заложить, чтобы следов не осталось, но тогда бы и вентиляция нарушилась. Как бы проверить?

Осторожно отодвигаю мешающие кости, грозя разрушить хрупкую конструкцию, изучаю швы, даже прошу Сейлиссу принести что-нибудь прочное, чтобы поскрести цемент. В итоге бросаю бессмысленное занятие. Нет тут ничего. Никаких намеков на возможность плиты поднять. Да и не оставят родители запасник, который я заведомо не смогу открыть.

Получается, я неверную ниточку раскручиваю. Ну что ж, поищем другую. Как бы ни было больно, придется пройти по всему замку. Сверху вниз. Из комнаты в комнату. Из коридора в коридор. Парадные и подсобные. Гостевые и личные. Жилые и технические... В некоторых я никогда не была – просто не имела необходимости.

В кухнях сейчас стоят пустые длинные столы без намека на еду и посуду, да и шкафы зияют пустыми полками. В санитарных очистителях бачки без воды и канализационных стоков, совершенно сухие. Лишь в кормовом хранилище осталась пара мешков с кормом для жиралей, которых давным-давно нет уже в аэрариуме.

Почему их не забрали? Забыли? Или в них спрятали то, что я ищу?

С волнением развязываю рвущуюся от ветхости ленту, стягивающую горловину. Завалив тяжелый мешок на пол, сначала выгребаю сухой, ставший похожим на землю корм, а затем высыпаю остатки.

Увы. Не здесь.

Второй мешок проверяю из чистого упрямства. Чтобы потом не сомневаться. Увидев что-то плотное, мгновенно хватаю, отряхивая и сдувая коричневую крошку, а потом в недоумении смотрю на острый изогнутый предмет с рваными, словно рублеными краями.

– На зуб крага похоже, – заглянув мне через плечо, делится мыслями племянница.

Он самый, у меня сомнений никаких. Драк мне не раз свои челюсти демонстрировал. Меня другое удивляет: что зуб делает в корме? Представить его естественный путь от окна моей спальни до мешка я не могу при всем старании. Его сюда специально положили. Но что это означает?

Что я имею? Зуб, Драк, конвейер, корм. Связь между ними несомненная. Зуб ящера в корме. Тот должен подниматься по конвейерной ленте в аэрариум. Скелет крага лежит над этим ходом...

Изрядно напугав Сейлиссу, я вскакиваю, бросаясь к панели управления над емкостью, куда засыпали корм. Судорожно распахиваю прикрывающую ее дверцу, радуясь, что здесь нет автоматики, требующей энергии. Сплошная механика. Получив доступ, отыскиваю рукоятку движения ленты и принимаюсь крутить.

Вернее, пытаюсь. Старательно пытаюсь сдвинуть круговой механизм по ходу стрелки-указателя и понимаю – мне не по силам. Столько лет прошло, наверное, заржавело все. Даже усилия Сейлы не помогают. Ни в одиночку, ни вдвоем нам не справиться.

Обидно. Лаз узкий, я туда точно не пролезу.

Расстраиваюсь, а делать нечего. В последний раз давлю на рычаг, сдвигая буквально на пару сантиметров, и со злости дергаю в обратном направлении.

Ой...

На реверс ручка провернулась без усилий. Так легко, словно только этого и ждала. В глубине дворца за стеной раздался протяжный скрежет, и лента сдвинулась. Остановилась, потому что я от неожиданности крутить перестала, и тут же поползла снова, подчиняясь лихорадочному вращению.

Однако моему радостному предвкушению пришлось потесниться, поделив место с опасением разочароваться. Я кручу-кручу, а лента по-прежнему идет пустая. Надежду поддерживает только одно – пять этажей, ход наклонный, длинный, наверняка драгоценности подняли как можно выше. Потому и заблокировали механизм на подъем. Тот, кто мог случайно запустить конвейер, несомненно, бросил бы бессмысленную затею. Но не я!

И когда в емкость начинают сыпаться герметичные контейнеры – разные, но в большинстве своем небольшие, компактные, – я радостно взвизгиваю. Даже крутить перестаю, обнимая кинувшуюся ко мне на шею Сейлу.

– Нашли! Нашли! Вы молодец! – восторженно щебечет племянница, и мне не сразу удается ее успокоить, чтобы вернуться к прерванному занятию.

Зато через полчаса мы, довольные и воодушевленные, тащим один мешок к выходу. Только в нем отнюдь не корм.

Для победы капитан в голове имеет...

План.

Я четвертый час сижу, разбирая доставшиеся мне сокровища. Из контейнеров извлекаю, куда их ради лучшей сохранности положили, рассматриваю, сортирую, ну и вспоминаю. Без этого, увы, никак.

Конечно, большая часть украшений и дорогих вещей безлика. Я понятия не имею, откуда они взялись и кто именно пожертвовал их в качестве вклада в мое будущее. Но есть и такие, от одного взгляда на которые душа ноет.

Вот кулончик с виаразом, который папа мне так и не успел отдать, потому что половозрелость тогда еще не наступила. Вот мамина любимая заколка с коричневыми камнями, похожими на темные масляные капли. Вот ручка-стилус Ваймона, он считал ее своим талисманом, всегда носил с собой. И я с тем, чем дорожит моя память, ни за что не расстанусь!

Бережно откладываю все в сторону, подальше от остальных вещей, чтобы случайно не затерялись. Вскрываю новую порцию контейнеров и вытряхиваю содержимое на стол. Драгоценные камни без оправ и полоски редких металлов. Их примут в качестве оплаты за услуги и товары на любой планете. Десяток игровых пластин «Ривуса». О! Это такой раритет, с учетом даты изготовления! Коллекционеры с руками оторвут. И как хорошо, что две из них с тем самым игровым полем, которое создал Тогрис. Одну я себе оставляю, никому не отдам!

Ласково погладив синюю глянцевую поверхность и закапав ее непрошеными слезами, присоединяю пластину к своим личным ценностям. Остальные складываю стопкой и отодвигаю.

Так. Дальше что?

Снова украшения... Опять камни... Стоп!

Торопливо разгребаю сверкающие вещицы, отыскивая... Вот! С восторгом смотрю на изящный браслет из белого витого металла, удерживающего желтые мутные камни. Это же томлитониты! Мне без них на Томлин даже носа совать нельзя! А это украшение защитит от радиации не хуже расовых способностей самих томлинцев. Ура!

Продолжим!

Столовый набор на одну персону, очень тонкая работа и опять же историческая

ценность... К пластинам.

Миниатюрная шкатулка-футляр... Тут лишь ценность материалов.

Оружие... Хм, неплохо. Пригодится. Очередная порция украшений...

Практически самым последним нахожу информационный накопитель. Несколько минут, закрыв глаза, успокаиваюсь, потому что понимаю – пустым он точно не будет. То, что на нем послание из прошлого – несомненно. Но готова ли я увидеть тех, чью смерть уже приняла?

А какие варианты? Отложить? Все равно потом смотреть придется, я же себя, то есть свое любопытство, прекрасно знаю. Так лучше уж раньше пережить последнюю порцию боли, чем позже.

– Вы закончили? Может, пообедаете?

Сейлисса заглядывает в комнату весьма своевременно, потому что вместо еды ей приходится снабжать меня техникой. К счастью, со старым накопителем совместимой, а потому через несколько минут я, широко раскрыв глаза и прижав руки к лихорадочно бьющемуся в груди сердцу, смотрю на Ваймона. Возмужавшего, совсем-совсем взрослого, сосредоточенно настраивающего вильерер на запись.

– Так... Хм... Привет, сестренка.

Развернувшись к экрану, он, подмигнув мне, улыбается. И от этого я совершенно теряюсь. Я-то ждала увидеть его мрачным и печальным.

– Я думал, смогу лично тебе все рассказать, но ты такая соня оказалась. Сотню уже в анабиозе провела, и не удивлюсь, если еще лет на четыреста замахнешься. Боюсь, я твоего пробуждения не дождусь, а делать запись дряхлым стариком, знаешь, как-то не хочется.

Он смешливо хмыкает, поправляет камеру и продолжает:

– Ты только не раскисай, а то знаю я вас, девчонок, чуть что, сразу глаза на мокром месте. Во всем, что происходит, надо искать положительные стороны, иначе зачем жить? Я так вообще должен тебе спасибо сказать. Если бы не твой сон, я бы от трона не отказался и на Ларилине женился...

– Вай, ты с кем там разговариваешь? – неожиданно перебивает брата женский голос, и он оборачивается, чуть отстраняясь и позволяя мне увидеть комнату дворца, соседнюю с моими апартаментами. А через мгновение на фоне лазурной росписи белых стен появляется синеволосая женщина, зрелая красота которой ничуть не уступает той, что привлекала Ваймона в юности. Вария...

– Запись делаю, – нейтрально отвечает брат, протягивая руку, и когда женские пальчики оказываются в его ладони, тянет их к себе, чтобы обнять жену.

– Какую запись? – не сдается Вария. – Не для Идилинны, случаем?

Она смотрит на что-то вне поля видимости камеры и ахает:

– Вай, ты же обещал, что меня позовешь!

– А тебя и звать не надо, ты сама приходишь, – смеется брат. Уворачивается от кулачка, пытающегося ткнуть его в плечо, и роняет жену себе на колени. Обняв, целует, несколько не смущаясь того, что я это вижу. То есть увижу.

– Бессовестный, – отталкиваясь от него, ворчит покрасневшая Вария. Но недовольной она совсем не выглядит. Усаживается удобнее, чтобы с гарантией попасть в зону видимости, и обращается ко мне:

– Вот, Идилинна, что делает с мужчинами отсутствие необходимости себя контролировать. Поверьте, Горан себя так с женой не ведет...

– Не верь ей, сестренка, – перебивает Ваймон, закатывая глаза к потолку. – Это она

потому так говорит, что наедине их не видела.

– А мы не наедине! – парирует Вария, указывая пальчиком на экран. – И вообще, не мешай мне. Ты же еще ничего не рассказал? Да какое там «рассказал», наверняка только до высокопарных изречений и дошел. В общем... – Она набирает в грудь воздуха, но, вместо того, чтобы начать рассказ, растерянно восклицает: – С чего же начать-то? Столько всего!

– Давай лучше я, – приходит ей на помощь Ваймон, но Вария отрицательно качает головой.

– Нет. Я сама. Так... – Она сцепляет пальцы в замок, сосредотачиваясь. – Во-первых, бутылочка. С томлинской водой которая. Рильмина, конечно, очень постаралась симитировать, что вы воду сами выпили, но то, что вы бы этого никогда не сделали, мне и вашим родным было сразу понятно. Да и она потом призналась, когда... как следует допросили. – Гневные интонации и пауза все сказали лучше дословного изложения процедуры допроса. – Однако официальную версию пришлось давать другую. Ваш отец решил, что скандал никому не пойдет на пользу. Тем более в таком шатком положении, в котором оказался он сам и ваш жених.

Ваймон кивает, соглашаясь с женой, и та продолжает:

– Расследование было негласным, но доскональным. Я поначалу думала, что Рильмина из ревности вас отравила, но все оказалось сложнее. Хотя, конечно, так и не угасшая привязка тоже сыграла свою роль. Ею Эриш воспользовался. Он, как выяснилось, был тайным оппозиционером. И давно уже со своими соратниками готовил план развала империи. Они понимали, что, пока у Объединенных территорий есть император, активно действовать бессмысленно. Оттого и ждали дня, когда при смене власти империя окажется без правителя. Изначально Эриш хотел сам вас напоить, но пообщался с Рильминой и решил, что сделать это ее руками будет проще. У него ведь не было допуска в ваши покои. А Рильмине он пообещал, что они заставят Тогриса на ней жениться, мол, есть у них на него рычаги воздействия.

– Зачинщиков казнили, – все же не удерживается и добавляет Ваймон.

– Рильмину выдали замуж за какого-то незнатного томлинца, которому она приглянулась, – сообщает Вария.

– Жаль только, последствия диверсии нивелировать не удалось, – продолжает брат. – Мы попытались, конечно, сделали все, что смогли, но стали появляться недовольные двоевластием. Притом что, я уверен, останься императором только отец или только цу'лЗар, таковых было бы еще больше. Сейчас ситуация относительно стабильная, хотя в составе Объединенных территорий всего двенадцать планет. Есть вероятность, что все останется в таком состоянии до твоего пробуждения.

– Ваши родители очень хотели родить еще одну наследницу, это однозначно сохранило бы империю, но у вашей мамы больше не получилось забеременеть, – сочувствует Вария и неожиданно спохватывается: – Ой, чуть не забыла! В королевской семье Томлина месяц назад родился наследник. Ваш жених почти пятьдесят лет надеялся и ждал, прежде чем жениться. А сын вот только сейчас появился, до этого еще одна девочка.

– Ты, Лина, на Тогриса не обижайся. Он правильно поступил. У него и возраст уже немаленький и династию надо продолжать...

Образ Ваймона неожиданно теряет резкость, и я не сразу понимаю, что это не дефект записи, а искажение из-за слез, навернувшихся на глаза. Потому торопливо их стираю, вновь всматриваясь в родное лицо. Не хочу отвлекаться и что-то упускать, а поплачу и все обдумаю потом.

– Конечно, тебе будет сложно из-за привязки, – продолжает брат. – Жаль, что вы не успели... – Он тактично фразу не договаривает, однако смысл и без того ясен. – Но, с другой стороны, в этом есть и огромный плюс. Нет риска, что ты влюбишься в первого попавшегося авантюриста, который решит ситуацией воспользоваться. Сделаешь осознанный, правильный выбор и выйдешь замуж за того, в ком будешь уверена и кто будет готов ждать, пока ты его полюбишь.

- Ну вот, опять нравоучения начались, - улыбается Вария. - Тогда уж и я добавлю. Идилинна, вы о непрожитом не думайте как о чем-то потерянном. Это не ваша жизнь. Она вам наверняка интересна, но примерять ее на себя не нужно. А что касается любопытства... Оно у вас всегда зашкаливало... - Голос начинает звучать тише, сбиваться. Фрейлина протягивает к экрану руки, и изображение принимается подрагивать, словно камеру пытаются открепить от стойки.

В итоге я слышу возмущенное «Вай, да помоги же!», а потом смотрю на движущуюся картинку, потому что технику куда-то несут. И при этом слышу:

- Мы решили, что не будем афишировать послание вам. Так что никто не знает, что идет запись. Вы всех и все увидите своими глазами и в естественной обстановке.

Я невольно ахаю, получив вот такую необычную возможность подсмотреть за жизнью во дворце, и ближе подаюсь к экрану, едва не влезая головой в голографическое изображение.

Первым появляется окно, которое руки Ваймона распахивают, открывая моему взгляду несколько дорожек парка, а голос Вайи зовет:

- Гилена!

Изящная молодая вионка, прогуливающаяся между кустами в сопровождении кавалера, тут же оборачивается и откликается:

- Да, мама!

- Не забудь принести мне нового ик'лы!

Девушка кивает, а ее спутник, учтиво поклонившись, вновь предлагает ей руку, чтобы удобнее было идти. И приятнее, несомненно.

- Гилена никак не определится, нравится ей Ристан или нет. Он, правда, тоже не делал намеков на серьезные отношения. - В голосе моей фрейлины чувствуется сдержанная грусть. Она жалеет, что личная жизнь дочери не складывается.

В поле зрения вновь появляется кабинет брата, затем еще одна комната - гостиная, дальше коридор, парадная лестница, анфилада...

Видимо, камера маленькая или несет ее Вария незаметно, потому что ни один из обитателей дворца, кто попадает на пути, не смотрит прямо на меня. Взгляды придворных направлены на лица моих экскурсоводов, а не на руки.

Я немногих узнаю - все же времени прошло немало. Появилось много новых лиц, и молодых, и не очень. Но я все равно с интересом их рассматриваю. А когда вижу интерьер малой гостиной родителей, даже забываю дышать. Ведь там сидит мой папа - за столом, который использовал даже чаще, чем тот, что в кабинете. Рядом на диванчике полулежит мама, читая книгу.

Они оба изменились, войдя в преклонный возраст. Синие волосы отца стали совсем белыми, лишь отдельные пряди сохранили прежний цвет. А вот мамыны, желтые, просто поблекли, потеряв природную яркость. На лицах появились морщины, движения стали тяжелее. Лишь в глазах осталась прежняя уверенность и власть.

- Наконец-то пришли! - опустив планшет, мама протягивает сыну руку.

Тот не мешкая шагает к ней, позволяя ее пальцам скользнуть по его ладони. Судя по колебаниям изображения и отдельным появляющимся фрагментам, Вария столь же учтиво касается руки моего отца.

- Не так уж поздно, - отвечает брат, которого я теперь снова вижу, потому что моя фрейлина села в кресло напротив, а он к маме на диван. - За вами транспортник прибудет только через час.

- Милый, - улыбается мама, - да будь моя воля, я бы вообще с Виона и от вас не улетала. Так что для меня каждая минута, проведенная с вами, самый дорогой подарок. А Горан

где? Заседание с министрами уже давно закончилось.

– Не очень-то верные сведения тебе передают. Мы задержались, – хмыкает еще один мужской голос. Знакомый и незнакомый одновременно. Но я, даже еще не видя его обладателя, сразу понимаю – мой младший брат пришел.

– Были проблемы с новым законом? – устало интересуется папа.

– Ну, скажем так, на кое-кого пришлось немного надавить, – усмехается Горан, которого я наконец увидела. Невысокий, полноватый для типичного вионца, он, как и в детстве, выглядит уверенным в себе, крепким и непробиваемым.

– Ты с этим аккуратнее, – мягко замечает отец. – Сейчас силен и давишь, а когда отпустишь, пружина распрямится. И отдача будет болезненной.

– Удержу, – упрямо не сдается Горан, сжимая кулак, словно доказывая основательность своих заявлений. – Тебе бы тоже не помешало проявить настойчивость в переговорах. Если короля Игре не переубедить и эта планета выйдет из состава империи, Объединенные территории потеряют основу боеспособности и приобретут еще одного сильного недруга.

– Ты же знаешь, мы с цу'лЗаром делаем все, что в наших силах. – Папа смотрит на младшего сына с неодобрением, но интонации его голоса все равно остаются нейтральными.

– Знаю, но считаю, что этого недостаточно, – и не думает уступать Горан. Его резкость не смягчает даже умоляющий взгляд мамы, которая, видимо прекрасно зная эту черту сына, ловко уводит разговор в сторону и заботливо интересуется:

– Как Витьяна себя чувствует?

– Сегодня уже совсем хорошо. Но ходить ей нельзя.

Я отчетливо слышу в голосе брата нотки нежности. Правда, пока не понимаю, речь идет о жене или дочери. Впрочем, реальность оказывается прозаичнее.

– Надо же, так неудачно упала, – сетует мама. – Давина с ней сидит, да? Хорошо, когда жена и фаворитка ладят.

– Гармония в семье зависит от мужчины. Какими он отношения хочет видеть, такими они и будут. – Горан с беззлой насмешкой смотрит на Ваймона, и тот разводит руками, мол, каждому свое.

– Так вы решили, что и кому привезти? – Мама снова тактически меняет тему. – На Игре много того, что не поставляется на Вион...

Мои родные обсуждают подарки, и я вспоминаю, что один из них – компактный наручный бластер – я видела среди доставшихся мне сокровищ. Отложила к раритетным, но теперь точно перемещу в личные. Я же думала, он работать не будет, но раз его изготовили на Игре, значит, срок службы ограничен только очень сильной поломкой, затрагивающей и внутренний механизм и корпус. А с этим у устройства как раз полный порядок.

Попрошавшись с родителями, Ваймон и Вария еще какое-то время гуляют по дворцу, показав мне ухоженный парк с высоты, азариум с жиральями. Я все жду, когда же брат хоть что-нибудь скажет о Драке, но тот словно забыл о нем. Зато решил показать мне... мою комнату, где нет ни намека на беспорядок, а свет падает через распахнутые окна. Кровать, завешенную полупрозрачным тюлем. И меня, мирно спящую, действительно на первый взгляд совсем живую, разве что грудь остается неподвижной.

– Я оставлю Горану накопитель, Лина, – негромко говорит Ваймон. – Брат найдет способ тебе его передать, если проспишь до конца его жизни. Ну а если очнешься раньше, он тебе и не понадобится.

Запись гаснет, а я так и остаюсь сидеть, глядя сквозь полупрозрачную муть пустого экрана.

Видеть себя со стороны оказалось не так уж шокирующе и в некотором смысле даже полезно – хоть убедилась в том, что выглядела прилично. Зато теперь мне было над чем подумать и чем дополнить рассказ Сейлисссы.

Получается, что схрон делал не Ваймон, а Горан. Наверняка он же и ценности подбирал. Теперь, зная характер ставшего взрослым брата, я не удивляюсь качеству задумки и ее исполнения.

Видимо, убедить короля Игре у папы не получилось, раз Объединенные территории в итоге распались окончательно. А может, наоборот, убедил – все же еще сорок пять лет империя продержалась.

За родителей я спокойна. Они, несомненно, переживали, но мужественно выдержали испытание. Я больше всего боялась, что мой сон их сломит.

Семейные отношения братьев... Это действительно их личное дело. Тут мои комментарии излишни.

Наказание Рильмины меня порадовало. Для амбициозной томлинки, замахнувшейся на статус жены короля, стать... никем! Женой фиста, как принято называть на Томлине мужчин с очень низким уровнем способностей и не имеющих династического статуса или хотя бы минимальных родственных связей. Этого не компенсирует даже любовь, которая неизбежно возникнет в любом браке, в том числе и принудительном. Плюс ей пришлось жить с постоянным чувством вины, которое неизбежно накатит, едва ее прояснившаяся от влечения голова осознает содеянное.

Эриша мне совсем не жаль. Да я, по сути, и не знала этого томлинца, а вот Тогрис... С ним сложнее всего. Разумом его поступок понимаю, душой противлюсь. Он мой, мой! Его нет, а все равно...

И снова я плачу, не в силах подавить реакцию организма. Понимаю, что слезы бессмысленны, но все же даю себе возможность выплеснуть эмоции. Это ведь тоже важно. В разумных пределах. А потому... Хватит.

Последний раз всхлипнув, сильным движением вытираю щеки. Подойдя к окну, распахиваю створки, позволяя теплоте, насыщенному запахом моря ветру растрепать мои волосы и убрать с лица следы переживаний. С прошлым я попрощалась, теперь сосредоточусь на будущем.

Личность выдаст (допустим погрешность), не бывает секретом...

Внешность.

Сидя на низенькой скамеечке, которую специально подтащила к зеркалу, я, покусывая нижнюю губу, всматриваюсь в свое отражение. Утонченные черты лица, нежная кожа, длинные волосы... Что со всем этим делать?

– Ох, не дело вы задумали, – причитает стоящая рядом Сейлисса, заламывая руки. – Ну где это видано – себя уродовать? Вы такая прекрасная...

– В том-то и проблема, – сержусь я на племянницу, которая никак не хочет понять логики моих решений. – И вообще, кто тебе сказал, что я стану некрасивой? Просто имидж... немного... изменю.

Паузы появляются потому, что я, стащив с тумбочки ножницы, сосредоточенно кромсаю волосы, оставляя длину на уровне плеч.

– Они были такие шикарные, – поднимая с пола длинные синие пряди, трагично шепчет Сейла, словно я совершила что-то непоправимое.

– Отрастут, – непререкаемо заявляю я, возвращая ножницы на место.

– Но зачем? Зачем так радикально? – не сдается племянница. – Ведь многие мужчины тоже отращивают волосы. И косы плетут. Правда, в другой технике, но я бы вас научила.

– Научишь обязательно. Мне пригодится. А что касается «отрачивают», то такой длины, как были у меня, волосы у мужчин только годам к ста вырастают. И то не факт. Кто поверит, что вот эта милая физиономия, – киваю на отражение, – достигла такого почтенного возраста? – Всматриваюсь в свое лицо, которое только сослепу или в полумраке можно принять за юношеское, и прошу: – Лучше подскажи, как кожу грубее сделать.

– Соком нъери натереть разве что, – неуверенно предлагает Сейлисса.

– Точно! Неси.

Как же я сама забыла? Нъери действительно очень сильно сушит и тонирует, делая темнее. Как раз и загрубеет, и оттенок будет другой, соответственно, иное восприятие.

Через десять минут я усиленно натираю соком лицо, руки, потом, подумав, сбрасываю одежду, обмазываясь полностью. Не факт, какие части тела случайно оголить придется. Лучше тем, кто их может увидеть, не давать повода задуматься над несоответствием.

Снова придирчиво изучаю себя в зеркале. Эффект есть, разумеется, но он весь сводится на нет фигурой. А ее, увы, в стратегических местах не обрежешь. Остается визуально маскировать.

Полотном эластичной ткани обматываю кругом грудную клетку, уплощая грудь. Вырезаю из упругого материала несколько пар подплечников и вручаю племяннице, чтобы подшила к изнанке тех вещей, которые уже имеются в моем распоряжении. Куда дольше вожусь с совсем непривычной накладкой, без которой обтягивающие брюки моментально выдадут меня с потрохами.

Уже в полном обмундировании смотрю на результат и улыбаюсь – отлично получилось! Да, вряд ли меня примут за взрослого мужчину, но за юношу на границе половозрелости я сойду точно.

– Зачем все это? – никак не может успокоиться Сейлисса. – Как же вы найдете себе мужа, если будете... мужчиной!

Я в ответ лишь крепко обнимаю взволнованную племянницу. Она отзывчивая, добрая, самоотверженная, и именно поэтому знать, что я задумала восстановить империю, ей не нужно.

Снимаю мужскую одежду и надеваю прежнюю, вновь возвращая себе женский облик. Волосы собираю в маленький хвостик на затылке. Смотрю на те, что обрезаны, и задумываюсь.

– Сейла, а можно их скрепить вместе? Как-нибудь склеить... Точно! – загораюсь неожиданной идеей. – Склеить друг с другом и с лентой! Вдруг мне понадобится быстро измениться? Я ведь тогда смогу просто привязать к коротенькому хвостику длинный! Или даже прическу сотворить.

– Ух... Да! Сделаю! – обещает моя помощница и с надеждой спрашивает: – Вы же погостите у нас еще хоть немного?

– Конечно, побуду, – улыбаюсь я ее горячности. – Куда мне торопиться?

На самом деле ведь нет никакой спешки. К тому же я, прежде чем улететь, хочу посмотреть Вагдрибор. Если получится, то и в королевской резиденции побывать. Как ни крути, а знать противника в лицо тоже необходимо. «Твое собственное восприятие всегда достовернее, чем любая информация, полученная из чужих уст». Папа часто это повторял и полагался на чужое слово лишь тогда, когда у него не было возможности узнать что-то лично. Вот я и последую мудрому совету.

Что касается его реализации, то тут несомненно одно: женщиной я пределы бывшего королевского парка не покину ни за что. А вот молодым вионцем из провинции, дальним родственником Ваймона Огрона, приехавшим поглазеть на столицу, – запросто. Мне ведь даже документы не нужны, раз ни к одной из знатных семей Виона, имеющих высокий уровень способностей, я не принадлежу.

Идти пешком, как я поначалу опасалась, нам не пришлось. Парочка жиралей в хозяйстве моей племянницы имелась, и потому добрались мы с комфортом. Правда, после полета ту самую деликатную накладку, которую я так тщательно прилаживала, пришлось поправлять, под едва сдерживаемый хохот Ваймона. И брать себе на заметку – найти способ более удобного крепления. А то ведь в самый неподходящий момент съедет мужское достоинство на бок или на живот, и будет... нонсенс.

Город, надо признать сразу, изменился мало. Да, крупных построек стало больше. Да, сама застройка плотнее. Да, почти не осталось деревянных мостовых, которые сменились каменными. Но на этом все. Не изменилась архитектура – массивные, громоздкие сооружения. Осталась прежней планировка улиц, радиально расходящихся лучами от центральной площади. Сохранился даже городской парк с ажурной оградой, отделяющей его от жилой зоны. Шестьсот лет прошло, а ощущение такое, словно десятилетие, не больше. В чем причина?

– Ну и вопросы у вас! – растерялся мой сопровождающий, запустив пальцы себе в волосы и почесав темя. Даже остановился и обернулся, осматривая улицу и изучая ее с нового ракурса. – Я так думаю, – все же озвучил результат мыслительной деятельности, – это потому, что нет причин что-то менять.

Логично. Потребность в ранее неведомом возникает тогда, когда ты его видишь. А если ты о чем-то не знаешь, тебе оно и не нужно. Вот краг, например. Не было его у меня, и что? Разве я жалела, страдала, мучилась? Да я ведь даже представить себе не могла, какое это счастье – иметь такого замечательного питомца. Так и здесь. Нет информации о других планетах, нет возможности посмотреть чужую жизнь, сравнить со своей и решить: мне тоже нужно вот так! Чем и хороша была империя – возможностью показать новое.

– Куда дальше? – интересуется моими желаниями Ваймон, когда под ногами начинает скрипеть галька пляжа, на который нас вывела улица.

– В королевскую канцелярию, само собой, – улыбаюсь я ему.

– Тогда я агралей арендую, – решает мой провожатый. – Плыть туда быстрее, чем возвращаться за нашими жиралами и лететь.

Он оказывается прав. От пристани с гидрариумом, которых в Вагдриборе, пожалуй, больше, чем зданий с аэрариумами, мы за десять минут доплываем до виднеющегося вдали далеко выдающегося в море мыса. Там, сдав наш живой транспорт, поднимаемся к стенам, защищающим территорию от разгула стихии. Что, надо сказать, происходит нечасто, но последствия бывают неприятными, если не приняты соответствующие меры.

Миновав ворота, которые по той же причине закрываются крайне редко, выходим на королевскую площадь. Народа здесь меньше, чем в городе, нет сутолоки и спешки, больше размеренности, степенности. Никто никуда не торопится, никого не окрикивает, ничего не продает – сюда редко приходят те, кто не принадлежит к знатым фамилиям. Не потому, что это запрещено – доступ на площадь свободный, а потому, что здесь им просто незачем появляться. Хотя, разумеется, бывают и исключения.

Два таких исключения, в виде меня и Ваймона, сейчас как раз идут по идеально отшлифованным и плотно подогнанным друг к другу плитам. Я бы сказала каменным, но отличия налицо: гладкость, износоустойчивость, структура не совсем обычная. Скорее всего, это все же какой-то новый материал, которого в мое время не было. Ну а то, что его в городе не используют, так это наверняка по причине амбициозности короля. Его площадь должна быть лучшей и неповторимой. Как и дворец, впрочем.

Я невольно замедляю шаг, рассматривая стены и башенки эффектного сооружения, настолько сильно отличающегося от старого замка, что мне стало понятно стремление Горана перенести в него королевскую резиденцию. Город ближе, море рядом, удобств больше, потому как технологии других планет (да-да, те самые, контрабандные, под эгидой вице-короля, на которые закрывал глаза мой отец), несомненно, здесь были использованы при строительстве. Парк не менее обширный и прекрасный – он начинается у самого края площади и наверняка полностью окружает дворец, который стоит в его глубине.

И вот как раз туда без документов или специального разрешения соваться точно не стоит. А потому я присматриваюсь к невысоким зданиям, выходящим на другой край площади узкими торцами с парадными входами. Здесь нет жилых домов, только административные. Департамент, бюро, канцелярия...

К последней я и спешу, чувствуя, что следует торопиться. Адапи уже клонится к горизонту, и если я не успею получить пропуск, то придется возвращаться сюда завтра. Или вообще отказаться от мысли увидеть короля.

Оказавшись в холле, ищу глазами карту здания, которую Ваймон, кстати, замечает быстрее и, подхватив меня под локоть, тянет в нужном направлении. А все потому, что я ищу на стенах, а он у них, оказывается, размещен на наклонном столе. И выглядит не как единая схема, а как ее элементы, выстроенные в удобной для поиска последовательности.

Подождав, когда отойдут и освободят место посетители, пришедшие сюда раньше, я отыскиваю нужный кабинет и через несколько минут уже стою перед стойкой, за которой сидит мужчина средних лет. До моего прихода он явно отдыхал, потому что другие посетители пользовались электронными терминалами. Теперь же недовольно хмурится, делает вид, что занят, и глазами выразительно косит в сторону. Типа иди ты, мил-вионец... к информационной системе. А я намеков не понимаю. И не иду. Вот он и сердится.

- Причина запроса на получение пропуска? - наконец нехотя спрашивает, поняв, что так просто от меня не избавиться.

- Экскурсия в замок, - уверенно отвечаю самым что ни на есть доброжелательным тоном. Что, впрочем, мало что меняет. Интонации мужчины, лениво тыкающего пальцем в экран, остаются прежними.

- Количество посещений?

- Однократное.

- Доступ ознакомительный или расширенный?

- Ознакомительный.

- На одно лицо? - Клерк смотрит на Ваймона, который встал у стены за моей спиной. А когда я киваю, тяжело вздыхает, вновь утыкаясь в экран. В итоге говорит: - Документы.

Пододвигаю к нему идентификационную пластину, которую мне дал Ваймон. На ней его данные, его голограмма, и потому ни один терминал на меня пропуск не наденет. А вот клерк сделать вид, что я это он, может запросто. Особенно если к нижней стороне пластины прикреплено соответствующее вознаграждение.

Оно, кстати, и на заинтересованность в обслуживании клиента влияет. Да так эффективно, что и недовольство сразу пропадает и даже воодушевление в глазах появляется. Мужчина с улыбкой возвращает мне пластину и предупредительно-заискивающе продолжает:

- Руку, пожалуйста. Вот сюда. Аккуратнее, не пораньтесь, тут острый край... Готово. Приятной экскурсии!

Так что совсем скоро я, оставив своего спутника на скамеечке у входа в парк, быстро иду по песчаной дорожке между кустами. Примерно на середине пути ощущаю сканирующее поле, скользнувшее по мне в поисках пропуска. Браслет на руке тут же отзывается едва слышным «дзинь», а мелкое дрожание воздуха впереди исчезает - снимается блокирующий экран.

Вот такие же механизмы охраняют и старый замок. Только допуск посетителей в их программу заложен генетический. Оттого и никому туда не попасть, кроме Сейлиссы. Ну и меня. А ведь когда-то давно, как и здесь сейчас, допускали всех, кто просил аудиенции или желал полюбоваться красотой залов. В этом тоже ничего не изменилось.

– Личные вещи, сумки сдать на хранение, – строго предупреждает охранник на входе, а когда я выразительно развожу руками, показывая, что у меня ничего нет, отступает, позволяя войти.

В небольшой комнатке на диванчиках сидят еще два посетителя. Я присоединяюсь к ним, посматривая на табло над закрытой дверью, которое оповещает, сколько времени остается до начала движения экскурсионной группы. Ваймон сказал, они каждый час запускаются, и я несказанно рада, что долго ждать не придется.

За это время больше никто из желающих не подошел. Так что мы втроем, под присмотром тонкого, шупленького паренька-служашего, отправляемся на осмотр. Направление движению задает летящий впереди шаровидный приборчик, приятным тенорком объясняющий, какой именно зал мы проходим и что конкретно видим. Если, конечно, смотрим в правильном направлении. Я даже улыбаюсь невольно – все же есть изменения. В мою бытность впереди шел живой экскурсовод.

В одном из залов – длинном, затемненном, с очень необычно организованной подсветкой – на стенах висят картины. Здесь у нас времени чуть больше, присмотра меньше, и я с замиранием сердца принимаюсь рассматривать портреты, отыскивая своих родственников. А когда заканчиваю, остаюсь в недоумении. Никого. Ни моего отца, ни моих предков здесь нет, лишь представители де'Вронов. Я даже Ларилину обнаружила на одном из маленьких полотен. Мало того, ее отец, вице-король, подписан на портрете как король Виона, без указания на временность исполнения вверенных ему обязанностей.

Интер-р-ресненько... Как, однако, нынешняя власть печется о собственном авторитете, если не стесняясь подтасовывает исторические факты!

Я уже не улыбаюсь. Я злюсь. И потому почти с ненавистью впираюсь взглядом в портрет нынешнего короля, размещенный на самом видном месте в центре зала. Изучая на первый взгляд красивое породистое лицо с маленькими, чуть раскосыми глазами, тонким носом и изящным подбородком, я нахожу в нем все больше черт, которые он унаследовал от своей бабки.

Эх, как же несправедлива судьба... Гены той, которую отверг Ваймон, все равно оказались у власти.

Впрочем, сетовать по этому поводу придется в другое время. Сейчас нас зовут на выход. Маячок ведет нас по боковой лестнице, выводит на пролет, чтобы мы могли спуститься по главной.

– Просим остановиться и подождать, – неожиданно предупреждает служащий, и я, выглянув из-за спины шедшего впереди пожилого посетителя, широко раскрыв глаза, смотрю на поднимающихся по лестнице шестерых мужчин. Вернее, только на одного, которого узнаю моментально.

Латал Роси де'Врон оказывается намного старше, чем на портрете. Выражение лица у него откровенно скучающее, несмотря на то что идущий рядом с ним вионец о чем-то рассуждает. А может, наоборот, именно по причине словоохотливости своего спутника король, потерявший нить его рассуждений, ищет спасения в иных впечатлениях – по сторонам он глазеет. Даже нашу застывшую в уважительном молчании группу удостаивает беглого осмотра.

Какое-то мгновение я смотрю в льдисто-голубые глаза, холодные, неприятные, и с облегчением выдыхаю, когда взгляд Латала уходит в сторону. Впрочем, ненадолго. Пара шагов, то есть ступеней, и голова уже отвернувшегося короля резко поворачивается. Он смотрит в растерянном недоумении, словно увидел что-то знакомое и теперь никак не может вспомнить, что именно.

Ой я дорада! Мое лицо! Оно-то не изменилось. Черты остались прежними, даром что кожа темнее. А Латал, при всей его (и его предков) нелюбви к моим родственникам, мои семейные портреты наверняка видел. Хранит в каком-нибудь тайнике!

С тихим шипением приседаю, прячась за спиной пожилого вионца. Повезло, что я не одна на экскурсии. И дважды повезло, что она заканчивается. Нет, трижды! Потому что,

соображай Латал быстрее, наверняка бы приказал задержать подозрительного молодца до того, как тот исчезнет из дворца.

Не по речам, не по уступкам, о человеке судим по...

Поступкам.

Дихол!

Я в сотый раз корю себя за неосторожность и авантюризм. Что мне стоило послушать Ваймона и удовольствоваться изображением де'ВРона из официальной сети. Так нет же, личных впечатлений захотелось! Вот и насмотрелась до новых проблем. Любопытная воркуша!

- Не переживайте так, - успокаивает меня племянница, легко поглаживая по руке. - Вот увидите, вернется Ваймон и скажет, что никаких причин для тревоги нет.

Я невольно смотрю на тропинку - единственную ведущую к дому, окруженному скалами. Муж Сейлы ушел по ней утром, а сейчас Адапи уже к закату клонится, и у меня возникают закономерные подозрения, что такая задержка неспроста. Он ведь и раньше уходил осматривать окрестности и всегда через час-два возвращался, а тут срок куда больше.

Поднимаюсь с камня, на котором мы устроились, и карабкаюсь вверх по склону. Мне в брюках это делать несложно, в отличие от моей спутницы. Так что она остается на месте, провожая меня обеспокоенным взглядом. Оказавшись на вершине, где дождь и ветер давным-давно разрушили структуру камня и образовали удобную наблюдательную площадку, осматриваюсь, разворачиваясь кругом.

Водная гладь сегодня безжизненна и спокойна как никогда. Волны едва заметно приподнимаются над поверхностью моря и лениво лижут подножия скал. Ворки смирно сидят, уцепившись лапками за трещины. В душном воздухе лишь изредка чувствуется дуновение ветра, разнеженного в послеполуденном зное.

За небольшой грядой скал до самого горизонта стелется зеленая масса растений, над которыми возвышается мой замок. Издали он не кажется разрушенным, лишь коренастым, приземистым, как очень старый вионец. Небо над ним ясное и чистое - не видно ни облаков, ни летящих жиралей.

Тихо, мирно, покойно... В таком окружении совсем не хочется думать о плохом.

Заметив, как Сейла машет мне рукой, торопливо спускаюсь обратно и еще издали слышу ее голос:

- Идут!

Число множественное, но интонации не тревожные, радостные, значит, те, с кем я одновременно выхожу на площадку, опасности для нас не представляют. По крайней мере, один гость, шагающий рядом с Ваймоном, сразу вызывает доверие - молодой, с таким же добродушным лицом и открытым взглядом, как и у мужа Сейлы. На нем простая рубашка, самые дешевые, но прочные штаны, заправленные в высокие голенища сапог. Руки крупные, мозоли на ладонях... Самый что ни на есть обычный трудяга.

Второй мужчина выглядит подозрительно, но лишь потому, что смотрит на меня с не меньшей недоверчивостью, чем я на него. Пожилой - жуткая смесь бледно-голубых и синих волос собрана в низкий хвост, свисающий ниже лопаток. Одетый не бедно, а... как бы правильно сформулировать... небрежно и безвкусно. Элегантная белая рубашка из качественной тонкой ткани расстегнута до середины груди. Поверх нее синий короткий жакет совершенно иного стиля - спортивного. Черные брюки на поясе обмотаны широкой золотой полосой ткани, которая наверняка стоит дороже всего костюма. Обувь массивная, громоздкая, такую носят только те, кто работает на кораблях в условиях пониженной гравитации.

В общем, ни по одежде, ни по манерам оба гостя на безопасников не тянут. Даже

замаскированных.

– Вирс Шагрон. Руг Лот.

Первым говорит Ваймон, представляя своих спутников, – сначала пожилого, затем молодого. Смотрит на жену и виновато добавляет:

– Прости, милая, не мог написать.

Он так выразительно это говорит, что даже мне ясно – его настоятельно попросили никому ничего заранее не сообщать. Возможно, даже идти отказывались, если хоть кто-то будет знать об их возможном появлении в этом месте.

– Лин Эвон.

Теперь уже я представляюсь, изменив род имени и назвав лишь часть от полного. Это, разумеется, сильно понизит мой статус в глазах гостей, зато не даст повода соотнести меня с кем-то из власть имущих.

В ответ Руг широко улыбается, показывая идеальный ряд белых зубов – ему любое имя назови, он так жеотреагирует. А вот Вирс хмыкает, изогнув губы в кривой усмешке. Вне всяких сомнений, все уже проанализировал, сложил, разделил и получил итог: молодой, именитый и обеспеченный субчик не желает быть узанным. В принципе правильный вывод, за исключением пола.

Впрочем, я ведь тоже с легкостью могу сказать, кто они такие. Контрабандисты. Единственные, кто может вывезти меня с Виона и доставить на нужную планету так же, как они поставляют нелегальные товары. Это мне Ваймон сразу сказал, едва я заикнулась о необходимости полета в другие миры. И я с ним согласилась, потому как война идет. Туристов в космос точно не возят, а устраиваться работать на военный крейсер не вариант. Какая в этом случае свобода выбора направления? Да и не возьмут меня без документов, а подкупить комиссариат так, как клерка канцелярии, вряд ли получится.

Единственное, о чем умолчал мой новоявленный родственник, это о том, что готов встречу с этими самыми контрабандистами устроить. Даже намека не сделал на наличие соответствующих знакомств. И утром ушел, ни слова не сказав.

– Так что же вы можете нам предложить, Лин Эвон? – интересуется Вирс, когда мы разместились на стульях в маленькой гостиной.

– Работу, разумеется, – уверенно отвечаю. Неторопливо, размеренно, стараясь, чтобы голос звучал по-мужски.

– Вы полагаете, она нас заинтересует?

– Я полагаю, что вы сами ответите на этот вопрос. А я просто сообщу условия.

Вирс удивленно приподнимает левую бровь, но ничего не говорит, лишь приглашающе поводит ладонью и чуть склоняет голову.

– Организовать доставку небольшого груза объемом в один стандартный контейнер и сопровождающее его лицо на Шенор. Вознаграждением будет вот это...

Столь же неспешно, как говорю, вытаскиваю из кармана и ставлю на деревянную столешницу прозрачную коробочку с эйвоганитом – окаменевшими выделениями ганитов в форме мелких, идеально круглых матово-белых шариков. Самое редкое лекарственное сырье в наших мирах.

Руг при виде такого богатства невятно мычит. Вирс, встав и шагнув к столу, осторожно берет футляр, встряхивая его и рассматривая на свет. Убедившись, что порций там не меньше десятка, ставит на место и изумленно качает головой.

– Вы в курсе, что за это, – спрашивает, указывая кивком на вознаграждение, – можно приобрести собственный рейдер?

- А кто его поведет? - резонно возражаю. - И кто позволит кораблю выйти за пределы орбиты Виона? Или запрет на полеты в другие системы снят?

- Не снят, - хитро щурится контрабандист. - Но почему вы решили, что мы можем пройти через кордон?

- Разве нет? - Теперь моя очередь удивленно поднимать брови, хмуриться и укоризненно смотреть на Ваймона. Мол, ай-яй-яй, как же ты так ошибся-то! И поставить точку. - Ну, нет - значит, нет.

Протягиваю руку, чтобы забрать коробочку, и ничуть не удивляюсь, когда ладонь Вирса торопливо накрывает мою, останавливая. Мы несколько секунд смотрим глаза в глаза, словно ищем в них подтверждение... Чего? Я - честности сделки, он - отсутствия подставы. У нас обоих есть сомнения друг в друге.

- Хорошо. - Мужчина уступает первым, убирая руку и усаживаясь обратно на стул. - Шенор, говорите?

- Шенор, - подтверждаю, оставив вожака на обозрение.

Над местом назначения я долго думала. И как бы моя душа ни стремилась на Томлин, мой разум яро бунтовал и требовал не совершать глупостей. Что мне делать на Томлине? Там нет никого, кто мог бы мне помочь, я не знаю даже имен членов правящей династии. Что будет, если я не найду там поддержки?

А Шенор... Шенор - родина моей мамы. Ее родственники грубоватые и прямолинейные, но прямые и бесхитростные. Действуют в лоб. И даже если не захотят помогать в память о своей наследнице, то уж корабль и пилота у них-то я точно арендую. Шенориане в космос летать не боятся, они сами кого угодно устрашат. Очень уж воинственная и бесстрашная раса.

Вирс о чем-то сосредоточенно размышляет, поглаживая подбородок. Щурится, отчего морщины в уголках глаз становятся еще отчетливее, а взгляд неприятнее. Ваймон тоже хмурится, наверняка сердится, что я не назвала ему маршрут. Гур поворачивает голову из стороны в сторону - смотрит то на одного, то на другого.

Вот только отчего такая реакция? Система звезды Жеок - одна из самых близких к Адапи. Ни времени на полет, ни топлива не потребуется много. Дело точно не в расстоянии.

- Шенор - это несколько проблематично, - наконец слышу хоть какой-то ответ. - Может, можно выбрать какую-нибудь другую планету?

- Хотелось бы понять причину, - не сдаюсь я.

Мужчины снова переглядываются, и у меня возникает смутное подозрение. Я внимательнее присматриваюсь к Ваймону и пожилому вионцу, сравнивая, отыскивая не сразу уловимое, но все же сходство. В грубоватой линии подбородка... В контуре носа... В прижатых ушных раковинах... Ох, да они же родственники! Пусть не близкие, но несомненно в родстве!

Мне сразу как-то спокойнее становится, и я уже совсем уверенно говорю:

- Мне неприятности тоже не нужны.

- Ладно бы одна причина, - неохотно, но идет навстречу Вирс, - так их целых две. Первая проще. На подлете к Жеоку шесть астероидных полей. Одно из них целиком состоит из самородного ултриза и потому там постоянно кто-то с кем-то выясняет отношения.

Он многозначительно умолкает, и я киваю. Этого мне объяснять не нужно. Я и так понимаю, что шенориане защищают свое, а ворье, коим являются представители всех остальных планет, пытается наложить лапу на чужое добро. Контрабандистов могут запросто принять за таких вот желающих.

- А вторая? - напоминаю, что была еще одна причина.

- Орбита Шенора лежит в одном из метеоритных поясов. То есть посадка будет сопровождаться дополнительной нагрузкой на защитный экран. А он у нас на последнем издыхании. - Вирс, цыкнув зубом, задумчиво трет подбородок.

- Чинить пробовали? - указываю глазами на эйвоганит, намекая на наличие возможности это сделать.

- Так нам же не нужен ремонт, - хитро прищуривается контрабандист. - Мы в проблемные зоны не летаем.

Гм... То есть мне предлагается еще и за это заплатить. Отдельно. Так сказать, накинуть за сложность. Вот ушлый тип!

Однако я прекрасно знаю: пойдешь на поводу у шантажиста - потеряешь все. Такие не умеют останавливаться, их надо вовремя остановить. Пусть думают, что у меня платежные средства ограниченные.

- Жаль, - вздыхаю, забирая футляр и пряча его в карман. - Значит, буду искать тех, кто летает.

- Не найдете, - начинает злиться визави. Ему и источник дохода терять не хочется, и моя строптивость не нравится.

- Уверены? - спокойно спрашиваю и цитирую учебник по экономике: - «В условиях дефицита товара и невозможности его замещения альтернативными видами неизбежно возникает высокий спрос, порождающий разнообразные типы источников предложения. Причем чем глубже закрытость рынка потребления, тем больше вариантов его насыщения».

Это я о том, что у его бизнеса конкурентов более чем достаточно. Простейшая истина, которую я на примере контрабандного концерна вице-короля изучила. И вообще, если уж на то пошло, я на самом деле могу найти других заинтересованных.

- Да что он нам тут головы дурит? Пусть соглашается и платит, раз звал! - разносится по комнате возмущенный бас. Ладони размером с лопату сжимаются, демонстрируя внушительные кулаки. От бывшего добродушия не остается и следа - мирный, на первый взгляд, субъект, оказывается, может быть опасным.

- Подожди, Руг, не мельтеши, - останавливает его Вирс. Прикусывает ноготь большого пальца, задумывается, хмыкает и неожиданно бьет ладонью по колену. - Так! Чиним за свой счет, но аванс вперед и остальная оплата на выходе из подпространства около системы Жеока. Это страховка на случай атаки со стороны. Далее. По той же причине никаких гарантий доставки я не даю, лишь подтверждаю вашу безопасность на моем корабле. Так что потом без претензий. Вылет через шесть дней, раньше ремонт не закончим. Это мое последнее предложение.

Он смотрит, ожидая ответа. Они все смотрят, а я, хоть и шевельнулось в душе смутное беспокойство, понимаю - нет у меня выбора. А насчет риска Вирс прав, это мои проблемы, не его. Потому и соглашаюсь, не требуя изменений:

- Договорились.

Глава 5

Проигрыш сродни удаче. В чем условие задачи?

Любого товара путь будет тернист, если везет его...

Контрабандист.

За прозрачным трипслатом иллюминатора клубится серая муть. Давно уже исчез в бездонной черной глубине сине-зеленый шарик – Вион. Яростной вспышкой ударила по глазам и закатилась в невидимость нестерпимо сверкающая Адапи. Испуганно замерцали, утонув во мгле подпространства, равнодушно сияющие звезды.

Теперь смотреть за борт смысла не имеет – там трое суток ничего не изменится. Потому я и закрываю обзорный люк ставней, она будет служить экраном, на который можно вывести любое изображение. Статичное, само собой, и из имеющегося перечня, а он, надо признать, не самый обширный.

Выбрав привычный пейзаж морского побережья, я сажусь на кровать, так и не оторвав взгляда от водной глади, покрытой игривыми гребешками волн. Затишье. На Вионе сейчас именно этот сезон – тихий, жаркий, спокойный. И я бы те самые шесть дней, что длился ремонт корабля, провела у моря – купаясь и наслаждаясь, но, увы, обстоятельства так и не позволили мне полноценно отдохнуть и расслабиться.

В первую очередь потому, что в тот же день, вечером, проводив гостей, Ваймон вернулся хмурый и озабоченный. Я было подумала, что дело в торге, который сама же устроила, и уже готова была извиниться, но мужчина меня опередил:

– За домом кто-то следит. И это не люди Вирса.

Известие неприятное. Наталкивающее на подозрение, что Латал все же догадался пересмотреть архивы моей семьи и теперь его шпионы собирают сведения о тех, кто приходил в замок на экскурсию. Уверена, двух других посетителей тоже проверяют, отыскивая того, кого увидел король.

Разумеется, то, что пропуск был оформлен на Ваймона, само по себе неплохо – шпионы сделают именно его фотографию, вместе с остальными покажут де'ВРону, и меня среди них он не найдет. Но что предпримет дальше? Решит, что это был обман зрения, и махнет на все рукой? Или же отдаст приказ продолжать поиски?

Рисковать я не стала. В доме, который лишен защиты блокирующих доступ полей, обнаружить постороннего элементарно – достаточно в окно заглянуть или просто дожждаться, когда я выйду на улицу. Потому, не откладывая, я собрала свой багаж и под прикрытием ночи ушла в замок. Туда точно никто не сунется, а визиты Сейлиссы объяснимы – она обязана за спящей наследницей присматривать и минимальную уборку делать.

Вынужденная мера оказалась правильной. На третий день вечером племянница прибежала испуганная, потерянная, с трудом сдерживая слезы. Я с немалым трудом выяснила, что утром в дом нагрянули с обыском, перерыли все от погреба до чердака, само собой, ничего не нашли и ушли, забрав с собой Ваймона.

Вот тогда я на самом деле испугалась. Не за себя. За мужа племянницы, которого фактически подставила. И за саму Сейлу, ведь она запросто может лишиться любимого, если Латал вдруг решит, что того следует изолировать. Или убить.

Я в тот момент даже готова была пойти и сдаться, но Сейла запретила, впервые проявив характер, которого раньше я у нее совсем не замечала.

– Вы останетесь! – заявила она, сердито сверкнув глазами. – Дождетесь посыльного от Вирта и улетите. Наша жизнь ничего не значит в сравнении с тем, что предстоит сделать вам. Когда в этом возникнет необходимость, я и Ваймон, мы оба с радостью пожертвуем собой. Если же с ним уже что-то случилось, то пусть хотя бы его смерть не будет напрасной!

Надо ли говорить, что следующие дни прошли для нас в тревожном ожидании. Сейлисса металась от дома к замку, я угрюмо следила за ней из окна. В последний день, перед самым отлетом, Ваймон вернулся. Я тоже пришла в дом, чтобы поговорить и извиниться.

– Вот вы паникерши-то обе, – возмутился мужчина, ласково обнимая и прижимая к себе жену. – Обычное расследование. Ну посидел два дня в камере, что с того? Рассказал, как мы и придумали, что родственнику помог, который по глупости без документов приехал.

– Разве его не будут искать? – ахнула Сейла.

– Так ведь как приехал, так и уехал, – подмигнул Ваймон. – А если хотят, пусть в Державель летят, проверяют. Я брату еще тогда написал, как рад, что он у меня в гостях побывал. Тот все понял.

Мы все вздохнули с облегчением – обошлось. Теперь оставалось лишь дожидаться Руга, который должен был отвезти меня на корабль, попрощаться с Сейлиссой и Ваймоном, ставшими для меня такими близкими, и отправиться навстречу новой жизни, не обещавшей ничего, кроме трудностей и проблем.

Но я все равно отправилась и теперь, сидя на узкой кровати в маленькой каюте, вспоминала слова Ваймона, которого я вынудила на признание.

– Вирс действительно мой родственник, но доверять ему стоит не больше, чем де'вРону. Он, конечно, вас не подставит и выполнит обязательства, если обстоятельства не изменятся. Но если что-то произойдет, проявлять благородство и жертвовать собой и кораблем он не будет. Поступит так, как ему выгодно.

Предупреждение я к сведению приняла. Настолько, что теперь оружие держала при себе постоянно, в контейнер с моими богатствами положила следилку-маячок, а под замком установила блокирующую пластину-детектор, снятую с охранного периметра, оплетающего замок. Мне она важнее, а тот кусочек парка, который окажется в свободном доступе, вряд ли привлечет чье-то внимание – слишком уж удаленный.

Невольно перевожу взгляд с картины на узкий высокий контейнер, снабженный гравиталами, облегчающими его вес, затем на второй – более широкий, но низкий, в котором одежда и неценные вещи. Его не так страшно потерять, поэтому никакой защиты я делать не стала. Хотя, конечно, стараний Ваймона, который мне все это подбирал, тоже будет жаль.

Подвинув его к себе, поднимаю крышку, чтобы достать более удобный костюм и переодеться. С этого момента каюта – мой временный дом. Значит, и чувствовать я себя должна в ней свободно.

Хотя, конечно, особо здесь не разгуляешься. Жилая площадь невелика – шесть шагов по диагонали, комната гигиены вообще крохотная. Душ не привычный водный, а ионный, явно атерианский, а туалет, похоже, заимствован у леян, потому что я только из рассказов мамы об устройствах, мгновенно замораживающих выделения, слышала. Вот что значит корабль контрабандистов!

Что касается столовой, то ее в каюте вообще нет. Чтобы насытиться, нужно идти в специальное помещение, где стоят крошечные кабинки для приема пищи. Но даже они общественные! То есть ни одна из них не будет принадлежать лично мне. Любой член экипажа может пользоваться любой свободной кабинкой, когда ему приспичит подкрепиться. Ужас... Я, конечно, пока гостила у Сейлиссы, занимала столовую супругов, которую мне уступили, но ведь они все же родственники! А тут совершенно чужие типы, да еще и мужчины.

Однако что это я? Сама путь выбрала, сама себя на него толкнула, а теперь ною? Непорядок.

Бросив старую одежду в контейнер и убедившись, что новая ничего лишнего не демонстрирует, отправляюсь именно туда – в коллективную столовую. Ужинать. Заодно и корабль изучу, а то ведь и не видела толком ничего, в такой спешке все грузились на борт. Команда носилась по коридорам, грузы таскала, меня вообще каким-то узким вспомогательным ходом в каюту провели, чтобы не мешалась. Такое ощущение, что я тут

не главный пассажир, который за полет заплатил, а так, попутчик, которого милостиво согласились подвезти, потому как по пути.

Минут десять плутаю по палубам, пытаюсь запомнить расположение помещений и получить общее представление о корабле. Опять же, при посадке темно было, я даже толком не разглядела, как это техногенное чудо выглядит.

Понятное дело, то, что снаружи, все равно останется неизвестным, а вот внутри... Внутри все очень даже прилично. Простенько, но чистенько. Металлизированные стены с поручнями. Упругое гравитонное покрытие пола, отливающее синим, когда притяжение усиливается. Освещение везде загорается исправно. Указатели на стенах работают. Любит свой корабль Вирс, определенно бережет. По мне, так это хороший знак. Значит, рисковать без нужды не будет, на рожон не полезет и постарается уклониться от неприятных встреч. То, что надо!

Ну а команда... Тут пока неясно. Я ведь только с Ругом и знакома, а во время прогулки так никого и не встретила – видимо, те, кто не на вахтах, предпочитают отдых в каютах. Даже в столовой, до которой я наконец-то добралась, было тихо и спокойно, хотя три из шести кабинок оказались заняты.

Я забираюсь в самую дальнюю. Проверяю, чтобы дверь плотно захлопнулась, с сомнением смотрю на полупрозрачное стекло, которое смазывает, но все же позволяет видеть, что здесь кто-то ест, и со вздохом опускаюсь на стул. Привыкнуть придется и к этому. Хорошо хоть продлится мучение недолго.

Так, а что нам предлагается из съестного?

Пробегаю глазами по панели с названиями блюд и понимаю: здесь готовят репликаторы. Совершенно жуткие, заменяющие нормальных поваров изобретения, которые из органического субстрата лепят подобие натуральных продуктов. Съедобно, конечно, но мерзко, потому что на вкус все это «разнообразие» практически идентично. И разница между «пюре из рашона» и «виреновой кашей» лишь в цвете и запахе, которые тоже искусственные. Эх...

Нужно ли объяснять, почему из кабинки я вылезаю, даже не доев выданную мне порцию и при этом недовольно морщусь?

– Что, избалованному мальчику не по вкусу наша бурда? – неожиданно раздается противный язвительный голос.

Синие глаза тощего долговязого вионца с неопрятными, неровно подстриженными волосами, смотрят на меня с презрением. Дружный хохот поддерживает его слова, и я понимаю – он не один. Тут еще трое ждут своей очереди на ужин. Но самое неприятное – они радуются предстоящей забаве. Значит, надо осаживать молодца, пока из меня не решили сделать развлечение на все время полета.

Потому неторопливо, оценивающе осматриваю его с головы до ног. Цыкнув зубом, показываю, что итог осмотра меня не впечатлил, и вяло интересуюсь:

– Невоспитанному угу'уру некуда сдeditь яд?

Сравнение не самое обидное, угу'уру – существа милые и забавные, но ядовитой слюны у них действительно много. И все же задира меняется в лице. Моя наглость, а больше отсутствие страха, выводят его из себя. Он даже шагает ко мне, выпячивая грудь и нависая, потому что ростом я намного ниже.

– Предлагаешь себя в качестве жертвы? – угрожающе понижает голос. – Так я это быстро...

Его голос срывается на фальцет, потому что я, одной рукой ловко ухватив его за шею, резко тяну вниз, а другой в ямку под подбородком втыкаю дуло того самого исгреанского бластера, который закреплен у меня на предплечье и с легкостью активируется до боевого состояния.

– Предлагаю найти объект безобиднее, – почти ласково шепчу в ухо, которое оказывается прямо против моих губ. – Иначе ceditь тебе будет нечем.

- Эй, да ладно пугать, мелюзга, - встречается кто-то из зрителей. Боковым зрением вижу скользящее в обход меня движение и предупреждаю:

- Не стоит. Могу ведь и выстрелить невзначай.

Не знаю, чем бы все закончилось, если бы в этот момент не раздался еще один голос:

- Что за столпотворение? Ярис! Просил же гостя не трогать!

Вирс. Очень вовремя.

- Кэп, да кому он нужен? - потирая шею, отступает парень, которого я отпустила. - И вообще, он сам...

- Я сто сорок лет кэп, - бушует капитан. - Знаю это «сам»! А вы чего стоите, остолопы? - переключается на зрителей. - А ну марш жрать и на вахту!

Через секунду, кроме нас двоих, в столовой никого не остается. За дверцами кабинок слышно усердное чавканье, рядом возмущенно сопит Вирс, а на моем предплечье медленно стихает звук снижающегося заряда бластера.

- А вы с сюрпризами, Лин Эвон, - посмотрев на оружие, которое я прячу под рукав, качает головой контрабандист.

- Я обещал, что их не будет? - растягиваю уголки рта, едва намечая улыбку. - Надеюсь, вы не хотите увидеть остальные?

- Обойдусь, - отмахивается рукой Вирс.

- Раз у нас нет друг к другу претензий... - смотрю вопросительно на отрицательно мотнувшего головой мужчину. - Я вас оставляю.

Позволяю себе короткий поклон, все же он капитан, а не абы кто, и уверенным неспешным шагом возвращаюсь в свою каюту. И лишь защелкнув внутренний замок и опустившись на кровать, чувствую, как из-за схлынувшего напряжения начинают дрожать руки. Да и сердечко колотится сильнее, чем должно. Нелегко мне далось внешнее безразличие. Да и с захватом, можно сказать, повезло - зачинщик сам подставился, оказавшись в таком выгодном для нападения положении. Меня ведь не учили драться, мы с Ваймоном только основные способы уклонения от контакта отрабатывали.

Ночь проходит спокойно, а утром я собираюсь на завтрак в том же состоянии ожидания новых неприятностей. Однако... Однако обходится без них. Больше ко мне никто не цепляется. Ни в этот день, ни на следующий. Даже Ярис, с которым я все же ухитряюсь столкнуться в коридоре, делает вид, что мы с ним незнакомы.

Вот и замечательно.

Сбрось туман наивных грез, не бывает драк без...

Слез.

Серая муть не развеивается. Убрав закрывающий иллюминатор щит, я по-прежнему вижу лишь мутное море, пронзаемое жутковатыми искорками. Сажу на кровати и каждую минуту с тревогой бросаю взгляд сквозь трипслат, но, увы, ничего не меняется. И ничего не сделаешь, остается лишь ждать.

Ждать... Это сложно. С утра, например, когда стало понятно, что расчетное время полета истекло, а в нормальный космос мы не вышли, я тут же рванула на капитанский мостик для разъяснений. Но Вирс лишь отмахнулся.

- Подпространство это вам не каменная дорожка. Тут как спираль ляжет, так и летишь. Идите к себе и не нервируйте мне команду.

Окинув взглядом рубку, я заметила неприятный оскал Яриса. Долговязый сидел на

месте пилота, и его улыбочка ничего хорошего мне не обещала. По крайней мере, на «нервировать» она совсем не была похожа, да и остальной экипаж на меня не обращал внимания. Но какой смысл был спорить?

Вот потому я теперь и мучаюсь вопросами и сомнениями. Может, не стоило мне идти на конфликт? Ну позубоскалили бы они, ну повысили свою самооценку за мой счет. Что, с меня бы убыло?

Убыло! – осаживаю саму себя. Нельзя так рассуждать! Где гордость? Где чувство собственного достоинства? Пойдешь против своих убеждений и не заметишь, как уподобишься таким же, как они.

В очередной раз посмотрев в иллюминатор, бросаюсь к нему и буквально прилипаю к гладкой теплой поверхности. Есть! Есть изменения!

Стремительно темнеет – раз. Вспыхивают звезды – два. Корпус корабля под моими ладонями дрожит, а это первый признак перехода в иное пространство – три!

Ну и куда? Куда же мы вышли?

Увы, но на этот вопрос я ответить не в силах. Астрономические карты – это настоящий ужас, в котором можно только запутаться, а не разобраться. И если звездное небо Виона я еще худо-бедно знаю и основные светила определить могу, то с той точки, в которой оказался корабль, опознать ни одно из них я не в состоянии. Совершенно иные взаимные расположения и яркость!

Однако то, что космос в зоне видимости чист – я не наблюдаю ни астероидов, ни других кораблей, – наверное, хороший знак. Корабли ведь не выходят из подпространства в непосредственной близости от планет, чтобы снизить риск. Значит, нам еще несколько часов лететь до Шенора в обычном пространстве.

В любом случае посадка уже совсем скоро.

На всякий случай проверяю одежду, оружие, контейнеры... Нигде не жмет, все на месте, закреплено, упаковано, закрыто. Что еще? Оплата.

Эйвоганиты в боковой складке контейнера ждут своего часа под защитой блокирующей пластины. Ни разу не видела ее в действии, но, надеюсь, сработает, если что.

От нечего делать снова смотрю в иллюминатор. Звездное небо медленно поворачивается, видимо, корабль корректирует курс.

Слабый, едва заметный толчок волной проходит по корпусу. На пару мгновений даже гравитация снижается, и я напрягаюсь, прислушиваясь. Нет, ничего больше. Наверное, это просто переключились двигатели.

Звезды продолжают движение и неожиданно на фоне совсем маленьких ярких точек из-за края корпуса корабля, который доступен моему взгляду, начинает медленно нарастать ослепительный белый диск. Даже трипслат темнеет, чтобы приглушить нестерпимое для глаз излучение сверхгиганта.

Жеок. Таких сверхмассивных светил в нашем звездном скоплении раз-два и обчелся. Трудно ошибиться. Значит, мы почти на месте. Отлично!

Настроение у меня прекрасное и стук в дверь несколько не напрягает. Наверняка это капитан пришел за причитающейся платой. Договор был именно таким.

Я не ошиблась.

– Прибыли, – едва шагнув в каюту, сообщает Вирс. Выразительно смотрит в иллюминатор, где теперь уже во всей красе сияет белая звезда, и интересуется: – Этого доказательства достаточно?

Достаточно – мягко сказано, но вот почему капитан нервничает? Глазки бегают, руки прячет... Заглянув ему за спину, я вижу оставшегося в коридоре Руга, совершенно равнодушно ковыряющего ногтем в зубах, и это меня обнадеживает. Никого другого не

привел, значит, не подстава, просто боится, что я не выполню условия. У меня ведь оружие, могу и шантажом вынудить сесть на Шенор, оставив контрабандистов ни с чем.

Получив футляр, Вирс успокаивается. Деловито пересчитывает шарики, кивает, прячет в карман и, указывая мне на выход, сообщает:

– Посадка будет сложной, так что вам лучше перейти в шлюзовой отсек. Оттуда проще и быстрее выбраться наружу – мы не сможем долго торчать на поверхности. Если же приземлиться не будет возможности, сядете в спаскапсулу. Они там же, рядом. Других вариантов предложить не могу.

Да я и не требую.

Следом за капитаном топаю по коридору. Свои ценности несу сама, благо гравиталы вес сильно облегчают, второй контейнер одним пальцем левой руки, как нечего делать, несет Руг, хотя тот и довольно тяжелый – там нет механизмов, снижающих вес.

Миновав переходные отсеки, мы, по всей видимости, оказываемся на месте. Вирс, предварительно заглянув в смотровое окно, открывает проем и поводит рукой, предлагая зайти.

Руг заходит первый и, поставив контейнер, выходит обратно. Я же медлю, во-первых, дожидаясь, когда грузный носильщик освободит проход, во-вторых, присматриваясь к помещению.

Здесь не так уж светло, скорее, полумрак, и почему-то иной тип оформления. Мне даже кажется, что во время посадки я через другой шлюз проходила. Но... Но много ли я понимаю в кораблях? Да и не запоминала я. Может, через этот.

Все же неясное предчувствие неприятностей не дает расслабиться, скручивается тугим узлом в животе и заставляет сердце биться быстрее. Переложив контейнер в левую руку, чтобы у правой оставалась свобода действия, переступаю порог.

Увы. Все мои приготовления оказываются напрасными. Всего один шаг – и из темноты сбоку и сзади на меня набрасываются смазанные тени. Вскинуть руку с оружием не успеваю – в нее вцепляются чьи-то сильные пальцы, разрывая одежду и срывая бластер. Не проходит и минуты, как меня уже крепко держат, растянув руки в стороны и прижимая к стене. А когда вспыхивает свет, я понимаю – это не контрабандисты.

Прямо передо мной, изучая мое оружие, замер невысокий мужчина в темно-сером комбинезоне, поверх которого на плечи накинут короткий черный плащ. Низенький, плотно сбитый, но подвижный – это в нем, возможно, от шенорианина. А вот маленькие черные глазки точно мимо. Тут я даже предположить не могу исходную расу – около десятка имеют такой признак. К ним прилагаются сильно выраженные скулы, грубый подбородок, неожиданно прямой, идеальной формы, совершенно неподходящий к такому лицу нос и оропианские желто-оранжевые волосы, которые выбиваются из-под повязанной на голове банданы, но прямые, без намека на мягкие кудри. Получается, что он смеска. Потомок нескольких межрасовых браков.

И он тут такой не один. Те двое, что перехватили мои руки, чистотой генов тоже не отличаются. А вот двое других, что держат меня под прицелом своего оружия, явно чистокровки. Не слишком высокие, но и не низкие. Пропорциональные, гибкие и в то же время мощные – такое телосложение имеют только воины. Прямые темные волосы, заплетенные в толстые косы. Затемненные до черноты, но все же карие чуть раскосые глаза... Милбарцы, вне всяких сомнений.

Кстати, тут их не двое, а трое. Еще один склонился над моими контейнерами, с интересом их рассматривая. И он, похоже, здесь главный, потому что, едва выпрямляется, приказывает:

– Шарс, хватит любоваться. Бластеров не видел, что ли?

Голос у него хорошо поставленный, глубокий, я бы им наслаждалась, если бы не ситуация, в которой оказалась.

– Такого ни разу в жизни не видел, только на картинках, – восхищенно отзывается

коротышка. – Дацам, да это же истреанский блавер, ему лет семьсот, не меньше! Таких считанные единицы остались!

– Тоже мне ценитель нашелся, – хмыкает милбарец. – Тащи добро на корабль, там разберемся... Мальчишку в наручники и ко мне на допрос.

Меня моментально разворачивают лицом к стене, заводят руки за спину и защелкивают на запястьях магнитные браслеты. Я поворачиваю голову, презрительно бросая Вирсу, который в помещение не зашел, но и не ушел, а по-прежнему стоит в раскрытом проеме, наблюдая за происходящим:

– Вы нарушили договор!

– Разве? – равнодушно пожимает плечами тот. – Я обещал вам безопасность на *своем* корабле. Она у вас была, вы сами перешли на чужой. А что касается гарантии доставки на Шенор, так я ее и не давал.

Сволочь.

Сопротивляться сильным мужчинам, которые потащили меня вглубь своего корабля, нет никакого смысла. И все же я еще слышу, как Дацам говорит за спиной:

– Можете отстыковать корабль, Вирс Шагрон. Я доложу о вашей лояльности де'вРону. Он будет доволен.

Значит, все же Латал не поверил Ваймону, его шпионы вышли на контрабандистов и надавили, заставив меня выдать... Стоп! А почему не захватили раньше? Зачем ждали, когда мы в системе Жеока окажемся? Слишком поздно спохватились и не успели? Почему сдали пиратам, а не передали на вионский военный крейсер? Ведь ни милбарцы, ни смески не являются подданными де'вРона! И почему милбарец с такой легкостью упоминает короля, словно они хорошие знакомые?

Погребенная лавиной вопросов, я даже не замечаю, как оказываюсь в просторной каюте, обустроенной для того, кто вынужден работать с документами. Большой стол с двумя голографическими проекторами, удобное массивное кресло, три стула попроще для посетителей, планетарные карты на стенах, вместо иллюминатора – объемная панорама нашего звездного скопления и целый стеллаж с накопителями, причем совершенно разных эпох.

Меня отпускают, оставив стоять посреди кабинета, но наручников не снимают. Да и сама охрана тоже остается, лишь отступает к стене, чтобы не мешать.

Не проходит и минуты, как проем раскрывается и в него, пыхтя от усердия, задом втискивается коротышка, а следом за ним и мой багаж, который он столь усердно тащит. Ну да, гравиталы выключились, когда контейнер упал на пол, а включить их снова этот Шарс не смог.

– Насилу дотащил, – натужно пыхтит смеска, утирая пот со лба. Смотрит на меня снизу вверх, прищуривая и без того маленькие глазки, и неприятно хихикает: – У тебя там булыжники, что ли?

– Вот это мы сейчас как раз и выясним, – отвечает приятный баритон, и Шарс, подобострастно согнувшись, быстро отступает, потирая руки. – Вы ведь не откажете и удовлетворите наше любопытство, Лин Эвон?

Милбарец, заложив руки за спину, останавливается напротив меня. Изучающим взглядом скользит по волосам, одежде, обуви. Снова возвращается к лицу и вопросительно поднимает одну бровь, потому что я молчу, соображая, как лучше поступить.

Имя он знает то, которое я Вирсу назвала. О содержимом контейнеров – вряд ли.

– А если откажу? – интересуюсь, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. Хорошо, что внутренняя дрожь пока еще не перешла на мышцы и не стала заметна.

– Откажешь? – хищно оскаливается Дацам. Наклоняется, приближая свое лицо к моему,

и выдыхает: – Уверяю, не стоит. Пожалеешь.

Я невольно морщусь. Голос красивый, а изо рта воняет. Бедные девушки, которым не повезло обзавестись к нему привязкой... Как они удовольствие-то получали? Я, например, больше его провоцировать не хочу, на расстоянии безопаснее.

– Убедили. Открою.

Милбарец отстраняется, щелкает пальцами, и магнитные замки браслетов на моих запястьях выключаются – притяжение между ними исчезает, позволяя мне пользоваться руками.

Сняв блокировку на фиксаторах контейнера с одеждой, я отступаю, освобождая место бесцеремонно оттолкнувшему меня смеске. Он нетерпеливо подпрыгивает, словно торопя медленно поднимающуюся крышку, заглядывает внутрь и деловито принимается вытаскивать мои вещи.

Я смотрю на это спокойно. Ну одежда, что с того? Обычная, мужская, ничего в ней особенного нет. Обувь тоже отнюдь не женская. Средства гигиены стандартные. Я в этот контейнер сложила только то, что не вызывает ни малейших подозрений. А вот второй открывать мне категорически нельзя. Там не только мои сокровища, но и компромат: запасные накладки для мужского образа, платье, туфли и коса, сплетенная Сейлиссой из моих волос.

Дацам с любопытством следит за растущей на его столе горой тряпок. Заглядывает в глубину контейнера и хмурится, когда коротышка заканчивает и выразительно разводит руками.

– Второй, – резко приказывает, разворачиваясь ко мне.

– При всем желании не смогу, – со всей искренностью, на которую способна, принимаюсь врать. – На замке блокиратор, к которому у меня нет доступа.

– Н-да? – скептично хмыкает милбарец, но вместо того, чтобы и дальше давить на меня, обращается к своему помощнику: – Шарс, ты вроде спец по взлому?

– Ага, щас-щас, это мы быстро.

Коротышка суетливо снимает плащ, закатывает рукава, невесть из каких потаенных карманов своей одежды извлекает уйму мелких инструментов, а у меня холодеет в груди. Я никогда не видела, как срабатывают детекторы, настроенные на генетический контроль, но, судя по интонации, с которой Ваймон рассказывал о желающих попасть в старый замок, ничего хорошего с ними не происходило.

– Не надо! – невольно срывается с моих губ, но разве меня кто-то слушает?

Смеска лишь презрительно кривится, надевает очки-усилители на глаза и принимается копаться в устройстве. А через секунду его с такой силой отбрасывает от контейнера, что он буквально впечатывается в противоположную стену. Из приоткрытого словно от удивления рта течет струйка крови, глаза с обидой, но совершенно неподвижно смотрят в пространство.

Один из охранников бросается к нему, второй вскидывает оружие, а я сгибаюсь от боли, задыхаясь, потому что кулак Дацама врежется мне под дых. И тут же распрямляюсь и ударяюсь спиной о жесткую поверхность. Не по собственной воле – мужчина, ухватив меня за волосы, тянет вверх и припечатывает к стене.

– Что это было?! – орет оглушительно.

– Защита... – сиплю с трудом, потому что воздуха не хватает. – Я же предупреждал...

– Готов, – докладывает бросившийся к пострадавшему охранник, поднимаясь на ноги.

– Дихол! – шипит Дацам. Отпускает мои волосы, но лишь для того, чтобы ударить снова. На этот раз кулаком по лицу, потому что я на мгновение даже теряю сознание и прихожу в себя уже на полу.

- Я бы тебя прибил на месте, если бы не приказ, - зло цедит милбарец, нависая надо мной. - Поднять!

Теперь меня держат охранники, и это хорошо, потому что стоять мне совсем не хочется. Ноги подкашиваются, голова кружится, в ушах шумит, во рту неприятный соленый привкус...

- Что за защита? - не дает мне передохнуть Дацам. - Как она действует?

- Не знаю. - Язык ворочается с трудом, а отвечать надо. Иначе ярость, полыхающая в темных глазах, снова обратится в насилие. - Открыть сможет только тот, для кого груз предназначен.

- Кто именно?

- Я всего лишь курьер. Не знаю заказчика. На Шеноре меня должны были встретить... забрать контейнер...

Дацам скалится задумываясь. Видимо, не стыкуется у него в голове информация, полученная от меня, и какие-то другие сведения. Или наоборот? Вирс ведь наверняка сообщил милбарцу условия сделки. А что я ему сказала? «Организовать доставку небольшого груза, объемом в один стандартный контейнер, и сопровождающее его лицо на Шенор». То есть основная ценность - груз, а я действительно перевозчик.

Отступив к столу, Дацам резким движением сбрасывает мою одежду на пол.

- Убрать! - рявкает злобно. - А этого в камеру!

Он садится в кресло, и я успеваю заметить развернувшийся перед ним экран. Видимо, будет с кем-то связываться. Выяснять. Или отчитываться. Или инструкции получать. Впрочем, пусть что хочет делает, лишь бы не бил больше.

Почему-то болит бок, наверное, я упала неудачно, гудит голова, саднит скула, пальцы конвоиров больно впиваются в кожу. Церемониться со мной они и не думают, даже когда, преодолев целую анфиладу отсеков, вталкивают в совершенно темное помещение. И я снова падаю, не в состоянии подставить руки, которые снова прочно стянуты за спиной наручниками.

От удара о металл резкая боль простреливает колени и, словно издеваясь, лишь после этого замки браслетов раскрываются. Правильно, в камере в них нет необходимости. Куда я денусь? Никуда. У меня даже сил подняться нет. Только свернуться калачиком, поджав ноги к груди, и тихонько застонать, завывать, заплакать.

Какая же я глупая, самонадеянная идиотка. Думала, такая сильная духом и умная, значит, справлюсь. С чем? С подлостью и низостью? С насилием и физическим превосходством? Сама себя подставила, надев мужской наряд. Женщину Дацам бить бы не стал...

Наивная! Он бы нашел другой способ причинить боль. И лучше бы точно не было. Да и вообще, не в нем дело. А во мне. В том, что я слишком поздно поняла: с тем, что я задумала, мне не справиться. Одной против тех, кто, имея власть и средства, пожелает меня уничтожить, мне не выстоять. Никакие богатства не помогут, потому что их так легко отобрать. Никакие знания не защитят, когда вокруг предатели и лжецы. Я слишком слабая. И уязвимая. И... дорада-а-а...

Расширяй общения круг - у тебя есть новый...

Друг.

- За свои сто семьдесят пять лет ни разу не видел, чтобы слезы кому-то помогли.

Услышав тихий, надтреснутый голос - усталый, смилившийся с тем, что происходит, но мне все равно показавшийся необычайно громким, я замираю. Запоздало вспоминаю, что я для всех - мужчина, а мужчины должны быть стойкими.

- Я не плачу, - всхлипываю. Прочищаю горло и уже внятнее оправдываюсь: - Я переживаю.

- Да? А мне показалось... - начинает было незнакомец и сам себя останавливает, видимо решив проявить уважение к моей «мужской гордости». - Ладно, извини.

Теперь он молчит, а я, преодолевая головокружение, медленно сажусь. Перед глазами пляшут цветные мушки и потому темнота кажется совсем непроницаемой. А ведь я всегда прекрасно видела ночью. Наверное, нужно подождать.

Я и жду, закрыв глаза и непроизвольно покачиваясь, словно убаюкивая организм. До тех пор, пока незнакомец все же не выдерживает:

- Сколько тебе лет?

- Двадцать... пять, - сначала хочу снизить возраст, но потом вспоминаю, что несовершеннолетних в космос без сопровождения не отпускают. А я ведь вроде как работаю, раз курьером представилась. - Неделю назад исполнилось.

- Понятно, - с отчетливым оттенком сочувствия тянет пленный. - Я тоже таким был, когда... Н-да... - Он не договаривает, но я сразу понимаю, что с этим возрастом у него связаны не самые приятные воспоминания. И потому решаю, что лучше уж спрашивать о том, что происходит сейчас.

- А почему вы здесь? Тоже летели на корабле Вирса? - высказываю самое логичное предположение и ошибаюсь, мой собеседник с ним точно не знаком, раз с любопытством спрашивает:

- Кто такой Вирс?

- Контрабандист. Капитан корабля, с которого меня сюда забрали.

- А расы-то он какой, этот Вирс? - подталкивает меня к продолжению собеседник.

- Вионец, - вздыхаю.

- А ты?

Я даже теряюсь, столько в голосе тревоги.

- Тоже.

- Ну надо же...

Тихий шорох, движение. Незнакомец то ли меняет положение тела, то ли подползает ближе. Я моргаю и прищуриваюсь, всматриваясь во мрак, но пока по-прежнему ничего не вижу.

- А вы? Вы сами не вионец, случайно? - наугад спрашиваю.

- Именно так, мальчик. - Мне кажется, мужчина улыбается. - Три вионца в одной точке необъятного космоса!.. Тебе не кажется это удивительным совпадением?

- Ну, положим, не три, а два. Капитана, как я понял, благополучно отпустили, - едва сдерживаю кипящую в душе ярость.

- Злишься? - словно удивляется пленный. - Злость - это хорошо. Правильно. Но в меру. Иначе наделаешь глупостей. Чтобы правильно действовать, нужно холодное сердце и ясный ум.

- У меня они были, - вспоминаю, как тщательно себя контролировала, все планировала, обдумывала. - Не помогло.

- И такое бывает, - философски замечает собеседник. - Как тебя зовут?

- Лин. А вас?

Мужчина некоторое время молчит, но все же отвечает:

– Эйр.

Полного имени тоже не называет, и я его понимаю – мы оба осторожничаем.

– Ты был в команде контрабандистов? – подумав, он задает новый вопрос.

– Нет, я пассажир. Вернее, курьер. Меня из-за груза и... – стискиваю зубы, чтобы снова не разреветься.

– Расскажешь?

Я замираю. Рассказать? А вдруг это вовсе не такой же несчастный пленный, как я, а подсадной шпион? Ведь нет ничего проще, чем таким способом втереться в доверие, разговорить, а потом все Дацаму пересказать. Как-то очень подозрительно меня бросили в камеру, где уже кто-то есть. Логичнее было посадить в одиночку. Это с одной стороны. А с другой... Что я скажу нового? Уверена, милбарцу и так многое известно. А я отступать от придуманной мною легенды не собираюсь. Сложность ведь только в том, чтобы не выдать, откуда я сама взялась, а все остальное совсем просто.

Я именно так и поступаю, все же надеясь, что Эйр мне не враг. А когда заканчиваю, первое, о чем он спрашивает:

– Значит, ты родственник той женщины, что хранит старый замок? Мм... Как же ее зовут? Гилена, кажется.

– Сейлисса, – осторожно поправляю. – Гилена уже умерла.

– Ее дочка, получается? Да, правильно. Время-то идет...

Он рассуждает, будто забыв обо мне, и я не выдерживаю, понимая, что скоро лопну от любопытства.

– Сколько лет вы не были на Вионе?

– Сто пятьдесят, мой мальчик.

Так долго? Как же он выдержал? И где? И почему?..

Столько вопросов хочется задать сразу, но я себя останавливаю. Наверняка не по доброй воле он так долго жил вдали от родной планеты. Я не имею права беречь раны, которым столько лет.

Сто пятьдесят. Ужас, конечно, но... А что на Вионе происходило в то время? Сейлисса ведь о чем-то таком говорила...

Пленник молчит, не отвлекает, и потому я, основательно напрягая память, вспоминаю: война была! На Вион кто-то напал и защищающий планету флот был разбит. Возможно, этот вионец из тех, кто был захвачен в плен? Племянница говорила, что вернулись совсем немногие... Стоп!

От неожиданного озарения я задыхаюсь, с трудом успокаивая бешено забившееся сердце. Сейла сказала: «Король Мьер и его сын, принц Эйрон, едва достигший совершеннолетия, защищали подступы к системе Адапи»! Мой собеседник – Эйр, и это точно сокращение. Сто пятьдесят лет назад он как раз и был двадцатипятилетним! И воспоминания об этом у него нерадостные. А наследника, которого взяли в плен, если не убьют, то, вне всяких сомнений, надежно изолируют, чтобы не мешал новой власти! Ой! Не может быть... Или может?

– Эйрон? – ахаю, почти не сомневаясь в правильности догадки. – Вы Эйрон ди’Дон? Простите, я не знаю второго имени вашей мамы.

– Садиз, – говорит принц, принимая мои извинения. – А ты догадливый. Приятно, что у меня такие родственники. Пусть и не прямые.

Ох... Меня бросает в пот, как холодным душем окатывает. Он же внук Горана! Мой... мой

внучатый племянник! А я даже не могу ему об этом сказать.

– Разочарован? – по-своему истолковывает мое молчание Эйр. Боль и безысходность вновь слышны в его голосе. – Правильно. Такой, как я, достоин только презрения.

– Нет! Не смейте так говорить! Вы не виновны в том, что с вами произошло! – взрываюсь я. Забыв о разбитых коленях, ползу к нему и замираю, нащупав голую ступню и лодыжку. У него нет обуви?

В камере повисает тишина. Ноги у принца оказываются ледяными, и я никак не могу заставить себя убрать руку. Мне ведь совсем не холодно, ладони у меня горячие, и хочется придать ему сил, пусть даже всего лишь согрев. А он... Он, наверное, моим прикосновением шокирован, потому что как-то очень тихо спрашивает:

– И много ты об этом знаешь?

– Я знаю только, что вы и ваш отец пропали без вести. Все считают, что вы погибли.

– Это было бы лучше всего... – бормочет Эйр, доказывая, насколько сильно отчаялся.

– Умереть всегда проще. – Я даже злюсь на него за то, что смирился и опустил руки. – Легко. Нет ответственности. Нет обязанностей. Нет проблем. Но жить, борясь с трудностями, правильнее. Честнее и... мужественнее.

– Что ты знаешь о мужестве, мальчик? – сердится принц. – Красивые слова, высокие идеалы, чистые помыслы... Что они могут противопоставить грубой силе, вероломству и предательству? Когда на преступление идут те, кому ты безраздельно доверял? Когда тот, кого ты считал лучшим другом, улыбается, наблюдая за твоими мучениями?..

Он давится последним словом и замолкает, а я лишь рот открываю в потрясении. Ведь Эйр почти слово в слово говорит мне то, что я совсем недавно твердила самой себе!

– Что произошло? – мягко спрашиваю, надеясь, что он мне доверится. – Где ваш отец? Расскажите мне. Пожалуйста...

Если он и сомневался в правильности откровений, то недолго. Может, его подкупила искренность в моем голосе, может, то, что я по-прежнему касалась его ноги, не брезгуя и согревая, а может, просто длительное вынужденное одиночество сказалось. Не знаю, что именно сыграло свою роль, но он заговорил:

– Я был таким же мальчишкой, как ты сейчас, Лин, едва переступившим порог совершеннолетия. У меня были замечательные, любящие родители, а я для них пока еще единственный ребенок. Были отличные учителя и наставники. Был прекрасный дом – дворец, новый, не старый замок. Был друг детства, с которым мы даже родились в один день и потому постоянно проводили время и учились вместе. Его отец был министром у моего деда, а потом и у отца, и во дворце он имел собственные покои.

Эйр замолкает, тяжело дыша, но я его не тороплю. Если бы меня сейчас попросили рассказать о моем прошлом, настоящем прошлом, я бы тоже говорить спокойно не могла.

– Не прошло и месяца с моего дня рождения, как разведка сообщила, что к системе Адапи направляется говрийский флот. Известие нас не сильно взволновало. Представители многих рас совершают набеги и отбирают друг у друга ресурсы. Не они первые на нас решили напасть. К тому же Говр – планета со слабой военной мощью. Мы были уверены, что справимся малым числом кораблей.

Принц шевельнулся, похоже, подтягивая к себе вторую ногу, и я увидела пока еще смутный силуэт. Но даже это меня обрадовало – все же возвращается ночное зрение.

– Именно потому, что сражение обещало быть легким, а мне нужно было набираться военного опыта, отец взял меня с собой на флагманский крейсер. Меня и моего друга, ведь мы были неразлучны. Я радовался. Предстоял настоящий космический бой! Глупец... Вражеский флот оказался сильнее, чем докладывала разведка. Вернее, те, кто нас атаковал, были лишь обманкой, которая должна была ввести нас в заблуждение. Основная армада скрывалась в подпространстве и появилась на самой границе системы

совершенно неожиданно. Мы не успели среагировать. Нужно было поднять с поверхности новые корабли, собрать экипажи. Тем, кто сдерживал врага на орбите, приходилось вести бой на два фронта. А на флагмане отказала система связи! Корабли стреляли по тем целям, которые выбирали сами, мы почти не могли обеспечить столь важной согласованности. Кто-то намеренно вывел коммуникаторы из строя, но в той суматохе нам было не до выяснения личности предателя.

- Это сделал ваш друг, да? - не выдерживаю я, забегаю вперед.

- Да. - Эйр отпираться не стал. - Но в тот момент у меня не было на его счет ни малейших подозрений. Он был рядом со мной, волновался, поддерживал, давал советы. Даже когда флагман взяли на abordаж, защищал и вместе со мной и моим отцом забаррикадировался в рубке, из которой мы вели переговоры с нападавшими и оговаривали условия, по которым Вион откупится от агрессоров и нас освободят. Это же обычная военная практика.

- А он вас сдал. Снял блокировку с дверей и позволил захватить, - вздыхаю я, делая совсем уж элементарный вывод.

- Я понять не мог, зачем он это делает, - подтверждает мой собеседник. - Ведь мы доверяли друг другу, у нас все было общее...

- Но ему хотелось, чтобы все было только его, - и снова я говорю, потому что слышу, как волнение спазмом перехватывает горло мужчины. - Подождите! - останавливаю, хотя и чувствую, что он готов продолжить. - Можно я?

- Давай, - растерянно, но заинтересованно разрешает Эйр.

- Вашего друга звали Латал Роси де'Врон. И он действовал наверняка в сговоре со своим отцом, потому что одному проверить такое невозможно. А мотив был элементарный - по-тихому сменить династию, не вызвав недовольства и возмущения у других возможных претендентов. А что? Де'Вроны еще при короле-императоре Литте были доверенными лицами, они лояльны к нынешней власти, это все видят, самые преданные подданные, вон даже дворец без разговоров отдали, который построили на свои кровные, контрабандой заработанные средства. Но на самом деле... Эйрон! Они всегда нас ненавидели! С того момента, когда Ваймон Роанн ди'Дон отказался с ними породниться! Наверняка и из-за дворца бесились тоже. Только виду не показывали. Затаились, ждали, вынашивали планы, ну и... вот. - Я выдохлась. Вернее, моя фантазия истощилась.

- Верно. Латал мне так все и сказал, перед тем как... - Принц снова не договаривает и, к моему ужасу, доказывает, что слушал он очень внимательно: - Почему ты сказал - нас?

- Что? - Я делаю вид, что не поняла, давая себе время подумать.

- Ты сказал: «Они всегда нас ненавидели», - с нажимом повторил Эйрон. - Если ты родственник мужа Сейлиссы, - он не сразу вспомнил имя, - то к ди'Донам никакого отношения не имеешь. Откуда это странное «нас»?

- А вы никому не скажете? - Я приглушила голос, создавая таинственность.

- Не скажу, - тихо пообещал принц.

- Ладно, - вздохнула и призналась: - Я не родственник мужа Сейлиссы, я ее сын.

Ну а что мне оставалось, раз уж за языком не уследила? Конечно, можно было бы сказать, кто я на самом деле, но ситуацию это бы только ухудшило. Эйрон и так в отчаянии, а что будет, когда поймет, что наследница в плену, как и он сам? Я даже представлять не хочу. И рисковать не буду.

Мне казалось, что этого будет достаточно и принц успокоится. Но нет. Он продолжал расспрашивать:

- Почему скрыл?

Вот ведь племянничек! Во всем ему разобраться нужно!

– Потому, что я должен хранить замок так же, как и все мои предки, а не летать в космосе, – сказала первое, что пришло в голову.

– А ты вместо этого решил подзаработать. – Эйр припомнил мне мою легенду, но мне его тон не понравился. В нем не было снисхождения к молодости и глупости, скорее осуждение. Потому я и говорю резко:

– Нет. Я хочу возродить империю.

В наступившей тишине я слышу тяжелое дыхание и теперь уже куда более отчетливо различаю контуры крупного мужчины, сидящего на полу вытянув ноги. Цвета все еще отсутствуют, но на его лице я уже могу в достаточной степени сфокусироваться, чтобы понять – мой собеседник в очень сильном изумлении. У него даже голос звучит сдавленно, потрясенно:

– Наследница проснулась?

– Нет, – осторожно отвечаю.

– Это хорошо, – неожиданно с облегчением выдыхает Эйр. Наступает моя очередь удивляться.

– Почему?

– Пока жив Латал, ей просыпаться нельзя. Ему ведь мало было лишить меня всего – трона, планеты, семьи, любимой девушки, которую он сделал своей фавориткой. Ему хотелось, чтобы я терзался не только мыслями о потерянном прошлом, но и мучился за возможное будущее. Он сразу сказал мне, что будет тянуть со свадьбой до последнего, лет до трехсот, чтобы иметь возможность жениться на Идилинне.

Вот как. Значит, я как в воду глядела, когда объясняла Сейлиссе свое нежелание открываться королю.

– И как же ты собрался восстанавливать империю без наследницы? – Эйр говорит это с легкой иронией, явно делая поблажку для неопытного и неискушенного мальчишки, который поставил перед собой такие грандиозные планы.

– Я хотел побывать на всех планетах, поговорить с правителями, узнать их приоритеты. Может, кто-то из них уже давно хочет объединиться с другими и прекратить воевать. Если таких найти, они и без наследницы найдут общий язык. Ну а когда она проснется, как раз и выберет себе мужа среди тех, кто к империи присоединился.

– Идеалист... – ворчит Эйрон. – Глупый и наивный.

– Да! – не выдерживаю я. – Да, наивный! Потому что верю, что кто-то должен сделать первый шаг, чтобы показать другим, что есть шанс на объединение. Нужно лишь начать, толкнуть – и все придет в движение. Да, глупый! Потому что мне есть дело до проблем, которые для всех уже давным-давно стали нормой. И я не понимаю, почему вы, у кого намного больше прав и полномочий, не сделали ничего подобного. Не попытались сбежать, найти союзников, выбраться из того ужаса, в который вас ввергли!

– Я не пытался?! – неожиданно с такой яростью и болью выкрикивает принц, что я даже отшатаваюсь.

Мой собеседник дергается, неловко переворачивается, чтобы встать на колени, а затем с трудом поднимается. И когда я вижу, почему ему так сложно это сделать, задыхаюсь от ужаса – у него нет рук. Обеих рук. Лишь обрубки выше локтей.

– Я трижды совершал побег! Первый раз из шахт на Милбаре, куда нас с отцом отправили добывать ултриз. Мы бежали оттуда вдвоем, захватив маленький рейдер. Нас сбили раньше, чем мы вышли за пределы атмосферы. Отец сильно пострадал при падении, не выжил, но это спасло меня – Латал, которому сообщили о случившемся и который лично прибыл, чтобы насладиться моим горем, сказал, что это будет мне уроком на будущее. Уроком, который лучше не повторять. Я не прислушался. Попробовал снова. На этот раз меня не пощадили. И улыбку на лице Латала, когда мне отрезали правую руку, я не забуду никогда. Но меня и это не остановило. Я снова бежал.

В итоге лишился второй руки. И теперь... Я калека, Лин. Безрукий, лишенный друзей, лишенный даже нормальной одежды. У меня ничего нет.

- Вы принц династии ди'Донов, - напоминаю я. - Правнук одного из шести императоров. И этого у вас никто не отнимет.

Эйр, который все это время как загнанный зверь метался по камере, резко останавливается. Смотрит на меня, вернее, в мою сторону, потому что вряд ли он что-то видит в этой тьме, лишь по звукам ориентируется.

- И при этом я даже сам себя обслужить не могу, - с горечью тихо говорит он.

Этому мне сложно что-либо противопоставить. То есть можно, наверное, найти правильные слова поддержки, но сразу у меня этого сделать не получается, а потом уже поздно - принц устало опускается на пол и закрывает глаза. Может, просто сидит, может, дремлет... Я его покой нарушать не хочу. Зато очень хочу в туалет. И вот тут начинаются проблемы. Нет, дверь в эту заветную комнатку я прекрасно вижу, но как туда попасть, не вызвав подозрений? Ведь у меня не может быть способностей рооотонцев.

Старательно сдерживаясь, чтобы не стонать от боли, подползаю к стене. Могла же я наугад направление выбрать? Могла. Ощупывая ладонями гладкую вертикальную поверхность, поднимаюсь и вынужденно медленно двигаюсь к двери. В этом тоже нет ничего неестественного - подумаешь, решила обойти камеру кругом!

В общем, дверь я нащупываю минут через пять, оглядываюсь на принца и вижу, что он сидит с открытыми глазами, прислушиваясь к производимому мною шуму. Интересно, а как он... гм... вот то же самое находит? И открывает? Я, сколько не пытаюсь, не могу найти датчик. Ни на ощупь, ни присматриваясь.

- Код - один! - неожиданно четко и громко говорит принц.

Я вздрагиваю, потому что панель, закрывающая проем, уезжает в стену, открывая вход в слабо освещенное, совсем крошечное пространство уборной.

- Мог бы сразу спросить, - не слишком доброжелательно ворчит Эйр. - Здесь голосовой контроллер. Меня теперь только в такие камеры помещают.

Он с такой болью и издевкой это говорит, что мне становится жутко. И страшно. За него. За себя. За будущее, которое висит на волоске.

В общем, внутрь я залетаю мгновенно. Проем смыкается, а дальше... Дальше я, ошалев, смотрю на две механические руки, которые целеустремленно находят пояс моих брюк и очень ловко и быстро стягивают штаны вниз. Еще одна пара давит мне на плечи, вынуждая сесть на поднявшийся из пола унитаза и не позволяя подняться, пока в нем не оказывается то, ради избавления от чего я, собственно, сюда и стремилась. Едва встаю, как брюки снова оказываются на мне, дверь открывается, и меня выталкивают обратно в камеру. Типа мочион завершен, нечего расслаиваться.

- Ничего себе... - обескураженно бормочу, едва удержав равновесие, и тут же отскакиваю в сторону, потому что рядом с моим ухом раздается:

- Удобно, правда?

- Не то слово, - подтверждаю, поняв, что это был сарказм.

Выравниваю дыхание, сообразив - принц подошел для того, чтобы получить возможность меня рассмотреть, ведь пусть слабый, но в уборной есть свет. Это мне известно, как мужчина выглядит, а я для него загадка. Была. То есть был. Уж не знаю, многое ли он успел рассмотреть, но общее представление теперь имеет.

- Есть хочешь? - интересуется Эйр тем же недовольным тоном.

Я ему настолько не понравилась? Или боится, что я соглашусь и съем его порцию? Может, он тут голодает? Присматриваюсь внимательнее, но особой худобы не вижу. Не похоже, что его недокармливают.

- Не очень, - на всякий случай ответ выбираю нейтральный, тем более не так уж давно ела.

- Пить? - не сдается мой сокамерник.

А вот от этого при всем желании отказаться не смогу. Поэтому, сглотнув вязкую слюну, по-прежнему имеющую солоноватый привкус крови, признаюсь:

- Очень.

- Код - два. Код - три, - снова четко произносит Эйрон.

Вот честно, я жду, что невеста откуда появятся те же самые руки и примутся нас кормить-поить. Но вместо этого в центре камеры флюоресцентно очерчиваются границы круга, а в его центре оказываются точно так же подсвеченные неглубокая тарелка и стакан.

- Вода для тебя, - объясняет принц, опускаясь на корточки перед этим своеобразным столом. Склоняется над тарелкой и...

И я отворачиваюсь, мучительно краснея и задыхаясь от бушевающих чувств. Да, конечно, меня смущает, что я вынуждена наблюдать процесс питания. Но куда больше возмущает, как именно Эйру приходится это делать. Это унижительно! И даже нет ложки, чтобы я могла хоть как-то помочь.

- Лучше не медли, - слышу едкий смешок. - Срок действия короткий, а на одноименные коды тайм-аут шесть часов.

Стараясь не смотреть на согнувшегося мужчину, я заставляю себя забрать стакан, чтобы залпом его выпить, поставить на место и снова отвернуться. И лишь когда боковым зрением замечаю, как погасло свечение, до меня запоздало доходит весь смысл сказанного.

- Вы сказали тайм-аут? Значит, вы теперь шесть часов будете без воды? И в туалет не сможете сходить? - ахаю в ужасе. - Как же так? Может, раз нас здесь двое и код сработает дважды?

- Ну попробуй, - недоверчиво хмыкает Эйр. А когда я, испробовав все комбинации, растерянно молчу, он качает головой, добредает до стены, приваливается к ней спиной и опускается на пол.

- Это неправильно! - тихо негодую я, едва не плача. - Зачем меня посадили сюда? Чтобы лишить вас того немногого, что дает эта камера? Почему?

- Вот и мне хотелось бы это знать, - с таким явным подозрением бормочет принц, что я наконец понимаю причину негатива: он считает мое появление очередной подставой, которая дорого ему обойдется.

Не страшна тебе беда, если друга будет...

Два.

Мы сидим молча. Долго. Сколько именно? Сложно сказать. Может, час, может, больше. У меня нет при себе ничего, что могло бы помочь. Наверное, Эйрон по обслуживанию ориентируется - можно ведь назвать код и по наличию отклика все понять. Но пока он этого не делает. И потому я дремлю, привалившись спиной к стене, которая неравномерно подрагивает. Такое бывает, когда корабль выходит из подпространства, особенно если двигатели не самые мощные, а последними только громоздкие лайнеры обладают. Ну, хоть какая-то информация, по которой вывод можно сделать - летим мы на чем-то компактном, совсем небольшом.

- Принц Эйрон, - осторожно зову, когда от тишины начинает закладывать уши. - А вы не знаете, что это за корабль? Куда нас везут? Вы все время здесь находитесь?

- Обычно меня перемещают, завязав глаза, - отвечает он не сразу, словно я вырвала его из дремы. - Так что я плохой источник сведений. Но меня перевозят только на этом корабле. Сначала, после пленения, с орбиты Виона на Милбар, где мы с отцом работали в шахтах. После неудачных побегов - к месту встреч с Латалом, а потом в камеру, которая стала моим пристанищем. Где именно она находится, сказать сложно, но больше похоже на станцию, чем на лайнер или другой корабль. Но не планета точно.

- Ясно, - вздыхаю я расслабленно, но тут же напрягаюсь, вслушиваясь в новые, непонятные звуки. Гулкие, словно отзвуки от соприкосновения набоек сапог с металлизированным покрытием пола. Наверняка это они и есть, потому что, смолкнув, сменяются шелестом раскрывающегося проема.

- Ты! - Палец застывшего в нем вооруженного мужчины указывает на меня. - На выход!

Наручники, о которых я почти забыла, стягивают запястья, едва я шагаю за порог камеры. И я бы в этот момент с радостью свела руки перед собой, чтобы было удобнее, но конвоир решает иначе, дернув за плечи и вывернув их назад.

Тем же путем, которым вели меня сюда, мы возвращаемся в каюту-кабинет, где за столом сидит Дацам. Он словно и не уходил никуда - вчитывается в символы на экране, деловито перелистывая голостраницы. На нас бросает беглый взгляд, кивает и молча продолжает свое занятие. То ли действительно что-то важное читает, то ли видимость создает собственной значимости, чтобы мне страшнее было.

- Не буянил? - свернув наконец экран, милбарец смотрит на меня. Хотя вопрос адресован точно не мне, а охраннику, который немедленно отвечает:

- Никак нет! Оба вели себя спокойно. В камере было тихо.

- Оба? - непонимающе смотрит на него Дацам. - В ка... В камере?! - Растерянность моментально сменяется яростью, когда он понимает, что произошло. - Идиот! Я же сказал, посадить его в карцер!

- Вы сказали в камеру, - лепечет конвоир у меня за спиной.

- Я сказал в карцер! Я что, по-твоему, совсем дорада?!

Вопрос интересный, и ответ на него должен быть положительный. Ведь я прекрасно помню отданный им приказ.

Охранник наверняка тоже. Но спорить с разъяренным начальством себе дороже, оно и так в бешенстве. Проще проглотить оскорбления, вжать голову в плечи, повинувшись грозному: «Три дня гауптвахты! Марш отсюда, чтоб глаза мои тебя не видели!», выскочить из помещения и лишь там, за закрывшейся дверью, высказать все, что думает о подобном самодурстве.

Так мой конвоир и поступает. То есть последний пункт, конечно, мне для наблюдения недоступен, но я бы на месте незаслуженно наказанного вояки исключать его не стала.

Зато теперь мы остаемся с Дацамом наедине. Хорошо это или плохо? Наверное, ни то ни другое. В прошлый раз он меня и при свидетеле бил, сомнительно, что в его отсутствие будет вести себя деликатнее.

Потому на вставшего из-за стола и неторопливо приближающегося ко мне милбарца я смотрю настороженно, внимательно. Может, хоть уклониться получится, если решит продолжить избиение.

- Значит, пообщались уже, - раздраженно цедит он, останавливаясь совсем близко. Заложив руки за спину, покачивается с пяток на носки, видимо решив сначала поговорить. - Ну и как тебе папашка? Сам небось не рад уже, что свиделись?

Кто? Папашка? В смысле - отец? Он считает меня сыном Эйрона?!

- Что? Думал, не узнаем? - самодовольно лыбится Дацам, совершенно иначе расценив мое изумление. - Ты на свою физиономию в зеркало-то смотрел? Тут и экспертизы не нужно, чтоб сказать, что вы близкие родственники.

Какое счастье, что не нужно. Иначе бы меня в один миг раскусили. По крайней мере, что я девочка, а не мальчик.

– А разве в роду ди’Донов никого не осталось? Я больше ничьим сыном быть не могу? – подталкиваю на удивление разговорчивого милбарца. Раз уж он сегодня в хорошем расположении духа, может, еще какую информацию выдаст.

– Запутать пытаешься, – хмыкает Дацам. – Ну-ну, давай посчитаем. Принц Эйрон – раз. Хранительница замка Сейлисса – два. – Он в демонстративно-напряженной задумчивости сводит брови к переносице и упирает указательный палец в лоб, а потом так же наигранно его убирает и округляет глаза, потрясенно сообщая: – Ты представляешь? Это все!

А потом хохочет, разворачиваясь кругом на каблуках. И продолжает:

– Ну а поскольку ей чуть за тридцать, а родить тебя в пять-семь лет она вряд ли была в состоянии, вывод о твоём происхождении напрашивается сам собой, верно?

Верно. Плохо, что этот тип знает о возрасте моей родственницы. И хорошо, что Эйрон об этом не имеет ни малейшего представления. Надо постараться, чтоб и не узнал.

– Ах да, вот еще! – снова многозначительно поднимает палец Дацам, словно призывая к вниманию. – Ты мог бы быть младшим братом этой Сейлиссы, если бы Латал вовремя не озаботился способностью ее мамашки снова забеременеть.

– Что он сделал? – невольно срывается с моих губ, хотя в душе я совершенно не хочу этого знать. Но раз уж спросила, мне на вопрос отвечают. И вероятнее всего, именно потому, что ответ совершенно гадкий.

– Он? Ну что ты! Он ее и пальцем не тронул. Но это же не значит, что не могли тронуть другие. Случайно. Когда дочке лет пять было, а настырный муженек начал поговаривать о втором ребенке. Знаешь... – Милбарец таинственно приглушил голос и «сочувственно» меня просветил: – Если бы он не стал выяснять, кто это сделал, и добиваться возмездия, то остался бы жив. Точно.

Почти минуту Дацам любит тем, как я борюсь с бушевающим меня негодованием. Он, кажется, наслаждается этим ничуть не меньше, чем физической болью, которую причинил в прошлый раз.

– Осуждаешь? – наклоняется к моему лицу. – А зря! Вы же, если не ограничить, расплодитесь, потом проблем не оберешься. Вот твой папашка, к примеру. В заточении, калека. А ведь ухитрился как-то тебя заделать! Кстати, он тебе не говорил как? – с фальшивым заискиванием интересуется, наконец отстраняясь, когда сил терпеть вонь из его рта у меня уже не остается.

Походив передо мной, Дацам снова останавливается, заложив руки за спину.

– Нет. О таком он тебе точно не расскажет, – констатирует. – Это же для принца такой позор – оплодотворить девку, которая к нему ничего не испытывает, просто согласна на ребенка. Но, видимо, так уж хотелось ему, чесалось в одном месте... Тоже понять можно, больше ста лет воздержания. Не согласен? Вижу, что согласен, молодец, понимающий сыночек вырос... Дихол! – неожиданно принимается хохотать, хлопнув себя по бокам. – Как представлю, как он ее... без рук... Хотя, наверное, она на нем скакала... Эх! Жаль я в курсе не был, точно бы запись сделал, чтоб пересматривать на досуге.

На яростную трель коммуникатора на своей руке Дацам реагирует своеобразно – с силой ударяет по запястью, заставляя прибор умолкнуть. Видимо, очень уж его наш разговор интересует, не хочет отвлекаться.

– Любопытно, кто Эйрону девку-то согласную подогнал? И что тот сострадательному типу за услугу пообещал... Ну ничего, выясним. Тебе двадцать пять, посмотреть в архиве, кто на момент возможного зачатия был в охране, найти и допросить не составит труда. Меня сейчас другие вопросы интересуют. Где ты жил все это время и как на Вион попал?

Ого... А голос-то изменился. Никакой наигранности и издевки, лишь холодные и опасные

нотки. На лице застыла непроницаемая маска, глаза острыми иглами впились в меня. Шутки закончились. Начался допрос.

– Я все это время жил на Вионе, – говорю первое, что пришло в голову.

– Ложь! – рывкает Дацам, повторно хлопнув по коммуникатору, потому как тот снова заверещал. – Все инфобазы уже проверены, тебя нет ни в одной! Ты как-то ухитрился попасть на планету и там засветился, хотя тебя и пытались прикрыть. Говори!

– Я не...

Он словно чувствует, что я снова попытаюсь увильнуть. Так быстро шагает ко мне, хватая за грудки и дергает на себя, что у меня зубы от неожиданности клацают.

– Не советую со мной играть, – цедит с угрозой. На мгновение отводит взгляд, чтобы со злостью зыркнуть на стол, где не менее настойчиво, чем до этого коммуникатор, требует внимания вильют. Ругается сквозь зубы, но не подходит, игнорирует, вновь сосредотачиваясь на мне. – Я, конечно, не Латал, но тоже могу тебе что-нибудь отрезать. И скорее всего... – Он чуть меня отодвигает, многозначительно посмотрев на пах. – Это будет даже полезно, чтоб уж точно не размножился. Ну же! Говори! – и снова встряхивает.

А я бы и рада сказать, да только *что* говорить? Правду? Но если полезет отрезать, все равно сам все увидит. Или быстренько придумать удобоваримую ложь?

Не успеваю сделать ни одного, ни другого. С яростным «сам напросился» Дацам рывком меня разворачивает и бросает на стол. В шоке от его действий я дергаюсь, пытаюсь вырваться, но из-за скованных за спиной рук получается плохо. Лишь ногами пинаюсь, пока он тянется за ножом, закрепленным в ножнах на голенище сапога. А потом прекращаю, почувствовав холодную сталь у горла.

– Будешь рыпаться, забуду о том, что хотел сделать, и прирежу. Понял?

Несколько секунд он смотрит мне в глаза, пока вильют в очередной раз не взвизгивает и неожиданно быстро замолкает. Милбарец, продолжая фиксировать меня рукой с ножом, другой берет за мой ремень и неожиданно замирает, так и не расстегнув, удивленно присматриваясь.

Видимо, гульфик все же не на правильном месте оказался. Хоть и был крепко закреплён, даже туалет в камере выдержал, а вот в пылу борьбы куда-то съехал.

– Это еще что? – бормочет Дацам, ощупывая сначала ложную цель, а потом положенное ей место. – Ты девка, что ли?

Не знаю, что было бы дальше, но именно в этот момент в дверь что-то врывается с устрашающим грохотом. Милбарец выпрямляется, убирая от меня нож и впиваясь глазами в проем. Не проходит и пары секунд, как стена словно рвется, а через рваные ошметки перепрыгивает, оказываясь внутри, вооруженный мужчина в темной одежде.

Зарывав так яростно, словно увидел не просто врага, а заклятого вражину, Дацам перекидывает нож в левую руку, правой выхватывая бластер. Вот только неизвестный ждать, когда противник начнет стрелять, не собирается. Его луч первым находит цель, и милбарец вскрикивает от боли, получив ожог и роняя оружие. У него остается только клинок, который он выставляет вперед, бросаясь врукопашную.

Незнакомец тоже отшвыривает бластер, выхватывая свой нож. Никаких угроз, никаких предложений сдаться, соперники словно заранее все для себя решили – бой не на жизнь, а на смерть. Может, у них какие-то давние счеты друг с другом?

Выпад, блок. Удар, второй... Я не успеваю следить за мельтешением рук, ног... Впрочем, не особо и всматриваюсь, если честно. Меня другое заботит – проблема спзания со стола и занимания более безопасного места. А то ведь прибьют в пылу борьбы и не заметят.

Поскольку катается клубок сцепившихся мужчин у самого входа, значит, убежать не вариант. Остается использовать в качестве укрытия все тот же стол. Какая ни есть,

а преграда и быстро до меня не доберутся.

Потершись боком об угол, с трудом возвращаю «потерю» на предназначенное ей место. Нечего и дальше народ шокировать, одного догадавшегося более чем достаточно. Надеюсь, что в схватке победит не он. А еще лучше, если вообще не выживет. Я не кровожадная, но к такому отморозку жалости у меня нет.

Видимо, не только у меня, потому что в следующий момент я слышу болезненный хриплый стон и вижу, как тело Дацама грузно оседает, падая на колени. Его противник выдергивает из поверженного врага оружие и отступает на шаг, наблюдая за агонией.

Я невольно ахаю, все же крови много, она сочится сквозь пальцы, которыми милбарец зажимает рану в животе. Неизвестный поворачивается ко мне, сначала удобнее перехватывая нож, а затем, словно порицая самого себя за такую реакцию, качая головой и пряча оружие в ножны.

– Смотрю, у тебя очередной заказ, – усмехается, бросив взгляд на Дацама. – И, похоже, я как раз вовремя. Хоть мальчишку успел вырвать из твоих грязных лап.

– Это не... – хрипит милбарец и заваливается на бок. Его глаза стекленеют, по подбородку течет струйка крови. Я, приоткрыв рот и забыв, как дышать, смотрю на него. Смерть – это для меня впервые.

– Что он сказать хотел? Ты не знаешь? – деловито интересуется победитель.

Он приседает на корточки, чтобы убедиться, что все кончено, а когда поднимается и с вопросом в глазах смотрит на меня, я пожимаю плечами. Не знаю. Честно-честно.

– Ну и ладно, – не настаивает мужчина. – Уверен, ничего хорошего мы бы не услышали.

Осматривает помещение, отыскивая свой бластер, который отбросил подальше, чтобы противник не смог им воспользоваться. Обнаружив сразу два, поднимает сначала свой, прикрепляя его к портупее на бедре, затем тот, который был у Дацама.

– Это мой, – быстро сообщаю, потому как очень уж удивленно рассматривает его незнакомец.

– Отличное оружие, – хвалит он со знанием дела. – Тебе повезло...

Не договорив, разворачивается к проему, в который заглянула чья-то любопытствующая физиономия. Черный шлем с открытым забралом, черный спецкостюм, оружие в руках...

– Ферт, простите, вы просили не мешать, – быстро произносит он. И после добродушного «я закончил уже» куда более спокойно говорит: – Обнаружен один пленный. Привести сюда? Или вы сами придете? Может быть, сразу к нам перевести?

– Если он ходить может, то лучше сначала сюда, – решает мой спаситель, посмотрев на меня.

– Вроде может...

Не успевает этот визитер исчезнуть, как появляется следующий. Обмундирование такое же, лицо другое.

– Ферт, корабль полностью под нашим контролем. Управление заблокировано. Готовим к уничтожению или на запчасти разберем?

– Второе.

Мы остаемся наедине лишь на мгновение. Снова слышится вопрос:

– Ферт, я дико извиняюсь, пленных куда? – теперь уже третий военный заглядывает в проем. – При всем нашем старании без них не обошлось. Сдались гады, даже погибнуть с честью не пожелали. Тьфу!

– Пока в каютах запирайте. Потом решу.

Я уже готова к тому, что появится кто-то еще, но ошибаюсь. Наступает тишина, и незнакомец вспоминает про оружие в своих руках. Подходит к столу, оказываясь напротив меня, и аккуратно кладет блавер на столешницу. Упираясь в стол ладонями, переносит вес на руки и смотрит на меня изучающе.

Глаза у него желтые, с очень знакомой рыжинкой по краю зрачка, придающей им оранжевый оттенок. Цвет волос моего спасителя я не вижу – они скрыты легким шлемом, как и черты лица, спрятанные под матовым забралом, закрывающим нос и подбородок. Однако такие радужки только у томлинцев встречаются, как и наименование «ферт». Оно ведь, как я поняла, с развалом империи снова исчезло из обихода жителей тех планет, которые раньше им не пользовались.

Словно почувствовав мое любопытство, мужчина отталкивается от стола, освобождая руки, и снимает защиту с головы. Пряди песочного оттенка, все с той же рыжинкой, вырываются на свободу, падая и обрамляя приятное лицо. Аккуратный короткий нос, небольшой рот и некрупный подбородок с ямочкой, широкие скулы, из-за которых глаза кажутся раскосыми.

Точно томлинец. Интересное совпадение...

– Не надо на меня так смотреть, – неожиданно заявляет ферт.

– Как? – теряюсь я, не понимая, в чем проблема.

И снова нас отвлекают раньше, чем я успеваю получить ответ на свой вопрос. Шаги, голоса, фигуры, пробирающиеся через развороченный проем...

– Вот, ферт, – сообщает один из военных. – Он в камере находился.

Я-то знаю, кто пришел вместе с ним, поэтому позволяю себе посмотреть на Эйрона лишь мгновение. Мне куда интереснее, какой будет реакция томлинца на отсутствие рук. И не ошибаюсь в выборе объекта.

Он заметно бледнеет, лицо вытягивается, брови сходятся к переносице, по глазам видно, что он потрясен, а в позе чувствуется нарастающее напряжение. Забыв обо мне, ферт шагает к вошедшим и останавливается прямо перед принцем.

– Это он сделал? – Его голос звучит звонко и зло, в то время как взгляд впивается в лежащего у их ног Дацама. Будь он клинком, точно бы пронзил милбарца вторично.

– И да и нет, – спокойно отвечает Эйр. – «Да» – он, «нет» – по приказу.

– Без разницы. – Томлинец встряхивает головой и, указав на мертвое тело, приказывает: – Обыскать и за борт его. – Он ждет, когда его военные уберут труп, и продолжает: – Могу я узнать ваше имя?

– Эйр.

Ответ звучит так коротко и невыразительно, что я не выдерживаю:

– Принц Эйрон Садиз ди’Дон! Законный правитель Виона!

Томлинец оборачивается и удивленно на меня смотрит, а племянник укоризненно качает головой.

– Никакой я не правитель, Лин. Ты ошибаешься.

– Это вы ошибаетесь! – не сдаюсь я. – Латал лишил вас рук, но не головы и не статуса по праву рождения. И то, что он подлостью и обманом занял трон Виона, должно стать его проблемой, а не вашей.

– Бойкий юноша, – неожиданно широко улыбается томлинец. – Мне его настрой нравится.

Он снова смотрит на принца, который словно только теперь поверил, что для него все может измениться. Жаль, что ненадолго. Загоревшийся было взгляд тускнеет, плечи опускаются.

– Наивный идеалист, – повторяет то, что уже мне говорил. – У Латала есть все, чтобы уничтожить возникшую помеху, у меня нет ничего, что можно ему противопоставить. И нет рук, чтобы убить.

– Нашли чем оправдываться! – шиплю я, потрясенно поднимая глаза к потолку. – Шенорианские протезы будут работать лучше настоящих конечностей! Это я точно знаю! А что касается «ничего», то у вас есть друг...

– Два друга, – перебивая меня, решительно вмешивается томлинец, который с явным удовольствием следил за нашей перепалкой. Снимает перчатку и кладет руку на плечо вионца. – Ликет Давин цу'лЗар к вашим услугам, принц.

Для души одежда - вера и...

Надежда.

– Я очень ценю ваше предложение, ферт, – вежливо отвечает Эйрон. – Буду рад видеть вас в числе своих друзей.

Томлинец широко улыбается и чуть наклоняет голову, принимая его слова, а племянник продолжает:

– Прошу меня простить, я долгое время был лишен возможности быть в курсе династических смен, но сто пятьдесят лет назад правителем Томлина стал молодой король Неус Чьер цу'лЗар.

– Мой отец. Он и сейчас правит, – с легкостью сообщает Ликет. – А я ненаследный принц. И у меня есть старший брат, который в будущем сменит моего отца.

– Я понял, спасибо, – благодарит Эйр. – Вы уверены, что отец и брат поддержат ваше решение мне помогать? Оно может спровоцировать открытое противостояние с Вионом, у которого связи с Милбаром.

– Так мы уже его спровоцировали, – разводит руками Ликет, – когда атаковали этот корабль. Я, правда, думал, после нужно будет от милбарцев ждать ответных действий, но теперь вижу, что смотреть придется не одним глазом, а глядеть в оба. Что же касается моих родственников, то в смысле свободы выбора я ничем не ограничен. Но давайте мы продолжим этот разговор в другой обстановке и перейдем на мой корабль. Здесь дурно пахнет.

Ясное дело, в переносном смысле. Хотя, возможно, Дацам перед смертью и навонял, просто мой нос после ароматов из его рта уже ничего не воспринимает.

– Лин!

Услышав имя, я вздрагиваю и вопросительно смотрю на своего взрослого племянника, остановившегося у развороченного входа.

– Идем. Или ты собираешься здесь остаться? – удивляется тот.

– Не собираюсь, – уверенно отвечаю. – Вот только с делами разберусь и приду.

– Какими делами? – хмурится Эйрон.

Томлинец тоже заинтригованно поднимает брови, а я, обогнув стол, поворачиваюсь к нему спиной, поднимаюсь на цыпочки и, глядя через плечо, пытаюсь дотянуться скованными руками до оставленного на столешнице блавера.

– Какими, какими... Сам себе не поможешь, никто не поможет... – ворчу в процессе. Наконец достав пальцами до оружия и притянув его к себе, нажимаю кнопку активации. С трудом, но все же фиксирую дуло максимально близко к стяжке браслетов, однако стрелять не спешу. – Э-э-э... Ферт Ликет, вы не будете так любезны сообщить – я нормально прицелился? Ничего лишнего себе не отстрелю?

– Дихол! – потрясенно восклицает томлинец, делая быстрый шаг ко мне. Решительно

отбирает блавер и, отведя мои руки подальше от тела, куда более прицельно выжигает фиксатор. – Принц Эйрон, не знаю, кем вам приходится этот юноша, но, чувствую, проблем с ним будет больше, чем с вашими врагами.

– Лин – мой дальний родственник, но уже не в династической ветви, – поясняет Эйр. – Насчет проблем согласен.

Сговорились? И когда успели! Ведь все это время на моих глазах были. И вообще, я тут стараюсь, морально поддерживаю, а что получаю в итоге?

Я с наслаждением сбрасываю раскрывшиеся браслеты и разминаю плечи. Томлинец же, вручая мне оружие, интересуется:

– Теперь с делами все?

– Не все, – заявляю строптиво, фиксируя блавер на правом предплечье. – Где-то тут должен быть мой контейнер. – Подумав, добавляю: – Два контейнера. – Еще раз подумав, предупреждаю: – Один, возможно, будет не в себе. То есть вещи не в нем. А второй... – приглушаю голос, чтобы звучал весомее. – Второй никому, кроме меня, вообще лучше не трогать.

Мужчины переглядываются. Причем оба едва сдерживаются, чтобы не рассмеяться. Я же скрещиваю руки на груди и сердито на них смотрю. Вот и чего такого веселого я сказала? Ведь на самом деле полезет кто-нибудь из томлинцев полюбопытствовать, напорется на детектор генконтроля, и все. Отправится в космос вслед за Дацамом и этим, как его... Шарсом!

– Хотелось бы уточнить, – все же задавив рвущийся наружу смех, спрашивает Ликет, – «где-то тут» имеет более конкретное значение?

– Пока нет, – вздыхаю я. – Но если вы одолжите мне свой коммуникатор, то я его определю.

– Даже так? – хмыкает ферт. – Ну хорошо.

Через несколько секунд я получаю нужный мне предмет и, не обращая внимания на заглядывающего мне через плечо томлинца, активирую программу поиска по коду. Ввожу десятиричную комбинацию и жду, когда прибор сообщит направление и расстояние до датчика.

– Вот! – показываю результат, возвращая коммуникатор его владельцу.

Следующие полчаса мы с фертом плутаем по милбарскому кораблю, отыскивая правильный путь. В коммуникаторе нет плана отсеков, поэтому приходится выбирать коридоры, идущие в нужном направлении, но иногда они поворачивают или вообще превращаются в тупик.

Эйрон с нами не пошел, куда ему – босиком, без рук, да еще и ослабевшему? Так что он отправился на томлинский корабль – Ликет дал указания своим подчиненным разместить гостя. Мне кажется, ферт бы и меня кому-нибудь препоручил, если бы не коммуникатор, намертво соединившийся с маячком. Со своим имуществом томлинец не рискнул расстаться, а датчик на моем контейнере переключаться на другое устройство не пожелал.

– Кажется, здесь, – сверившись с данными, Ликет останавливается у плотно закрытой двери. Вместо того чтобы мучиться с подбором кода на панели доступа, просто выжигает ее своим бластером, а дальше совместными усилиями мы отодвигаем створку.

Оказавшись в полутьме отсека, освещенного лишь светом, падающим через проем, томлинец растерянно осматривается и удивленно присвистывает:

– Ничего себе...

Его реакцию я понимаю – помещение, видимо, служило Дацаму чем-то вроде схрона, потому что здесь свалено так много всего. Ящики и тюки, заполненные невесть чем, приборы и инструменты, какие-то трубы, оружие, даже мебель...

Я без труда отыскиваю среди этого богатства свои контейнеры, брошенные рядом с входом. Тот, что был с одеждой, закрыт небрежно – видимо, вещи туда скинули общей кучей и теперь часть из них свисает из-под крышки. На втором мигает датчик, реагируя на близость устройства поиска. Я его отключаю, активирую гравиталы и неожиданно слышу:

– Не может быть...

Голос звучит потрясенно, словно мужчина видит то, что уже и не думал найти.

Обернувшись, обнаруживаю в руках ферта картину в желто-коричневой раме. Что именно на ней изображено, мне не видно, поэтому подхожу ближе и... И меня бросает в жар. Сердце замирает, я забываю как дышать, в глазах темнеет. А все потому, что с полотна на меня смотрит Тогрис. Богато одетый, но сильно постаревший, с тяжелым взглядом любимых глаз и трагично опущенными уголками рта. Рядом с ним томлинка, тоже уже немолодая, но все еще красивая. А у нее на коленях, широко раскрыв глаза и вцепившись в рукав платья, сидит малыш.

– Мой прадед, его жена и мой дедушка, – говорит Ликет, занятый трофеем, а потому не обративший внимания на мое состояние. – Эту картину и несколько других выкрали из дворца лет сорок назад. Вора так и не нашли, как и самих полотен... – Он, с трудом оторвав взгляд от раритета, внимательно осматривается еще раз и, видимо ничего не обнаружив, снова впивается глазами в портрет. – Я и подумать не мог, что найду ее здесь.

– Дацам похож на скупщика ценностей, – говорю, понимая, что надо хоть как-то отреагировать.

– Причем очень нечистого на руку, – соглашается ферт. – У нас с ним из-за этого и возникли... разногласия.

Хороши разногласия, если в итоге, едва оказавшись рядом, мужчины рванули друг друга убивать.

– Он что-то купил и не заплатил?

– Нет, это я заплатил и ничего не получил.

– Какая знакомая ситуация, – хмыкаю я, пытаюсь хоть этим скрыть волнение, которое накатывает каждый раз, едва взгляд падает на картину, которую томлинец держит в руках. – Со мной совсем недавно поступили аналогично.

– Дацам?

– Не он, но, по всей видимости, его хороший знакомый.

– Расскажешь? – проявляет заинтересованность Ликет. – История, должно быть, занимательная.

– В обмен на вашу, – не остаюсь в долгу. – Я ведь тоже любопытен.

– Договорились, – смеется мой собеседник. Активирует коммуникатор, чтобы приказать: – Фист Лих, охрану к дверям отсека в точке моей локализации! – Смотрит на меня и объясняет: – У меня большие сомнения, что мне все это нужно на моем корабле, а сейчас заниматься сортировкой не время. Мм... Ты же pomoжешь мне с этим разобраться? Может, себе что-нибудь заберешь?

– О нет! – Я поднимаю руки, отказываясь от щедрого предложения. И лишь потом соображаю, что томлинец задал два вопроса, значит, может неправильно меня понять, потому добавляю: – То есть разобрать помогу, но забрать... У меня принцип: все мое ношу с собой. А оно, – указываю на возвышающиеся груды, – даже частично в мои контейнеры не влезет. А может, вы принцу Эйрону отдадите? Ему жизнь с нуля начинать придется, будет стартовый капитал.

– Хорошая мысль, – хвалит ферт. Вот только у меня ощущение остается, что эту самую мысль он уже имел в голове, а меня лишь проверял на степень жадности, лояльности и

искренности.

Ну да ладно, я не в обиде. На его месте тоже верила бы не всем. И даже то, что я родственник спасенного из заключения принца, – не гарантия моей порядочности. Вирс вон тоже родственник Ваймону, а как себя повел? Вот то-то и оно.

Я так и сказала ферту, когда почти сутки спустя мы вернулись в отсек и принялись за сортировку, совмещая ее с обещанными друг другу признаниями. Разумеется, мне пришлось заменить в рассказе имя мужа Сейлиссы на слово «отец», потому что выбора не осталось. Легенду надо рассказывать одинаковую всем, иначе точно на чем-нибудь погоришь. Но томлинца больше заинтересовало иное – мой конфликт с командой контрабандистов.

– Случайно, говоришь, тебя зацепили? Какой же ты еще неопытный... – Ликет сокрушенно качает головой. Берется за крышку очередного ящика, подняв, заглядывает внутрь и принимается вытаскивать стопки тканей. Однако мысль не теряет. – Капитан ведь сразу появился, как только ты оружие достал? Значит, он и приказал тебя спровоцировать. Знал, кому и когда тебя передаст, и хотел выяснить заранее, есть ли у тебя оружие и где ты его носишь. А ты повелся и сам все показал. Облегчил работу, так сказать.

– Меня военным хитростям не учили, – бурчу сердито, оттаскивая в сторону опустевший ящик, хотя злюсь я исключительно на саму себя. Дорада я, как есть дорада.

– А чему учили? – Ферт немедленно принимается за следующий контейнер. – Следить за замком?

– Ну да, – подтверждаю я и невольно отшатываюсь – рядом с моим горлом со свистом рассекает воздух что-то сверкающее. – Эй, эй, хватит! Что вы делаете? – пытаюсь остановить Ликета, который вытащил из недр ящика нож размером с мою руку, больше похожий на тесак, и теперь на меня наступает.

– Проверяю, входит ли в понятие «следить» функция «оборонять».

Он прекращает размахивать оружием, но лишь для того, чтобы выхватить еще один устрашающего вида клинок и бросить его мне. А потом вновь атаковать.

– Не входит! – Я уклоняюсь от летящего оружия, которое с жалобным звоном падает и катится по металлическому полу.

– Дихол... – растерянно опускает руки томлинец. – Да что же у вас на Вионе за воспитание, если мужчина даже нож поймать не может? Впрочем, какое правительство, такое и обучение, – делает очень удобный для меня вывод и возвращается к ящику.

– Принц Эйрон сумеет навести порядок, – уверенно говорю, принимая теперь уже аккуратно переданное мне оружие и складывая его в отдельную кучу.

– А ты-то откуда знаешь? – скептически хмыкает ферт. – Принц вчера мне рассказал, что вы с ним буквально на днях познакомились.

Значит, пока я ела, спала и приводила себя в порядок, они успели сделать то же самое, да еще и поговорить? То же самое, потому что утром выглядел Эйр, встретивший нас по пути к шлюзу на корабль Дацама, куда более прилично и бодро, чем раньше.

– Я, может, и не знаю, – парирую, вспомнив о заданном вопросе. – Но в генах правителей империи, которые имею честь носить в себе, не сомневаюсь. И уж тем более не ставлю под сомнение действия того, у кого их намного больше.

– Н-да... – задумывается Ликет так глубоко, что даже передавать мне оружие перестает. – Мой прадед тоже мог стать императором. Вернее, стал им и не стал одновременно.

– Неприятная история, я слышал. И не понимаю тех, кто в то время выходил из состава империи только потому, что наследница уснула и свадебный танец не успел состояться.

– Я тоже так думаю, – кивает томлинец. Моей осведомленности он не удивляется, что,

впрочем, логично, с учетом того, кого именно я, как сын Сейлиссы, должен охранять.

– Значит, поможете мне снова объединить планеты? – с надеждой смотрю на него и понимаю: нет, не поможет. Потому что качает головой, выдавая свои сомнения. А потом еще и словами их подтверждает:

– Я помогу твоему принцу потому, что не могу спокойно смотреть, как кто-то выстраивает себе счастье и удобную жизнь за счет унижения и лишений другого. И потому, что знаю, для него вернуться на трон – возможно. Но то, что хочешь сделать ты... возродить империю... Лин, это нереально.

– Из-за того, что наследница спит? – злюсь я. – Да что вы все на ней заикнулись! Словно она – единственное, что вас объединяло! Она просто символ империи, ее дух, нить, соединяющая миры. А настоящая связь здесь! В душе у каждого из нас! – Я ударяю кулаком в грудь, где, отвечая мне таким же волнением, суматошно бьется сердце.

– Не из-за наследницы, – неожиданно не соглашается Ликет, закрывая ящик и усаживаясь на крышку. – И не потому, что ты молодой, неопытный и не справишься с такой сложной задачей. Дело в другом, Лин. Во времени, которое на это понадобится. В ресурсах, которых у тебя нет, да и у меня, боюсь, не хватит. Конечно, принц Эйрон, став королем, без поддержки тебя не оставит, но этого мало. Нужна личная свобода, чтобы летать между мирами. Ты молод, и твой вионский срок жизни больше того, который отпущен томлинцам. У меня же треть жизни за плечами, а грузом ответственности давят обязательства, которые я должен выполнить. Помнишь, ты спросил про мой конфликт с Дацамом?

Понимая, что сейчас услышу его историю и короткой она вряд ли получится, я тоже отыскиваю себе место и сажусь.

– У моей матери была подруга, фрейлина, дочь министра, который работал на моего отца. У нее родилась девочка, Хейола, лет на пять моложе меня, а росли мы рядом, во дворце часто встречались... – Рассказывая, ферт, морщится, видимо, это не самые приятные воспоминания. – В общем, привязалась она ко мне. Хорошая девушка, приятная, милая, мне она даже нравилась. Но чувств – настоящих, сильных – не было. Однако отчего-то наши матери решили, что мы станем идеальной парой. Ну а поскольку привязку мы сбили сразу после совершеннолетия Хейолы и наверняка бы разбежались, родительницы решили схитрить. Подумали, что нас по-настоящему сблизят общие проблемы и переживания. Они попросили меня сопровождать девушку в путешествии к каким-то дальним родственникам в далекой провинции. Я причин отказывать матери не видел. Согласился. И в то самое время, когда мы гостили в резиденции, рядом с ней высадились милбарские пираты. Я, как и все жители той ночью, защищал город, а утром узнал, что Хейолу похитили. Ее мать была в шоке и ужасе, но, как я позже узнал, все это было притворством. Она была уверена, что с дочерью все будет в порядке, потому что сама, вместе с моей матерью, связывалась с пиратами и договаривалась о такой вот... помощи.

Ликет замолкает, тянется к ножу, одному из целой груды, которую мы насобирали, и продолжает, непроизвольно поглаживая рукоять.

– Разумеется, все это я узнал намного позже. В тот момент искренне ей сочувствовал и поклялся Хейолу вернуть. Искать было сложно, с учетом обстановки в космосе и отсутствия информации. А через три месяца со мной связалась мать и во всем призналась. Сказала, что пираты их обманули. Они должны были вернуть «пленницу» через несколько дней, но так этого и не сделали. Я хоть и разозлился, но оставить девушку в беде не мог. Продолжал поиски, делал все что мог, но шли месяцы, годы, а Хейолы и след простыл.

– Вы наши ее? – с тревогой спрашиваю, когда он надолго замолчал.

– И да и нет, – очнувшись от воспоминаний, продолжает томлинец. – Спустя почти десять лет мне удалось выйти на Дацама, который, посмотрев на портрет, сказал, что знает, где девушка, и готов мне ее привезти. Половину запрошенной суммы я ему отдал.

– И он обманул? Не привез? – расстраиваюсь я.

– Привез, – горько кривит уголки рта Ликет. – Местом встречи был назначен пустынный район Милбара, мне даже позволили там приземлиться. Дацам показал мне Хейолу издали и потребовал остаток оплаты. А когда я, выполнив его условия, попытался к ней приблизиться, меня остановил другой пират. Вернее, целая группа. Так я узнал, что Хейола – их любовница и мне ее не отдадут. Я попытался ее отбить, но... – Он с размаху по самую рукоятку вгоняет нож в покрытие ящика. – Меня, раненого, едва сумела вывезти и спасти моя команда. На Милбар, само собой, у меня больше не было допуска. И я стал искать Дацама, чтобы...

– Отомстить.

– Ну да, – вздыхает ферт, взъерошивая пальцами волосы. – Ведь Дацам уверял меня, что девушка свободна и я могу ее забрать. Я двадцать лет его искал и, как видишь, нашел.

– А обязательство? – напоминаю я. – Вы сказали про обязательство, которое вы должны выполнить.

– Мать Хейолы умерла полгода назад. Я думал, что она, узнав правду, освободит меня от данной тридцать лет назад клятвы – привезти ее дочь на Томлин. Но она даже на пороге смерти этого не сделала. Теперь у меня нет выбора.

– Простите, – извиняюсь я, понимая, как глупо выглядят мои обиды и претензии.

– За что? – удивляется мой собеседник.

– За то, что я веду себя как эгоист. Вы и так много для нас сделали: освободили из плена, отдаете принцу Эйрону ваши трофеи, везете на Шенор, тратите время, которое должны посвятить другому... другой. А тут я со своими идеями.

Не дожидаясь ответа, решительно поднимаюсь и, подхватив отложенную в отдельную стопку вионскую одежду, которая нашлась в одном из ящиков, говорю уже совсем иным тоном – бодрым и жизнерадостным:

– Я, с вашего разрешения, отнесу это принцу Эйрону. А то он сам на себя не похож в одежде, которую собрала ему ваша команда.

Ферт меня не останавливает. Шагнув в коридор, я киваю напрягшемуся и кинувшему взгляд внутрь отсека охраннику. Он расслабляется, увидев своего капитана, продолжающего сортировку, я же иду к шлюзу, который прочно соединяет два корабля, ставших единым целым. Иду, а на глаза наворачиваются слезы.

Эх, Ликет... Да мне и в голову не пришло, что у вас могут быть свои дела и проблемы. Да, в моих планах вы оказались удобной ступенькой, вернее перилами, способными поддержать. И да, я не о вас думаю, когда прошу о помощи, а о себе. Я эгоистка, но...

Но даже эгоистке нужна надежда.

Как огненной стрелы узор, прочертит небо...

Метеор.

Темное пространство длинного коридора, вырубленного в скальной породе глубоко под землей, озаряется неярким светом ламп. Теплым, желто-оранжевым, таким же огненным, как и волосы обитателей планеты. Туннель этот – один из боковых, идущих от главной магистрали, а потому движение здесь только пешеходное. Но мы уже пришли и теперь стоим у стены с выбитой в ней аркой. За ней открывается небольшой спуск, переходящий в дорожку, проложенную по дну огромной пещеры. Она петляет между каменными выступами-статуями и ведет к отвесной стене с высокими массивными дверьми.

Глядя в спину Эйрону – высокому и сухопарому, уходящему по этой самой дорожке вместе с врачом, невысоким и коренастым, я почти забываю о том, кто вместе со мной сопровождал принца на пути в самый лучший госпиталь Шенора. Пока он не напоминает о своем присутствии.

- Никогда не видел столько искусственных, хм... конечностей.
- Вы будете удивлены, – усмехаюсь я, поворачиваясь к томлинцу. – У большинства шенориан и другие части тела ненатуральные.
- Отчаянные, – качает головой Ликет.
- Смелые, – улыбаюсь я.
- Безбашенные.
- Храбрые.
- Ты так их защищаешь, словно здесь родился.
- Нет, но в моих венах течет и их кровь, – напоминаю о своей родословной. Подумав, добавляю: – Одна капля на три литра.
- Видимо, даже этого слишком много! – Ферт с шутливым потрясением поднимает глаза к сводам потолка туннеля. – По крайней мере, королю Еру Зиррон ви’Длансу такой степени родства хватило, чтобы разрешить посадку и согласиться на аудиенцию.

В последнем он прав, уничтожить нас воинственным шенорианам не позволили исключительно кровные узы, пусть даже шестисотлетней давности, связывающие наследницу Шенора и ее потомков, родившихся на Вионе. Эти узы стали нашим пропуском сначала в саму систему звезды Жеок, а затем и на планету. Они же открыли двери той самой клиники, из которой Эйрон выйдет полноценным и уверенным в своих силах. И им же я должна сказать спасибо, потому что король Ер не увидел принципиальных различий между потерявшим свою планету принцем и скромным хранителем спящей наследницы. Для него мы оба были потомками императорской династии, как и он сам. Да и Ликету он выразил сочувствие по поводу трагической случайности, лишившей его предка возможности закрепить за собой статус императора.

А потому поселили нас во дворце, том самом, подземном, о котором мне так много воодушевленно рассказывала мама. В отведенных нам покоях было изумительно красиво: причудливые переливы красок на стенах, словно в густой коричневый сок шириши плеснули белую паэлью и забыли как следует перемешать; прочная каменная мебель с металлической отделкой; брошенные на пол мягкие, но с прочной основой шкуры каких-то местных животных... Однако с этого момента я буду пользоваться гостеприимством шенорианского короля одна. Эйрон отправился на лечение, а Ликет... Он ведь тоже решил не задерживаться.

- Улетаете сегодня? – неспешно шагая по туннелю, спрашиваю бодро, борясь с необъяснимой грустью, которая наполняет мою душу при мысли, что томлинца больше не будет рядом. Наверное, это страх. Страх потерять друга, не справиться в одиночку, не разделить с ним радость от успехов...

- Да, не буду мешкать, – не менее оптимистично реагирует ферт. – Если задержусь, код допуска могут сменить. Не хочу упускать такой шанс.

Об этом он мне уже говорил. Закончив разбирать вещественное «наследство», оставшееся от Дацама, Ликет взялся за информационные носители и бортовой журнал. В последнем нашлись опознавательные коды-сигналы, при наличии которых корабль с легкостью пройдет патрульный кордон и приземлится на Милбаре. На инфоносителях ферт долго искал хоть какие-то зацепки, которые могли вывести его на местонахождение Хейолы. И ведь нашел! Дацам скрупулезно хранил все данные, связанные с его деятельностью. Тщательно записывал координаты мест встреч, имена контактеров, цели перелетов... В общем, сведения о девушке-томлинке там были более чем исчерпывающие. И Ликет понял, что наконец его поиски могут увенчаться успехом.

В общем, до магистрального туннеля мы доходим вместе, а дальше разделяемся. Меня увозит во дворец тот же самый флайер, что привез нас сюда. Ферт, которого ждал фист Лих, уходит с ним в один из лифтов, связывающих подземные поселения и поверхность.

Оказавшись в громадной пещере, одна из стен которой и есть часть королевской резиденции, я долго брожу между каменными натеками, поднимающимися вверх и

сливающимися с теми, что свисают с потолка. Эти своеобразные колонны невероятно красивы и из-за подсветки изнутри кажутся огненными столбами. Такого зрелища на Вионе не увидишь. Как не увидишь и шенориан, в каждом из которых есть черты, напоминающие мне маму. В каждой желтоволосой женщине я невольно пытаюсь разглядеть ее. И это больно.

В итоге ухожу к себе, чтобы принять ванну, переодеться, поесть и лечь спать. Я ведь пообещала Эйрону, что дождусь его возвращения, прежде чем снова рвануть невесть куда, чтобы восстановить империю. Значит, придется запастись терпением. В конце концов, что изменит всего один месяц промедления? Ведь в том, что я задумала, нет никакой спешки, а поддержку племянника я терять не хочу. Так что буду отдыхать и изучать местные достопримечательности. Когда еще представится такая возможность?

М-да... Сколько раз в моей жизни было, что результат не соответствовал плану? Вот и сейчас все складывается аналогично. Нет, достопримечательности я осмотрела, и отдохнуть мне тоже никто не мешал... ровно три дня. А на четвертый...

- Король Ер Зиррон ви'Дланс ждет вас через три часа на аудиенцию.

Когда просят вот в такой формулировке, вариантов отказа не предусматривается. Потому я, поблагодарив молодого шенорианина-пажа, трачу отведенное мне время на то, чтобы собраться, а потом иду по изысканно оформленным коридорам и лестницам в приемный зал. О том, зачем меня пригласили, стараюсь не думать, чтобы не волноваться раньше времени. Хотя предположения есть – разговор пойдет о наследнице, раз уж я хранитель ее покоя.

И все же я ошиблась. Короля, принявшего меня не в большом зале для официальных приемов, а в маленьком уютном кабинете для личных бесед, заинтересовали мои планы. Он долго и обстоятельно меня расспрашивал, выясняя, в какой последовательности я планирую посетить планеты, на чем летать, с кем и что именно буду говорить, почему считаю, что шанс на возрождение остается.

- Мой прадед поступил опрометчиво, отказавшись от сотрудничества и выйдя из состава империи, а когда это понял, возвращаться было уже поздно и некуда. Так что с моей стороны согласие на объединение будет. Идея твоя не так уж безнадежна, как кажется на первый взгляд. Но вот ее реализация...

Ер поднимается и уходит к смотровому окну, за которым открывается панорама дворцовой площади. Заложив руки за спину, он молча покачивается, перекачиваясь с мысков ярко-желтых сапог на каблуки и обратно. Я же смотрю на этого представительного, уже немолодого, крепко сбитого шенорианина в дорогом темно-коричневом костюме, украшенном ярко-зелеными и красными вставками, и жду продолжения.

- Я вижу две проблемы. Первая. Приема, аналогичного тому, что ты получил здесь, ждать на всех планетах бессмысленно. Это означает, что однажды тебя просто убьют. На этом все и закончится.

Вспомнив, как со мной поступили Вирт и Дацам, я вздрагиваю. Ну да, повторись подобное снова, и авантюра моя будет стоить мне жизни. Это он правильно говорит.

- Вторая. Для объединения планет желания правителей мало. Нужен император. Претендентов на этот пост будет немало, соответственно, прийти к компромиссу, который всех устроит, будет сложно. Единственный вариант, который я вижу, – объединение бывших планет-столиц и какой-то одной планеты, которая не брала на себя бразды правления. Когда к возрожденной империи присоединится следующая планета, управление перейдет к ней. Но... – Он наконец поворачивается ко мне, однако в кресло возвращаться не спешит. – Это лишь мое мнение. Другие могут с ним не согласиться.

- Неужели бездействие лучше? – удивляюсь я.

- Не лучше и не хуже, – усмехается Ер. – Просто если настроен на конкретный результат, ты несешь ответственность и за то, чтобы его сохранить. С твоей активностью и напором ты можешь собрать осколки, оставшиеся от империи. Но сможешь ли ты их спаять?

Стоп! Он решил, что я хочу быть императором?

- Я не смогу, но другие...

- И другие не смогут, - грубовато отрезает король. - Мы слишком разные, чтобы лояльно относиться друг к другу, не имея для этого веских оснований. Потому и воюем, предпочитая отобрать ресурсы, не дав ничего взамен.

- А наследница? - вздыхаю я, понимая, к чему он ведет.

- Наследница была отличным гарантом передачи власти. Тот, кто придумал династическую смену императора через брак с ней, был умнейшим империанином. Боюсь, нам его не перемудрить.

Он наконец садится в массивное кресло. Закидывает ногу на ногу, складывает на груди руки (на одной два искусственных пальца) и смотрит на меня... Выжидающе? Чего он ждет? Не прогоняет, не говорит, что аудиенция окончена. Я же все рассказала! Или не все?

Подняв на него глаза, успеваю заметить его быстрый пронизательный взгляд, брошенный на мое лицо. И снова в нем эта хитринка, которую я уже не первый раз замечаю...

- Вы знаете, кто я! - ахаю потрясенно, потому что не понимаю - откуда? Как он догадался?

- А кто ты? - не сдается король, стараясь не улыбаться.

- Если знаете, почему тогда...

Я покусываю губы, мну пальцы, а в ответ получаю:

- Потому что у всех есть свои секреты. И я привык уважать чужое намерение оставить их в тайне.

- Даже если сами в курсе? И, позвольте полюбопытствовать, откуда у вас информация?

Мой собеседник смеется. Беззлобно, весело, словно ему забавна вся ситуация. Хлопнув руками по подлокотникам, наклоняется вперед и чрезвычайно довольным тоном объясняет:

- Когда гость-вионец, возвращаясь к себе в комнату, без труда находит дверь в полной темноте, а за обедом с аппетитом уминает шенорианский ширрак, от которого остальные наотрез отказываются, поневоле задумаешься о его происхождении.

- Это всего лишь косвенные признаки, - бурчу сердито. Может, он и не знает точно, просто меня провоцирует?

- Камеры в ванной более достоверны? - окончательно добивает меня Ер. - Простите, - прикладывает руку к груди, - это вынужденная мера безопасности, а вовсе не способ кого-то скомпрометировать.

- Ясно, - вздыхаю я, понимая, что все мои ухищрения бессмысленны, если уже второй раз меня разоблачают. - И что теперь? Вы расскажете об этом принцу Эйрону?

- Не расскажу, - качает головой Ер. - Потому что уверен - у вас были серьезные основания так измениться. Так что вы сами решите, когда, кому и что рассказать.

- Спасибо, - благодарю я, чувствуя невероятное облегчение.

Не знаю почему, но мне не хочется раскрывать свое инкогнито. Хотя, конечно, позиция шенорианского короля тоже выглядит подозрительной. Ненормально это для мужчины - признать за женщиной право решать такие вопросы. Значит, есть у него план, который просто-напросто соответствует тому, как я поступаю. Вот он и поддерживает у меня иллюзию свободы выбора и решений. А как только сделаю что-то расходящееся с его целями, тут моя самостоятельность и закончится.

Эх, печально все это...

С другой стороны, Ер ведь не во вред мне действует? Значит, я могу его уступчивостью воспользоваться.

– Вы мне поможете? – Мило улыбаюсь, чтобы расположение собеседника никуда не исчезло. И он предсказуемо меня радует.

– Всем, что в моих силах. Правда, раз вы хотите сохранить инкогнито, значит, поддержка, которую я окажу, не должна вызывать лишних вопросов и подозрений. То есть вместо эскадры, которая была бы положена вам по статусу, придется ограничиться всего одним кораблем. Это во-первых. Во-вторых. Принц Эйрон, разумеется, достойный спутник, но мне кажется, этого недостаточно. Потому я настаиваю, чтобы вы приняли в качестве сопровождающего моего безопасника. В плане легенды это будет даже удобнее: шенорианский посол летит по своим делам, а вы просто попросились в попутчики. Ну и в-третьих, вам нужно тщательнее проработать план полета, он сейчас весьма спорный. Не торопитесь, у нас много времени, чтобы все продумать и решить. Пока принц Эйрон выздоравливает, я подберу вам подходящего сопровождающего, вы с ним познакомитесь и...

– Он будет знать, кто я? – перебиваю, предчувствуя новые неприятности.

Довольно долго Ер сидит молча, что-то обдумывая.

– А вы этого хотите?

От такой постановки вопроса я теряюсь, не зная, что ответить. На самом деле, чего я хочу? Зачем маскироваться, если меня регулярно разоблачают? Конечно, прокалываюсь я на мелочах, но сам факт... Да сама же хотела, чтобы рядом был опытный, надежный спутник, готовый и поддержать, и прикрыть...

Эйрон для этого был бы идеальным кандидатом. Но у него своих проблем хватает. Я вообще не знаю его планов. Вдруг он решит не со мной продолжить путешествие, а попросить у короля Ера эскадру и на Вион полететь? А тут я со своим: «Здрасте, я наследница». Ну и как тогда ему быть? Племянник сам еще ничего не имеет, а ему обо мне придется заботиться-переживать. Это неправильно.

Ликет... А что Ликет? Он вообще исчез в неизвестном... то есть известном направлении. И не факт, что вернется. То есть на подмогу Эйрону, скорее всего, придет, он обещал, а вот ко мне вряд ли. Нужен ему какой-то выскочка, фанатик империи...

В общем, от предложения Ера отказываться нельзя. И для гарантии пусть уж его протеже знает, с кем имеет дело. Меньше будет проблем.

Я так королю и говорю, правда, уточнив, что «знать» и «афишировать» – это совершенно разные понятия, а в ответ получаю одобрительный взгляд и похвалу.

– В вашем благоразумии у меня не было ни малейших сомнений. Вас замечательно воспитали. Надеюсь, вы не откажете мне в удовольствии участвовать в разработке плана вашего путешествия? Мне будет приятно помочь, а вам нужна информация, которой вы столько времени были лишены.

Согласно кивнув, я улыбаюсь. Пусть не мой ум похвалили, а всего лишь предусмотрительность моих родителей, но это не менее отраднo. Пока я нежусь в этой приятной атмосфере, король зовет того самого пажa, который привел меня на аудиенцию. Он же сопровождает меня и все последующие дни, став, по сути, гидом. Следует за мной, даже когда я выбираюсь на поверхность Шенора, чтобы полюбоваться на беспрерывно штурмующий планету метеоритный поток. А ведь явление это не только завораживающе красивое, но и крайне опасное – мелкие метеоры сгорают в атмосфере, а крупные метеориты врезаются в поверхность, оставляя кратеры и воронки. Есть и настоящие гиганты, удары которых сотрясают подземные города, вызывают разрушения и калечат жителей. Так что отнюдь не все искусственные части тел у шенориан результат ранений во время сражений. Тот же паж, например, хоть и молод, а уже без ступни.

– Во время обвала придавило, – заметив мое любопытство, объясняет он спокойно,

совершенно буднично, как само собой разумеющееся.

Почувствовав себя неловко, я отвожу взгляд от его ноги. А ведь шенориане специально делают все, чтобы их увечья были видны окружающим! Протезы никогда не покрывают телесного цвета имитацией кожи, всегда цветной, металлизированной, хоть на ощупь она очень приятная. Да еще и стараются хоть часть искусственного тела оставить открытой. Если таковых много, то иногда очень смешно получается – сапоги с прорезями, на брюках дырки, рубашки с разрезами...

Смотрю на небо, где продолжается звездопад, и удивляюсь.

– Почему вы их не уничтожаете? Ведь это бы избавило вас от стольких проблем!

– Уничтожаем, – неожиданно вместо пажа отвечает мне кто-то другой.

Повернувшись на голос, вижу непривычно высокого шенорианина, в лицо которому смотрю, не опуская головы. Огненные волосы сплетены в толстую косу, нос с горбинкой, полные губы, взгляд карих глаз открытый и решительный. Больше ничего не успеваю заметить, потому что не менее внезапно, чем до этого голос, раздается предупреждающий вой сирены. Я и ахнуть не успеваю, как на мою голову с размаху ложится тяжелая ладонь, пригибая к земле. А дальше уже ничего не вижу, лишь слышу тихий свист, переходящий в гул, вспарывающий воздух, и удар. Вернее, целая серия ударов. К счастью, далеких, но тем не менее камни под моими ладонями и коленями содрогаются.

Чувствуя, что давление руки ослабло, я поднимаю голову и с недоумением смотрю на случайного защитника.

– Это называется – уничтожаем?

– Верно, – ничуть не смущается незнакомец. – Камушки, удар которых вы сейчас ощутили, были спаяны в метеор такого размера, что при столкновении с ним Шенор развалился бы на части. И мы с вами уже бы не разговаривали.

– Я понял, – киваю, приняв его объяснение. – Только это не уничтожение, а разрушение, чтобы снизить ущерб.

– Можно и так называть, – дернув уголками губ, соглашается шенорианин.

Кинув взгляд на небо, которое теперь пронзают лишь короткие огненные росчерки, он коротко кланяется и исчезает в дверях бункера, ведущего к лифтам. Я тоже надолго не задерживаюсь. Да, выходы на поверхность шенориане строят там, где вероятность падения метеоров самая низкая, но стопроцентной гарантии все равно никто не даст.

Пообедав, привычным уже путем иду в кабинет короля – он каждый день уделяет мне час своего времени, выполняя обещание помочь с разработкой маршрута. Едва переступив порог и взглянув на сидящего за своим рабочим столом Ера, слышу:

– Знакомьтесь, Идилинна. Рестон Ог л’Рошон. Ваш сопровождающий.

Проследив за его взглядом, оборачиваюсь и вижу за спиной того самого шенорианина, с которым рассталась два часа назад на поверхности.

Вот такие бывают совпадения.

Глава 6

Победы и поражения. Где логика решения?

Конец цепи, которая себя догнала, превращается в...

Начало.

Совпадений не бывает. Вернее, в моем случае совпадение оказалось спланированным – Рестон, узнав, какая миссия ему уготована, решил получить первое впечатление обо мне в неофициальной обстановке. Ему было интересно, насколько же удачна моя маскировка и как много усилий ему придется приложить, чтобы случайно меня не выдать. Но несмотря на это, как и на то, что, представив настоящим именем, Ер, по сути, лишил меня даже призрачной возможности отказаться от предложенной кандидатуры, мы с л’Рошоном нашли общий язык.

Как истинный шенорианин, он был резок и грубоват, но не всегда, все же накладывала отпечаток должность – переговорщик. Соответственно, с легкостью делал выводы, имея самый минимум информации и на удивление редко ошибался. Точно знал, что делает и зачем, а потому заставить его свернуть в сторону от намеченного пути было нереально. С честью носил, то есть демонстрировал, шесть протезов, и у меня периодически закрадывалось подозрение, что имеется седьмой – в голове. Очень уж четко он умел действовать, словно автоматика на корабле. Впрочем, чему я удивляюсь? Он же военный. Семьи нет, вся жизнь посвящена служению Шенору и королю, даже собственным домом мужчина не обзавелся, несмотря на солидный возраст – сто шесть лет. Половина жизни за плечами. Причем искусственными.

Он именно ими и передергивает, выражая свое недовольство, когда я, не в силах сдерживать нетерпение, ерзаю на диване и чуть не подпрыгиваю от каждого звука, напоминающего шаги.

– Терпение! – четко напоминает, словно приказывает. – Мужчина обязан сохранять выдержку и оставаться спокойным в любой ситуации.

Ага. Скажи он это Дацаму, тот бы точно посмеялся. Вот уж кто-кто, а этот милбарец сдерживать себя и контролировать эмоции даже не пытался.

И все же совету я следую. Потому что обещала. Неукоснительное выполнение инструкций, которые касались моего мужского облика, – условие нашего сотрудничества. И залог успешности задуманного.

Так что перешагнувшего наконец порог Эйрона я встречаю спокойно сидящей в ожидании. И не бросаюсь навстречу, а чинно поднимаюсь, приветствуя принца уважительным неглубоким поклоном.

Вот только племянник ждет от меня иного поведения.

– Да будет тебе, Лин! – смеется, разводя руки в стороны. – Тебе эти церемонии со мной ни к чему. Иди сюда. Дай я тебя обниму!

Бросив беглый взгляд на Рестона, вижу тень недоумения, но раздумывать особо некогда. Шагнув к Эйру, попадаю в сильный захват, от которого дыхание перехватывает. Я невольно ойкаю и получаю свободу, правда временную. Теперь одна рука принца лежит у меня на плече, другая треплет волосы, доказывая, как хорошо он научился со своими новыми конечностями управляться.

Одежда у него та же, вионская, поэтому закрывающая места соединения протезов и настоящего тела, но кисти рук я все равно вижу. Одинаковые, темно-коричневые, словно в перчатках. Эйр, по всей видимости, решил не шокировать тех, кому с ним придется общаться, и выбрал относительно нейтральный цветовой вариант. По крайней мере, это не ярко-красное колено л’Рошона, выглядывающее из художественной дырки на брюках. И не бледно-голубой и фиолетовый пальцы короля Ера.

– Рестон! – Эйрон не менее радостно, чем до этого меня, приветствует шенорианина. – Я рад, что именно ты взялся за воспитание моего пусть дальнего, но все же племянника.

Я едва удерживаюсь от смеха. Кто тут кому племянник... А вот л'Рошон реагирует совершенно невозмутимо.

– Я же обещал, что наша встреча не будет последней.

Встреча? Обещание? Когда это они успели?

– Мы в госпитале познакомились, – объясняет Эйр, видя мое недоумение. – Рестон как раз к выписке готовился, когда я прибыл. Мы в соседних палатах лежали. И пусть наше знакомство продлилось недолго, но впечатление оставило сильное. А теперь, если я правильно понял, мы его продолжим. Ведь ты летишь с нами?

– Я лечу с Лином. Вернее, он со мной, так будет правильнее. Все же посол Шенора вряд ли годится в сопровождающие... такому молодому человеку. Скорее наоборот. А твои планы нам неизвестны, поэтому вопрос ты задал неверный, – как всегда прямолинейно ответил Рестон.

Маленькую заминку в его речи я заметила и даже испугалась, что он назовет мой настоящий статус, но обошлось. А вот принц, занятый своими мыслями, внимания не обратил.

– Мои планы... – Эйр меня отпускает и уходит к дивану, чтобы сесть. – Рестон, ты же не думаешь, что я должен прямо сейчас без раздумий рвануть на Вион?

– Это было бы самой большой глупостью, – дергает в усмешке одним уголком рта шенорианин. – Поддержки одного Шенора мало для вмешательства во внутреннюю политику Виона.

– Тогда откуда сомнения в том, куда и с кем я полечу?

– Вы будете путешествовать с нами! – все же не удерживаюсь и восклицаю восторженно, но быстро вжимаю голову в плечи, увидев порицание во взгляде л'Рошона.

– Да, Лин. Не могу я бросить того, кто заставил меня вспомнить о том, кто я есть, – широко улыбается Эйрон и переводит взгляд на второго собеседника. – Рестон, думаю, тебе не нужно так уж сильно давить на мальчика. Да, ему многому нужно научиться, чтобы стать настоящим мужчиной, но мне очень приятно его яркая непосредственность. Пусть хотя бы с нами чувствует себя свободно и легко.

В ответ шенорианин выразительно разводит руками. Мол, если таково желание принца, разве я могу спорить? Но я все равно принимаю вид сосредоточенный и собранный – пусть видит, что для меня это не игра.

Я на самом деле понимаю, насколько все серьезно. И знаю, как тщательно король Ер подошел к вопросу сборов в дорогу, выделив нам настоящий боевой крейсер. Мы не раз обсуждали вопросы охраны, но все же сошлись во мнении, что одного корабля будет достаточно. Легче уходить от преследования, не надо ни с кем согласовывать маневры, да и подозрений вызовет меньше – кому понравится, когда к твоей планете приближается вооруженная эскадра? Тогда нас точно примут за завоевателей. А мы ведь хотим остаться нейтральной стороной. Наша миссия – разведка. Именно та, которую я себе ставила, когда договаривалась с Вирсом.

И вот теперь, поднимаясь на борт, вернее, переходя на корабль из маленького шаттла, поднявшего нас с поверхности Шенора в космос, я испытываю ощущения невероятно знакомые. словно все повторяется. Коридоры и палубы. Каюта. Полет. Ожидание.

Правда, и отличий немало. Нет здесь столовой с кабинками-репликаторами общего пользования – в каждой каюте своя, отдельная. В команде я уверена – никто из шенориан не позволяет себе грубить гостям. И я теперь не одна! Мне есть на кого опереться, у кого спросить совета. В конце концов, просто поболтать. Хотя, конечно, чаще всего разговоры заканчиваются обучением.

Эйрон почему-то решил, что я плохо знаю дворцовый этикет, поэтому прочел мне едва ли не полный курс. А Рестон сделал упор на психологию восприятия и, оставаясь со мной наедине, ворчал, что мужчина из меня как из астероида комета.

Но я на них не обижаюсь. Шенорианин относится ко мне как к собственному ребенку и бурчит совершенно добродушно, по-отечески. А принцу, сто пятьдесят лет прошедшему вне родного дома и уже отчаявшемуся вернуться, самому полезно вспомнить все нюансы придворного общения. Ну и узнать хоть что-то о том, кто занял его законное место.

– Убрали все, что связано с семьей ди’Донов? – Эйр, который опирается бедром о край стола, почти сидит на нем, морщит нос и хмурится, слушая мой рассказ об экскурсии во дворец. Перевираание истории его злит ничуть не меньше, чем то, что Латал сделал с ним лично.

– Картины, упоминания... Я сам видел, вернее, не видел ни одного портрета наших предков. Теперь о них молодое поколение не знает, а старое, конечно, помнит, но вряд ли решится открыто говорить и обвинять короля в сокрытии фактов. Потому что их тут же ликвидируют как подрывающих авторитет де’Вронов.

– И при таком раскладе ты имел неосторожность попасться на глаза Латалу... – качает головой принц. – Немудрено, что на тебя открыли охоту. Одно дело, если хранитель сидит тихо, там, где ему положено, и совсем другое, когда высунул нос и оскалил зубы. А ты, решив улететь с Виона, именно это и сделал.

Радуюсь, что Эйр не знает о бредовом предположении Дацама об отцовстве, я развожу руками и отступаю к иллюминатору, закрытому ставней. Пейзаж на ней шенорианский – ночь, кратеры, падающие звезды; а за ней, то есть за слоем трипслата, – марево подпространства, которое выбросит наш крейсер в системе Эпсона.

Тайанцы... Именно они – наша первая цель, которую мы так долго выбирали с королем Ером. И пусть Тая никогда не была планетой-столицей, но дар предсказания, которым владеют ее жители, поможет понять, в каком направлении действовать дальше. Надеяться исключительно на военную мощь или можно рассчитывать на дипломатию? Предлагать ли объединяться всем или только тем, кто когда-то был в составе империи? Ждать ли быстрых результатов или все затянется на долгие десятилетия...

– Переживаешь за своих родных? – по-своему трактует мое молчание племянник. – Не стоит. Пока они живут в своем доме и пока де’Врон надеется жениться на Идилинне, им ничто не угрожает. Ведь, кроме твоей матери, никто не может о спящей наследнице позаботиться. Тем более ты улетел.

Насчет Сейлиссы он прав, она действительно защищена. Но Ваймон... Он уязвим как никто другой. И я за него на самом деле волнуюсь, зная, как Латон расправился с мужем матери Сейлы. Хотя, конечно, если в планах самозваного короля уничтожить меня, то Ваймона не тронут, пока у Сейлиссы не родится еще один ребенок, иначе старый замок и наследница останутся без присмотра.

– Завтра мы выйдем в открытый космос, – продолжает Эйрон, огибая стол и усаживаясь в кресло. – Сменится окружение, у нас появятся новые заботы, и тебе некогда будет переживать. Действие – лучший лекарь от тревожных мыслей. А сейчас иди к себе, отдохни, еще раз подумай, какие вопросы задашь королю Плесу Феш ол’Лону.

Он остается работать в своей каюте, а я направляюсь в свою. Вот только вместо раздумий сажусь перебирать свои сокровища. Я ведь так и не выбрала, что именно преподнесу тайанскому королю в знак благодарности за оказанную услугу. Ер четко предупредил, а Рестон подтвердил: не одаришь – обидишь кровно, о дальнейшем сотрудничестве можно будет забыть. Тайанцы миролюбивы, но злопамятны. И вообще себе на уме, с ними сложно вести дела.

Пересмотрев все, в итоге решаю пожертвовать столовым набором. Он уникальный, наверняка единственный в своем роде и очень изящный – тонкий, почти невесомый, отливающий лазурью металл в сочетании с перламутровыми вставками из скорлупы яиц мий о’утахов. И если первый добывают на самом Вионе, то вторые – с Торманжа, только там водятся эти массивные гиганты. Я даже представить себе не могу, как скорлупа попала к вионским мастерам. Тоже контрабандой, наверное.

Аккуратно упаковав подарок, занимаюсь собой и ложусь спать, а утром...

Утром просыпаюсь от резких толчков, сопровождающихся гулом и вибрацией. Некоторое

время лежу, в недоумении прислушиваясь – странный эффект выхода из подпространства для такого мощного корабля. По идее, переход едва заметный должен быть. И куда более быстрый. Или же... Или причина в другом!

Подпрыгиваю на кровати и спешно бросаюсь одеваться. Брюки, ботинки, уплощающий грудь корсаж, эластичная водолазка, жакет. Что еще? Блавер на предплечье. Теперь все.

Выскакиваю в коридор, и тут же на меня обрушивается нарастающий вой далекой сирены. Мало того, я едва не сталкиваюсь с бегущим шенорианином из команды. Прижимаюсь к стене, потому что он такой торопыга не один, и, сопровождаемая нервующим звуком, спешу в рубку управления. По пути заглядываю к Эйрону, но принца в каюте не обнаруживаю. Нет его и рядом с капитаном, который, вцепившись в поручни перед обзорным экраном, отдает резкие, отрывистые приказы. Рестона я тоже не вижу, потому послушно отступаю, когда открывшийся проем загораживает внушительная фигура охранника.

– Вернитесь к себе в каюту, – прибавляет мне ускорения строгий резкий голос.

Несколько секунд я стою перед закрывшимся проемом, держась за поручни коридора, потому как нас по-прежнему потряхивает, и пытаюсь понять, что же происходит. Я ведь успела увидеть картинку на экране: на фоне черноты космоса шесть синих плоских, похожих на блинчики, кораблей. Носовые элементы озаряются яркими вспышками, и, именно реагируя на них, крейсер вздрагивает, словно его ударили.

Значит, нас атакует вионская эскадра. А почему? Да потому, что Латон уже в курсе, что его партнер Дацам убит и пленники сбежали. И самозванный король прекрасно понимает, чем ему это грозит. Разоблачением! Вот и надумал нас перехватить.

Вопрос, как именно выследил, оставляю открытым. Не это сейчас главное. Нужно понять, что мне делать-то вообще! Почему я не получила никаких указаний? Меня даже в известность о происходящем не поставили. Обидно.

С другой стороны, логика л'Рошона понятна – нечего наследницу под удар подставлять. Он сам небось в какую-нибудь точку возможного прорыва рванул, где абордаж ожидается. Но Эйрон! Принц-то почему обо мне забыл? Почему, почему... Да потому, что врага своего заклятушего увидел в непосредственной близости, вот и вылетело из головы все остальное. Получается, что я...

Додумать не успеваю. Вместо очередного слабенького «бух...», раздается просто оглушающее «ба-бах!», даже уши закладывает. Корабль встряхивает так, что я не удерживаюсь, повисаю на поручне... И неожиданно ноги мои улетают куда-то вверх, увлекая за собой туловище, а волосы окутывают голову пушистым нимбом, закрывая глаза и полностью меня дезориентируя.

Гравитация! Вернее, гравитонное притяжение пола отключилось! А я, как на грех, ботинки надела обычные, без автономного механизма слипания с поверхностью. То есть если руки отпущу, буду кувыркаться в воздухе. Долго. Пока кто-нибудь меня не поймает. Или пока не грохнусь на пол, когда поломку устранят.

От этой мысли крепче сжимаю пальцы, прислушиваясь к неприятному скрипу и свистяще-шипящим отголоскам, отражающимся от стен коридора. Похоже, будут еще сюрпризы...

Догадка правильная, да только в том положении, в котором я нахожусь, пользы от нее никакой. И когда из-за поворота коридора по «потолку» шагают ко мне облаченные в темно-синюю форму военные, я лишь зубами скриплю от злости. Ведь даже имеющимся оружием воспользоваться не могу!

– Так-так-так... – глядя на меня, смеется офицер, в котором я, к своему ужасу, узнаю Латала. – А вот и наш юноша. Один беглец есть. Отлично. Ищите второго!

Он взмахивает рукой, и часть замерших в ожидании приказа вионцев исчезает. Двое оставшихся перехватывают мои руки и тянут, заставляя перевернуться, а еще шестеро занимают удобные позиции и берут на прицел дверь в рубку управления.

Атаки я не вижу. Лишь слышу звуки выстрелов и отблески на стенах. Запах

расплавленного покрытия бьет в нос, а едва заметная дымная завеса белесым потоком течет мимо меня, всасываясь в вентиляцию. Рубку управления и всех, кто в ней находится, захватывают быстро. Настолько быстро, что я остаюсь в недоумении – где та самая хваленая воинственность и отвага шенориан? Они сдались практически без боя! С минимальным сопротивлением!

И как все это понимать?

Повторилось рандеву? Восклицаем...

Дежавю!

Я уже с полчаса сижу, пристегнутая наручниками к поручням капитанского мостика. Сам капитан, пилоты и даже двое безопасников, что должны были всех охранять, в том же положении, что и я, правда, место им выделили куда более непрезентабельное – в дальнем углу, под экраном обзора заднего вида, который сейчас совершенно черен. Впрочем, все экраны в нерабочем состоянии. Видимо, прямым попаданием уничтожен аккумуляторный отсек, запитывающий системы грави- и визуального контроля.

Латал, избравший рубку командным центром, с необычайно довольной физиономией сидит в капитанском кресле и принимает доклады подчиненных. «Второй склад проверен. Чисто!», «Двигатели заблокированы, но не повреждены», «Сектор жизнеобеспечения под контролем» – сообщения из коммуникатора сыплются одно за другим, лишь один офицер примчался лично, чтобы сообщить:

– В одной каюте в багаже оказался гендетектор. Сработал на поражение. Что с ним делать?

Ой... Опять мой контейнер трогали. Да что ж им нейдет-то!

– Зачем вы туда полезли? – снисходительно интересуется король.

– Так опознавалка Дацама на нем, – отчитывается офицер.

– А-а-а... – заинтересованно тянет де'вРон. – Ну, тогда сюда тащите.

Опознавалка? Дацам? Это тип на мой контейнер свой маячок навесил? Вот ведь ол'ва сверхъядовитая! Даже после смерти пакостит! Не хватало еще, чтобы именно его детектор навел вионцев на крейсер!

В общем, расстраиваюсь я основательно. Ничуть не меньше, чем переживаю за Эйрона и недоумеваю относительно Рестона. Где они все?

Племянник появляется первым. В наручниках и, само собой, не добровольно – его ведут двое военных в броне по самую макушку. Даже волос под шлемами не видно.

– Эйр... – поднимается с кресла Латал, разводя руки в стороны, словно желает обнять бывшего друга. – Давно не виделись! Мм... Смотрю, ты новыми руками обзавелся. И сбежал. Четвертый раз уже. Не боишься пожалеть об этом?

Де'вРон обходит принца кругом, внимательно его рассматривая.

– Могу пожалеть лишь о том, что вовремя не рассмотрел такую мразь, как ты. И не уничтожил сразу, – холодно парирует тот.

– Какие слова! – кривится Латал. – Ладно, посмотрим, что ты запоешь, когда ног лишишься. Да и рук я тебе не оставлю, уж извини...

Последние слова заглушает шум в дверях, в которые аж три вионца пытаются протолкнуть мой контейнер. В условиях невесомости он совсем не имеет веса, но габариты и инерция у него те еще, поэтому все углы и поверхности задевает, а перехватить его удобнее мужчины бояться – а ну как снова шандарахнет!

Однако де'вРону багаж сейчас не так интересен, как процесс морального подавления. И его взгляд быстро возвращается к Эйру – злому, но себя все же контролирующему.

– Жаль, что придется на этот раз все делать самому, – сокрушается Латал. – Дацам нас покинул, а ведь у него получалось резать виртуозно – красиво, долго, почти бескровно и очень болезненно. Ты ведь помнишь, да?

Он улыбается, глядя в лицо принца, которое, при всем его желании оставаться безразличным, перекашивается от воспоминаний.

– Никак не успокоишься? – сквозь зубы бросает Эйрон. – Тебе мало того, что уже получил?

– Когда я увижу тебя ползающим у моих ног, как личинка дорады, когда ты будешь умолять о пощаде и сам с готовностью отречешься от престола, заявив об этом во всеуслышание, вот тогда успокоюсь. А пока буду резать по кусочкам и не дам сдохнуть, даже не надеюсь.

Латал это не говорит, он шипит, с каждым словом разъярясь все сильнее. Оно и понятно – столько лет длится противостояние, а желаемого итога все нет.

– Не боишься, что я закончусь до того, как ты удовлетворишь свои амбиции?

Ой-ой! Это Эйр зря сказал, потому что де'вРон тут же вспомнил... обо мне. Обернулся, впился нехорошим взглядом и хмыкнул:

– Так ведь ты теперь не один. Отец твой лишил меня удовольствия на тебя через него воздействовать, зато появился этот мальчик. Значит, тебе есть о ком переживать. Я прав?

Племянник задыхается от возмущения, а самозванный король взмахивает рукой, и двое военных, а их в рубке более чем достаточно, бросаются ко мне, чтобы оторвать от поручня и подтащить ближе.

– Да не сюда, – морщится Латал. – На пол!

Я, конечно, сопротивляюсь, но мне с одним Дацамом было не справиться, что уж говорить про пару накачанных мужиков. С вывернутыми за спину руками, прижатая к жесткой поверхности чьим-то коленом, я даже вижу теперь немного. А вот слышу прекрасно.

– Думаю, будет справедливо, если мальчишка получит то, что предназначалось тебе за побег. Это ведь из-за него я приказал Дацаму забрать тебя из тюрьмы и привезти ко мне. Если бы не он, я бы сейчас не с тобой разговаривал, а нежился в постели с твоей Ови. Ты ее еще не забыл? Она тебя тоже долго не забывала, мне пришлось проявить настойчивость, чтобы уложить ее... Ну-ну, спокойнее! Держите его! – видимо, Эйрон рванул к нему, хоть и не может ничего сделать.

Несколько секунд слышится возня и топот, а когда все стихает, вновь раздается голос Латала:

– Вели бы вы себя тихо и мирно, не напоминали мне о себе, и я бы, может, вас не трогал. Но раз уж высунулись – извини. Начинайте.

Начинайте что?

Вопрос наивный – в мои икры впиваются сильные пальцы, стаскивая ботинки, а потом с не меньшей силой прижимают к полу, чтобы...

Чтобы отпустить.

Почувствовав относительную свободу, я дергаюсь, подтягивая ноги и переворачиваясь на бок. На спину не получается – военный успевает среагировать и заблокировать меня. Но я теперь хотя бы что-то вижу.

Вижу, как Эйрон, сбросивший наручники, словно они бумажные, отшвыривает рванувших к нему вионцев. Как бросается к консоли и хватает лежащий на ней блавер, который сняли с моей руки. Как стреляет в Латала, вскинувшего руку...

К ору и шуму прибавляется душераздирающий крик боли – де'вРон сгибается пополам, прижимая к себе обгоревшую кисть. Эйрон на этом не останавливается, продолжая стрелять. Правда, теперь вся огневая мощь приходится на защищенных броней телохранителей.

Я не верю своим глазам. Как он смог? И почему на помощь королю пришли только два офицера? Где остальные?

А остальные заняты другими пленными. Бывшими пленными! Все шенориане, до этого ничем не напоминавшие о себе, уже давно вскочили на ноги, с той же легкостью, что и принц, сорвав наручники, и атаковали вионцев.

Впрочем, ситуация не так уж радужна. Эйрону приходится туго. Один против трех, и блавер у него уже поврежден, стреляет через раз. У его противников, правда, тоже не все идеально. Один телохранитель ранен и работает исключительно на блокировку, второй уже давно отбросил сгоревший бластер и вытащил нож. Да и сам Латал, кажется, оправился от болевого шока, потому что теперь осматривается, отыскивая оружие.

– Дихол! Чтоб его! – раздраженно и грозно рявкает над головой подозрительно знакомый голос. – Лин, лежи и не смей подниматься! Иначе я тебе лично ноги отрежу, понял?

– Понял! – радостно отвечаю, сообразив, что меня все это время держал Рестон, экипированный в броню и шлем вионцев, а потому от них неотличимый. Держал и контролировал ситуацию, готовый начать действовать. Он выжидал, фактически закрывая меня собой. Но теперь намного важнее помочь Эйрону, ведь до меня уже никому нет никакого дела.

Впрочем, я быстро начинаю жалеть о данном шенорианину обещании. По той простой причине, что ухватиться на полу не за что и он от меня медленно, но неуклонно уходит. Тем быстрее, чем активнее я стараюсь остаться на нем. Вот ведь прелести отсутствующей гравитации! Остальным в этом смысле куда проще – обувь их не только на полу фиксирует, но и мини-гравитационное поле создает, имитируя для тела нормальную силу тяжести. А мои ботинки мало того что в этом смысле бесполезны, так еще и плавают в неведомой дали! Мое счастье, что нахожусь я не в гуще сражения и не на линии огня...

Ну вот, опять я поторопилась с выводами! Паника охватывает моментально, едва слышу истерически визгливое: «Да пристрелите вы уже их!» Ведь «их» подразумевает меня и Эйрона. Орет Латал, по-моему вторично раненный и прижавшийся спиной к стене недалеко от входа, а кто-нибудь особо усердный, несомненно, постарается выполнить приказ своего короля. Притом что я даже спрятаться не могу! И оглядеться, чтобы понять, откуда придет смертоносный луч, тоже.

В ужасе зажмуриваюсь, прижимая к себе руки-ноги... И тут сердце куда-то падает вместе с телом, в которое с размаха врезается что-то тяжелое. Я взвизгиваю, рефлекторно хватаясь за это неведомое. Ощувив под пальцами эластичный материал, распахиваю глаза.

Рубка управления кружится, потому что тело вращается по инерции от удара, а то, во что я вцепилась, это... Ликет?!

Одной рукой крепко прижимая меня к своему корпусу, другой ферт стреляет, каким-то неведомым образом ухитряясь правильно выбирать цели, хотя мы продолжаем лететь и вращаться! Видимо, свои ботинки он отключил, когда подпрыгнул, чтобы до меня достать.

Успеваю заметить и Рестона, который вроде как тоже рванул ко мне, но резко остановился. Оценив обстановку и поняв, что мне ничего не грозит, шенорианин вновь поворачивается к сгрудившимся в кучу вионцам. Я же, забыв как дышать и стараясь томлинцу не мешать, вжимаюсь лбом в его плечо, чувствуя, как по моим волосам скользит подбородок, когда мужчина поворачивает голову.

Длится это недолго. Ровно до тех пор, когда на мертвых черных экранах неожиданно вспыхивают звезды, а мы с Ликетом падаем. Гравитация вернулась!

Высота, к счастью, небольшая, да и притяжение нарастает постепенно, не одновременно, но этого все равно хватает, чтобы ощутимо приложить нас об пол.

На этот раз от визга я удерживаюсь. И вообще ухитряюсь оказаться на томлинце, поэтому удар ему достается более сильный. Но даже после этого он не стонет и не ругается, а, чуть оттолкнув меня, перекачивается на бок и встает на одно колено, удобнее перехватывая оружие. По сути, он меня собой закрывает.

Правда, уже не от кого. Соппротивление вионцев сошло на нет. Шенориане, держа их под прицелом, обыскивая и сковывая наручниками, отводят по одному в сторону. Эйрон стоит, опустив руки, широко расставив ноги и хмуро на все это смотрит. Рестон вообще исчез из рубки.

– Вставай, недоразумение, – слышу насмешливый голос.

Вижу протянутую мне руку, крепко в нее вцепляюсь и легко поднимаюсь на ноги от одного короткого рывка вверх. Оказавшись лицом к лицу с томлинцем, встречаюсь глазами с таким знакомым оранжево-желтым взором и замираю, не в силах пошевелиться. Даже возмущение от эпитета, которым Ликет меня наградил, испаряется моментально. А вместе с ним и мысли. И все, что нас окружает. Есть только я, заволаживающая огненная бездна и...

– Вы вовремя, ферт цу'лЗар. Спасибо за помощь.

Голос Эйрона как холодным душем окатывает, вынуждая встрепенуться и прийти в себя. Вот только от моего защитника я слышу вовсе не ответ принцу, а восклицание в мой адрес:

– Лин, хватит! Я же просил. Не надо на меня так смотреть!

– Как? – На этот раз вместо меня проявляет интерес Эйр. Я же на шаг отступаю и развожу руками, мол, ничего такого, просто смотрю.

– Он меня ест глазами! – обличающе припечатывает Ликет. Однако делает это с изрядной долей веселости. – Второй раз, между прочим! Смотрела бы на меня так женщина, я бы точно посчитал это привязкой.

– Мальчик вас идеализирует, – хмыкает племянник. Его определенно забавляет ситуация. – Вы для него пример для подражания. Потому что снова его спасли.

– Надо с этим что-то делать, пока оно не превратилось в закономерность. – Ликет фиксирует бластер в портупее и осматривает меня с головы до ног. Удивленно косится на ступни в одних носках и интересуется: – Вы чем тут занимались? И кстати! – быстро переключается с меня на Эйрона и указывает рукой на экраны, где рядом с каждым синим «блинчиком» зависло по два желто-коричневых заостренных треугольника. – Кто-нибудь мне скажет, что в системе Эпсона забыла вионская эскадра и почему ее блокируют шенорианские крейсеры? Я сквозь этот кордон едва к вам прорвался.

– Король Ер Зиррон ви'Дланс, видимо, решил, что одного корабля для путешествия будет недостаточно. – Эйр обзревает дислокацию с ничуть не меньшим изумлением. – Вот только нам забыл об этом сказать. Мы как раз исключительно на свои силы рассчитывали, поэтому и сообщение вам послали. Он, конечно, оказался прав, но...

– Сбежал! – перебивает его громкий гневный рокот. – Сбежал, гравитоны шестого уровня ему в стабилизаторы! Перед самым носом ушел, дорада недобитая!

Появившийся в рубке негодующий Рестон останавливается рядом с нами, а я, стараясь не привлекать внимания, тихонечко отступаю по направлению к своей многострадальной обуви. Мужчинам сейчас есть что обсудить, а у меня ноги мерзнут. К разговору, разумеется, тоже прислушиваюсь, интересно же. И картинка в итоге вырисовывается занятная.

Импульсы от датчиков Дацама (а таковые были не только на моем контейнере, но и на вещах, подаренных Эйрону Ликетом) шенориане засекли еще на этапе подготовки крейсера к полету. Резонно предположили, что кто-то на них среагирует, и с вероятностью пятьдесят на пятьдесят это будут либо милбарские сообщники, либо

вионские партнеры. Однако где и когда эта реакция произойдет, предсказать было сложно, потому что король Ер и не стал афишировать свое решение отправить вместе с нами силовую поддержку. Даже л'Рошон не был в курсе.

В общем, выйдя из подпространства в системе Эпсона и буквально спустя час обнаружив вынырнувшую следом вионскую эскадру, Эйрон и Рестон решили, что при численном перевесе вионцев победа возможна, только если произвести захват командующего. В том, что он явится, сомнений не было никаких. Были опасения, что это будет не Латал лично, но они быстро исчезли.

Опять же для страховки, прежде чем «сдаться», шенориане активировали блокирующее поле, которое не дает наручникам и прочим механизмам слипаться. Оттого и гравитацию на крейсере пришлось отключить – она с этим полем не дружит. И бросили в эфир сообщение с просьбой о поддержке.

Именно его поймал Ликет, который как раз в этот момент тоже вышел в открытый космос рядом с Эпсоном. Он ведь прилетел на Шенор всего через пару часов после нашего отбытия, переговорил с королем Ером, выяснил, куда мы направляемся, и рванул следом. Ну а шенорианская группа поддержки, скрывающаяся в подпространстве, вышла чуть позже, когда среагировала на сигналы своих маячков-опознавателей. Она корабли вионцев и заблокировала, вынудив сдаться.

Рестон и еще двое шенориан сидели в засаде, пока не появилась возможность содрать экипировку с вионцев, оставших от своих. Они и сопроводили «сдавшегося» Эйрона в рубку управления, где так удачно засел его враг. И время тянули, чтобы вынудить де'Врона сделать признание. Хотя бы частичное. Ведь запись, которая здесь постоянно ведется как бортовой журнал корабля, будет самым веским доказательством.

Что касается Латала, то он банально воспользовался суматохой, когда включилась гравитация. Рванул в бортовой модуль и прямо на нем ушел в подпространство. Один или с кем-то, сказать сложно, но одно понятно: далеко он не улетит, мощности у модуля не те, что у кораблей. Правда, и предсказать, где объявится, тоже невозможно. Но все же шанс есть, вроде на обшивке датчик закрепился, которым Рестон успел выстрелить.

Вот ведь молодцы! С какой стороны ни посмотри, все такие умные и предприимчивые... Только я опять крайняя оказываюсь.

Хватаю за ручку контейнер, сиротливо распластавшийся на полу, к счастью, целый, несмотря на удар. Активирую гравиталы, вздергиваю свою ношу и тащу на выход.

– Лин, ты чего? – догоняет меня недоумевающее восклицание Эйрона.

– Ничего-ничего, – громко сообщаю, лишь чуть притормозив, чтобы успеть сказать все, что я о них думаю. – Вы на меня внимания не обращайтесь. Я – объект лишний и бесполезный. Совсем не обязательно воспринимать меня серьезно, предупреждать, ставить в известность, планы со мной обсуждать, да и вообще помнить о том, что я есть...

Самоотверженно, горой встал на защиту наш...

Герой.

– Обиделся?

Появившийся в моей каюте Эйрон застаёт меня лежащей на кровати. Я не сплю, просто отдыхаю, даже не сняв одежду, смотрю в потолок, и потому племянник совершенно спокойно садится рядом, подвинув мои ноги и продолжая говорить:

– Лин, ну извини, мы же не со зла. Когда мне про вионскую эскадру сообщили, у меня мигом все мысли из головы вылетели. Я обо всем забыл, готов был броситься на Латала, едва тот появится, и голыми руками задушить. Рестону стоило огромного труда меня остановить, заставить прислушаться и действовать по его плану. Я на самом деле спохватился, только когда тебя увидел, да только поздно уже было. Пришлось отыгрывать все так, как есть. Обещаю, больше никогда так не поступлю и о тебе не забуду. Ну, успокоился? Мир?

Само собой – мир. Я же не насмерть оскорбилась, а так, чисто профилактически. Всего лишь потому, что даже в мужском облике меня в расчет совсем не берут.

– Обиделась?

Не успевает дверь за повеселевшим племянником закрыться, как снова открывается, пропуская Рестона. Я уже не лежу, сижу все на той же кровати, скрестив ноги, и поэтому места на ней больше, но шенорианин все равно опускается в кресло, нравоучительно мне выговаривая:

– Ну и напрасно! Для Латала все должно было выглядеть естественно. И ты, между прочим, должна оценить степень моего доверия. Я потому и не стал тебя предупреждать, что был уверен: ты не заплачешь, в истерику не впадешь и не признаешься де'ВРону.

Комплимент? Что ж, тоже приятно. Если в таком ракурсе рассматривать, то не все так уж печально.

– Обиделся?

Не прошло десяти минут, как исчез л'Рошон, закончив с воспитательной беседой, а в дверях уже стоит Ликет. А ведь я только-только вытащила из контейнера коробку с подарком для тайанского короля, чтобы проверить, все ли там в целости. Ко мне сегодня настоящее паломничество.

– Знаешь, я тебя понимаю, мне бы подобное отношение тоже не понравилось. И твоя молодость и неопытность в данном случае не могут считаться оправданием.

Я приглашающе повожу рукой, и томлинец заходит в каюту, с любопытством обегая глазами бежевые стены с темно-коричневыми разводами, черный гляцевый пол и ровный, идеально белый потолок. Чуть дольше задерживает взгляд на мебели – строгой, без излишеств, и с уважением хвалит:

– Хороший дизайн. Аскетичный. Для военного корабля как раз то, что надо.

– А у вас не такой? – не удерживаюсь от вопроса, усаживаясь на край кровати. Ликет, как и Рестон, занимает кресло и, пожав плечами, сообщает:

– Чуть более мягкий, уютный. Мы, видимо, больше тяготеем к комфорту, чем шенориане. Прости, я не в курсе, как с этим у вионцев.

– Мм... – Я задумываюсь. – На настоящих крейсерах я не бывал, а у контрабандистов все было совсем строго и просто.

– А ведь теперь есть возможность, – хитро прищуривается ферт, подтягивая чуть выше рукава черной форменной куртки с желтыми вставками. – Я имею в виду – побывать. Аж шесть сдавшихся кораблей в наличии – посмотреть не пересмотреть!

– Да, надо будет успеть полюбопытствовать, пока принц Эйрон не повел эту эскадру к Виону, – соглашаюсь я. – Но ведь он только после окончания визита к Плесу Феш ол'Лону полет планирует. Так что есть еще время.

– Ты с ним не полетишь?

– Не знаю, – отвечаю честно. – Все будет зависеть от того, какое предсказание получу.

– Поэтому и подарок готовишь? – косится на яркую коробку Ликет. – Чтобы прогноз был оптимистичнее?

– Предрассудки! – строго отрезаю я. – Таянцы свой дар не могут контролировать, он спонтанно проявляется и уж точно от вознаграждения не зависит. Но приятное-то сделать можно?

– Можно, конечно, – легко соглашается томлинец и неожиданно интересуется: – Нам лететь еще шесть часов. Чем заниматься будешь? Ничем? Скучать, что ли? – удивляется, когда я развожу руками и, решительно оттолкнувшись от сиденья, практически приказывает: – Идем-ка, я тебя кое с кем познакомлю.

Отказываться я смысла не вижу, скорее даже наоборот – новые знакомства это всегда интересно. Потому, схватив стоящие у кровати ботинки, натягиваю их и замираю.

– Надевай эти, – смеется ферт, словно угадав причину моей нерешительности. – Больше гравитацию не отключат. Незачем. Кстати, а почему ты не носишь гравиботы? – интересуется, пока мы идем по коридору. – Ну ладно бы корабль был пассажирский, но он же военный. Тут всякое случиться может.

– Они тяжелые, – нехотя признаюсь. Я, конечно, вроде как мужчина, но...

– Тебя еще и в физическом смысле не развивали? – потрясенно выдыхает мой спутник. – У меня в голове не укладывается. Ладно, вот будет возможность, тогда...

Что именно «тогда будет», узнать мне не удастся. Ликет фразу обрывает. Да и мы уже пришли – с тихим шорохом сдвигается в стену дверь в кают-компанию.

Шагнув внутрь следом за широкой спиной в черном кителе, слышу радостные восклицания:

– А вот и наш ферт наконец-то!

– Что так долго?

– Присоединяйтесь, мы как раз новый раунд запускаем.

Однако едва я выглядываю из-за плеча принца, как все замолкают. И я вижу шестерых томлинцев, сидящих вокруг игрового стола.

– Знакомьтесь, это Лин Эвон, – разносится в помещении уверенный голос Ликета, а на мои плечи ложится его рука, вытаскивая из-за спины на всеобщее обозрение. – Отличный малый, хоть и вионец. Не смотрите, что хиленький, зато решительный и стойкий: не побоялся в одиночку отправиться в путешествие, перед де'Вроном не унился, сам Дацам об него зубы обломал... гм... самую малость с моей помощью. Ну что? Примем юношу в компанию?

О моем родстве с Эйроном ничего не сказал, и я ему была за это благодарна. Намного приятнее, когда тебя принимают за твои собственные заслуги, а не потому, что ты чей-то протеже.

– Конечно примем, не вопрос!

– Раз хороший парень, чего нос-то воротить?

– Ташите его сюда, ферт, будем шупать, может, он и не хиленький вовсе, а только притворяется! – беззлобно шутит самый молодой из всей компании.

Смех... Смех это всегда замечательно. Снимает напряжение, объединяет, заставляет смотреть на мир проще. Вот только смеются не все. Увлеченная мужской компанией, я не сразу замечаю забившуюся глубоко в кресло девушку. Обращаю внимание, лишь когда ищу глазами Ликета, который, оставив меня, отошел к ней.

Темно-серое платье, ноги, убранные под себя, руки, стиснутые в замок и прижатые к подбородку. Песочного цвета волосы заплетены в такую тугую косу, словно ее хозяйка боится, что из нее выбьется хоть один волосок. На лице, в принципе красивом, хоть и пересекает щеку едва заметный заживший шрам, ни намек на веселость, а в глазах... В оранжевых глазах – настороженность, страх.

– Ты как, милая?

Несмотря на разговор мужчин, я слышу тихий, заботливый голос. Такой непохожий на привычный игривый говор томлинца, что мне становится не по себе. Он сейчас говорит как... Тогрис! Даже интонации те же – мягкие, деликатные, завораживающие.

Вот только слова предназначаются не мне. И потому завладевшая моим телом нервная дрожь превращается в жаркую волну. Окапывает с головы до ног, душит и раскаляет воздух, лишая связности мыслей. Оставляет после себя лишь тоскливую пустоту,

которая постепенно заполняется недоумением и даже возмущением. Почему ферт с ней так обращается?! И по голове ласково гладит! Нет, понятно, что это Хейола, та самая, которую он летал спасать. Но почему сразу «милая»? Она же бывшая неофициальная любовница, причем даже не возлюбленная!

И все же я нахожу в себе силы задавить недостойные порывы. Он правильно делает, стараясь ее поддержать. Ведь невооруженным взглядом видно, как девушке плохо.

Заметив, что я на них смотрю, ферт мне кивает и глазами показывает, что можно подойти, а я только теперь понимаю, что он имел в виду, когда говорил про новое знакомство.

– Хейола, это Лин. Не бойся, он тебе будет только другом.

– Привет, – доброжелательно подхватываю я, опускаясь перед девушкой на корточки. – Мне очень приятно с тобой познакомиться.

Она не отвечает. По-прежнему смотрит испуганно и даже еще глубже в кресло забивается, хотя, кажется, дальше некуда. И дышит тяжело, часто.

И все равно я ей улыбаюсь, подбадривая, и поднимаюсь, взглядом выразив Ликету свое бессилие помочь. Знала бы причины...

– У пиратов своеобразное восприятие женщин чистых рас. – Он мне именно их и озвучивает вполголоса, отведя под руку в сторону. – Только к таким же, как они сами, смекам, отношение уважительное, а остальных отщепенцы не жалеют и дети от них им не нужны.

От его слов у меня холодеет в груди. И то самое краткое: «наша любовница», которое Ликет услышал из уст пирата, передав мне, предстает в совсем ином свете. Я ведь думала, все в рамках стандарта: привязка, любовник, расставание, новая привязка, новый любовник... Потому и число множественное. Но на самом деле все куда страшнее! Сначала пережить насилие и от этого потерять возможность стать матерью, а потом на долгие годы стать постельной игрушкой для любого, кто тебя пожелает.

– Это подло! – задыхаясь, едва себя сдерживаю. – Мерзко! Как мужчины могут себя так вести?!

– Они отщепенцы, Лин. Те, кто не имеет способностей, родины и моральных принципов. И самое гадкое, что этих тварей прикрывает Милбар. Нашли же общий язык...

Вот и у меня в голове не укладывается ни позиция милбарцев, ни поведение смесок. Ну да, родился ты без способностей, не повезло, но почему от этого и по твоей вине должны страдать невинные? Исключительно потому, что ты не умеешь с достоинством принимать то, что приготовила тебе судьба, и вымещаешь злость на тех, кто рядом?

Жутко. Хорошо хоть смесок не так много. И, кстати, развалу империи надо сказать в этом смысле спасибо: войны между планетами – лучшая профилактика межрасовых браков. Поневоле задумаешься, может, я зря на объединении заикнулась?

– И что теперь с ней будет? – с сочувствием смотрю на тихую томлинку. – Вы станете Хейоле помогать?

– А что бы ты сделал, Лин? – серьезно, без тени насмешки или укора возвращает мне вопрос ферт.

– Если у нее есть другие родственники... – Я осекаюсь, потому что вижу, как дернулись уголки рта, а голова качнулась в отрицательном жесте. – Но не жениться же вы на ней собрались? – растерянно хлопаю глазами.

– Я над этим думаю. – Ликет окончательно выбивает у меня из-под ног почву, то есть полкают-компаний.

Ладно бы объявил ее фавориткой, это я могла бы понять, но женой?

– Вы пожертвуете своим счастьем? Возможностью продолжить род?

– Лин, не кричи, – просит собеседник, выразительно оглядываясь на притихшую компанию, которая бросает на нас заинтригованные взгляды.

Томлинцы, сообразив, что ферт заметил внимание, обращенное на него, тут же принимают изображать бурное обсуждение настроек. В общем, делают вид, что необычайно увлечены игрой. А принц совсем тихо отвечает на мой вопрос:

– В том, что с ней произошло, есть и моя вина. И раз я не могу исправить уже случившееся, буду работать над настоящим. По крайней мере, меня Хейола воспринимает спокойно в отличие от других мужчин. Постараюсь сделать ее счастливой. В любом случае продолжит династию сын моего брата, а не мой. Так что я прекрасно могу обойтись и без наследника... Лин, рот закрой! – смеется, щелкнув меня пальцем по подбородку. – И запомни, не все в жизни нужно делать с позиции собственной выгоды.

– Да при чем тут выгода? А как же любовь? – выдавливаю я, чувствуя чуть ли не отчаяние оттого, что этот во всех смыслах замечательный мужчина готов пожертвовать собой ради совершенно чужой ему девушки. Ну ладно. Не совсем чужой. Но ведь нелюбимой!

– Любовь... – Ферт задумывается. – Любовь опасная штука, если приходит не к той избраннице. Помнишь, я тебе про своего прадеда говорил? Который должен был на наследнице жениться. Он ведь любил ее по-настоящему, искренне, страстно. А что в итоге? – Он прерывается, внезапно вспомнив, кто я. Поэтому кратко завершает мысль: – Да ты и сам знаешь. Лучше уж свадебный танец без любви. Есть же вероятность, что после него когда-то угасшая привязка Хейолы возродится. Да и я вряд ли останусь равнодушным. Со временем.

Дихол! Он прав. И не прав! Я бы и рада объяснить почему, но облечь такие в корне противоположные ощущения в слова у меня не получается. А потом мои попытки и вовсе теряют смысл – ферт подсаживается к своим товарищам, разделившимся на две команды, чтобы оценить создавшуюся диспозицию противников.

Не скажет прорицатель заклинанье, услышишь от него лишь...

Предсказанье.

Эпсон... Ярко-рыжий, но еще не набравший силу, а потому не ослепляющий. Он неповоротливой пылающей громадой ворочается у горизонта. Массивный, жаркий, раскаленный шар, на поверхности которого кипит жидкое пламя, вздымается и опадает, вновь сливаясь с остывающей поверхностью.

Таких необычных звезд, да еще настолько близко, я никогда не видела, поэтому, шагая следом за Эйроном, никак не могу оторвать глаз от дикой, неукротимой мощи. Хотя ведь и на самой Тае есть на что посмотреть и чему удивиться!

Воздух здесь сухой и, наверное, поэтому колючий, неприятный. Но пахнет солью, как на морских побережьях Виона. Изумрудные и голубые озера, на вид совсем мелкие, покрыты белесой солевой коркой. Оранжевые растения – такие же прилипчивые, вездесущие вьюны, как те, что опутали мой старый замок, только иной окраски, здесь цепляются за высокие кристаллические щетки. А желто-рыжая крошка разбитых кристаллов блестит, отражая утренние лучи Эпсона, и хрустит под подошвами наших ботинок.

Мы идем не по городской зоне. Елерон – столица Таи – остался у нас за спиной. Маленькие шустрые каплевидные кары, забравшие нас у трапов, до него не долетели. Высадили всех в совершенно пустынной местности, если, конечно, не учитывать наличия в зоне видимости весьма своеобразного сооружения. Изумрудно-лазурного, состоящего из нескольких куполов разного диаметра. Словно вспучилась покрывающая озера корка, да так и застыла навечно.

Идем мы молча, но вовсе не потому, что говорить нам не о чем. Просто сложно вести беседу, когда по сторонам нашей разношерстной делегации, держа всех под прицелом, шагают закованные в броню цвета белесого золота суровые воины-тайанцы. Да,

несомненно, они уступают в боевых умениях тем же шенорианам, но от этого эскорт не становится менее опасным.

Хотя, конечно, надо отдать тайанцам должное – в целом приняли они нас лояльно. По крайней мере, обстреливать корабли не стали, выслушали нас и одному кораблю разрешили приземлиться. Именно поэтому делегация, которая шествует сейчас к королевской резиденции, совсем немногочисленная: я, Эйрон, Рестон, Ликет и Хейола, которая едва сознание не потеряла, когда узнала, что останется одна среди мужчин. Пришлось брать ее с собой.

Крошка под ногами неожиданно заканчивается, превращаясь в идеально гладкое покрытие, словно ее расплавили и остудили. И эта широкая дорога ведет нас к ажурным воротам из красного металла, увитым оранжевым вьюном. За ними площадь, украшенная высокими и низкими кристаллическими образованиями – разноцветными, прозрачными и создающими эффект невероятной притягательности. Наверное, поэтому среди них так много прогуливающихся тайанцев. Придворных, приближенных к королевской особе.

Куполообразный свод оказывается не крышей и не стенами, а защитой для здания, выстроенного из таких же цветных кристаллов, только идеальной прямоугольной формы. Здесь воздух становится другим – мягким, сочным, вкусным. Дышать им настолько приятно, что даже Хейола, до этого безразлично смотрящая под ноги, начинает оглядываться, изучая окружающий мир.

Внутри здания светло и многоцветно – свет с легкостью проходит сквозь прозрачные стены. Высокие потолки, большие комнаты и широкие лестницы с перилами, такими же ажурными, как и ворота.

Путь наш заканчивается в розовой комнате. Совсем небольшой, видимо приемной, с низенькими пухлыми диванчиками и ажурной мебелью темно-коричневого металла.

– Ожидайте, – строго предупреждает тайанец, встретивший нас у входа и проводивший сюда. Сам исчезает за дверью – дымчато-прозрачной, но не позволяющей видеть, что за ней находится.

Сначала мы стоим, осматриваясь, но, понимая, что ожидание затягивается, постепенно рассаживаемся. Хейола первая садится, видимо устав стоять. Следом за ней опускается на сиденье Ликет. Потом я и Эйрон. Лишь Рестон, скептически хмыкнув, остается на ногах, изучая площадь перед дворцом сквозь стену, где слой кристаллов совсем тонкий. Ну и охранники, которые замерли у арочного проема в комнату, тоже стоят неподвижно.

За неимением иного занятия я их рассматриваю – ведь впервые вижу тайанцев вблизи. И пусть лица мужчин закрыты цветными прозрачными щитками – у одного голубым, у другого светло-зеленым, – их волосы и черты видны хорошо. Изумительно ровные линии длинных носов, четкие контуры губ, изящный разлет бровей и невероятный золотистый цвет волос. Не песчаный, как у томлинцев, и не ярко-желтый, как у шенориан, а именно золотой, искрящийся, переливчатый. Да и фигуры у них не менее эффектные. В меру высокие, пропорционально сложенные... Очень красивая раса!

И это ведь рядовые ее представители! Представляю, как же прекрасен король...

– Плес Феш ол'Лон приглашает вас на аудиенцию, – неожиданно громко провозглашает вернувшийся провожатый. Широко распахивает двери, прикладывает руки к груди и кланяется.

Изумрудный зал, в котором мы оказываемся, поражает воображение ничуть не меньше внешности тайанцев. Четкое ощущение, что мы находимся внутри огромного кристалла. Свет, льющийся сквозь грани, преломляется, отражается, дробится, наполняет помещение невероятной световой гаммой. Шпалеобразный потолок уходит в какую-то необозримую высь, а на небольшом возвышении стоит золотой трон с красной обивкой сиденья. Пустой. Короля на нем нет.

Мы терпеливо ждем, всматриваясь в игру света, пока позади не раздастся приятный мягкий голос:

– Как же хитро переплетаются судьбы!

Обернувшись, я встречаюсь взглядом с огромными голубыми глазами, обрамленными длинными ресницами, и понимаю – король не просто прекрасен, он бесподобен! Перед таким совершенством хочется склониться и признать, что мы все совершенно невзрачные, нескладные, лишенные изящества и грации.

– Приветствуем и просим прощения за неожиданный визит, – именно это и делает Эйрон, уважительно наклоня голову.

– Можно ли назвать неожиданным появление тех, кого давно ждешь? – улыбается ол'Лон. Неспешно поводит руками, убирая с предплечий закрывшую их белоснежную ткань длинных широких рукавов, и соединяет пальцы рук перед собой.

– Мы предполагали, что вам о нас сообщат сразу, как только появимся в вашей звездной системе, – тактично отвечает Эйрон.

В ответ Плес смеется – легко, весело, переливчато. Музыка, а не смех, честное слово!

– Вам сложно принять способность предвидения? Странно. Ведь вы пришли именно за этим.

Он покровительственно улыбается. И снова мой племянник, на правах негласного начальника нашей делегации, отвечает за всех:

– Вы правы. Но у нас к вам не только просьба, но и предложение.

– Предложение я выслушаю позже, а просьбы... – Тайанец, почему-то изменив единственное число на множественное, опускает глаза и замирает, словно к чему-то прислушивается. – Они зависят от того, что вы хотите.

– Было бы интересно получить предсказания, – неожиданно подает голос Рестон.

Говорит он громко, грубовато, диссонансом нежному воркованию ол'Лона, но тайанец не на это обращает внимание, а на суть.

– Не-э-эт... – с придыханием тянет. И повторяет: – Что вы хотите.

Смотрит он при этом на всех по очереди, не останавливаясь на ком-то конкретном. И лишь выдержав паузу, которую никто не решился прервать, впиается глазами в мое лицо.

– Вы, – теперь уже точно обращается только ко мне. – Хотите...

– Возродить империю, – заключаю я, потому что он ждет продолжения.

Плес качает головой, словно укоряя. Мол, не то говоришь.

– Вы хотите мне что-то подарить, – подсказывает и ждет, когда я торопливо поставлю на пол наплечную сумку и вытащу из нее контейнер-упаковку. – Оправдывая ожидания... – улыбается, принимая дар, но неожиданно не договаривает. Лицо его каменеет, превращаясь в холодную маску. Живыми остаются только губы, с которых срывается: – Былое воскресить – задача нелегка. И путь не тот, и жизнь не та. Пусть боль и будет глубока, с ней поборись, коснись кольца, не обретая нужного лица.

Остекленевшие глаза, которые все это время смотрели словно сквозь меня, оживают. Король, моргнув, шумно вздыхает: «Своеобразно, однако...» и сосредотачивается на Эйроне.

– А вы?.. – смотрит столь же испытующе.

– С вами останется моя искренняя благодарность и желание. Ваше желание, которое я исполню, – уверенно говорит принц.

– Обещания на грани... – облизывает губы ол'Лон, словно пробует слова на вкус. И вновь впадает в транс, сообщая: – Дорога чести хороша, и триумф ждет, но все ж наплачется душа. Кровавый след впитает только время, нести тебе придется это бремя.

Эйрон, хоть и старается не выдать своих чувств, все равно заметно бледнеет, а Плес,

сочувственно на него посмотрев, поворачивается к Ликету.

– Я, в общем-то, не планировал... – теряется тот, скосив глаза на Хейолу, которая спряталась за его плечом. – Мне будущее и так понятно.

– Наивность восприятия... – тихо смеется король. И пугающе резко прекращает, вновь превращаясь в суровую каменную статую. – Не ждать и получить. Есть повод возгордиться. Не следует спешить в попытке ошибиться.

Пока Ликет ошарашенно моргает, пытаясь хоть что-то понять, тайанец изучает взглядом девушку, затем шенорианина, задумывается и говорит уже без предисловий, глядя в пол:

– Судьба сплела. Не оттолкнуть и не сбежать, принять как данность и понять.

Не знаю, как остальным, а мне так и остается неясным, кому из этих двоих предназначалось предсказание. Но король на этом аудиенцию завершает и устало извиняется:

– Прошу прощения, несколько трансов подряд даже у меня отнимают много сил. Вас проводят в отведенные покои. О предложении поговорим завтра.

Понимая, что на самом деле получили больше, нежели рассчитывали, мы уходим из зала. На выходе нас ждут – каждого гостя теперь сопровождает личный охранник-проводник. Даже Хейолу, которая попыталась было прилипнуть к Ликету и пойти с ним в отведенную ему комнату, настойчиво попросили остаться в той, которую предназначили для нее.

Отведенное мне жилище сияет бело-синей чистотой. словно я в ледяном дворце на Ле, а не на жаркой Тае. Здесь прохладой веет от прозрачно-голубых стен, темно-синий потолок напоминает о вечерних сумерках, ажурная мебель усыпана сверкающей крошкой изморози, а на полу лежит объемная снежная масса.

Впрочем, прохлада приятная, сумерки не сгущаются, изморозь держится крепко и имеет исключительно декоративный эффект, а снег на поверку оказывается ковром с очень высоким, тонким и оттого пушистым ворсом.

Находиться здесь приятно, и я сбрасываю на пол сумку, снимаю обувь и босиком отправляюсь изучать территорию. Кроме холла обнаруживаю уютную спальню, ванную комнату, небольшую столовую и выход на балкон – длинный, широкий, видимо опоясывающий здание по периметру. Вид с него открывается красивый: идеально круглое озеро в хаотично-художественном обрамлении вздымающихся вверх кристаллов.

– Тоже вышел, не удержался? – раздается за спиной знакомый голос Эйрона.

– Мне интересно, – пожимаю плечами, отталкиваясь от гладкого поручня, ограждающего невысокий парапет.

– Ты заметил? Нас только на выходах из комнат охраняют, а здесь никто ничего не контролирует.

– Я не выглядывал в коридор, – смущенно отзываюсь, сообразив, что для мужчины не позаботиться о безопасности – верх безответственности.

– Эх, Лин, сколько же тебе еще учиться! – сокрушенно качает головой принц. – Ты отличный малый, но такой... беспомощный!

Я предпочитаю промолчать, и Эйр тоже молчит, всматриваясь в даль.

– Скажи, что ты о сделанном предсказании думаешь? – неожиданно спрашивает.

– Вашем? – уточняю, потому что обсуждать свое мне не хочется. И поскольку Эйрон кивает, говорю: – Мне показалось, король имел в виду, что притязания законны. И что трон вы себе вернете. Но ваши враги будут делать все, чтобы вас снова свергнуть. Поэтому их придется убивать, как бы ни хотелось жить мирно и счастливо. Пока всех не уничтожите, а на это нужно время.

– Да, у меня похожие мысли были, – кивает племянник и задумывается.

Чтобы ему не мешать, я возвращаюсь к себе. Умываюсь, переодеваюсь, дегустирую местные кулинарные шедевры, которые, надо признать, меня впечатляют куда меньше, нежели красота тайанцев. В общем, повара из них те еще... Впрочем, предсказания они стряпают тоже не самые определенные. Нет бы четко сказать: «Да, империя возродится». Точка. Так нет же – «задача нелегка». Можно подумать, я на увеселительную прогулку рассчитывала, когда все это затеяла. А «путь не тот»? Получается, что я напрасно буду путешествовать, другим путем объединять планеты нужно. Но каким?

Забираюсь с ногами на мягкий диван, похожий на опустившееся на землю облако, и растираю пальцами виски. Может, хоть так мыслительный процесс будет более результативным.

«Жизнь не та»... Ясное дело, не та, если я шестьсот лет назад замуж должна была выйти. А теперь все заново начинать. Мужа искать... Томлинца. Который подарит мне кольцо Тогриса. Иначе отчего бы моей душе болеть? Вопросов у меня теперь два: где этот счастливчик и с какой радости он отдаст кольцо вионцу? «Не обретая нужного лица...» Не было бы этого уточнения, намного проще было бы объяснить возможные мотивы, а так...

Вот ведь незадача какая! Теперь весь выстроенный план посещений планет не имеет смысла, потому что мне в первую очередь на Томлин нужно. Ведь если рассуждать логически, то кольцо... Дихол! Да это кольцо может быть где угодно! Лежать в семейном хранилище короля, спрятанное ото всех как можно дальше. Храниться у старшего брата Ликета. Если тот женат, тогда кольцо, наверное, его жене подарено. В конце концов, оно может болтаться где-то в космосе, как портрет Тогриса, у такого же «ценителя дорогих вещей», как Дацам. В этом случае мне его уже никогда не коснуться.

Ох, сколько же проблем из-за одного малюсенького намека!

– Не спишь? – изрядно меня напугав, раздается негромкий мужской голос.

Легкая непрозрачная ткань, прикрывающая выход на балкон, колыхнется, сдвигаясь в сторону. Из-за нее показывается лицо томлинца, а потом и он сам заходит в комнату, когда видит меня сидящей на диване.

– Я вот тоже уснуть не могу, – жалуется, опускаясь прямо на ковер и вытягивая ноги. Отводит руки назад, опираясь на них, запрокидывает голову и потягивается. После такой своеобразной разминки садится удобнее, поджимая под себя ноги, смотрит на меня и сетует: – Не просил же я ничего предсказывать! Так нет, захотелось Плесу меня осчастливить. А я теперь голову себе ломаю, что это может означать. Да и ты, я смотрю, тоже весь в раздумьях. Уже и не рад, наверное, что захотел узнать будущее.

– Не то чтобы не рад, – говорю я, – скорее озадачен. Все же мое предсказание чуть конкретнее вашего.

– Согласен, – кивает Ликет. – Я твое вообще легко понял, в отличие...

– Поняли? – Я подскакиваю на диване, невежливо его перебив. – Как?!

– Так просто же все, – улыбается ферг. – Объединять всех будет сложно, потому что ты не наследница, оттого и жизнь не та у тебя. А путь не тот потому, что, раз уж наследница спит и выйти замуж ни за кого не может, нужен другой стимул для вхождения в состав империи. И тебе подсказали какой: передачу власти закреплять принятием традиций планеты-столицы. И первой новой столицей должен стать Томлин, раз в предсказании речь о традиции дарения кольца. На других планетах такого нет.

– А лицо? – осторожно напоминаю я.

– Эх, Лин... – хитро прищуривается Ликет. – Ты же наверняка в императоры метил. А вот по всему выходит, что тебе им не стать. Не обретишь ты это лицо. Оттого и больно тебе будет.

Фух... Какое облегчение! Мне ужасно не хочется признаваться в том, кто я есть, именно

Ликету. И если узнает правду Эйрон, то я, несомненно, отнесусь к этому с большим спокойствием, чем если догадается томлинец. А вот почему... Не знаю, просто такое ощущение.

– Не расстраивайся, Лин, – по-своему понимает мое молчание собеседник. – Ты должен бороться со своими амбициями и не дать им собой завладеть. Мне это удалось – я искренне радуюсь за своего брата, который станет королем. И нет в моей душе зависти или обиды. Да что я себя в пример привожу, когда у тебя есть куда более яркий под носом! Собственными глазами видишь, к чему привела жажда власти Латала!

– Это точно, – киваю я, решив его не разубеждать. Пусть считает себя успешным наставником, мне это только на руку, потому что... Да потому что без Ликета на Томлине мне делать нечего! Кто меня во дворец проведет? А с королевской семьей познакомит? Эйрон в этом деле мне не помощник, ему на Вионе власть возвращать нужно, пользуясь отсутствием дезертировавшего самозванного короля. И затягивать с этим не следует. Рестон, как посол Шенора, конечно, побудет ширмой, но далеко с ней не пролезешь. По крайней мере, не в королевскую сокровищницу!

– Хорошо у тебя тут, – расслабленно вздыхает ферт и совершенно неожиданно для меня опускается спиной на ковер. Закладывает руки за голову, ноги сгибает, положив одну на другую, и поясняет: – Спокойно.

– А у вас почему не так? – осторожно интересуюсь я.

– Хейола опять нервничает. В своей комнате оставаться боится, вот и пришлось все же разместить ее у меня. Со слезами согласилась подождать, пока я прогуляюсь... – Он снова вздыхает.

Ага... А ты, значит, не выдержал, от нее сбежал и расслабляешься в мужской компании. И ведь это она еще не жена! Что же дальше-то будет?

Вопрос, как бы я ни хотела проявить деликатность, все же срывается с губ, и ферт морщится, словно от зубной боли.

– Лин, ты как ребенок, честное слово. У нее депрессия, а не маниакальная прилипчивость. Это надо просто пережить, пройдет со временем.

Сомнительно, конечно, но... Но спорить с ним я не хочу. У меня есть более важная тема для обсуждения. К которой я неспешно приступила, начав издали:

– Ферт Ликет, а ваш брат женат?

– Нет. Но фаворитка у него есть.

– Ах, фавори-и-итка... – тяну я задумчиво.

Томлинец смеется.

– Лин, по-твоему, наследнику династии позволительно иметь неофициальных любовниц? Разовые еще куда ни шло – по факту привязки, но чтобы с ними снимать напряжение регулярно...

– А вам позволительно. У вас же фаворитки нет, – констатирую и спохватываюсь: – Или я ошибся?

– Какой ты любопытный, – укоряет Ликет, но вроде не сердится. – Мне, с моей кочевой жизнью, не до фаворитки было. А теперь, похоже, только жена и будет.

Он об этом сожалеет? Но почему?

– На Томлине часто встречаются тройственные брачные союзы? – пытаюсь понять, старательно загасив волну то ли неприятия, то ли возмущения.

– Да, – с легкостью говорит ферт. – Женщин у нас много, как и на всех планетах, где мало воды. Наверняка на Вионе семей, где есть и жена и фаворитка, почти нет. У вас половину планеты моря занимают, значит, девочек рождается столько же, сколько и

мальчиков.

Понятно. Выходит, это не сожаление, а просто проявление менталитета. Которым, кстати, надо воспользоваться. Мама мне не раз повторяла, что чужие слабости использовать не только можно, но и нужно, главное, чтобы не во вред используемому.

– А как же ритуал с колечком? Его дарят только жене? Или фаворитка тоже такое украшение получает? – проявляю заинтересованность в расчете на готовность поделиться информацией, которая касается расовых убеждений.

– Это не простое украшение, – наставительно поправляет меня Ликет. – Мужчина надевает его только женщине, от которой хочет иметь ребенка. И делает это в тот момент, когда все для себя точно решил. Так что даже на свадьбе жена может остаться без кольца, а получить его позже. Или вообще не получить. Как, впрочем, и фаворитка. Тебе бы пожить на Томлине какое-то время, чтобы получше в этом разобраться.

– Приглашаете? – нагло пользуюсь его оговоркой. Или эта рекомендация тоже была сказана не без умысла?

Скорее второе, судя по тому, что слышу в ответ.

– Само собой, приглашаю! Мне будет очень приятно быть твоим гидом и проводником.

Вот и замечательно! Ну и пусть мой информатор-проводник сейчас вынужден вернуться к себе, потому что из открытого проема доносится тихий всхлип и боязливое восклицание: «Ликет!» – теперь у меня будет и время и возможность все, что нужно выяснить.

Кто правил не знает, тот не...

Побеждает.

Аудиенция, которой мы удостоиваемся утром, проходит все в том же изумрудном зале. Правда, на этот раз ол’Лон не один, а в окружении тех самых подданных, что вчера гуляли по кристаллическому парку. И моему самолюбию приходится выдержать еще один раунд сравнения не в мою пользу, потому что женщины-тайанки оказываются еще более прекрасными, чем их мужчины, а уж жена короля... Невысокая, с идеальной фигурой, тонкой талией, волосами настолько длинными, что даже убранные в прическу они все равно достают до колен. А уж цвет их такой насыщенный и чистый, что хочется прикоснуться, потрогать и убедиться, что они реальны!

Мое предложение воссоздать империю, сопровождаемое подтверждением готовности к сотрудничеству от Эйрона и не менее выразительными заверениями Рестона относительно позиции Шенора, королевская семья Таи выслушивает внимательно и, как мне кажется, с заинтересованностью. Однако итог надежд не оправдывает.

– Обсуждать условия вступления мы будем только с тем, кто получит статус императора. И только тогда, когда его в этом статусе признают шесть планет, ранее не являвшихся столицами.

Понятно. Получается, что даже при хорошем раскладе, если объединятся Вион, Шенор и Томлин, нам придется сначала искать других союзников, прежде чем снова обращаться с предложением к королю Таи. Но хоть не категорический отказ, уже хорошо.

И все же возвращаемся мы к месту посадки модуля-челнока в той же задумчивости, с какой стремились попасть во дворец. Только причина теперь иная.

– Лин, может, ты все же передумаешь? – беспокоится Эйрон. – Не будешь торопиться продолжать путешествие и полетишь со мной домой? Обещаю, как только верну себе трон и наведу порядок, организую экспедицию. Ты сможешь действовать уже как посол Виона и будешь чувствовать себя увереннее.

В ответ я лишь отрицательно качаю головой. Наши пути пересеклись совершенно неожиданно, и я сделала все, что могла, чтобы помочь племяннику. Теперь он снова

полноценная и в физическом и в психологическом плане личность. У него есть признавший его право на командование флот, брошенный Латалом. Есть трон, оставленный сбежавшим самозванным королем. Есть даже шанс найти предателя и покарать, хотя я не представляю, какое наказание будет адекватным содеянному. Но мне оставаться с Эйроном нельзя.

И вообще нужно как можно быстрее разобраться с пророчеством относительно кольца и понять, как действовать дальше. Потому что племянника гендетекторы не остановят, когда он решит навестить спящую наследницу. В том, что он рано или поздно захочет это сделать, у меня нет никаких сомнений, как и в последствиях – Эйрон быстро все поймет, прилетит на Томлин и... И свободы действий у меня больше не будет.

– Вы можете не беспокоиться, принц Эйрон, – вместо меня говорит Ликет. – Наш юноша останется в целости и сохранности. Я с него глаз не спущу.

– Не вы один, ферт цу'лЗар, – резко добавляет Рестон. – Не забывайте, что Лин находится под моим присмотром.

– А ничего, что я как бы совершеннолетний? И могу сам о себе позаботиться? – возмущаюсь, понимая, что любой нормальный парень моего возраста сделал бы то же самое.

Вот только нужного эффекта мои слова не имеют. Мужчины переглядываются и... И дружно смеются! А я сержусь. Нет, Рестона я могу понять – шенорианин знает, кого защищает, но Ликет... Он-то с какой радости взвалил на себя бремя покровительства? Да еще и несет его с удовольствием и совершенно непонятным рвением.

Подозрительно, возмутительно. Но и приятно тоже.

Впрочем, подобное поведение вызывает недоумение не только у меня. Я его вижу и в глазах Хейолы, которая по-прежнему прижимается к мужчине плечом. Вряд ли это ревность в истинном смысле, раз у томлинки нет к Ликету привязки, а на меня она смотрит как на мужчину, но соперником за внимание ферта, которое должно принадлежать только ей, девушка меня считает точно. А я никак не могу определиться: просто не обращать на это внимания или попытаться с Хейолой сблизиться, чтобы снизить уровень напряжения.

Разместившись в каюте томлинского крейсера, действительно более комфортабельного, нежели шенорианский, решаюсь на второе. Томлинку мне жаль, ей и так в жизни горя хватило. Да и узнать ее получше тоже полезно.

Поэтому, отдохнув, отправляюсь осматривать местные достопримечательности. То есть палубы-каюты. Во-первых, надо научиться здесь ориентироваться. Во-вторых, непреднамеренная встреча вызовет меньше негатива. Если Хейола на самом деле жертва насилия, то она в любом вторжении в личное пространство и проявлении заинтересованности будет видеть намерение ею воспользоваться.

Корабль оказывается во всех отношениях замечательный. Чистый и ухоженный. С полностью исправными системами жизнеобеспечения. Воздух здесь не кажется застоявшимся и спертым, а гравитация, пожалуй, даже чуть меньше нормы. В общем, дышится приятно и ходится легко. Оттого и настроение приподнятое.

И не только у меня. Команда крейсера, пусть даже не со всеми я знакома, ведет себя приветливо, вежливо и с готовностью помочь. По крайней мере, желающий указать, где сейчас находится единственная на корабле женщина, обнаруживается быстро – тот самый молодой долговязый томлинец, что шутил насчет моей щуплости. Он и сейчас, пока мы идем, успевает добродушно подколоть меня вопросом: «Зачем такому молодому фисту понадобилась компания великовозрастной фиссы?»

К счастью, мой ответ «есть пара вопросов» его устраивает, и, указав на нужную дверь, парень исчезает, предоставляя мне возможность зайти внутрь одной.

Помещение оказывается плохо освещенным и неожиданно огромным. Впрочем, я быстро понимаю: темно здесь потому, что его назначение – служить обзорным залом для пассажиров, которым интересно происходящее за стенами корабля. А размеры, можно

сказать, следствие этой функциональности: вместо стен здесь экраны, открывающие взгляду бездонное космическое пространство и мириады звезд.

Но именно поэтому я не могу сдержать восторженного восклицания. Таких дизайнерских решений, создающих иллюзию нереального одиночества – лишь ты и глубокий космос, – я еще не видела!

Хейола, сидящая на полу в центре зала, вздрагивает и оборачивается. Свет, упавший лишь на краткий миг из открытого проема, позволяет мне убедиться в личности фиссы, а наступившая тьма снова прячет ее лицо, оставляя видимыми в призрачном сиянии звезд лишь смутные очертания женской фигуры. Но не для меня. Я ее все равно прекрасно вижу.

– Простите, не хотел вам мешать. Я корабль осматриваю, не подумал, что здесь кто-то есть.

Стараюсь сказать это деликатно и одновременно уверенно. Я ведь гость не наглый, но и не заискивающий перед хозяевами, а имеющий чувство собственного достоинства.

То ли Хейола растерялась, то ли просто не хочет разговаривать, но отвечать она не торопится. Впрочем, как и я уходить. Стою, озираясь и изучая умопомрачительную картинку, а потом следуя примеру томлинки и опускаюсь на пол, который оказывается укрыт толстым слоем упругого, теплого и очень приятного на ощупь материала.

– Ого, как удобно! И даже без кресел, – хвалю конструкторов-дизайнеров, на самом деле отыскивая тему, которую Хейола не проигнорирует.

Однако она по-прежнему молчит, но чувствую, реагируя на мою настойчивость, начинает нервничать. Так что я замолкаю. Сижу, вслушиваясь в тихую лиричную музыку, которая, усиливая эмоциональный эффект, наполняет собой пространство. В ней слышится свист ветра, поскрипывание толстых веток, трение частиц песка...

– Ипериянские мотивы? – спрашиваю словно у самой себя, все же решив продолжить. Негромко подпеваю и через какое-то время подтверждаю: – Да, точно они.

– Нет, – не выдерживает моей вопиющей музыкальной безграмотности девушка. – Это томлинский нирт.

Есть контакт!

– Нирт? – повторяю с недоумением. – Странно. А как же вот эти... ми-у-и-и-и... – тяну следом за поднимающейся вверх по звукоряду мелодией. – Разве это не спеш-ультри?

– Нет-нет, – весьма активно отрицательно мотает головой собеседница. – Там звук уходит выше порога слышимости, здесь же он балансирует на грани.

– Вот как? – показательно задумываюсь. – Хм... не замечал.

– Где вы могли слышать ультри? Вы же вионец, а Вион с Ипером в состоянии войны, как и остальные, – удивляется Хейола, радуя меня все больше. Раз начала задавать вопросы, значит, полдела сделано.

– Знали бы вы, какие на нашей планете ушлые контрабандисты! – хмыкаю в ответ. – Они не только запись на ультри доставят. Они и вас куда угодно отвезут, а по факту пиратам продадут.

Последнее говорю намеренно, точно зная, как отреагирует бывшая пленница – эмоциональным всплеском. Вот только проявится он в агрессии по отношению ко мне, напомнившей о страшных днях ее жизни, или в новой попытке скрыться от реальности, уйдя в себя, предсказать нереально. Но в этом и суть провокации.

Бурной реакции не последовало. Хейола не всхлипнула истерично, не возмутилась, не вскочила, чтобы сбежать. Она осталась сидеть на месте – недвижимая, скованная тяжестью воспоминаний, взглядом устремленная вдаль.

Сомнительно, чтобы так можно было притворяться, тем более томлинка не

догадывается, что я хорошо ее вижу. Получается, не обманывает. Несладко ей пришлось у пиратов. И наверняка сейчас легче не становится, потому что будущее неясно. Оттого она за Ликета и цепляется – никому другому довериться не может, даже чтобы банально выговориться.

В общем, сделав вид, что состояние Хейолы мне неизвестно, я о своих приключениях рассказываю. Пусть увидит во мне такую же жертву, может, хоть это изменит ее отношение и восприятие окружающего мира.

– Вы мужчина, – вздыхает девушка, когда в моем красочном изложении Дацам переходит к избиению. – Вам положено стойко переносить боль. Проще проявить характер и не сломаться.

Ее рука непроизвольно касается щеки, скользнув пальцами по тому самому шраму, который так сильно меня поразил во время знакомства.

Несколько секунд я раздумываю, решая, хочу ли знать подробности. Ведь и так понятно, при каких обстоятельствах она могла его получить. Вот только решение за меня принимает сама Хейола, продолжая свою мысль:

– Синяки и шрамы украшают мужчину, а вот женщину... – Она всхлипывает и вдруг начинает говорить быстро, торопливо, поспешно, словно боится передумать. Или того, что я ее оборву и скажу, что не хочу этого слышать, прежде чем узнаю все до конца.

Видимо, устала держать все в себе, а потому на меня обрушивается признание с очень простым по сути смыслом: любовницей она стала не по собственной воле только однажды – в самый первый раз. После этого ее не трогали больше года, пока наконец организм не пришел в себя и не среагировал на одного из пиратов. Дальше предсказуемо сформировалась привязка. Вот только вместо того, чтобы воспользоваться ею в традиционном смысле, пират потребовал от влюбившейся в него девушки принимать в своей постели других мужчин. Это, конечно, не самый распространенный способ получать удовольствие, он вообще, насколько я знаю, практиковался только на Цессе, и то очень давно, когда там жили сразу две разновидности цессян: меланисты и альбиносы. Как раз муж-меланист мог попросить жену переспать с альбиносом, чтобы зачать ребенка с ценными расовыми признаками. И те соглашались, потому что девушке, стремящейся к близости с избранником, отказать ему в чем-то невероятно сложно.

Однако Хейола все же попыталась. Тогда ей и порезали щеку, чтобы смирилась и выполняла свое «предназначение». Поставили, в общем-то, перед очень простым выбором: стать уродливой, потому что этот шрам будет не последним, или же слушаться своего возлюбленного.

– Я привыкла, – надрывно, между всхлипами, признается несчастная. – Привыкла к тому, что мои глаза видят Гана, его губы меня целуют, а тела в этот момент касается кто-то другой. Я даже научилась получать от этого удовольствие. Мало того, желать именно такого удовольствия! Понимала, что это ненормально, но тело меня предавало. Никто на Томлине этого не поймет и не примет!

– А как же ферт Ликет? – бормочу я совсем негромко, можно сказать, про себя, но Хейола все равно слышит.

– Он меня не осудил. Заставил Гана со мной переспать, чтобы снять наконец привязку, и лишь потом убил.

Мудро. Предусмотрительно. Цу'лЗар сдержал себя, хотя наверняка ему было сложно не поддаться эмоциям и не уничтожить пирата сразу. Но он позаботился о том, чтобы освободить пленницу от проблематичной тяги... Неужели уже тогда планировал сделать ее женой? Возможно, жалел, что по молодости согласился с Хейолой расстаться? И теперь тщательно просчитывал свои действия, зная, что новая привязка у нее к нему возможна только после танца и лишь при отсутствии влечения к другому? И даже весьма специфические отношения с мужчинами, к которым она привыкла у пиратов, его не отталкивают...

От этой мысли становится неприятно. Настроение портится и я, наверное, излишне

резко и несдержанно бросаю:

– Он вас пожалел.

Слова-то вроде безобидные и даже правильные, а вот тон...

Хейола вспыхивает, загораясь не то возмущением, не то отчаянием. Вскидывает на ноги и, заломив руки, обрушивает на меня совершенно справедливый упрек:

– Да, пожалел! А я, по-вашему, этого не достойна? Ликет отзывчивый, чуткий и добрый мужчина! Лучший из всех, кого я встретила в своей жизни! А вы, Лин, вы... Я вам поверила! Думала, вы хоть немного на него похожи, раз стали друзьями. Но нет! Вы такой же бездушный прагматик, как остальные!

Всклипнув, она бросается к очерченной светящейся полосой двери, створки которой раскрываются ей навстречу. Вот только оказывается, что в проеме у самого входа стоит, вернее, шагает внутрь грузная невысокая фигура. Глядя из темноты на свет, мне сложно понять, кто решил составить нам компанию, а Хейола, охваченная волнением, вообще не видит препятствия на пути. Оттого всем телом и с ощутимым ускорением впечатывается в мужчину. Он же, отступив одной ногой назад, рефлекторно подхватывает девушку, чтобы удержать равновесие и не позволить упасть ни ей, ни себе.

– Кх-хех!

Сопровождает все это весьма своеобразный звук, и я ахаю, потому что не раз такой слышала. Так умеет выдохнуть, среагировав на что-то очень неожиданное, только... Рестон!

– Что происходит? – требует от меня ответа шенорианин, потому что Хейола, по-моему, так и не поняв, что вошедший не Ликет, вцепилась пальцами в его руки, уткнулась носом в плечо и плачет.

– Поговорили, – коротко буркнув, я поднимаюсь с пола. Уже и сама не рада, что повела себя не лучшим образом. – Немного друг друга не поняли, – добавляю со вздохом, оправдываясь.

– Все!.. Я все... поняла, – всхлипывает томлинка, отрываясь наконец от своей опоры и оглядываясь на меня. А когда поворачивается обратно к мужчине и встречается с ним глазами, на несколько мгновений потрясенно замирает. Лицо искажает паника, и девушка спохватывается: отпрянув, молниеносно бросается в остающийся раскрытым проем.

– Я тоже пойду, – по дуге обхожу загораживающего путь л'Рошона и, непроизвольно отшатнувшись, подпрыгиваю, когда он непрерываемо рывкает:

– Стоять! Уйдешь, только когда я буду в курсе. Рассказывай.

В шоке от его напора, я выполняю приказ. Даже забываю, что можно было бы попробовать возмутиться и оставить признание томлинки в тайне. С другой стороны, она же с меня клятву о неразглашении не потребовала...

Действуй споро, действуй ловко, и появится...

Сноровка.

Сигнал датчика у входа, извещающий о посетителе, застает меня в самый неподходящий момент – когда я собираюсь снова стать мужчиной. То есть, сняв одежду для сна, стягиваю эластичной лентой грудь. К счастью, уже заканчиваю и потому, мысленно ругаясь, торопливо закрепляю конец ленты и натягиваю на себя первую попавшуюся футболку. Хорошо хоть в трико, к которому теперь накрепко пришит гульфик, успела влезть до этого.

– Спишь еще, что ли? – удивляется оказавшийся за дверью цу'лЗар. Цепким взглядом придиричливо осматривает меня с ног до головы и подозрительно удовлетворенно

сообщает: – В самый раз одежда. Идем.

Ответа не ждет, разворачивается и уходит, словно уверен, что я за ним последую. Остаюсь в недоумении, но иду, потому как не остается выбора. Он хозяин на корабле, с ним не стоит спорить.

Путешествие оказывается не слишком долгим. Подъем по лестнице на другую палубу, несколько шагов по широкому коридору, дверной проем, раскрывшийся нам навстречу, и конечная цель – большой, хорошо освещенный зал. Слева от входа – тренажеры, справа свободное пространство с толстым упругим покрытием пола и стен.

Упс... Он хочет, чтобы я здесь тренировалась?

– Ну, с чего начнешь? – подтверждает мои опасения провожатый. – Разомнешься для начала? Или сразу...

– У меня нет формы! – перебиваю, оказавшись в легком ступоре. Заниматься я люблю, но не в таком же виде это делать!

– Я ведь сказал – нормальная одежда! – закатывает глаза к потолку Ликет, на котором, между прочим, настоящий спортивный костюм, а не жуткое его подобие, как у меня.

Пользуясь тем, что цу'лЗар на меня не смотрит, отступаю к выходу, рассчитывая сбежать.

– Ку-у-уда?!

Возмущенный моей наглостью, ферт мало того что стремительно сокращает расстояние до прежнего, так еще и хватает за запястье, останавливая.

– Я потом как-нибудь! – выдергиваю руку, пытаюсь отказаться от сомнительного удовольствия.

Однако томлинца такой ответ не устраивает, и мир, то есть зал, неожиданно резко дергается. Я теряю сначала ориентацию, а потом и возможность двигаться, прижатая спиной к торсу мужчины.

– Вы чего творите! – придушенно сиплю, безуспешно пытаюсь освободить шею от сдавившего его предплечья.

– Я же обещал, что научу тебя основным приемам защиты и нападения, – сообщает Ликет, чуть ослабляя хватку.

– Когда это? – теряюсь, судорожно припоминая наши разговоры.

– Когда выяснили, что у тебя не только с самообороной плохо, но и с физической подготовкой.

– Э-э-э... Так это... – пытаюсь сообразить, считается ли обещанием недоговоренное: «Ладно, вот будет возможность, тогда...». И осторожно уточняю: – Разве сказали?

– Я мысленно, – смеется ферт и наконец меня отпускает.

– Но почему именно сейчас?! – возмущаюсь, растирая шею. – Я не позавтракал. И вообще не в настроении.

– А когда? Зачем откладывать? – удивляется «тренер» и снова идет в наступление. К счастью, на этот раз словесное: – Лин, забудь о времени и одежде. В бою не бывает удобных ситуаций. Враг не станет спрашивать, готов ты с ним драться или нет. И твое настроение – это только твоя проблема. Не усвоишь этого, в живых вряд ли останешься. Ты меня понял?

– Ага, – вздыхаю, приняв неизбежное. Сама напросилась.

Хорошо хоть о возможности появления влечения к ферту мне можно не переживать и без опаски относиться к тактильному контакту, который в спаррингах неизбежен. Пусть даже я Ликету симпатизирую – чувствую же, что мне приятно его общество и внимание,

но это совсем не то ощущение, которое толкало меня к Тогрису: одуряющее, сносящее голову напрочь, заставляющее думать только о нем. Вернее, о том волнении и предвкушении, что затапливает сознание, когда мужчина рядом. О том, с какой нежностью и желанием меня касаются его руки, скользят по ноге, поднимая край платья...

– Лин! – рявкает над ухом громоподобный голос, и я вздрагиваю. – Ты меня слышишь вообще? – продолжает негодовать тренер, широко расставив ноги и уперев руки в боки. – О чем размышлялся, я тебя спрашиваю? Нельзя во время боя отвлекаться, нужно быть сосредоточенным на противнике.

– Я стараюсь, – виновато втягиваю голову в плечи.

– Плохо стараешься, – безапелляционно припечатывает ферт. – Марш на тренажеры! Все же начнем с общей физической подготовки.

Приходится выбросить из головы посторонние мысли и сосредоточиться на тренировке. На инструкциях, требованиях, советах, точности выполнения, количестве повторов, дрожащих от напряжения мышцах, скатывающихся по лбу капелек пота, нехватке воздуха и одной-единственной мысли: «Не упасть...»

– Устал? Ладно, отдыхай, – наконец сжалившись, разрешает ферт.

Я выпускаю из рук опорную планку, за которую держалась, выполняя последнее упражнение, и, пошатываясь, иду на выход. С удивлением замечаю, что мы с Ликетом, оказывается, в зале уже не одни: слева у двери стоит Рестон, скрестив руки на груди, а на матах сидит Хейола с мстительным выражением на лице.

– Вечером жду на вторую тренировку, – прилетает мне в спину как раз в тот момент, когда я, поравнявшись с шенорианином, встречаюсь глазами с его вопрошающим взглядом.

«Помочь?» – смотрит он очень выразительно.

«Справлюсь», – так же безмолвно отвечаю, обреченно взмахивая рукой. И уже перешагнув порог слышу:

– Хейола, милая, ты успокоилась? Хорошо себя чувствуешь?..

Р-р-р! То есть меня можно гонять нещадно, особо не заботясь о моем мнении и самочувствии, а ее надо беречь и заботиться, исполняя малейшие прихоти? Возмутительно!

Негодование клокочет, но я, лишь на мгновение замешкавшись, заставляю себя продолжить путь. Дорада из меня знатная получилась: сама ситуацию до такого довела, а теперь жалуюсь и обвиняю других.

Доплетаюсь до каюты и без сил падаю на кровать. Надо бы в душ, но максимум, на что я способна, – мысленно представить себе, как я это делаю. Впрочем, через пару часов усталость отпускает и я все же добираюсь до ванной. Ужинаю, переодеваюсь в новый вариант спортивной формы и, поскольку наступает вечер катастрофически быстро, топаю обратно в зал. Пусть томлинка ждет, когда я сдамся и разочарованный Ликет больше не станет тратить на меня время, полностью посвятив себя будущей невесте. Я ей не доставлю такого удовольствия!

На вторую тренировку моего запала хватает, и я очень даже бодренько возвращаюсь к себе. Зато утром... Утром я понимаю, что встать не в состоянии. Болят даже те мышцы, о существовании которых я не подозревала! Все же я переоценила свои силы, да и шестьсот лет без движения, несомненно, сказались на физической форме.

В общем, как бы я ни стремилась душой в зал, телом продолжаю лежать на кровати. Ровно до тех пор, когда в каюту, постучав и дождавшись моего вялого отклика «войдите», заглядывает л'Рошон.

Увидев меня под одеялом, он удивленно поднимает брови и интересуется:

- Ферт просил узнать, почему ты задерживаешься?

- Скажите ему, что я умер. Меня нет. Пусть занимается своей Хейолой.

Начинаю гневно и решительно, заканчиваю тоскливо, с надрывом. Голос срывается от спазма, сдавившего горло. Обидно до слез.

Рестон решительно заходит, закрывая за собой дверь, и останавливается рядом со мной. Я его не вижу, потому что уткнулась лицом в подушку, только слышу шумное сопение и поскрипывание искусственной коленки. Видимо, пора шенорианину и с ней пройти профилактику.

- Если так плохо, - раздается надо мной уверенный строгий голос, - может, пора прекратить игру?

- Не могу. - Морщась от боли, я все же приподнимаюсь, чтобы сесть. - Вы же слышали предсказание. «Не обретая нужного лица», - цитирую и всхлипываю. - Я не могу признаться, что я - наследница.

- Но можете в том, что вы - женщина, - сердится шенорианин. - Одно не означает второго.

Я не сразу понимаю, что он имеет в виду. И лишь когда до меня доходит, тихо ахаю:

- Рестон, вы мой спаситель!

- Да неужели? - фыркает тот. - Я объясню ферту, что тренировку можно будет продолжить только завтра. А в каком виде на нее прийти... - многозначительно тянет, разворачиваясь на каблуках и шагая к двери, - это уже ваше решение.

- Спасибо, - говорю я ему в спину и с облегчением падаю обратно в кровать.

Облегчение, которое я испытываю, примиряет меня даже с физической болью. Полежав и все как следует обдумав, нахожу в себе силы подняться. Ванная, столовая, гардероб... Последний особенно важен, если учесть, что ради него я впервые на томлинском крейсере открываю контейнер со своими сокровищами.

Приготовив все необходимое, вновь забираюсь в постель. Сон - хорошее лекарство. Если он обычный, конечно, а не леянский анабиоз. А утром, приведя себя в должный вид, с волнением и сбивающимся дыханием, заставляющим сердце биться чаще, иду в тренировочный зал. Надеюсь, очень надеюсь никого по пути не встретить, но как всегда срабатывает закон подлости.

- Клянусь! Лично слышал, - доносится до меня громкий мужской голос, и я слышу шаги, как раз когда почти дошла до лестницы и назад уже смысла нет поворачивать. - Он ей: «У меня не было намерений вас обнимать», а она ему: «Знаю я ваше «не было». Только и думаете, как бы меня к себе в постель затащить!» Он: «Не льстите себе. Вы меня не привлекаете», а она: «Тогда на кого же ваше тело так бурно среагировало? Что-то я не заметила рядом других женщин». Вот и как теперь...

Голос осекается. Давится словами, потому что я оказываюсь в зоне видимости. Зато теперь мне становятся известны личности сплетников: два томлинца, один из которых все тот же долговязый весельчак, что провожал меня к Хейоле. Второго ни разу не видела, что, впрочем, неудивительно - экипаж на крейсере немаленький.

- Э-э-э... - пытается осознать увиденное мой знакомый, растерянно хлопая глазами. Его спутник тоже в изумлении приоткрывает рот, наверное желая что-то сказать, но я не жду. Мило улыбаюсь, прикладываю палец к губам, прося о молчании, и проскальзываю мимо них на лестницу.

Не оглядываюсь. И так прекрасно себе представляю, с каким смутением и изумлением они смотрят мне вслед. Любопытно, кого томлинцы обсуждали? Хейолу, несомненно, а вот кто был ее оппонентом? Уж не Рестон ли?

Перед дверью в зал замираю, собираясь с духом. Вдох, выдох... Зажмуриваюсь, касаясь сенсорной панели, и решительно шагаю внутрь.

– Ну наконец-то! – приветствует меня знакомый голос ферта. – Я уж думал, ты решил дезертировать...

Продолжения не слышу. Наступает такая тишина, словно томлинец исчез. Я даже глаза распахиваю, отыскивая его взглядом – а вдруг и вправду испарился неведомым образом.

Но нет. Он тут. Шагах в десяти от меня, замерший вполоборота, по всей видимости даже не сумевший завершить движения, настолько велико оказалось потрясение. Я уж не говорю про ошеломленное выражение лица...

Понять ферта можно. Увидеть юную девушку с синей косой, перекинутой через плечо, и при этом узнать в ней того самого молодого вионца, которого опекал все это время... К такому сложно отнестись равнодушно.

Но как бы мне ни грела душу подобная реакция, прекрасно понимаю – долго она не продлится. И объясняться все равно придется. Потому, стараясь сделать это максимально естественно, перехожу в наступление первой:

– Я не дезертировала. Я устала очень, а сегодня собиралась дольше обычного.

Видимо, не очень хорошо у меня получается. Потому что выражение оранжевых глаз не меняется, а голос звучит хрипло:

– Не понял...

– Мне пришлось взять тайм-аут. И стать самой собой, – поясняю, хотя прекрасно знаю, что его слова вовсе не о моем вчерашнем прогуле. – Вы же догадались, что я не мужчина, и для этого дали мне такую большую нагрузку. Чтобы вынудить признаться.

– Нет, – судорожно выдыхает томлинец.

– Ну... – пожимаю плечами и спокойно констатирую: – Значит, я ошиблась. Так мы будем заниматься? – Неторопливо к нему приближаюсь. То есть не к нему, разумеется, а к тренажерам за его спиной.

– Подожди, – останавливает меня ферт. Сдвигается, загоразживая собой путь, и цепко, изучающе осматривает лицо, волосы, фигуру.

И если, когда взгляд скользит по косе, лишь брови ползут вверх в изумлении, то едва он ложится на грудь... Оранжевые радужки темнеют, превращаясь в карие, а дыхание становится таким тяжелым, что я смущенно опускаю глаза в пол и принимаюсь нервно сминать в пальцах тонкую ткань пристежной юбки, надетой поверх брюк.

– Зачем? – слышу сдавленное восклицание.

К чему относится вопрос, догадаться несложно. Как и о том, что если я позволю мыслительному процессу в голове ферта идти своим путем, то объяснение моему появлению он найдет совсем не то, которое мне нужно. Поэтому, забыв о смущении, быстро поднимаю голову.

– Как это – зачем? В женском облике я бы с Виона улететь не смогла. А к моим идеям о возрождении империи никто бы не прислушался. И я бы всю свою жизнь провела под стенами замка, где спит наследница!

– Так ты не сын хранительницы, а дочь! – наконец доходит до Ликета, и он вздыхает с таким облегчением, словно сложнейший уровень «Ривуса» прошел без потерь. Даже смотрит на меня иначе – спокойнее, увереннее. – Лина, да?

– Ага, – усиленно киваю, радостно и беззаботно улыбаясь. Лучше пусть считает меня не слишком умной, чем подозревает.

– Н-да... Дела-а-а... – тянет ферт, удивляясь то ли собственной невнимательности, то ли моей глупости. Его глаза вновь останавливаются на моей груди, но он заставляет себя их поднять. – Это же как надо хотеть добиться своего, чтобы решиться на такую авантюру!

– Очень сильно, – с готовностью подтверждаю. – И ведь у меня получилось! Ну, почти, –

добавляю тише. – Совсем немного осталось, – сокрушенно вздыхаю и поджимаю губы.

Отворачиваюсь и огибаю замершего мужчину, чтобы все же подойти к тренажерам. Хотя и не хочется на них лезть, но отвлечение внимания важнее. Вот я и забираюсь на ближайший, предварительно отстегнув юбку и забросив ее на перекладину. Косу, скрепленную эластичной лентой с собранными в хвостик короткими волосами, скручиваю в узел и закрепляю на затылке. Толкнув ногами груз, отнюдь не наигранно морщусь от боли, и ферт отмирает.

– Не торопись! – определенно волнуется за мое состояние. – Я нагрузку уменьшу.

Он принимается возиться с настройками, а потом, облокотившись на опоры тренажера, придирчиво следит за плавностью скольжения ножной планки.

То есть это мне кажется, что следит. А на самом деле он, наверное, своими мыслями занят, потому что неожиданно спрашивает:

– И что ты дальше делать-то собираешься?

– То же, что делала до этого, – спокойно отвечаю, прекрасно понимая причины, по которым ферт этим интересуется. – Империю восстанавливать. А у вас есть возражения? Или, раз я теперь женщина, вы будете мне мешать? – впиваюсь глазами в его лицо, вкладывая во взгляд максимум подозрительности.

– Нет у меня возражений, – отчего-то хмурится ферт.

Сердится? Значит, все же ему что-то не нравится. Но что?

Спросить не успеваю. Ликет неожиданно отталкивается от опоры и подается ко мне. Садится на планку, увеличивая ее вес и вынуждая меня прекратить тренировку. Наши лица оказываются совсем рядом, но, кажется, мужчине этого мало – мои руки он забирает в свои, сильно сжимая пальцы и не позволяя выбраться из захвата.

– Лина, я понимаю, почему ты на меня злишься и не доверяешь, – окончательно вводит меня в ступор. – Но у меня есть смягчающие обстоятельства. Ведь я воспринимал тебя как парня. Причем с твоей же подачи.

Э-э-э... Он решил, что я тихо его ненавижу?

– То есть нещадно гонять и муштровывать несчастного юношу – это, по-вашему, нормально? – опускаю глаза, не в силах выносить пристального взгляда, такого знакомого и влекущего. Я бы и руки отняла, но уж очень приятно чувствовать поддержку.

– Ненормально, – вынужденно признается цу'лЗар. – Но я хотел...

– Ликет! – обрывает его признание воркующе-мягкий женский голос. – Что случилось? Все такие взбудораженные... Ой! – Хейола перешагивает порог и, всплеснув руками, останавливается. Она потрясенно на нас смотрит, но я отчего-то уверена – томлинка была в курсе. Ей рассказали. Она знала, кого здесь увидит!

Ферт быстро отпускает мои ладони и поднимается ей навстречу.

– Милая, ты не волнуйся, у нас тут просто кое-что изменилось...

– Но «просто», а «радикально». – Невежливо его перебив, я слезаю с тренажера. В душе растет странное, не имеющее разумного объяснения раздражение, но, понимая, что оно совершенно ненормально, я заставляю себя извиниться: – Простите. Не буду вам мешать.

Из зала выскакиваю быстрее, чем Ликет или Хейола успевают хоть что-то сказать. Оказавшись в каюте, падаю на кровать, задыхаясь то ли от быстрого бега, то ли от волнения, то ли от негодования.

Ну почему? Почему он так трепетно к ней относится? Жениться собирается! Обращается ласково. Он не ее должен любить, а...

Стоп. Что это? Зависть? К кому? К женщине, которая получает больше меня? Ревность?

Но Ликет свободный мужчина, и никаких обязательств по отношению ко мне у него нет. А у меня нет к нему привязки. Я же не могу представить его в своей постели... Или могу?

Видимо, могу, потому что перед глазами тут же появляется картинка: неприличная, будоражащая воображение, заставляющая кровь прилить к щекам, а сердце едва не выпрыгнуть из груди. Возбуждение окатывает жаркой волной. Стекает по рукам, покалывая кончики пальцев. Скручивается тугим узлом в животе, и я замираю, осознав, насколько сильно ошиблась.

Меня к нему влечет...

Но как?! Ведь есть привязка к Тогрису! Или... Или она сменила объект? Мой организм решил, что родственник, так похожий на моего возлюбленного, – идеальная замена? Я считала себя защищенной, не заботилась о том, чтобы избежать контакта, уверенная в невозможности новой привязки, и, как оказалось, совершенно напрасно?

Со стоном зажимаюсь и всхлипываю.

Плохо! Все это очень плохо!

Глава 7

Живешь и желаешь. Что ты выбираешь?

Чтоб кого-то поразить, впечатление оставить,

Без сомненья, иногда нам приходится...

Лукавить.

– Лина, можно зайти?

Из переговорника звучит женский голос, и я невольно морщусь. Хейола последняя, кого я сейчас хочу видеть. Поэтому молчу, надеюсь, что ей надоест ждать и она уйдет.

– Это важно, – не сдается назойливая посетительница.

Приходится сползти с кровати и идти к выходу. На томлинку система допуска не настроена, это только Ликет да Рестон могут открыть дверь без моего участия. Первый – потому что хозяин на корабле, ну а второй несет за меня ответственность.

Раскрыв проем, настороженно смотрю на девушку, которая протягивает мне аккуратно сложенную темную ткань.

– Я юбку принесла. Ты ее на тренажере забыла.

– Спасибо.

Забрав свою вещь, жду – уйдет Хейола или все же останется. Да, причину, чтобы ко мне прийти, она нашла удачную – женской одежды у меня раз-два и обчелся, наверняка томлинка это понимает. Вот только ведь юбка всего лишь повод. А какова истинная цель посещения?

– Мы поговорить можем? – покусывая губы, тихо спрашивает гостья.

Отступаю в сторону, освобождая проход. Слежу за тем, как томлинка, присаживаясь в кресло, тщательно расправляет бежевое с белой вышивкой платье, чтобы не помялось, и лишь затем сажусь сама. На кровать, потому как другой, предназначенной для этого мебели, здесь, увы, нет.

– Я объясниться хотела, – совершенно без агрессии, спокойно начинает говорить Хейола. – У нас неудачное общение получилось, после моего признания в обзорном зале, когда мы об отношении ко мне Ликета заговорили. Ты приревновала, я вспылила... Не спорь, – вздыхает, качая головой, когда я приоткрываю рот, чтобы хотя бы попытаться опровергнуть ее догадку, – фиссу с привязкой я с закрытыми глазами узнаю. Просто в тот момент думала, что ты мужчина, и посчитала твою реакцию презрением. А ведь я доверилась, открылась. Знаешь, как мне было обидно? И больно...

Голос ее срывается совсем не наигранно. Девушка на самом деле едва сдерживает наворачнувшиеся на глаза слезы. И вовсе не демонстративно, а вполне естественно стирает их со щек, продолжая говорить:

– Вот и радовалась, что Ликет пусть и с другими намерениями, но тебя гоняет. Я бы сама не смогла отомстить. А теперь понимаю, что ошиблась. У тебя была совсем иная реакция.

– То, что ставишь в упрек мужчине, ты прощаешь женщине? – выдавливаю потрясенно.

– Мы теряем голову, когда влюбляемся, а мужчины этим пользуются, а потом еще и презирают. – Оранжевые глаза смотрят на меня с укором. – Не все, конечно, есть исключения, и я думала, что Лин, как и Ликет, именно такой – понимающий и деликатный. Тем больнее было услышать снисходительное «пожалел». А тебя как женщину я понимаю и сочувствую. Вдвойне. Потому что влечение у тебя бесперспективное.

– Объясни. – Снова растет волна возмущения, но я, теперь точно зная, что это всего лишь

проявляется физиология, задавливаю ее на корню.

– Ты вионка, а он томлинец. Если поженитесь, кем будут ваши дети? Изгоями на своей родной планете. Такими же смесками, отщепенцами, как те, кто... – Хейола снова давится слезами и не договаривает, но мне и не нужно. Ясно же, что она пиратов имеет в виду. – Ликет не захочет для них такой судьбы.

– От тебя у Ликета тоже не будет детей, – напоминаю я как можно мягче, чтобы не обидеть. – Но он все равно готов на тебе жениться.

– Это его решение, которое я ценю и уважаю. Я ведь, кроме ферта, на самом деле никому не нужна. Не в сексуальном смысле, желающих затащить меня в постель хоть отбавляй, а как личность. В Ликете я уверена, он не видит во мне объект для удовлетворения своих потребностей.

– Но ведь они у него есть. Он – мужчина.

– Верно. И мы с ним это обсуждали, – легко соглашается Хейола. – Ликет сказал, что возьмет фаворитку. И когда я сегодня увидела, как он держит тебя за руки, появилось подозрение, что он выбрал тебя. Поэтому я и пришла. Лина, ты под влиянием влечения можешь надеть глупостей и согласиться остаться с ним, когда он об этом попросит. Но подумай! Хотя на миг забудь о желании быть с ним и подумай! Зачем тебе жить с любовником, от которого детей не будет, на чужой планете? И Ликету жизнь испортишь, ведь он мог бы выбрать девушку-томлинку, которая родит ему наследника.

– Ты хочешь, чтобы я избавилась от привязки, переспав с ним, и отказалась от остального!

– Конечно, – уверенно кивает томлинка. – Я уверена, ты найдешь себе мужа-вионца и будешь с ним счастлива.

– А если Ликет будет настаивать? Не согласится с моим решением. Вдруг у него тоже ко мне какие-то чувства? Не просто же так пошел на физический контакт, уже будучи уверенным, что я девушка.

– Я очень надеюсь, что это не так, – вздыхает Хейола, – и причина его настойчивости лишь в том, что он хочет с тобой переспать. Ты ведь, несмотря на странный внешний вид, девушка привлекательная. А у Ликета женщин давно не было.

Н-да... Ситуация, однако. Томлинка, конечно, рассуждает, не зная истинного положения дел, но, может, она права? В том смысле, что теперь у меня есть шанс освободиться от влечения к Тогрису-Ликету, продолжить возрождать империю и найти себе мужа, который станет императором. Не нужно будет ждать десятилетия, пока привязка сойдет на нет. Не придется мучиться самой и мучить своего будущего мужа.

Именно эта мысль примиряет меня с тем, что с Ликетом придется расстаться. Я найду кольцо, раз уж оно так важно, что даже стало частью предсказания, и наши пути разойдутся.

– Лина, ты сильная личность, раз решилась и внешность изменить, и одной путешествовать, – не догадываясь о моих мыслях, продолжает Хейола. – Я уверена, ты примешь правильное решение.

Возможно, она сказала бы что-то еще, но ее прерывает голос, раздавшийся из переговорника: «Лина, это я».

Предупреждение, как всегда, краткое. Рестон не любит долгих разговоров.

– Как прошла тренировка? Ликет снизил нагрузку? – Заглянув в каюту, он продолжает говорить, не сразу замечая Хейолу, поэтому она реагирует первой. Вскрикивает, отчего-то отчаянно краснея, и бросается к выходу.

Рестон непроизвольно подается ей навстречу, но все же отступает, позволяя уйти. Я же, вспомнив подслушанный разговор томлинцев, начинаю подозревать, что рыдания Хейолы на груди шенорианина не прошли без последствий. Любопытно, для них обоих? Или же среагировал только л'Рошон, судя по обвинениям в недвусмысленной реакции,

а Хейола теперь не знает, как ей себя вести. Ситуация-то непростая. Ликету вряд ли понравится, что у его будущей жены есть поклонник. Даже если он сам ее не любит.

Но лезть к Рестону с расспросами неэтично, а потому приходится любопытство задавить, сделав вид, что я ничего не заметила. И действовать обходными путями. Сначала на заданные вопросы ответить, затем в привязке к томлинцу признаться. Выслушать сердитое «довыдывалась» – успокоить, сказав, что моим планам влечение не мешает, скорее наоборот, поможет. Ну и невзначай поинтересоваться:

– Рестон, а почему у вас нет жены?

– Была, – коротко сообщает шенорианин. – Лет сорок назад под обвал попала. Умерла.

Говорит он спокойно, на лице ни один мускул не дрогнул. А вот я тихо ахаю.

– Так давно! Вы были еще совсем молоды. Почему же не женились снова, когда любовь к ней начала забываться?

– С чего ты решила, что любовь мужчин исчезает быстро? – Карие глаза смотрят на меня очень строго, как на нерадивую ученицу, которая не знает элементарных вещей. – Мы годами не можем забыть тех, кого всем сердцем любим, даже если свадебного танца не было. А уж если был... Это у вас, женщин, привязка угасает практически моментально. Пройдет неделя-другая после того, как получите страстно желаемое удовольствие, и на бывшего возлюбленного уже и смотреть не хотите. Только танец и может вас удержать.

– Это если снять привязку. А если нет, тогда и у женщины влечение сохраняется на годы, – уточняю я справедливости ради, но шенорианин лишь отмахивается:

– Все равно этот срок меньше.

Я с ним не согласна, но продолжать спор не хочу. У меня другая цель. Поэтому и направление допроса меняю.

– А дети? Дети у вас есть?

– Нет.

– И вы... – начинаю было я, однако л'Рошон сурово, но незлобно меня останавливает:

– Оставить после себя потомство – не самое главное в жизни. В моей, по крайней мере. Для меня важнее служить моему королю и Шенору. И на смертном одре мне будет отраднее вспоминать свои заслуги, нежели предаваться сантиментам семейной жизни.

– Но как же... – расстраиваюсь я, не понимая такой категоричной позиции. Я, например, тоже на все готова ради империи, но личного счастья при этом совсем не исключаю. Я любить хочу и быть любимой! И детей, само собой.

– А вот так, – усмехаясь, хмыкает Рестон и предупреждает: – Завтра мы будем на Томлине. Ты со своей привязкой сегодня вопрос реши, пока есть возможность. Не затягивай. На планете нужно будет сосредоточиться на другом.

Легко ему говорить. Реши! Представляю лицо Ликета, когда я явлюсь к нему с соответствующим предложением. Он, наверное, еще от моей трансформации в себя не пришел, а тут такое...

Нет уж. Я подожду. И вообще, пусть сам догадается, что меня волнует его присутствие. Вот и посмотрим, как после этого себя поведет.

В общем, выпроводив Рестона, я без раздумий отправляюсь сначала в столовую, а затем в ванную. Не меньше часа наслаждаюсь настоящим водным душем, так разительно отличающимся от шенорианского ионного. Меняю температуру, остужая разгоряченный организм, который с моим решением провести ночь в одиночестве не слишком согласен. А когда, завернувшись в объемное пушистое полотенце, выхожу обратно в каюту, вижу...

Гм... Ликета я вижу. Сидящего на моей кровати. В руках у которого моя коса, и он с таким удовольствием ее гладит, словно это ик'лы! Ну или еще какой питомец, не знаю,

кого томлинцы себе заводят. Мужчина одет совсем неофициально, по-домашнему. Рубашка легкая, штаны тонкие, тапочки... Все это так легко снять! Содрать, обнажив кожу, с нажимом скользнуть ладонями по голому торсу, толкнуть, свалив на матрас, и...

Тело, которое я с таким трудом утихомирила, на нескромные мысли тут же радостно откликается горячей волной, скручиваясь тугим узлом внизу живота. Я едва сдерживаю горестный стон. Ох, как же все это не вовремя!

– Прости за вторжение, – слышу спокойное извинение. – И прости, что так поздно, но я не мог не прийти. У меня после твоего сногшибательного преобразования весь день все из рук валится. К тому же мы ведь не договорили.

Ну да, Хейола очень своевременно вмешалась! А ведь на самом деле интересно, чего он хотел добиться, когда не щадил на тренировках.

Потоптавшись у закрытой двери в ванную, я шагаю к креслу, но томлинец поднимается мне навстречу, и я неожиданно оказываюсь с ним лицом к лицу. Вернее, лицом с грудью, прикрытой лишь тонкой тканью. Непрозрачной, но мне много и не надо, чтобы дорисовать в воображении то, чего я не вижу.

– Лина, я ведь еще когда ты мальчиком была, понял, что ты на меня вовсе не дружески реагируешь. А влечение мужчины к мужчине... – Ликет даже слов не находит, лишь сжимает зубы и качает головой. – Я надеялся, что хоть от повышенной нагрузки твой организм вспомнит, кто он на самом деле. И у меня просто камень с души свалился, когда стало понятно, что ты девушка.

– Вот и хорошо, что разобрались, – бормочу в ответ, намертво вцепившись руками в полотенце и полуприкрыв глаза, чтобы хоть как-то абстрагироваться от близости такого желанного тела. – Что дальше?

– Дальше? – задумывается принц. – У меня остался только один вопрос.

Теперь я жду, когда Ликет мне его задаст, а потому не сразу понимаю, что он наклоняется ко мне. Одна рука нежным движением касается коротких прядок и заправляет их за ухо, а затем не менее мягко, но уверенно смещается на затылок. Другая уже давно обосновалась на спине, даря опору, которая мне сейчас так необходима. А через секунду чувствую губы – сухие, обветренные, но жаркие и сильные, именно такие, какими я их себе представляла. Они накрывают мои, лаская и тревожа едва ли не больше, чем облик мужчины.

Мой первый поцелуй... Настоящий, тягучий, сладкий. И мне так не хочется, чтобы он прекращался! Но, видимо, у Ликета мнение иное. Он отстраняется, всматриваясь в мои глаза, а у меня с трудом получается на нем сфокусироваться.

– Я надеялся получить именно такой ответ.

Мм... Не поняла. Он же так ничего и не спросил!

Только поинтересоваться этим не успеваю. В одно мгновение оказываюсь на руках мужчины, который стремительным шагом преодолевает совсем небольшое расстояние до кровати. Усаживает меня, сдергивает покрывало, а потом, ловким движением освободив меня от полотенца, так же быстро закутывает в одеяло и укладывает на подушки, нависая надо мной.

– Встретимся завтра, моя красавица.

Губы почти невесомо касаются моих и Ликет отталкивается от матраса. А через секунду исчезает за дверью, погасив свет. Я же, приподнявшись на локте и растерянно хлопая глазами, смотрю на светящийся контур закрывшегося проема.

Он... Он ушел? Зная, что может сбить привязку и избавиться от проблем, он этого не сделал? Почему?!

Мотивы неясны, а вот намерения... Тут ведь не так много вариантов. Первый – провести со мной ночь, дав то, чего желает мой организм. Хм... Пришел Ликет в одежде, удобной, чтобы это сделать. Значит, мысль переспать со мной была. Однако он то ли передумал,

то ли что-то прояснил, но от задуманного отказался. И тут, несомненно, поцелуй какую-то роль сыграл. Пока мне неясную. В любом случае понятно – ферт меня не отпускает. Получается, решил, что хочет длительных отношений? Мм... Жена или фаворитка? Второе вероятнее, с учетом обещания, данного Хейоле.

Морщусь недовольно, зарываясь под одеяло. Помню я экзальтированное «ах, мне все равно, кем быть для своего любимого», сколько раз это от Вари слышала! А вот меня такая позиция не устраивает. То ли привязка еще не настолько сильна, то ли другая причина есть, но быть официальной любовницей я не желаю. Затащить ферта в постель – да хоть сейчас! Забыть обо всем, кроме него, – нет уж, извините. А если Ликет упрется... У меня Рестон есть. И Эйрон. Пусть только цу'лЗар попробует на меня давить – быстро в моем распоряжении окажется! А уж тогда я его...

Радует, как слава, веселая...

Забавы.

Утро начинается своеобразно – с того, что просыпаюсь я, кого-то обнимая. И не сразу понимаю, что это вовсе не кто-то, а что-то. Одеяло, которое я за ночь ухитрилась свернуть, обвить ногами-руками, навалиться на него, прижав телом к матрасу, и до пробуждения не отпускать. Вот что значит неудовлетворенная женщина!

Разминка, холодный душ, быстрый завтрак... Все, чтобы не оставить организму времени и сил на расслабленно-тягучее томление. Надев рубашку и брюки, пристегиваю поверх юбку. Отыскиваю среди своих сокровищ браслет с томлитонитом и защелкиваю его на запястье. Ликет показывал нам с Рестоном защитный скафандр, у них на любом корабле такие есть. Он хоть и тонкий и удобный, но я не хочу его надевать и отгораживаться от внешнего мира.

Выскочив в коридор, сталкиваюсь с идущим мне навстречу Рестоном.

– Готова уже? Идем, нас ждут.

Лаконичный и серьезный, шенорианин себе не изменяет. И в одежде строг – на его форме никаких излишеств и мыслями в делах – первым делом инструктирует:

– Одного раза достаточно, если подавлять желание повторить. В идеале надо бы тебе побыть подальше от ферта, но это невозможно. Так что держи себя в руках и потребности контролируй. Тогда остаточное влечение исчезнет за пару дней.

– Э-э-э... – Я теряюсь, лихорадочно соображая, как бы помягче правду сказать. – Так это... Ничего не было.

– Что?

Рестон останавливается, а я, идущая чуть позади и не ожидающая таких резких маневров, затормозить не успеваю. Впечатываюсь в корпус мужчины и непроизвольно за него хватаюсь, чтобы не потерять равновесия.

– Он же приходил к тебе вчера. И ты этим не воспользовалась? – стальным голосом чеканит л'Рошон, а в ответ раздается холодный голос цу'лЗара:

– Кажется, я не оправдал ваших надежд?

Ой...

Я торопливо отпускаю опору, оборачиваюсь и вижу сердитое лицо ферта, скрестившего руки на черно-желтом мундире. Рядом с ним, покусывая губы, стоит ничуть не менее раздраженная Хейола. И в глазах обоих сверкает негодование.

О! Я догадываюсь об истинных причинах такой реакции! Если Хейола увлечена Рестоном, ее возмущает моя к нему близость. Да и Ликет, похоже, ревнует куда сильнее, чем ему самому хотелось. Они оба наверняка решили, что шенорианин ждет не дождется, когда я избавлюсь от привязки к томлинцу и смогу быть с ним.

Однако я точно знаю, что у л'Рошона совсем иные цели, и потому мне становится смешно. Я стараюсь не рассмеяться, слушая, как Рестон невозмутимо парирует:

- У меня их нет. Я действую сам, а не полагаюсь на других.

- Я заметил, - по-прежнему хмурится Ликет. - Осталось только понять, в чьих интересах.

- В личных в первую очередь, - усмехается шенорианин, а я с недоумением смотрю на него. Это провокация? Зачем он намеки делает на то, чего нет?

Не знаю, до чего бы они в итоге договорились, спасает ситуацию появившийся из-за наших спин молодой томлинец.

- Простите, ферт, - вмешивается в разговор и торопливо оправдывается: - Мы вышли на орбиту. Посадочный модуль пристыкован. Вы просили сразу сообщить.

- Спасибо, - благодарит его Ликет и приказывает, посмотрев сначала на меня, затем на Рестона: - Вам обоим нужно надеть защиту. Гарн проводит.

Он удивительно быстро взял себя в руки, отодвинув в сторону выяснение отношений и сосредоточившись на жизненно важном. И мое уважение к нему, которое и без того было не самым низким, резко подпрыгивает на десяток пунктов. Не каждый сумеет забыть (ну или хотя бы сделать вид, что забыл) о сопернике.

- Лина, ты передумала? Не хочешь на Томлин?

Вопрос не только в голосе, но и в оранжевых глазах, оттого что я, игнорируя распоряжение, остаюсь на месте. Впрочем, недоумевает не только цу'лЗар. л'Рошон, уже шагнувший к ожидающему нас провожатому, остановился и тоже ждет, когда я соизволю пойти следом. Потому я подтягиваю рукав рубашки, обнажая запястье. Встряхиваю рукой, чтобы браслет, который мне чуток велик, сполз вниз с предплечья.

- Вот, - демонстрирую украшение. - Этого будет достаточно?

Ликет стоит не так уж далеко, чтобы не увидеть, что именно я ему показываю. А камни со своей планеты, я уверена, он и с большего расстояния распознает. Однако все равно подходит, протягивая мне руку.

Значение жеста не так уж сложно истолковать правильно, и я позволяю ему, сжав мою ладонь, поднять руку выше. Несколько секунд он изучает браслет, осторожно поглаживая пальцами мутные желтые кристаллы.

- Более чем достаточно, - наконец сообщает негромко. Не выпуская моей руки, оглядывается на шенорианина. - Вам следует поторопиться, если хотите лететь с нами, а не ждать следующего модуля.

С каким выражением лица Рестон уходит, я не замечаю. Просто потому, что сосредоточена на пальцах томлинца, которые, соскользнув с металла, нежно ласкают мою кожу. Вернее, наслаждаюсь теми ощущениями, что рождаются в ответ на прикосновения. И близостью мягко пожурившего меня мужчины:

- Ты полна сюрпризов, моя красавица.

- У меня их целая голова в придачу к контейнеру, - пошутив, смеюсь я, хотя, конечно, в любой шутке есть доля правды.

Ликет тоже это прекрасно понимает, иначе наверняка отреагировал бы по-другому.

- Может, намекнешь, что мне ожидать в следующий раз?

- Так у вас же предсказание есть! - лукаво напоминаю я.

- «Не ждать и получить», - цитирует ферт и прищуривается, не сводя с меня пронзительного взгляда. - Ты об этом? Хочешь сказать, что эти слова с тобой связаны?

Я округляю глаза, надуваю щеки, развожу руками, хотя это и непросто сделать - ведь мужчина меня за них держит. В общем, всем своим видом показываю: «Вам лучше знать,

это же ваше предсказание!» А в итоге во взгляде томлинца появляется предвкушение и азарт. Он неожиданно быстрым движением обнимает меня за талию, притягивая к себе, и шепчет на ухо:

– С огнем играешь, Лина! Обжечься не боишься?

– Я похожа на трусику? – удивляюсь, теснее прижимаясь к телу, которое ферт так опрометчиво предоставил в мое распоряжение. Еще и пальцами зарываюсь в его жесткие, песочного цвета волосы, раз уж руки теперь свободны.

– Ты похожа на авантюристку, – хрипло отвечает Ликет. Перехватив мои запястья, заставляет процесс соблазнения прекратить и, посмотрев на молчаливую, помрачневшую Хейолу, о которой мы совершенно забыли, обещает: – Мы к этому еще вернемся.

Меня так и подмывает уточнить: вернемся к чему? К потенциальной возможности получить удовольствие или к обсуждению?

Вот только обстановка для вопросов уже неподходящая. Сначала мы в переходный отсек идем, где нас дожидается Рестон, упакованный в прозрачный комбинезон прямо поверх мундира. Потом в креслах транспортного модуля размещаемся, и я с любопытством изучаю ландшафт желто-коричневой планеты, медленно смещающейся на экране. А дальше с не меньшим восторгом слежу за посадкой, которая, конечно, не так уж отличается от приземления на Таю, но мне все равно интересно.

Ликет расположился в соседнем кресле и меня не отвлекает, лишь смотрит с подозрительным блеском в глазах – точно что-то задумал! Хейолу устроили с другой стороны от ферта, и она попыталась было привлечь к себе его внимание, но успеха не добилась. В итоге обиделась и до самого прибытия сидела с трагически опущенными уголками губ и слезами на глазах. Ну а Рестон вообще решил самоустраниться и дремал. Или делал соответствующий вид, что, впрочем, не так уж важно.

Высадка и необычное окружение тоже не располагают к разговорам. И вообще, новые впечатления заставляют меня напрочь забыть обо всем.

Жаркий воздух пыльный и тяжелый. Розовато-малиновая звезда – Ион, зависшая на полпути от зенита к горизонту. Оранжевое небо, по которому стремительно несутся стреловидные сиреневые облака. Мелкий песок – текучий и подвижный. Но больше всего меня впечатляет дворец, рядом с которым опустился модуль. Сооружение, совсем не похожее на вионский замок, имитирующее гигантскую песчаную волну, поднявшуюся, изогнувшуюся, чтобы нахлынуть на пустыню, да так и застывшую. Впечатление усиливается еще и тем, что стоит эта «волна» на возвышении, а внизу расположились дома томлинцев – небольшие куполообразные строения из полупрозрачного материала.

А вот внутреннее убранство дворца оказывается стандартным. Лестницы, переходы, площадки, анфилады комнат, залы, апартаменты... Да, все это в непривычных тонах – бежевых, белых, серых. Да, дизайн мебели и всего остального необычный – сглаженные линии, никаких ажурных элементов. Да, материалы нестандартные – не металл, но и не дерево, больше на пластик похоже. И тем не менее мне нравится!

Нравится толстый, но мягкий коричневый ковер на полу гостиной в отведенных мне покоях. Нравятся пестрые кресла-подушки, которые почти ничего не весят и поэтому их можно таскать за собой, складывать вместе или разъединять. Нравятся многослойные шторы, закрывающие лишние стекла окна и защищающие не столько от света Иона, сколько от пыли. Не нравится мне только то, что Ликет исчез.

Не сразу, разумеется. Поручив Рестона и Хейолу предупредительным служащим дворца, ожидающим нас в главном холле, он лично сопроводил меня в апартаменты. Познакомил с Нейрузой – пожилой томлинкой, выполняющей функции горничной. Убедился, что обстановка меня устраивает, пожелал хорошего отдыха и испарился.

Ясное дело, что ему себя в порядок надо привести. Само собой, с родителями пообщаться. Несомненно, разобраться с делами, потому как дома он давно не был. Неприятно признавать, но и о Хейоле он тоже должен позаботиться. Однако не трое же суток подряд этим заниматься!

В первый день я дотошно осваивала жилое помещение. Во второй изучала гардероб, который, как оказалось, предоставили в мое распоряжение. А на третий взбунтовалась. Мне скучно! Я сюда прилетела не для того, чтобы сидеть в четырех стенах! И раз уж гостью никто развлекать не спешит, значит, гостя будет развлекать себя сама.

В предвкушении улыбаясь, выбираю плотное серо-голубое платье с белой вышивкой, в котором буду чувствовать себя уверенно. Воспользовавшись помощью Нейрузы, одеваюсь и привожу в порядок волосы, старательно закрепляя косу. Надеваю обувь, похожую на дырчатые сапожки без каблучков. И, распахнув дверь, отправляюсь навстречу новым впечатлениям.

Мне казалось, что горничная должна поинтересоваться, куда я собралась. Однако она проявляет полнейшее равнодушие, продолжая прибирать комнату, а потому я со спокойной душой выхожу в коридор.

Больше часа брожу по помещениям, любуюсь интерьерами, сравнивая их с вионскими. Рассматриваю украшающие стены картины, лежащие на полах ковры, стоящие в нишах вазы... Мило улыбаюсь придворным, которых встречаю не так уж часто. То ли заняты они все, то ли не принято без дела бродить по дворцу. А в итоге оказываюсь в обширном внутреннем дворе, где деловито снуют те самые томлинцы, что отсутствовали в королевских покоях. Толчея здесь страшная.

В общем, на этом моя несанкционированная экскурсия и заканчивается, потому что, едва я останавливаюсь в раздумьях, куда же направиться, ко мне тут же подскакивает служащий – молодой томлинец в светло-зеленой униформе.

– Вы заблудились, фисса? – услужливо интересуется.

– Нет, что вы, – смеюсь я, отрицательно качая головой. – Фисса просто ищет приключений на свою голову. То есть приятных впечатлений.

От моих слов юноша сначала теряется, а затем, все же сообразив, что это шутка, расслабляется. И даже улыбаться начинает.

– Хотите совет? – заразившись моей веселостью, хитро подмигивает. – Самое незабываемое впечатление вы получите, только прокатившись на краге.

Драк... Меня словно холодной волной окатывает. Горло сжимает спазм, слезы мгновенно наворачиваются на глаза, и я зажмуриваюсь, впиваясь ногтями в ладони, чтобы никто моих переживаний не заметил.

– Ведите! – приказываю служащему, заставляя себя через силу улыбнуться.

Нельзя. Нельзя отказываться и убегать от реальности. Отпустила же моя душа Тогриса, получив взамен Ликета. Значит, и Драка я должна отпустить. Если не замену ему найти, то хотя бы попытаться боль заглушить.

Крагиум – так мой провожатый назвал здание, где держат песчаных ящеров, оказывается огромным. Вернее, с поверхности его почти не видно – совсем невзрачный холм с широкими створками-воротами, а вот внутри... Широкая полость, где наездники и животные готовятся к выезду. Наклонный коридор-туннель, уходящий вниз далеко-далеко! По бокам от него просторные загоны-вольеры, в которых размещаются краги. Пещеры-склады с хранящимися в них запасами еды.

Внушительно! Но больше всего меня поражает запах. Пряный, острый, жесткий. Я, конечно, и от Драка его ощущала, но он ведь у меня был один, а тут больше ста животных.

– Здесь вентиляция не помогает, – словно извиняется томлинец, видя, как я принохиваюсь, когда мы углубились в туннель на пару сотен шагов. – Дальше идти смысла нет, там все стандартно. Давайте вернемся и вы прокатитесь на краге.

Он разворачивается на выход, и я бы тоже пошла за ним, однако, услышав свистящий отчаянный крик-визг, сопровождающийся ощутимым «бумс!», от которого почва под нашими ногами сотрясается, притормаживаю.

- Что за шум?

- Мм... Это, похоже, из репродуктивного загона, - неуверенно отвечает мой спутник, провожая глазами рванувший к бунтующему животному обслуживающий персонал. - Видимо, случилось что-то. Там взрослые особи живут, на которых никто не катается. Они своих наездников потеряли, а новых принять не смогли. Обычно таких умерщвляют, но если они породистые, то оставляют для размножения. Идемте, не волнуйтесь, сотрудники справятся. Идемте-идемте.

Он повторяет эти слова, потому что я никак не могу заставить себя двигаться, словно меня держит что-то. В итоге я, конечно, иду, но постоянно оглядываюсь, не понимая причины, заставляющей меня смотреть назад. Может, это страх, что разъяренный краг вырвется на свободу? Рильмина мне в красках описывала, насколько они могут быть опасными в этом случае.

В помещении для подготовки к выезду меня уже ждет совсем небольшой, оседланный двойным сиденьем ящер и его наездница - молодая улыбчивая женщина в очень плотных штанах и совсем короткой, до середины бедра, юбке. Она принимается объяснять, как правильно сидеть, как держаться, в каких случаях немедленно ей сообщить о проблеме... Я терпеливо слушаю - совершенно незачем сейчас демонстрировать свою осведомленность.

В тот момент, когда томлинка, закончив меня инструктировать, первой забирается в седло (иначе краг точно взбунтуется), входные створки широко распахиваются и в пещеру вбегают шесть ящеров. Мощных, сильных, раза в два крупнее предназначенного мне для поездки. Они, притормаживая, шумно дышат и фыркают, загребая лапами песок. Когда останавливаются, их наездники спрыгивают, а служащие бросаются к животным, чтобы увести.

- Дайте мне руку. Я помогу вам... - начинает томлинка, но осекается, потому что ее голос перекрывает громкое восклицание одного из прибывших мужчин:

- Лина!

Он идет ко мне, на ходу расстегивая и снимая свободный плащ. Бросив его на руки служащего, снимает намотанный на голову шарф, наверняка защищающий от пыли и песка. Впрочем, я, еще до того как вижу лицо и фигуру томлинца, точно знаю, кто он. Потому что тело при первых же звуках его голоса отзывается тянущим томлением и учащенным сердцебиением. Ликет...

- Так и знал! - сетует мужчина, обняв меня за талию и прижав к себе. - Так и знал, что ты не удержишься и меня не дождешься.

Я судорожно пытаюсь сообразить, в чем меня обвиняют. От шока даже близостью столь желанного тела не пытаюсь воспользоваться.

- Я же просил потерпеть, неугомонная ты моя... - Одной рукой по-прежнему удерживая меня рядом, другой принц приглаживает мои волосы, заправляя за ухо выбившуюся короткую прядь. И смотрит расстроено.

- Что значит - просил? - шепчу я, окончательно потеряв нить происходящего. - Когда?

В оранжевых глазах появляется такое же недоумение, что и в моих мыслях. Ферт несколько секунд молчит, что-то обдумывая, и наконец спрашивает:

- Сообщение не получила?

Когда я отрицательно качаю головой, он снова задумывается, а я начинаю потихоньку прозревать. Кто-то очень не хотел, чтобы мое отношение к ферту оставалось позитивным. И я даже догадываюсь, кто это мог быть. Хейола!

- Ну, мама... Что ж ты никак не успокоишься? - разрушая мои предположения, потрясенно шепчет Ликет и извиняется: - Я виноват, Лина. Не учел упорства моей матери.

- Ей не нравится ваш интерес ко мне? - интересуюсь спокойно. Меня куда больше

волнуют руки мужчины, которые гладят меня по спине.

– Ей нравится Хейола, – говорит ферт. – Всех остальных она считает помехой ее и моему счастью. Я думал, время эту позицию изменило, но ошибся. Ладно, разберусь, – обещает. Бросив беглый взгляд на молчаливую свидетельницу нашего разговора, сдерживающую нетерпение ящера и дожидаящуюся меня, просит: – Останься. Я так надеялся сам тебя покатасть. Показать Томлин. Я бы сделал это прямо сейчас, но мой краг проделал долгий путь, ему нужен отдых.

– Хорошо, я подожду, – легко соглашаюсь. – Пусть отдыхает. Вы, наверное, тоже устали?

– Ну-у-у... – Ликет задумывается и кивает. Вот только отпускать меня не спешит, наоборот, обнимает еще крепче и шепчет на ухо: – Если я попрошу тебя побыть со мной, пока я привожу себя в порядок, согласишься?

– Нашли что спросить! – смеюсь я. – Мне все равно нечем заниматься. А так хоть какое-то развлечение.

– Хоть какое-то? – наигранно возмущается мужчина. – Ну, раз ты обо мне такого плохого мнения...

Он подхватывает меня на руки и решительно шагает к выходу.

– Вы куда меня тащите? – веселюсь я, болтая ногами в воздухе.

– Доказывать тебе, что быть со мной – это не какое-то развлечение, а настоящее удовольствие.

– О-о-о... – Не менее демонстративно я делаю вид, что перспективами впечатлилась. И, обняв его за шею и положив голову на плечо, с придыханием повторяю: – Удовольствие...

– Лина, Лина, – страдальчески обреченно вздыхает принц. – Ты можешь думать хоть о чем-то, кроме... своего влечения?

– Могу, – успокаиваю его и честно предупреждаю: – Только вам это понравится меньше. Потому что я спрашивать начну.

– О том, где я был?

– Ага-ага, – радуюсь его прозорливости, краем глаза наблюдая за оказавшимися на нашем пути придворными и хихикая про себя, видя их изумленные лица.

– Я и не собираюсь ничего скрывать. – Ликет ставит меня на ноги в маленькой уютной комнатке, а вовсе не посреди изумительной гостиной, которой начинались его апартаменты. – Расскажу, только сначала душ приму и переоденусь.

Загадай желание ты, и исполнятся...

Мечты.

Я снова сижу одна, только теперь меня это не беспокоит. Ведь Ликет оставил меня совсем ненадолго. Да и в комнате, которую он назвал будуаром, мне есть чем заняться. Томлинцы, оказывается, создают очень необычные картины из цветного песка. Они его помещают между двух прозрачных панелей и заливают какой-то жидкостью. Если такую картину перевернуть, то песок оказывается сверху и течет вниз, создавая удивительные пейзажи. Каждый раз разные.

Наблюдать за этим так интересно, что о времени я забываю напрочь. А когда слышу шум в гостиной, спохватываюсь и... И понимаю, что это не Ликет вышел из ванной – плеск воды по-прежнему отчетливый.

Совсем чуть-чуть приоткрыв дверь и прильнув к щели, вижу, как вошедшая томлинка останавливается и прислушивается. Сообразив, где находится источник шума, поджимает губы и садится в кресло, видимо решив дождаться того, кто сейчас принимает водные процедуры. Я же, пользуясь возможностью, ее рассматриваю.

Немолодая, вокруг глаз морщины, которые я даже на расстоянии вижу. Песочного цвета волосы совсем блеклые, тусклые. Платье красивое, изысканное, но открытые руки тоже возраст не скрывают.

И у меня нет никаких сомнений, что это...

– Мама? Ты что тут делаешь?

Голос у Ликета не раздраженный, не радостный и не тревожный – он просто буднично интересуется причиной посещения. Да и ведет себя мужчина спокойно – остановился и застегивает бежевую рубашку. А вот женщина реагирует более эмоционально. Поднимается и чуть не бежит к нему, чтобы обнять за плечи.

– Сыночек! Приехал! – На мгновение она прижимается щекой к его плечу и отстраняется, заглядывая в лицо. – Все обошлось? Потерь много? У твоего брата сейчас ни минутки свободной, мне к нему даже не попасть, чтобы все выяснить.

– Все крейсера целы. Лигерийцы быстро отступили, у них флот слабый. Вообще не понимаю, на что они рассчитывали, когда напали, – отвечает принц, и я наконец узнаю, где же он пропал.

– Думали, что Никет не успеет быстро отреагировать, – со знанием дела сообщает томлинка. – Он ведь в провинции Яхо в этот момент был, а там со связью проблема. Все же ты очень вовремя прилетел и его заменил. Хотя, конечно, мы все из-за этого волновались. И я, и Хейола... Девочка так переживала! В комнатах сидеть не могла, день и ночь по песчаному парку бродила. Ты бы к ней зашел, все же она твоя невеста.

– Невеста? – Ликет неожиданно удивляется, хотя даже у меня на этот счет сомнений никаких. – А кто тебе сказал, что я на ней женюсь?

– Ты же сам мне писал.

– Я тебе писал, что над этим думаю! – припечатывает ферт. – Не надо выдавать желаемое за действительное.

– Ликет, – в голосе родительницы слышны обиженные плаксивые нотки, – как ты можешь так говорить? Тебе совсем не жалко девочку? И меня?

– Мама, я далеко не подросток, чтобы мной можно было так примитивно управлять. Я взрослый мужчина, который прекрасно сознает свою ответственность за то, что творят женщины в его окружении. И готов исправлять последствия. Но каким способом это делать, решу я сам. Да, я Хейоле очень сочувствую. Однако она войдет в мою семью только в том случае, если буду на сто процентов уверен, что никто другой не захочет видеть ее в своей. А сейчас этой уверенности у меня нет.

– Бедная девочка, сколько ей еще мучиться-то? – не желает сдавать позиции родительница, убирая слезы, навернувшиеся на глаза. Несуществующие. По крайней мере, мне так кажется. – Ты становишься таким же бесчувственным, как твой отец. И твой брат. А я так надеялась, что ты вырастешь другим! Будешь прислушиваться к мнению своей матери, которая плохого тебе не пожелает. Помнить, что она тебя ждет, и не заставлять старую женщину искать тебя по всему дворцу. Почему ты сразу ко мне не зашел?

– Я был занят, – отвечает ферт, и никакой вины в его голосе я не слышу.

– Занят... – повторяет королева задумчиво. Бросает заинтересованный взгляд на дверь в ванную, и ее настроение тут же меняется. – Ну и правильно. Молодец. Ты мужчина, тебе разрядка нужна, особенно после такой психологической нагрузки. Надеюсь, Лина... Кажется, так ее зовут? – уточняет, словно забыла. – Лина твои ожидания оправдала?

– Я не оправдал, – усмехается Ликет. – И торопиться с этим не собираюсь.

– Не понимаю, – недовольно поджимает губы томлинка. – Зачем тогда на руках нес? Или хочешь признать ее фавориткой?

– Не хочу.

- Нет? – потрясенно выдыхает королева. Ее ноги подкашиваются, и она падает в стоящее позади кресло, к которому заранее целенаправленно приблизилась маленькими шажками. – Ты женишься на этой вионке? Она же никто! Даже не из династической семьи!

- Женюсь, – уверенно отвечает Ликет, – если Лина согласится. А я все для этого сделаю, потому что люблю. И мне совершенно не важен ее статус.

У меня дыхание перехватывает от признания. Пусть мужчина и не мне лично это говорит, но он не может не знать, что я все слышу!

Королева же молчит, сердито глядя на своенравного сына. Наконец раздраженно бросает:

- А кого возьмешь фавориткой, решил? Хейола в этом случае не вариант. Я нормальных внуков хочу! Надеюсь, Лина обойдется без детей? Ох, Ликет! – Она в отчаянии заламывает руки. – Все могло быть так хорошо! Хейола как жена, пусть и без детей, зато из уважаемой семьи. Фаворитка с детками, в которых мы все души бы не чаяли! Что же ты со своей жизнью-то делаешь?

- Что я делаю?! – не ответив на первый вопрос, возмущенно восклицает ферт. – А что ты делаешь, мама? Почему твои интриги лишили нормальной жизни Хейолу? Почему данное тобой обещание подразумевает отсутствие выбора у меня? И почему сообщение, которое я Лине оставил, так до нее и не дошло?

- Ты меня обвиняешь? Не хочу этого слушать! Раз моя помощь тебе не нужна... – Покраснев едва ли не ярче вставок на своем платье, королева вскакивает с кресла и бросается к выходу. – Живи как знаешь!

Она в негодовании громко захлопывает за собой дверь, а Ликет зажмуривается и морщится, как от зубной боли. Я немедленно выхожу, потому что не вижу смысла отсиживаться. Наоборот, ему облегчить задачу нужно, чтобы точно знал, что я подслушивала.

- Вот такая у меня мама, Лин. Она хорошая, но импульсивная. Не задумывается над последствиями своих поступков и слов, а потом не знает, как исправить, и делает только хуже.

Ликет улыбается, но невесело. И настороженность в его взгляде я вижу. Он боится, что позиция его родительницы меня отпугнет, заставит от него отвернуться, потребовать сбить привязку и расстаться.

- Постараюсь, чтобы со мной вам было комфортно, – обещаю, прижимаясь к его груди. Слышу вздох облегчения и чувствую руки, ласково погладившие по волосам и спине.

- Значит, стать женой согласишься?

Ликет отстраняет меня, продолжая удерживать за плечи, и заглядывает в глаза. А я вроде и хочу согласием ответить, и не могу. Мне уверенности не хватает в том, что я на самом деле этого желаю. Вернее... Кого я обманываю?! Я мечтаю быть с ним! Любить самой, чувствовать его любовь, жить вдвоем и растить детей... Но именно с последними двумя пунктами, видимо, будут проблемы, судя по тому, что матери он на этот счет ничего не сказал.

Однако только я хочу свои сомнения высказать, как принц спохватывается:

- Не отвечай сейчас! Я ведь не так хотел это сделать. И не с этого начать. Идем!

Крепко взяв за руку, Ликет тянет меня к выходу.

Мы идем по коридорам, анфиладам, залам. Быстро идем, но лишь потому, что дворец большой, а ферт, видимо, хочет мне показать его весь. Начинаем мы с верхнего этажа и постепенно спускаемся вниз. Мало того, Ликет мне столько интересного рассказывает! Как его далекие предки замок строили, где искали материалы для отделки, зачем в помещениях открытые окна и почему самые ценные вещи не в подвалах прячут, а размещают наверху.

- Почва на всем Томлине песчаная до очень больших глубин, – объясняет ферт. – И лишь на поверхности сыпучая, а в глубине плотная, но роется легко. Сделать в ней тайный ход проще простого. Так что вот...

Он останавливается у массивной двери, чтобы набрать на панели код, приложить ладонь, дожидаться разрешающего желтого огонька и позволить мне заглянуть в сокровищницу.

Ух... У меня слов нет. В приглушенном освещении стеллажи с драгоценностями, закрытые прозрачными створками, смотрятся необычайно эффектно. Подвешенные к потолку, но не закрывающие друг друга картины манят загадочностью. Сложенное на многоярусном столе оружие вызывает уважение. О! Мой контейнер, по сравнению с этим богатством, просто капля в стакане!

Кстати! Тут ведь наверняка хранится и колечко, которое мне хотел подарить Тогрис. Вот он – шанс до него дотронуться!

Однако пыл и азарт мне приходится усмирить.

- Я тебе обязательно все покажу, только не сейчас, – обещает ферт, а я про себя сокрушенно вздыхаю, понимая: если не стану женой, больше он меня сюда не приведет.

С другой стороны... Может, мое предсказание именно на это мне намекает? Подсказывает решение? Ведь выйдя замуж за Ликета, я получу доступ в сокровищницу, заберу кольцо и смогу восстановить империю. Логично же?

- Это рабочие кабинеты моего отца и брата. А здесь залы для совещаний, – тем временем продолжает экскурсию принц, открывая двери. – Отец сейчас инспектирует губернаторов провинций, так что вопросы управления лежат на моем брате. Тише! – предупреждает и мягко подталкивает меня, вынуждая шагнуть на мягкий красный ковер помещения, украшенного золотым ажурным декором.

Мы оказываемся в задних рядах уходящей вниз лестницы, на ступенях которой расставлены стулья. На них разместилось не так уж мало томлинцев, а в центре установлен стол, за которым сидит... Ликет! Точно такой же, один в один, я даже минимальных отличий не нахожу. Одежда не в счет.

- Мы близнецы, – шепотом, склонившись к самому уху, объясняет принц. – Никет на сорок минут раньше меня родился.

- Вам, наверное, обидно, – с ходу говорю, что думаю. – Теория вероятности позволила ему появиться первым и лишила вас возможности стать королем.

- Ох, Лина... – Мужчина тихо смеется, зарывшись лицом мне в волосы, видимо опасаясь привлечь к нам внимание. – Я не обижен. Я счастлив, что так получилось. Ведь это подарило мне свободу. Возможность помогать брату и отцу, но при этом летать сколько и где захочу. А не будь я таким заядлым путешественником, не встретил бы тебя, мое... недоразумение!

Протестующий возглас, который едва не сорвался с моих губ, погас в зародыше – Ликет дожидаться не стал, просто закрыл мне рот поцелуем.

А вот против этого у меня возражений никаких. Поэтому мы, опустившись на сиденья заднего ряда кресел, наслаждаемся пусть простой, но все же тесной близостью. Такой желанной для нас обоих! И такой возбуждающей! Вот честно, если бы не опасение, что нас заметят, я бы все сделала, чтобы получить полноценное удовольствие.

- Пойдем дальше? – наконец хрипло выдыхает Ликет, найдя в себе силы прекратить сладостную пытку.

На выходе я не удерживаюсь, оглядываюсь на того, кто серьезным, я бы даже сказала суровым тоном решает какие-то внутривластные вопросы. И пусть Никет похож на Ликета, но всего лишь внешне. Не он спасал меня от Дацама. Не он защитил от расправы Латала. Не он учил самообороне. И не он смотрит с невероятной нежностью, хоть я вовсе и не томлинка.

Своеобразная экскурсия продолжается, правда, теперь мой экскурсовод все чаще

увлекает меня в какие-то потайные ниши, чтобы... целовать, целовать, целовать. Ему определенно мало, хочется большего, и я уже готова об этом с ним серьезно поговорить, но как раз к этому моменту мы оказываемся в необычном саду. Нижний этаж дворца целиком отдан местной растительности, которая до света своей звезды не слишком охоча, зато падка на любую органику, особенно разлагающуюся. И именно сюда поступают сточные воды и отходы дворца. Однако если этого не знать, то и не видишь – все коммуникации в песке. Над ним же – толстые, причудливо изогнутые стебли, на концах которых раздувшимися шарами висят...

– Плоды? – деловито осведомляюсь, присматриваясь к темной тени внутри. Несомненно, что-то находится там, под кожистой шкуркой.

– Нет, это коконы, в них живут варги. У них симбиоз.

Словно иллюстрируя слова принца, тень начинает шевелиться, а через мгновение из совсем незаметного надреза высовывается узкая мордочка. Крошечные черные глазки смотрят на нас возмущенно, и зверек чихает презрительно, словно намекая: «Шли бы вы...»

Я смеюсь, а мой спутник настойчиво тянет меня вглубь зарослей. Вскоре мы выходим на уютно оформленную полянку. Беседка, мягкие сиденья, подушки, пледы... Все для того, чтобы забредшим сюда в поисках спокойного места для отдыха было более чем комфортно.

Однако Ликет по назначению использует лишь узенький диванчик, усаживая меня на него и опускаясь рядом. Видимо, на разговор настроен, потому как крепко сжимает мои руки, но попыток стать ближе не делает.

– Лина... – говорит он серьезно, глядя в глаза. – Для мужчины нет ничего важнее его любви. Симпатия к девушке, желание помочь, влечение тела – все это остается приятным предвкушением возможности чего-то большего, и если не перерастает в ранг серьезных отношений, то не вызывает ни боли, ни отчаяния, ни желания что-то в своей жизни изменить. Но когда приходит настоящая любовь... Когда ты понимаешь, что готов на все, лишь бы она была рядом... Когда от одной мысли, что больше ее не увидишь, не находишь себе места... Когда не представляешь рядом с собой никого другого... Тогда все меняется.

Он отпускает одну мою руку лишь для того, чтобы поднять вторую и приложить мою ладонь к своей груди.

– Ты вошла в мое сердце. Покорила. Увлекла. Лина, я больше всего на свете хочу, чтобы ты стала моей женой.

– А как же Хейола? – После такого признания кажется кощунством напоминать ему о сопернице, но не сделать этого я не могу.

– Я ее не брошу. И позабочусь о том, чтобы и она нашла свое счастье. Но не со мной. – Ликет неожиданно улыбается, чувствуя мое напряжение. И успокаивает: – Не будет никаких фавориток. Я хочу, чтобы ты для меня была единственной. И еще...

Все же выпустив мою руку, Ликет достает из кармана... кольцо.

Потеряв дар речи и широко раскрыв глаза, я смотрю на красивый резной ободок из желтого металла, в оправе которого оранжевым огнем горит томлитонит. Текучий, живой, словно жидкая магма, запечатанная в прозрачный футляр. Необычный, совсем не такой, какой использован для моего браслета, где камни совсем спокойные и намного бледнее.

Это... Это то самое кольцо? Или другое?

Я вдруг с ужасом понимаю, что не знаю, как выглядит украшение, которое хотел подарить Тогрис! Я ведь его ни разу не видела! Думала, что окажусь на Томлине и все выясню, а теперь вижу, что нет у меня на это времени.

– Примешь? – хриплым от волнения голосом спрашивает Ликет и ждет. С надеждой в глазах, не желая давить, а мне ему отказывать совсем не хочется. Не догадываясь, что

дети наши не будут лишены способностей, он принял решение, достойное уважения. И любви.

Протягиваю руку, замороженно наблюдая, как широкий ободок легко скользит по среднему пальцу, сжимаясь и плотно его обхватывая. А потом...

Потом я уже никуда не смотрю, захваченная круговоротом ощущений, новых и уже изведанных, но неизменно чувственных и сладких. Страстных поцелуев, сводящего с ума томления, жарких прикосновений...

Краем сознания замечая, что наше положение изменилось – мы уже не сидим, а лежим все в той же беседке на втором диване, больше похожем на кровать, на мягкой горе подушек и покрывал, да и одежды на нас почти не осталось. Однако удивление быстро испаряется, сметенное напором жадных рук, давлением сильного тела, страстного шепота...

– Подожди! – прошу, с трудом останавливая разгоряченного мужчину.

Он не сразу меня понимает, но все же ласки прекращает, тяжело дыша. И даже смещается, освобождая мне пространство для маневра. Я же снимаю с шеи кулон с виразом, чтобы надеть его на своего избранника. Ведь не только он хочет от меня ребенка, но и я от него. Хочу, чтобы наше желание и мечты были взаимными. Во всех смыслах.

Себя кому-то подарить – значит верить и...

Любить.

В теле приятная нега, в душе умиротворение, мысли из головы словно ветром выдуло, и они медленно и крайне лениво возвращаются обратно.

Да-а-а... Теперь я понимаю Варию. Как и Рильмину, впрочем. Если мой брат и Тогрис проявляли себя столь же умелыми любовниками... Даже если вполтину... Впрочем, нет, уверена, с моим первым мужчиной им не сравниться!

Ликет... Хочется прижаться к нему сильнее, хотя он и так меня обнимает, пусть и лежит расслабленно, да только сил никаких нет.

Лениво подняв веки, понимаю, что мы все в той же беседке, разве что за это время стемнело. Но мрак не наступил, скорее сумрак, который разгоняет приятный теплый свет.

– Проснулась? – ласково звучит любимый голос. Лба касаются теплые губы, а руки теснее обнимают, даря уют и защищая.

– Это было незабываемо, – расслабленно выдыхаю, прислушиваясь к ритмичному стуку сердца под моим ухом.

– Знаешь, как эти беседки называют? «Шатры влюбленных». А есть еще скамейки. Это «зоны флирта». Таких мест на первом ярусе дворца больше ста, и придворные с удовольствием проводят время в тех, которые свободны. Парк, по сути, для этого и предназначен.

– Сюда кто-то мог прийти? – подсказываю, натягивая на себя покрывало и судорожно оглядываясь. К счастью, сквозь ажурные стены никого постороннего не вижу. Лишь деревья, которые в наступивших сумерках начали приятно светиться оранжевым и желтым светом.

– Нет, любимая. – Ликет приподнимается на локте, объясняя. – Этот шатер мой личный и... Лина, только не надо думать о том, сколько женщин побывало здесь со мной до тебя! Я в достаточной степени щепетилен, чтобы не оставлять о них никакой памяти. Здесь все новое. Ну а место... Оно ведь предназначено для любви. И намного романтичнее, чем моя спальня.

Он с таким пылом меня убеждает, что становится весело.

– Я не ханжа, Ликет, – улыбаюсь, успокаивая его. – Никогда не понимала женщин, свято убежденных, что у мужчины до них не было неофициальных любовниц. А что касается места, то обижаться в отношении него тем более глупо. Это равносильно тому, что заявить: «Ах, ты этим занимался во дворце, а после этого посмел меня сюда привести?» Или еще масштабнее: «Ты на Томлине с любовницами развлекался, а я по этой планете теперь ходить должна?!»

Видимо, я так выразительно говорю, что Ликет не выдерживает. Хохочет и, схватив меня, заваливает обратно на подушки. Мы снова с упоением целуемся, пока мой желудок не решает вмешаться и напомнить нам о других, не менее насущных потребностях.

Любимый спохватывается и быстро организует нам ужин, видимо, тут и для этого есть все условия. Хотя я не очень понимаю, откуда в маленьком шкафчике около низкого столика взялись готовые блюда, которые Ликет достает.

– Они тут всегда, на тот случай, если мне захочется зайти и перекусить. И их каждый день обновляют. Когда я во дворце, разумеется, – объясняет мужчина, а я, предвкушая покусывая губы, наблюдаю за ним. За сильными руками, которые аккуратно ставят тарелки; за босыми ногами с на удивление мощными икрами – в брюках это не так заметно; за тем, как играют мышцы на спине... Эх, вот зачем он простыню на бедра намотал, а? Нас же все равно никто не видит!

И тем не менее я тоже закутываюсь в тонкую приятную ткань – все же на открытом воздухе, пусть и теплом, хочется комфорта привычной «одетости». Помедлив, сползаю на разбросанные по полу подушки и усаживаюсь удобнее. Ликет, закончив приготовления, опускается рядом.

– Нервничаешь? – ласково спрашивает, обнимая, чтобы придать уверенности.

– Это первый раз, когда я ем... не одна, – чувствую, как краснею, и смущенно прячу лицо у него на плече.

– Для меня это тоже впервые, – признается любимый. В его голосе ничуть не меньше волнения. – Раньше мне ни с кем не хотелось быть рядом в этот момент, но теперь...

Сейчас ему не просто этого хочется. Он этого желает. И с таким выражением, будоражащим кровь и воображение, следит за моими руками, занятыми привычным процессом, что я не выдерживаю.

– Может, все же отвернешься? – жалобно прошу, чувствуя, что вряд ли проглочу то, что в рот положила, если он будет и дальше так на меня смотреть.

Короткое отрицательное движение головой, и мужчина придвигается ближе. Теперь он меня кормит, сопровождая каждый новый кусочек ласковым поцелуем. И мне это начинает нравиться! Смущение отступает, а в душе рождается нежность к тому, кто так трогательно за мной ухаживает. А еще ничуть не меньше хочется заботиться о нем. Это ведь очень важно в личных отношениях – доверять друг другу, поддерживать, а не только дарить наслаждение.

Поэтому и я позволяю себе отламывать кусочки хрустящего мяса и, обмакнув их в соус, предлагать Ликету – он ведь тоже голодный. Хотя чувствовать пальцами касания его губ не только приятно, но и очень возбуждающе. А смотреть, как по подбородку скользит капелька сока, когда мой любимый не слишком аккуратно пьет, вообще крышесносно.

Я со стоном подаюсь к нему и... В общем, ужин уже и на ужин не очень похож. Мы и едим вроде, но при этом совмещаем прием пищи с тем, что завершили не так уж давно. А ведь казалось бы, достаточно получили удовольствия!

Вот когда я вспомнила слова мамы о том, что совместные трапезы перееданию не способствуют! Мы на самом деле не так уж много съели, а я голодной себя больше не чувствую. А вот довольной – вне всяких сомнений.

Похоже, Ликет решает этим ограничиться, потому что собирает по беседке нашу

разбросанную одежду.

– Мы уходим? – Я расстраиваюсь, что наше уединение скоро закончится.

– Обязательно вернемся, – обещает принц. – Просто ты ведь хотела покататься на краге. И я тебе обещал. Мой Цирг наверняка уже отдохнул и полон сил. Можно, конечно, подождать до утра, но днем ящеры только бегают, а ночью летают. Ты любишь летать?

– Очень-очень! – подтверждаю, выхватывая у него свое платье.

Спустя десять минут мы идем по узким дорожкам парка, иногда даже с них уходим и пробираемся сквозь заросли деревьев, огибая полянки со скамейками. Стараемся на них не выходить, потому что количество парочек, сидящих в этих «зонах флирта», превосходит мои ожидания. Я хоть и стараюсь не подсматривать, а все равно невольно замечаю и позы, и красивые наряды, и прически, и...

– Ой... – невольно останавливаюсь, зажимая рукой рот и впиваясь взглядом в очередную пару.

Женщина – томлинка. Хейола, несомненно. Она сидит лицом ко мне и не узнать ее сложно. А вот мужчина... Он повернулся спиной и опознать его по затылку, в темноте, да еще и при неверном свете, исходящем от деревьев, очень сложно.

Но больше всего меня изумляет не сам факт встречи, а то, как Хейола себя ведет. Она же самым настойчивым образом своего визави соблазняет! Сидит у него на коленях, гладит его плечи, даже в волосы пальцами зарывается. И ласково, но с вызовом лепечет:

– Я думала, ты настоящий мужчина. Воин. Завоеватель...

– По-твоему, это значит, что я должен набрасываться на тебя при первом же удобном случае?

Рестон?! Его голос не узнать невозможно.

Фух... Я уж перепугалась. Думала, она на какого-нибудь томлинца успела переключиться. Хоть и непонятно, каким образом ей это удалось.

Ликет замер рядом, приоткрыв от изумления рот. А затем настойчиво тянет меня вглубь зарослей. Не знаю, намерен ли он увиденное обсуждать, но я молчать точно не собираюсь.

– Быстро же Хейола о своих страхах забыла! А ведь казалась такой подавленной.

– Она панически боялась, что тот, к кому она почувствует влечение, будет ее так же использовать, как... тот пират. И теперь, раз уж неосторожно привязку получила, старается от нее побыстрее избавиться.

– А ведь Рестон точно не позволил бы себе так издеваться над девушкой, – сокрушаюсь, что этого во всех смыслах благородного шенорианина могут заподозрить в таком отвратительном поведении. – Жаль, сказал, что не хочет отношений.

– Лина, любимая, какая же ты несведущая в мужской логике, – притягивая меня ближе, хоть это и замедляет скорость нашего передвижения, объясняет Ликет. – Если мужчине девушка категорически не нравится, он не будет откладывать близость, а пойдет на нее сразу, как только узнает о привязке. И сделает все быстро, лишь бы партнерша получила то удовольствие, которого возжелала, и от него отстала. А вот такое поведение – лучший способ удержать влечение и сделать его сильнее. У меня ощущение, что Рестон составит Хейоле отличную партию. Если, конечно...

Он не договаривает, а в интонациях я слышу... Неужели ревность?

– Ты думаешь, он влюблен в другую? – осторожно спрашиваю его.

– Мне так показалось, – холодно отвечает Ликет. – Когда на корабле ты его обнимала...

– Да не обнимала я его! – возмущаюсь. – Я устоять на ногах пыталась! Просто л'Рошон очень пунктуально выполняет свои обязанности. Он же перед принцем Эйроном несет за

меня ответственность.

– Точно? – с такой надеждой спрашивает любимый, что мое негодование испаряется моментально.

– Можешь даже не сомневаться, – тесно прижимаюсь к нему. – Ближе тебя у меня никого нет.

– Тогда почему ты не ответила, согласна ли выйти за меня замуж?

Э-э-э... А ведь верно. Не ответила.

– Я просто не успела, – стеснительно улыбаюсь, пожимая плечами. – Ты такую бурную деятельность развил.

– А сейчас скажешь?

– Ликет, я не уверена... – Кусаю губы, понимая, что не хочу его обманывать и скрывать, но и в том, что пришло время сказать правду, я тоже сомневаюсь. – Не уверена, что ты захочешь, чтобы я была твоей женой, когда узнаешь... Я ведь тебе не все о себе рассказала.

– Любимая... – Он целует меня в лоб. – Меня ничто не заставит от тебя отказаться. Но все же твое признание я выслушаю. Только не сейчас, ладно? Позже. Здесь это вряд ли будет уместно.

«Здесь» – это в крагиуме. Мы ведь, увлекшись разговорами и выяснением отношений, незаметно до него добрались. Теперь, сопровождаемые тремя служащими, идем по коридору-туннелю к загону, где отдыхает Цирг.

Прильнув к решетке, я впиваюсь глазами в мощное животное, которое по размерам чуть больше, чем был мой Драк, значит, чуть старше. Я ведь не особенно его рассматривала, когда Ликет вернулся, а теперь, едва служащие открывают загон, вижу – этот ящер прекрасен.

Заметив нас, он поднимается. Шумно зевнув, вцепляется когтями в стену загона. Пару раз перебрав лапами и выдрав при этом ощутимый кусок обшивки, грациозно прогибает спину, чуть приподнимая крылья. Он потягивается! Неторопливо опускается вниз, встряхивается, демонстрируя темно-красные, вспыхивающие отблесками пламени чешуйки, и степенно идет к нам. Меня он игнорирует, как и служащих – первым делом тукается мордой в грудь Ликета, чуть при этом его не уронив.

– Очень красивый, – выдыхаю, не сдержав грусти, и...

И вздрагиваю от рева, который доносится из глубины крагиума. Пол под ногами чуть заметно сотрясается, и мы все с тревогой смотрим в темноту, где судорожно мечется свет, бегают темные силуэты и что-то кричат.

Один из наших спутников бросается туда, видимо чтобы выяснить обстановку. Но не успевает и половину пути преодолеть, как разворачивается и изо всех сил бежит обратно, размахивая руками и отчаянно вопя: «Прячьтесь!» А за его спиной, перекрывая собой свет, стремительно несется на нас огромный ящер.

– Лина! – предупреждающе кричит Ликет, потому что я замерла, не в силах пошевелиться, и бросается ко мне – я вижу его движение. Вот только схватить и отдернуть с пути озверевшего монстра не успевает. Цирг, привстав на задние лапы, ревет и разворачивается, всей массой отбрасывая своего наездника в другую сторону. Защищает. Ликет, прижатый крагом к ограждению загона, не может его отодвинуть, хоть и пытается, а я, наконец придя в себя, поспешно отступаю.

Да только поздно. Одно мгновение, и разъяренное животное уже совсем рядом. Я зажмуриваюсь, закрывая руками лицо. Втянув голову в плечи, жду неизбежного... А вместо этого слышу грузный удар о песок, жалобное «киур-р-р» и чувствую теплое, влажное дыхание, обдавшее руки.

От изумления, от почти забытых, но до боли знакомых ощущений я падаю на колени,

потому что ноги держать отказываются. Не веря, всматриваюсь в преданно лоящие мой взгляд огненно-желтые глаза с вертикальными зрачками, на опущенной к самой земле морде. Вслушиваюсь в непрекращающиеся причитания: «Лиу-р-р, лиур-р-р, си-и-ир-р-р...» Касаюсь пальцами кожного носа, на котором красуется зажившая, но хорошо заметная вертикальная царапина – ее мой питомец получил в своем детстве, когда к жиралям рвался...

– Драк... – с трудом произношу, задохнувшись от спазма, перехватившего горло, от слез, которые душат и катятся по щекам.

– Лина! Отойди от него! Только медленно! – слышу полный отчаяния голос Ликета, который все же сумел освободиться от силовой опеки Цирга и, замерев в напряжении, тянет ко мне руку. Подойти ближе опасается, чтобы не спровоцировать крага. Ликет ведь думает, что тот может на меня напасть.

Однако, посмотрев на принца, я вижу, что не только он решил действовать, но и вернувшие себе смелость служащие. И в руках у них оружие, которое без сомнения применят, едва я окажусь в относительной безопасности.

– Нет! – восклицаю, вскакивая на ноги, и, раскинув руки, закрываю собой питомца. Вернее, его голову, потому что на большее размаха моих рук не хватает. – Не трогайте его! Не смейте!

Не обращая внимания на то, насколько мое поведение кажется всем шокирующим, снова поворачиваюсь к ящеру, чтобы крепко обнять его за шею.

– Драк, Драк... – повторяю, покрывая поцелуями теплые чешуйки. – Какой же ты стал большой!

В ответ получаю радостное переливчатое «нейу-у-р-р-р... рур-р-р, рур-р-р...». Мол, зато ты совсем не изменилась.

– Лин! – тихо, растерянно зовет Ликет. И еще более нерешительно, едва слышно: – Идилинна?

Ну вот, теперь мне уже не в чем признаваться. Правда, неясно, хорошо это или плохо. Ведь отныне он будет видеть во мне совсем другую женщину. И как воспримет то, что между нами уже было?

Вздохнув и прижавшись щекой к Драку, я жду. Молча жду, когда побледневший Ликет придет в себя. Когда встряхнет головой, словно прогоняя накативший ступор. Когда все еще хрипло, но уверенно прикажет приготовить ящеров к прогулке...

Идти в пещеру, к выходу Драк без меня категорически отказывается, да и Цирг нервничает в присутствии крага, который едва не вдвое больше него, так что томлинцу, как и мне, приходится своего питомца сопровождать и успокаивать. Впрочем, это не мешает принцу при любой возможности бросать на меня задумчивые взгляды. А вот что при этом творится у него в голове, мне не ведомо – на лице лишь сосредоточенное выражение.

В седло я забираюсь, чувствуя, как возбужденно дрожат чешуйки крага. Слышу шумное, глубокое дыхание. Вижу, каким нетерпением и азартом загорается взгляд моего ящера. Оказавшись на его спине, теряюсь. Ощущения не совсем привычные – посадка выше, тело объемнее, а толстая шея, которую я всегда с легкостью обхватывала руками, теперь не может служить мне надежной опорой. Ох, надеюсь, я не навернусь с высоты, когда мы полетим!

Опасения мои оказываются напрасными. Ставший массивным, Драк, может, и потерял грациозность, зато приобрел невероятную устойчивость. И если раньше что при беге, что в полете меня основательно качало, то теперь нарастание скорости и изменение высоты я чувствую лишь по усилению воздушного потока, давлению, когда поднимаемся, и замиранию сердца, едва проваливаемся вниз. В то время как сиденье подо мной остается стабильным, словно стоит на твердой земле.

Обретя уверенность, я с восторгом, не меньшим, чем у моего питомца, наслаждаюсь прогулкой. Песком, который взрывают вверх крепкие мускулистые лапы ящеров. Шумом

распахнувшихся крыльев, едва животные, разогнавшись, спрыгивают с козырька песчаного холма, на котором стоит дворец. Воздухом, который ночью кажется свежим и не таким жарким. Звездным небом, ставшим невероятно близким...

Цирг летит сбоку, но чуть впереди, и его наездник, в отличие от меня, сосредоточен и серьезен. Он не развлекается, а показывает путь, направляя своего крага, хотя я не представляю – как можно ориентироваться в ночном мраке? Разве что по тускло светящимся зарослям растений вниз.

Впрочем, вскоре пейзаж поверхности становится интереснее. Свечение приобретает яркие краски, тишина насыщается звуками, а ровная песчаная долина превращается в холмисто-горную местность. А когда мы оказываемся совсем близко и опускаемся, пикируя вниз, я понимаю – это город. И каждое возвышение в нем – постройка. С оконцами, балкончиками и дверьми. А между этими своеобразными домами петляют улочки, стремящиеся соединиться на маленьких свободных площадках. И везде я вижу деловито спящее местное население. Похоже, ночь на Томлине – это время отнюдь не для сна.

Драк следом за Циргом опускается на самую высокую и большую крышу-козырек на окраине города. И с таким блаженством делает выдох и фыркает, складывая крылья, что становится ясно – ждал он этого полета очень долго. Больше шестисот лет. Рильмина говорила, что, повзрослев, краги не летают без своих наездников.

Перекинув ногу через его спину, я поправляю юбку, сползаю вниз и тут же оказываюсь в подхвативших меня сильных руках. В тесных, желанных объятиях замираю, выжидая. Однако Ликет действовать не спешит. Прижав меня к себе, прикрыв глаза, он словно прислушивается к своим ощущениям.

– Хотела сказать? – наконец мягко спрашивает.

– Не успела, – вздыхаю, а через мгновение любимый, приподняв за подбородок мою голову, нежно касается губами губ.

Это совсем не тот страстный поцелуй, сводящий с ума и заставляющий желать лишь чувственного удовольствия. Это иное. Понимание. Забота. Обещание.

И я успокаиваюсь. Не бросит. Не отойдет в сторону. Поддержит и будет рядом, как обещал. А рассказать...

Рассказать все равно придется. Убеждаюсь в этом, когда Ликет, крепко взяв за руку, ведет меня вверх по ступеням, на небольшую уютную обзорную площадку с удобным диванчиком на двоих. И только оказавшись там, я понимаю, почему он сделал такой необычный выбор места, – вид отсюда открывается изумительный, а наше уединение не граничит с одиночеством, потому что совсем рядом кипит жизнь. И эта жизнь заставляет видеть перспективу. Смотреть в настоящее и будущее, а не только вспоминать мрачное прошлое, как это бы, несомненно, произошло, окажись мы в ночной пустыне.

Обняв и удобно устроив мою голову у себя на плече, Ликет слушает внимательно, молча, позволяя выговориться – ведь у меня так долго не было возможности этого сделать. Ни король Шенора, ни Рестон не поняли бы моих душевных терзаний. Для них, сильных телом и духом, слабость женщины – приговор. Мне даже кажется, что, не прояви я себя волевой и решительной личностью, ни о какой поддержке с их стороны и речи бы не было. Так что, можно сказать, идея переодеться мальчиком оказалась удачной.

– Не представляю, как ты все это вынесла, – потрясенно говорит Ликет, когда мой словесный поток иссякает. – Я знал, что с твоим сном не все так просто, как было объявлено официально, но чтобы настолько...

– А что ты знал? – Я моментально разворачиваюсь, чтобы видеть его лицо.

– О том, что тебя отравили водой из подземного озера, мне отец рассказывал. Деда я не застал, а уж прадеда и подавно. Дихол... – шипит, словно обжегся. – В голове не укладывается, что ты была его невестой.

– Мне ничуть не проще. Для меня ведь всего три месяца прошло, – парирую я. – А о

судьбе тех, кто отравил, что-то знаешь?

– Кузена прадед казнил, а твою фрейлину замуж выдал, принудительно лишив возможности иметь детей, – тихо сообщает принц. Впрочем, ведь об этом было и в послании из прошлого, разве что без упоминания о последствиях для Рильмины.

– Так... А Драк как на Томлине оказался? И чей же я скелет в замке нашла?

– Твой ящер вряд ли бы выжил на Вионе без должного ухода. Тем более что ты спала. А на Томлине ему было проще ждать твоего пробуждения. Про скелет мне ничего не говорили. Но я думаю, что его специально привезли – взамен, когда забирали Драка. Наверное, не хотели лишних пересудов. Умер питомец – вот доказательство, и нечего больше обсуждать. А твой брат, который тайник делал, вероятнее всего, просто решил использовать скелет как подсказку. И легенду про сломанный зуб придумал. Сомнительно, чтобы краг мог пробить трипслат. Так что тебя просто хотели натолкнуть на правильный ход мыслей.

С предположениями я согласна, но... Ох, Горан! Что ж ты не подумал, как мне больно будет узнать о смерти Драка! Впрочем, судя по тому, что я о младшем брате слышала от Сейлиссы, особой чувствительностью он не отличался, раз казнил неугодных подданных направо и налево. Он о моих чувствах даже не задумался, вероятнее всего.

– Кстати, – продолжает Ликет, – в сокровищнице до сих пор хранится письменное распоряжение прадеда, запрещающее лишать жизни этого крага и предписывающее отвезти его на Вион, как только станет известно, что наследница проснулась. Он надеялся, что это произойдет до того, как Драк умрет.

– А сколько... Сколько Драку осталось?

– Тебе разве не говорили? – теряется Ликет. – Ящеры до тысячи лет запросто доживают. Только редко, потому что у крага еще в яйце формируется связь с тем, кто рядом. Потеряв ее, перестав ощущать наездника, он себя калечит. В итоге приходится ящера убивать, чтобы не мучился. Так что Драк знал, что ты жива, даже на таком большом расстоянии.

Я бы наверняка еще о чем-нибудь спросила, но отвлекают меня веселые крики и ритмичные звуки. Заглянув за невысокую ограду, вижу, как хаотичное движение томлинцев по улочкам становится упорядоченным. Толпа стекается к площади, расцвеченной ярким светом. И именно оттуда слышна музыка.

– Похоже, сегодня у горожан свадебная ночь. Видимо, набралось достаточно влюбленных. У нас принято танцевать нескольким парам одновременно, это считается счастливым знаком. – Я чувствую руки, ласково, но уверенно притянувшие меня к моему спутнику. А потом и волнующий кровь вопрос слышу: – Может, хоть сейчас ты мне скажешь, когда будет наш танец?

Заглядываю в глаза, вспыхивающие огненными бликами, наверняка из-за особенностей освещения, но мне хочется верить, что причина иная – нетерпение, ожидание.

– А прямо сейчас нельзя? – спрашиваю неожиданно для себя. – Или ты хочешь пышную свадьбу? Все же принц...

– А ты не хочешь? – удивляется Ликет. – Все же наследница!

– Наследница несуществующей империи, – смеюсь я.

– Принц, который никогда не станет королем, – подхватывает любимый. – Тебе не кажется, что мы идеальная пара?

– Мне кажется, что мы очень вовремя сюда прилетели! – заговорщически ему подмигиваю и многозначительно смотрю вниз. – Успеем?

– Успеем!

Азарт, возбуждение, предвкушение... Мы, крепко взявшись за руки, торопливо спускаемся по ступеням и бежим. Сначала к краю посадочной площадки, где необычная

конструкция в виде маленькой платформы с бортиками опускает нас к основанию дома. Затем по улице, обгоняя замешкавшихся томлинцев, провожающих нас удивленными взглядами, которые сменяются понимающими улыбками. Наконец пробираемся через толпу, стремясь попасть на свободное пространство в центре площади, где уже звучат начальные аккорды свадебной мелодии, а шесть пар делают свой первый шаг навстречу друг другу.

Мы становимся седьмыми. Вместе со всеми кружимся, приседаем, скользим, отступаем или возвращаемся в объятия друг друга. Синхронно и в то же время индивидуально. Здесь нет шаблона, нет строго регламентированных движений. Есть лишь притяжение тел, неторопливое изучение партнера и непреодолимая потребность в итоге оказаться вместе. Стать единым целым. Соединиться не только телами, но и душами. Навсегда.

Ждешь или не ждешь каких событий,

Не избежать тебе...

Открытий.

Королевский дворец на Томлине в любое время суток поражает воображение. Ночью он темной громадой таинственно мерцает в свете звезд. Сейчас ярко-розовые полуденные лучи Иона делают его похожим на гигантскую вздымающуюся волну, высеченную в кристаллической возвышенности. А вокруг царит невероятное оживление. Деловито куда-то убегают и возвращаются ящеры со своими наездниками. Шесть военных отрядов на ровной площадке перед зданием репетируют маршевый ход и отрабатывают перестроения. Придворные, видимо самые нетерпеливые, покинули внутренний двор и заняли стратегические позиции у входа. Да и в окнах, выходящих на внешний фасад, невозможно не видеть любопытных лиц и едва не вываливающихся с балконов фигур.

– Ты уверен, что нам нужно туда возвращаться? – тоскливо спрашиваю я, оценив суетливость и основательность подготовки обитателей замка к встрече.

– Уверен, моя красавица. Никет не стал бы настаивать на этом без веских причин.

Голос мужа звучит спокойно, хотя слышу я его не так уж четко – сильный ветер на возвышенности, где мы остановились, рвет звуки, мешая общению. Да и наши краги, пользуясь передышкой, завели привычную ворчливо-гурливую беседу – то ли отношения до сих пор выясняют, то ли тоже впечатлениями делятся.

– Мы и так злоупотребили терпением моей семьи, – продолжает любимый. – Расслабились, забыли обо всем и обо всех. Пришло время снова стать собой.

– Я постараюсь, – обещаю, понимая, что он прав.

Мы семь дней были предоставлены самим себе. Вернее, сделали все, чтобы нам никто не мешал наслаждаться нашим единением. После танца до самого утра бродили по городу так же, как и другие молодые пары, принимая поздравления горожан – кристаллы томлитонита. Маленькие, размером с песчинку, и более крупные – любые из тех, что нам с готовностью отдавали. У нас их больше тысячи набралось!

В принципе, молодая семья может распорядиться ими по собственному усмотрению – кто-то свой дом защитит, кто-то родным и знакомым раздаст, кто-то продаст. Мы же с восходом Иона отнесли их на площадь, оставив на месте нашего танца для тех, кто в них нуждается. И сбежали. Сбежали, потому что услышали о делегации из королевского дворца, направляющейся в город.

Мы не прятали своей любви и не скрывались. Просто хотели наслаждаться друг другом в полной мере, без оглядки на необходимость встреч, объяснений, оправданий.

И пока посланные за нами гвардейцы приближались к городу, мы с той же скоростью мчались к следующему. Снова гуляли, любовались звездами, отдыхали в маленьком уютном домике на окраине, который Ликет для нас приобрел. А через три дня снова сорвались с места, чтобы не быть пойманными и узванными.

Коммуникатор мужа наверняка не дал бы нам ни одной спокойной минуты, если бы Ликет не отключил оповещение. Техника молча захлебывалась сообщениями и вызовами, а мы... Мы так славно проводили время!

Однако полной безответственности супруг не допускал. По утрам обязательно вызовы просматривал, на письма отвечал, а однажды, то есть вчера, даже связался с Никетом.

Признаваться в том, что именно лежит в основе его настоятельной рекомендации вернуться во дворец, близнец не стал. Но мне показалось, что не сказал он этого потому, что рядом был кто-то, не желающий, чтобы мы раньше времени оказались в курсе.

Значит, ждет нас сюрприз. А вот приятный или нет, тот еще вопрос.

И с одной стороны, я бы с удовольствием нашла повод не ехать в замок, в очередной раз изменив маршрут. Но с другой, вечно скрываться не будешь. Да и не поворачивать же обратно, когда уже практически достигли места назначения.

Ликет направляет Цирга, и тот тут же пускается быстрой рысью, мощно вскидывая лапами песок и отбрасывая его в сторону. Драк бежит следом неторопливо, вальяжно, но с легкостью нагоняет своего более мелкого собрата – размер тут имеет принципиальное значение и он напрямую от возраста зависит. А Цирг ровесник своему наезднику – он, еще будучи в яйце, лежал в кровати Ликета, а потом подрастал вместе с ним. Ясное дело, Драк в десять раз старше. И потому втрое крупнее.

По мере нашего приближения суета вокруг замка нарастает в геометрической прогрессии. У главного фасада нас ждет самый что ни на есть торжественный прием, в котором принимает участие не только выстроившийся по стойке смирно почетный полк гвардейцев, за спинами которых толпятся придворные, но и вышедшая на крыльцо королевская семья. В итоге нам приходится остановить ящеров у подъезда, а не заезжать в крагиум.

В ожидании, пока муж спрыгнет со спины Цирга и поможет спуститься, я разматываю защищающий голову и шею шарф. Заодно, стараясь делать это незаметно, рассматриваю новых родственников.

Отец Ликета, Неус Чьер цу'лЗар – пожилой, не слишком высокий, полноватый мужчина в строгом бежевом костюме и с тускло-песочными волосами, заплетенными в сложную, толстую и короткую косу. Он точно такой, каким я его представляла – видела портрет в галерее. Смотрит король на нас с теплотой в побледневших от возраста глазах, и его настрой мне очень импонирует.

Его жена, Креола Грес Давин – та самая, что в гневе выскочила из покоев сына, – сегодня сама приветливость. Сияющий взгляд, широкая счастливая улыбка, частое дыхание, вздымающее обтянутую корсетом грудь и выдающее восторженное нетерпение. О-о-о... Кажется, она радикально изменила свое отношение к желаниям и поступкам строптивого отпрыска.

Лишь на лице наследного принца, Никета Грес цу'лЗара, лежит тень беспокойства. Но это не зависть. И не опасение за свой статус. Скорее, тревога за любимого брата и серьезный настрой в готовности помочь.

– Любимая!

Слышу ласковый голос и не раздумывая соскальзываю в подхватившие меня сильные руки. Не удерживаюсь, прижимаюсь к мужу, поддержку которого мне хочется чувствовать постоянно. И он меня без слов понимает. Так и не выпустив из объятий, ведет к крыльцу.

– Мы рады вашему возвращению и ждали его, – едва оказываемся рядом, говорит король.

И мне остается непонятным – что именно он имел в виду? Мое появление как наследницы или наше с Ликетом как семейной пары? Впрочем, раз встреча официальная, а свидетелей более чем достаточно, двойственность фразы оправданна – каждый из присутствующих может воспринять ее так, как видит правильным со своей точки зрения. Это очень грамотный в политическом смысле прием, мне об этом наставница не раз говорила.

Поскольку ответных речей от нас не требуется, проходим сквозь широко распахнутые двери. Лестница, еще одна, анфилада, ведущая в парадную гостиную... Склоняющиеся в поклонах головы придворных, услужливые движения вышколенных служащих... Обстановка строгая, чинная, торжественная. Однако едва за нами закрываются двери и мы остаемся в тесном семейном кругу, все меняется.

Первой не выдерживает моя новоявленная свекровь. Всплеснув руками, принимаясь лепетать: «Ой, Ликет, Лина, как же я за вас рада!» – и бросается к нам с объятиями. Я прячусь в руках мужа, и поэтому большую долю материнской... гм... любви он берет на себя.

– Креола, пожалуйста, оставь сантименты, – морщится, но без раздражения говорит король. – На них еще будет время. Сейчас есть более важные вопросы.

– Может, скажете уже, что случилось? – интересуется Ликет, дождавшись, когда энтузиазм его матери сойдет на нет, и усаживает меня на диван.

– Случилось то, что вы, ферт Ликет Давин цу'лЗар, поступили бесчестно! Вы воспользовались моим доверием и наивностью Идилинны, чтобы получить то, на что не имели никакого права!

Злой, раздраженный голос раздается раньше, чем искусственная коричневая рука резким движением отдергивает занавес, отгораживающий небольшую нишу, и из нее выходит Эйрон.

Так вот кто стоял за спиной Никета и не дал брата предупредить! Наверняка хотел, чтобы его появление стало для нас неожиданным. Впрочем, то, что он предпочел официальным обвинениям вот такие, скажем, частные, это хороший знак. Значит, хоть и сердится, но шанс на примирение есть. И Ликет совершенно правильно пытается им воспользоваться.

– Я не обманывал вас, принц...

– Король, – перебивает его племянник.

– Прошу прощения, – спокойно исправляется муж, – король Эйрон Садиз ди'Дон. Возможно, вы измените свое видение ситуации, если узнаете, что я всем сердцем люблю Идилинну.

– И поэтому так спешили с танцем? – презрительно хмыкает его оппонент. – А свою невесту подтолкнули к Рестону, чтобы она его отвлекла, а он не мешал вашим планам?

– С танцем поспешила я, – подаю голос, решив, что услышала достаточно.

– Но зачем? – изумляется Эйр, быстро преодолевая разделяющее нас расстояние, и опускается на сиденье дивана. – Ведь у тебя должен был быть выбор. А ты не только себя его лишила, но и меня оставила в неведении! Хотя бы на мгновение представь, что я почувствовал, когда решил навеститься в старый замок и не нашел там тебя? Я же чуть с ума не сошел, когда до меня дошло, кого все это время считал простым вионцем, пусть и якобы дальним родственником!

Племянник ужасается моей безрассудности, я же, вместо того чтобы перейти на неофициальный стиль общения, держу дистанцию.

– Эйрон Садиз ди'Дон, неужели вы всерьез полагаете, что я действовала необдуманно? Да, правды я вам не открыла, но причина у меня была уважительная! Ведь вы заставили бы меня вернуться на Вион, а я...

Я беру за руку Ликета, оставшегося стоять рядом со мной. Его брат тоже стоит, опираясь бедром о спинку кресла, на которое уселась, расправив пышные юбки, Креола. А ее муж отошел к двери и, приоткрыв, с кем-то тихо разговаривает. И потому, оценив диспозицию, понимаю – шоковая терапия будет самой действенной.

– Вы не подумали, что я могу по-настоящему полюбить, а не потерять голову от влечения? Желать простого семейного счастья с тем, кто мне на самом деле очень дорог? С тем, кто меня дважды спас. И, кстати, не только меня, но и вас. Или вы забыли,

что называли его другом?

– Я помню, – хмурится Эйрон, но наконец говорит то, на что я рассчитываю: – И моя благодарность остается в силе. Как и признание заслуг.

– Раз вы не считаете Ликета недостойным кандидатом, значит, просто неправильно формулируете свои претензии, – кротко улыбаюсь я. – Понимаю ваше негодование, вы – глава династии и, несомненно, хотели первым узнать о моем решении, чтобы его одобрить. Но прошу вас вспомнить и о том, что я все же старше и потому имею право решать свою судьбу самостоятельно.

– Старше? – Эйрон теряется, видимо, с такого ракурса ситуацию не рассматривал. Но я опомниться ему не даю.

– Намного старше. И мне виднее, как поступить, не только с позиции личной заинтересованности, но и с политической точки зрения. Объединение Томлина и Виона станет самым символичным и показательным для всех династий. Ведь именно эти планеты до последнего оставались вместе. С них и должно начаться возрождение империи. У вас иное мнение? Или вы, племянник, по-прежнему считаете меня глупым, наивным идеалистом? То есть идеалисткой?

– Нет, – потрясенно выдыхает Эйр, и я успокаиваюсь. Все. Дальше будет совсем просто. Пожимаю руку мужа, намекая, что теперь нужно бы и ему сказать свое мнение. И он меня не разочаровывает.

– Объяснимо, что после предательства лучшего друга детства вы подозреваете меня в чем-то аналогичном. И мои слова вряд ли смогут вас переубедить. Лишь время и дальнейшие события станут для вас доказательством. А пока, прошу, доверьтесь моей жене, ее интуиции и выбору, который она сделала.

– Ваш визит – прекрасная возможность закрепить не только семейные связи, но и союз наших планет. Мы можем обсудить условия и объявить всем о нашем решении, – неожиданно добавляет Никет.

– Согласен, – коротко озвучивает свою позицию Эйрон.

– Вот и отлично! – широко улыбаюсь я. – Раз претензий ни к кому нет, я, с вашего позволения, удалюсь, чтобы привести себя в порядок. Дорога была пыльной. А вечером с огромным удовольствием побуду в вашей компании. Вы ведь расскажете мне все, что с вами произошло после того, как мы расстались?

Эйр кивает и даже начинает улыбаться. Я же, пользуясь поддержкой Ликета, поднимаюсь и, посмотрев на вытянувшееся лицо королевы, понимаю – она решила до последнего сидеть здесь. А ведь мужчинам нужно остаться одним!

– Фисса Креола, надеюсь, вы не откажетесь быть моей компаньонкой, пока я не подберу себе фрейлин? – строго говорю, чтобы не вздумала искать отговорки. – Раз у мужчин сомнений нет и империя восстанавливается, нам с вами следует соблюдать ее традиции. Проводите меня в мои покои. То есть покои моего мужа.

Она было стрельнула глазами на короля, который за это время успел отойти от двери и встать за спиной Никета, но поддержки не получила. И теперь идет чуть впереди, молча, наверняка обдумывая, что ей со мной делать.

Вот честно, я бы от королевы держалась подальше и вообще поменьше контактировала, если бы была уверена, что она не станет вмешиваться в нашу с Ликетом жизнь. Ну а поскольку такой уверенности нет, то правильнее будет проявлять инициативу самой и в нужном мне направлении, а не постфактум разгребать последствия сверхактивности свекрови. Примера Хейолы мне достаточно. Так что...

«Ах, как же мало у меня платьев...»

«Что значит – завтра будут новые? А сегодня я что надену?...»

«Ой, нет, этот фасон мне не идет!...»

«Как? Вам нравится этот ужас? Фисса Креола, вы меня разочаровываете...»

«Неужели вы меня оставите?» – И слезы на глазах, едва королева попыталась заикнуться о другой кандидатуре на роль временной помощницы.

Ох, не думала, что искусство игры и эмоциональной манипуляции мне понадобится в жизни! Всегда на эти занятия ходила с изрядной долей скептицизма, и вот итог. Впрочем, к вопросам управления империей меня не допустят – официально, по крайней мере, – так что моей вотчиной остается дом и его обитательницы. А уж здесь своих позиций я не сдам.

Кстати, любопытно, а где Хейола?

Я спрашиваю об этом, когда королева на удивление красиво собирает мои пусть и чуточку отросшие, но все равно еще короткие волосы в прическу. Наверное, по причине сосредоточенности ответ получаю совсем не эмоциональный.

– Она в покоях посла Шенора. Каждый день к нему бегают.

– Они уже любовники? – пытаюсь разобраться в ситуации.

– Не похоже, – качает головой фисса, соединяя волосы с косой и закрепляя ее на голове. Тон у нее по-прежнему равнодушный, словно к своей протеже она совершенно потеряла интерес. Причина, в общем-то, на виду, но сам факт мне не нравится.

– Вы, насколько мне известно, обещали своей подруге, что устроите судьбу ее дочери, – коварно напоминаю. – Вам не кажется, что отсутствие возможности у Ликета на ней жениться или взять в фаворитки не снимает с вас этой ответственности?

– А что я могу, если девочка залипла на инопланетника? Она же не в томлинца влюбилась, – округляет глаза королева, глядя на меня в зеркало.

– Вы можете убедить его жениться на ней, а не взять в качестве постоянной любовницы.

– Он не захочет... – неуверенно отпирается фисса, а когда я выразительно приподнимаю бровь, надменно хмурится и нехотя соглашается: – Попробую.

– Надо не пробовать, а делать, – на правах старшей назидательно заявляю я. – И столкнувшись с трудностями или поняв, что все идет не так, как виделось, не пускать дела на самотек. Не бросать и не ждать, что все решится само собой. Мы в ответе за свои поступки в той же степени, что и наши мужчины. Даже если они готовы исправлять за нас последствия.

При первых словах моего монолога королева вспыхивает, полная решимости осадить наглеющую невестку, но к концу моей речи ее запал пропадает. Видимо, свою вину она все же сознает, а проблему от себя отодвинуть старается исключительно ради собственного спокойствия. И это меня радует. Было бы намного хуже столкнуться с непробиваемой черствой особой, которая вообще не признает совершенных ошибок.

Поэтому я выбираю самую простую тактику, которая, по моему мнению, должна правильно сработать: под грифом «самый страшный секрет!» рассказываю ей то, что знаю о личной жизни Рестона.

– Я поняла, – потрясенно ахает свекровь. – Бедный, он так одинок! Хейола обязана составить его счастье! Тем более она с инопланетниками долго общалась. Наверняка привыкла, потому и потянуло ее к нему... Ты права, Идилинна. Да, так мы и поступим.

Не нравится мне ее «мы», но останавливать увидевшую цель королеву, похоже, все равно, что встать на пути крага, когда тот пошел на взлет. М-да... Кажется, совместное существование будет более сложным, чем я думала.

– Куда это она? – теряется Ликет, проводив недоуменным взглядом мать, рванувшую на выход и в коридор, едва сын шагнул в свои покои. – Вы поругались?

– Мы подружились, – вздыхаю в ответ. – Надеюсь, это обратимо.

Последнее невольно с губ срывается, и я, практически метнувшись в объятия мужа, тут же извиняюсь: «Прости, пожалуйста». Вот честно, меньше всего мне хочется его расстраивать.

Впрочем, он и не думает обижаться. И вообще философски относится к происходящему. Особенно после того, как я честно признаюсь в содеянном.

– Не переживай, л’Рошон не из тех, кем можно манипулировать. Если захочет – женится, ну а не захочет – вряд ли усилия моей матери что-то изменят. – Ликет пожимает плечами, еще крепче меня обнимает и успокаивает, подтверждая мои же подозрения. – Зато ей будет чем в это время заняться.

– А потом? – Я предусмотрительно выясняю перспективы на будущее. – Когда в судьбе Хейолы наступит определенность?

– Потом? – Супруг ласково гладит меня по спине и, скользнув рукой на живот, вкрадчиво предполагает: – Может, внуками займется? Она с нами маленькими с удовольствием возилась. И с Хейолой, пока та не выросла.

– Так это когда еще будет!.. – начинаю было я и осекаюсь. Очень уж взгляд оранжевых глаз выразительный.

Но ведь я не чувствую, что беременна, хотя обычно результат, если он положительный, за неделю точно себя проявит. Да и я за все это время ничего из ряда вон выходящего не заметила. А ведь мама говорила, что в тот момент, когда близость ради зачатия ребенка, все чуточку иначе происходит, нежели обычно. Не уточняла, но утверждала, что по завершении иные ощущения возникают. Говорила, что женщина с легкостью отличит – просто мужчина получает и дарит удовольствие или одновременно с этим отпускает на волю инстинкт размножения.

– Не понимаю, – морщусь, потому что не могу найти объяснения.

– Я же тебе в своих намерениях признался, когда кольцо подарил, – еще больше запутывает меня муж.

– Это я поняла. Но мне говорили, – вспоминаю слова Тогриса, – что кольцо – это принятое мужчиной решение, которое не обсуждается.

– Любимая... – потрясенно выдыхает Ликет. – Да, оно не обсуждается в том смысле, что мужчина его не изменит. Но это вовсе не означает немедленного приведения в действие. Решение, в какой именно момент времени зачать ребенка, принимают оба партнера. И согласие должно быть обоюдным. Просто у женщины, принявшей кольцо, есть гарантия, что мужчина не передумает.

Ох... Так вот о чем хотел сказать Тогрис и не сказал. Наверное, постеснялся после того, как моя мама категорично высказалась против, да и я отказала, даже не попытавшись разобраться в нюансах.

– А у нас кулончик – просьба о ребенке, которую обычно сразу исполняют, – признаюсь, ощущая себя дорадой, которая совершила откровенную глупость. – Я тебе его отдала, чтобы хотя бы видимость равноправия получилась.

– Я примерно так и подумал, – успокаивает меня муж. – Поэтому и спешить не стал. Потому и спрашиваю сейчас: ты на самом деле готова к беременности или мы еще немного побудем эгоистами и не станем делить свою любовь на троих?

– Побудем, – хихикнув, я зарываюсь носом в мягкие воланы его рубашки. – Только для твоей мамы придется изобретать проблемы, чтобы в правильное русло ее активность направить.

– Ничего, придумаем. Теперь у нас для этого больше возможностей... Подождешь меня? Я приведу себя в порядок, и мы вместе пообедаем. Отдохнем немного, а потом развлекаться пойдем. Никет предложил Эйрону в «Ривус» сыграть. Я в паре с братом буду, а мой отец короля поддержит. Ты же хочешь на это посмотреть?

– Очень! – воодушевляюсь я, вспомнив о пластинах с игровым полем, которое создал

Тогрис.

Пока муж занимается собой, я успеваю добраться до комнаты, в которую меня изначально поселили, и забрать оттуда контейнер со своими богатствами. Помощь мне трижды пытались навязать, но я не стала рисковать. Не хватало еще, чтобы кто-нибудь из обитателей дворца пострадал от нечаянного взаимодействия с гендетектором.

Мое предложение использовать раритетный уровень Ликету нравится. Как и остальным игрокам, с энтузиазмом взявшимся за освоение космического пространства шестисотлетней давности. Видимо, в анналах истории этой игры не сохранилось победной стратегии Тогриса, а время своеобразно распорядилось памятью того, кто ее создал, и уничтожило древние пластины с настройками.

- То, что они остались в твоём наследстве, – настоящее чудо, – бережно принимая раритет из моих рук и загружая в стол-проектор, с уважением отзывается Эйрон. – Сейчас, если мы хотим полного объединения, важно любое напоминание о прошлом процветании империи. Я смогу настройки скопировать?

- Не нужно, я вам такую пластину подарю. У меня их несколько. Это будет мой свадебный подарок, – обещаю, радуясь предусмотрительности Горана и вспоминая, что на самом деле никого не одарила по случаю самого счастливого в моей жизни события.

- Тогда, возможно, и мне? То есть Шенору? – раздается голос за спиной.

- Обязательно! – Я оборачиваюсь к Рестону, с удовольствием отмечая, что Хейола пришла вместе с ним.

Да, она невеселая, задумчивая, как влюбленная Вария, когда та не знала о чувствах Ваймона, но я уверена, все у томлинки будет замечательно. Королева постарается – вон как выразительно мне кивнула, останавливаясь за спиной мужа. Да и я бездействовать не стану, если поддержка понадобится. А может, и не понадобится – взгляд, которым одарил свою спутницу Рестон, прежде чем сесть за стол в качестве наблюдателя, показался мне многообещающим. Значит, не просто так шенорианин с близостью не спешит.

- Так вот, – сортируя и расставляя свои игровые юниты, говорит Эйрон, продолжая рассказ, который начал при нашем появлении. – Дезертирство Латала было самой большой удачей. Оно мне и лояльность капитанов крейсеров обеспечило, признавших за мной право командования, и благополучную посадку на Вион...

Возродив все бывшее, сбросив тяжкое бремя,

Можешь смело сказать: прощай, смутное...

Время.

Стоя у иллюминатора, я со смешанным чувством радости, предвкушения и тоски смотрю на медленно приближающуюся сине-зеленую планету, почти темную с левого бока, а справа ярко освещенную белыми лучами нестерпимо слепящей Адапи.

Вион... За тридцать лет замужества я возвращалась сюда дважды, но этот прилет должен стать особенным. Значительным. Незабываемым. Эйрон обещал.

- Пойдем, любимая, – моего виска касаются теплые губы, а талию оплетают сильные руки, – транспортный модуль нас ждет.

- Шейрон уже там? – спрашиваю на всякий случай, хотя знаю, как пунктуален сын. Впрочем, он и активен в той же степени. Первое ему точно по линии деда досталось – все мужчины семьи цу'лЗаров, начиная с Тогриса, педанты до мозга костей, а вот второе бабушкой Креолой привито – ее гены проявились, ну и личный пример, несомненно.

- Он с самого утра в рубку примчался и убежал в стыковочный ангар, едва мы на орбиту вышли, – увлекая меня по коридору, смеется Ликет, и я, хоть и волнуясь, тоже улыбаюсь.

Увидев забравшегося с ногами на сиденье сынишку, крепко вцепившегося в спинку кресла и замороженно впившегося взглядом в панель управления, по которой скользят пальцы пилота, готовя капсулу к посадке, не удерживаюсь от замечания:

– Шейр, води себя достойно!

– Ага! – Мальчишка послушно усаживается, но в его глазах по-прежнему горит азарт и восторженное возбуждение. – Мама, папа, я знаю, кем стану, когда вырасту! Я пилотом буду!

– Мы это решим чуть позже, когда ты еще немного подрастешь, – погладив светлые песочные волосы, мягко уходит от прямого ответа Ликет, помогая мне сесть и занимая кресло рядом.

– Ладно, – вздыхает непоседа. – Я подожду.

И я снова улыбаюсь. За свои девять лет он столько раз менял предпочтения! В три годика лепетал, что будет воспитателем, в четыре решил ухаживать за крагами, потом его манили поиски в шахтах томлитонита, но вскоре сильнее увлекло мастерство ювелиров, укрощающих своенравный камень. В семь лет, начав посещать политические встречи и столкнувшись с инопланетниками, загорелся идеей стать послом Томлина, а еще через год заявил, что политика это скучно и лучше уж он будет проектировать дома и города.

В общем, не удивлюсь, если следующее запоминающееся событие вновь изменит его планы на будущее. Одно уже сейчас понятно: власть и управленческая работа не по его характеру. И это даже к лучшему. Его кузен, который родился на три года раньше, хотя свадьба Никета состоялась лишь через пять лет после нашей с Ликетом, проявляет куда больше усидчивости и старания в овладении знаниями по законодательству и политическому устройству. И это замечательно, ведь именно Дагону наследовать трон Томлина.

А что касается объединения планет, то даже будь Ликет императором, Шейрон все равно не имел бы на этот пост никаких прав. Лишь муж нашей дочери-наследницы... Которой пока нет так же, как нет и официально признанной империи. А все почему? Да потому, что военно-экономический союз Виона, Томлина и Шенора не поддерживали другие планеты, бывшие когда-то столицами. Да, к объединению весьма неспешно и осторожно присоединились Ийтиц-Ро, Торманж, Рогранс, Ланс и Видийх, но этого все равно оказалось недостаточно. Империя не империя без тех, кто участвовал в ее становлении.

Надо отдать должное моему мужу, он все делал для того, чтобы моя мечта о полноценном возрождении сбылась. И не его вина, что отнюдь не все принимали нас так, как это сделал, например, король Шенора. Кто-то не верил в будущее империи, которая не смогла выдержать выпавших на ее долю испытаний и развалилась. Какой смысл в нее вступать, если империя снова потеряет целостность? Кто-то верил, но ждал, когда объединение станет сильнее и докажет свою состоятельность, – именно такой была позиция короля Таи. Кто-то просто был занят своими внутренними проблемами – и таковых оказалось подавляющее большинство. А до кого-то мы банально не смогли добраться по причине развернувшихся в непосредственной близости от них военных действий. К примеру, на подступах к Зоггу все выходы из подпространства блокировались крейсерами цессян.

В космосе по-прежнему было беспокойно. Даже Вион и Томлин оказались под настоящим прессингом со стороны Милбара. И если бы не поддержка Шенора, вряд ли им удалось бы так долго и успешно держать оборону.

Больше всего доставалось Виону, потому что Латал, сбежавший и, по всей видимости, добравшийся до своих союзников, решил, что терять ему нечего, и уговорил милбарцев на полномасштабную оккупацию. Ему было все равно, каким способом вернуться к власти.

Последствия оказались страшными. Первые годы атак – самыми ужасными. Столько погибших Вион еще не видел, таких разрушений никто не ждал. Пострадал даже старый замок, хотя в его бомбардировке не было никакого смысла. Мне, прилетевшей сюда во время очередного затишья, невольно вспоминались слова предсказания Плес Феш

ол'Лона: «Кровавый след впитает только время».

Действительно время... Постепенно мощь ударов пошла на убыль, частота нападений снизилась, а потом они совсем прекратились, когда крейсер с Латалом сгорел в очередном сражении.

- О чем задумалась, любимая? - тревожится муж, ласково поглаживая мою руку.

- О прошлом. О будущем. Разные мысли в голову приходят. Слишком много неясного. Эйрон тебе не сказал, зачем так экстренно и внепланово нас всех собирает? Договоренность же была на другое время. И почему на Вион позвал, а не на Томлине, как обычно, встреча?

- Не сказал. Наверное, опять сюрприз хочет сделать.

Сюрприз... Да, именно он нас и ждет, когда выходим из транспортника и оказываемся вовсе не на посадочной платформе рядом с дворцом, а на побережье. Правда, нет здесь хаоса и беспорядочно разбросанных каменных глыб, а есть ровная площадка, похожая на площадь. С одной стороны к ней подступает удобная дорога, ведущая на плато, где стоит дворец. По свободному периметру поставлены многоуровневые скамьи, на которых разместились желающие присутствовать при встрече гостей. А у самой кромки воды возведен павильон, частично выходящий на сушу, частично погруженный в море. Я с удивлением присматриваюсь к фигурам, что движутся за полупрозрачными стенами. И когда створки дверей раскрываются, беззвучно ахаю...

Зоггиане! Изумительно сложенные, с обнаженными торсами, одетые лишь в широкие свободные брюки, перехваченные у лодыжек и на бедрах яркими поясами, и обутые в украшенные камнями сандалии. Высокие, темноволосые и безумно красивые.

Невероятно! Они же никогда не покидают своей планеты, даже дышат под водой, через кожу. Для них океан - их жизнь.

И снова ахаю, сообразив, почему выбран именно Вион. Здесь, в отличие от Томлина, зоггиане могут чувствовать себя почти как дома.

Однако на этом сюрпризы не заканчиваются. Завороженная невероятной красотой одних гостей, я совсем не вижу других. Тех, кто подходит к нам со стороны дороги. И лишь когда слышу краткие смешливые фразы на ультри - «Как предсказуемо!», «Логичное сомнение», «Нет, нас не ждут, увы», - оборачиваюсь и в не меньшем изумлении произвольно отвечаю: «Ошибочное мнение!»

Ипериане. Четверо зеленоволосых мужчин, настолько высоких, что теперь даже зоггиане не кажутся мне такими уж гигантами. Хотя, разумеется, и те и другие выше Ликета, а я так вообще достану до их макушек, только если подпрыгну. И то без гарантии.

Прыгать не приходится. Долговязый мужчина в темном сине-зеленом костюме и с перекинутой через плечо толстой косой, опускается передо мной на одно колено, и наши глаза оказываются почти на одном уровне.

- Приветствую, наследница Виона. Отрадно знать, что вы храните частицу моего мира так же трепетно, как своего. Жаль, что внутренние проблемы на моей планете не позволили мне познакомиться с вами раньше.

Говорит он уверенно, без тени насмешки или шутовства, свойственных его расе. И потому, скользнув пальцами по ладони короля ипериан, я с искренней радостью смотрю, как мой муж обменивается с ним рукопожатием. А потом возвращаюсь взглядом к зоггианам, наконец приблизившимся и повторившим ритуал приветствия. Но волнение в моей душе становится совсем запредельным, когда я понимаю, что нашего внимания ждет еще одна делегация, вернее, две, которые подошли чуть позже, совсем незаметно.

Леяне и... цессяне?!

Такие похожие и такие разные! Похожие цветом волос, точнее, их белесой бесцветностью. Разные цветом глаз и оттенком кожи, который у леян значительно темнее. Да и одежда на каждом из них узнаваемая: тонкие легкие ткани костюмов

цессян и меховые теплые у леян.

– Дуаль Лолин ли’Тон, – деликатно представляется молодой цессянин. – Хэйрас Навин ли’Тон был моим дедом. Вы с ним встречались в свое пятнадцатилетие.

Я киваю, внимательнее присматриваясь к новому знакомому, потому что прекрасно помню, каким заносчивым был его предок. Однако этот молодой мужчина поведением совсем на него не похож. И убеждениями, видимо, тоже, ведь я слышу его слова:

– Мой дед утверждал, что виной развала империи был ваш отказ выйти за него замуж. Придерживался этого мнения и мой отец. А я считаю, что глупо ставить личные амбиции в ущерб интересам своей расы, которая несомненно выиграет, если будет иметь поддержку других. К счастью, сейчас, как вступивший на престол король, я могу принять решение изменить политику Цесса в отношении других планет.

О! Теперь мне понятно и присутствие зоггиан. Решив объединиться с нами, Дуаль снял осаду и тем самым позволил им прилететь. А что касается короля Ле...

– Мой анабиоз продлился меньше вашего, – с уважением говорит он, – но именно из-за него, то есть без меня, мой напарник не смог принять решения о присоединении. Надеюсь, у вас не было сомнений в том, что мы с радостью это сделаем?

– Было лишь терпеливое ожидание, – отвечает ему Ликет, а у меня в душе уже не волнение и даже не радость, а настоящее ликование.

Все! Все планеты-столицы вернулись! Шесть! Шесть звездных систем, ранее не имевших управленческого статуса, теперь входят в состав Объединенных территорий! А это значит, что вскоре присоединятся остальные.

Ох, Плес Феш ол’Лон, как же вы прозорливы! Ведь именно в этот момент воссоединения, то есть второго рождения империи, мой муж становится императором, с которым вы так настойчиво желали обсудить условия союза. Ни раньше, ни позже.

– Сюрприз удался? – едва слышно над самым ухом раздается знакомый голос, и я быстро оборачиваюсь, чтобы обнять того, кто совершил поистине невероятное.

– А меня? Меня? – немедленно требует внимания до этого упорно молчавший Шейрон. Ну правильно, ведь дядя Эйрон это совсем не то, что какие-то незнакомые инопланетники!

И король его не разочаровывает. Подхватывает мальчишку на руки и со словами «мы на минуту вас оставим», отходит к группе вионцев.

Я тоже невольно на них отвлекаюсь. Вижу, как Эйр опускает Шейра, смеется и что-то говорит своей молоденькой жене – именно на их свадьбу мы прилетали шесть лет назад. Она ласково ему отвечает и, погладив мальчишку по голове, подталкивает к своей фрейлине. А мой сын вовсе не против, так что очень быстро оказывается под присмотром Сейлиссы.

Встречаюсь с ней взглядом, ловлю невеселую улыбку, замечаю так и не исчезнувшую грусть в глазах... Она не оправилась после смерти мужа. Приняла, заставила себя жить дальше, даже не стала затворницей, но Ваймона не забыла. А ведь его нет с ней уже пятнадцать лет. И мне необычайно горько сознавать, что в этом я виновата. Нет, Сейла меня не укоряет, но... Но я безумно жалею, что в свое первое посещение Виона рассказала ее мужу о поступке капитана Вирса. Ваймон тогда не просто спал с лица, он сам не свой стал. И мне казалось, что я убедила его, что нет у меня к нему претензий, что все позади... Он решил иначе. Я лишь постфактум узнала – отыскал своего дядю, вызвал на поединок, дрался... Видимо, не только с ним, но и с другими контрабандистами, потому что в итоге взорвал стоящий в доке корабль. Сам выпрыгнул и успел уйти на безопасное расстояние, да только раны оказались смертельными.

– Идилинна! – Голос мужа и рука, ласково скользнувшая на талию, возвращают меня к тому, что происходит сейчас. – Все хорошо?

Он беспокоится, и я, осознав, что совершенно не вовремя погрузилась в печальные воспоминания, заставляю себя снова о них забыть. Прошлое еще не раз напомнит о себе,

но нельзя позволить ему стать важнее настоящего. Надо жить тем, что есть.

– Сегодня не планируется торжественных мероприятий, только встреча и знакомство, – объясняет вернувшийся к нам Эйрон. – У нас есть несколько дней на обсуждение условий и формирование договоренностей. Как только закончим с формальностями, можно будет перейти к присяге. Ликет Давин цу'лЗар, – обращается к моему мужу официально, хотя они давным-давно друзья в истинном смысле этого слова, – вы ведь не откажетесь принять на себя обязанности императора?

– Приму со всей ответственностью.

Отвечает Ликет серьезно, по-деловому, и я его понимаю. Быть императором – это не развлечение и не удовольствие. Это трудная, тяжелая работа, которая отнимает сил и времени гораздо больше, чем управление планетой. Особенно если увеличится количество входящих в объединение звездных систем.

Все словно только этих слов и ждали, потому что чуть натянутая атмосфера официальной встречи тут же становится куда более раскованной и свободной. Зрители поднимаются с мест, прибывшие делегации смешиваются с ними. Мы оказываемся втянутыми в круговорот поздравлений, приветствий как от новых, так и от хорошо знакомых лиц...

– Символично, что именно в этом году ты вновь становишься наследницей в истинном значении этого слова! – Рестон оказывается рядом, когда желающих составить мне компанию уже не остается. – Рад снова тебя видеть, Идилинна. Извини, Хейолу я не привез. Последствия обвала не позволили. Ей теперь ступни приживляют, да и я без апгрейда не остался.

Говорит он о серьезных, казалось бы, проблемах совершенно буднично. Впрочем, для шенориан в этом действительно нет ничего из ряда вон выходящего.

– Пусть твоя жена выздоравливает. Спасибо, что не стал искать себе замену и прилетел, – улыбаюсь, касаясь пальцами его новой искусственной ладони и присматриваясь к лицу, которое на фоне изящных черт зоггиан и цессян кажется слепленным необычайно грубо. – А в чем символичность?

– Хм... – с недоверием смотрят на меня желтые глаза. – Я, конечно, понимаю, что сейчас на всех планетах свой календарь, но неужели ты не считала?

– Считала? – начинаю чувствовать беспокойство, отыскивая причину столь странных вопросов. – Ты об имперском летоисчислении?

– Именно, – укоризненно качает головой Рестон. – Ведь ровно тысячелетие с года основания прошло. Очень красивая дата для возрождения.

– Точно! – ахаю я, укоряя себя за недогадливость. И спохватываюсь: – Но ведь получается, что половину этого времени империя не существовала. Мне сказали, что она как раз к пятисотому году распалась, через сто пятьдесят лет после того, как я уснула.

– Верно, – вмешивается в наш разговор Эйрон.

Однако не только он, но и Ликет уже стоит рядом, видимо тоже завершив общение с прибывшими. В глазах мужа интерес к предмету обсуждения ничуть не меньший, чем у остальных. И, наверное, поэтому идею он высказывает необычную.

– Значит, отмечать будем не тысячелетие от года основания, а пятисотлетие. По крайней мере, это будет логично.

– Тогда пусть обязательно будет праздник! – прошу я. – Такой, который позволит империянам всех рас чувствовать себя значимыми и равными!

– Карнавал, быть может? – неуверенно, словно опасаясь, что его сейчас высмеют, предлагает вежливый мужской голос.

Мы все заинтересованно смотрим на серокожего, одетого в не менее блеклый, невзрачный костюм видийянина. Наверняка заметно смущаем его своим вниманием,

потому что объяснение из его уст звучит ничуть не менее скромное, чем предложение:

– На моей планете «карнавал» – это редкий день, один в несколько лет, когда туман рассеивается и появляются краски. Тогда и мы позволяем себе проявить себя, стать ярче и заметнее.

– Это как раз то, что нужно, – радостно его поддерживаю. Да и название мне нравится. Карнавал... Как интригующе! – Вы ведь расскажете все подробно? Или это сделает ваша спутница? – прошу, заметив за его плечом такую же серокожую видийянку.

Воодушевленная полученным от нее подтверждением, назначаю время для личной беседы. Ведь кому как не нам, женщинам, заниматься праздниками? Разумеется, мужчины берут на себя серьезные вопросы организации, поставок, размещения, но то, что касается удовольствий, красоты, нарядов и веселья, несомненно, наша сфера деятельности.

О, как же я жалею, что раньше не знала о таком необычном виде празднования. Игры, шутки, завораживающие выступления, наряды и... маски! Последнее поражает меня до глубины души. Какой любопытный способ для свободного, легкого, непредвзятого общения!

Теперь за оставшиеся до назначенного праздника дни я, вместе со своими помощницами – большинство женщин в моем окружении оказались солидарны в готовности помочь, – стараюсь наладить их производство. А еще подобрать развлечения, пригласить тех, кто может выступить и развлечь гостей, найти и украсить помещения для отдыха. Соглашение об объединении будет подписано, Ликет примет присягу, и можно будет провести первый карнавал.

Конечно, он вряд ли получится грандиозным и массовым – все же нас пока совсем немного, да и времени на подготовку почти нет, но в будущем наверняка будет проходить с большим размахом. Уж я постараюсь, чтобы эту традицию не забыли.

– Устала? – сочувственно спрашивает Ликет, когда после очередного суматошного дня я без сил падаю на кровать.

Шейрон уже давно спит в соседней комнате. За ним присматривает воспитатель-томлинец, свободу от опеки которого мальчик получит только через год. Да и весь дворец, утомленный шумом и суетой, погрузился в мирную тишину.

– Устала, – хоть и не хочется мне в этом признаваться, но обманывать мужа не желаю. Обнимаю, утыкаюсь носом в его ключицу и закрываю глаза, вдыхая такой родной и любимый запах.

– Я тоже, – неожиданно оказывается со мной солидарным супруг, ласково скользя ладонью по голой коже на моем плече. – Столько вопросов, нюансов, новой информации. И столько всего еще предстоит сделать... А может, завтра устроим выходной? Один день, спешки ведь нет. Никто не будет против, я уверен. Забудем о делах, побудем вдвоем, вместе с сыном погуляем... Ты куда-нибудь хочешь съездить?

– В старый замок, – выбираю не раздумывая.

– Он ведь разрушен, – мягко напоминает муж. – Ты уверена?

– Угу... Вот по развалинам и побродим. Шейрон там никогда не был, ему будет интересно. Да и мне хочется вспомнить...

Ликет оказывается прав. Все прибывшие делегации рады передышке. Зоггиане на сутки уплывают в открытое море, ипериане разбредаются по дворцовому парку, леяне, похоже, вообще решают не выходить из своих апартаментов... Моя женская команда тоже с облегчением откладывает на время нерешенные задачи, возвращаясь к привычному укладу жизни. Да и Эйрон, кажется, не против провести больше времени с женой.

Впрочем, узнав о том, куда мы планируем полететь, племянник решает составить нам компанию. В итоге вместо тройки жиралей в небо над Вагдрибором поднимается целая стая.

Меня это ничуть не раздражает. Ведь рядом те, кто мне приятен и дорог. Разумеется, есть и незнакомые лица, но я уверена, что нашему отдыху они не помешают – либо останутся на скалистом уступе, куда приземляется наш живой транспорт, либо будут сопровождать, стараясь оставаться неприметными.

Спустившись с жирали – темно-синей, очень редкого окраса, – я зажимаюсь и с удовольствием потягиваюсь, наслаждаясь знакомыми запахами соленой влаги, криками потревоженных нашим присутствием ворков, шумными ударами волн о скалы. Вагдрибор тоже расположен вблизи моря, но ощущения там все равно не такие.

Я словно возвращаюсь в свое детство и даже, кажется, вот-вот услышу мягкий деликатный голос Вари, рассказывающей о своих чувствах к моему брату...

– Дом совсем зарос, – слышу наяву расстроенное бормотание Сейлисы.

Шумно вздыхаю и, подойдя к племяннице, смотрю вниз. Отыскиваю в плотных зеленых сплетениях стеблей когда-то чистенький и ухоженный домик. Теперь его почти не видно, выюн быстро заполонил освободившуюся территорию.

– Разве тебе плохо во дворце? – осторожно спрашиваю, прощупывая настроение родственницы.

– Ни плохо. Ни хорошо. Никак. – Сейла пожимает плечами и отступает, осматриваясь. – Шейрон! – зовет забравшегося на валун мальчишку. – Хочешь, я буду твоим экскурсоводом?

Еще бы он не хотел! Вон с какой живостью соскочил и рванул к ней. Ликет даже сказать ничего не успел. Впрочем, он и не пытался, лишь покачал головой, провожая добродушной улыбкой сына и его спутницу, начавших спускаться по высеченным в скале ступеням.

Я бы, наверное, сразу последовала за ними, вот только скользнув взглядом по сопровождающим нас вионцам, вижу, что не одну меня и моего мужа интересует поведение Сейлисы. Нейвар, старший брат жены Эйрона, тоже смотрит ей вслед. И в его глазах... Ох, там точно не равнодушие!

– Заметила? – изрядно меня напугав, негромко интересуется незаметно подошедший ко мне сзади племянник. – Он третий год с нее глаз не сводит. Ухаживать пытался, но она не позволяет. Теперь Нейвар просто старается быть рядом, но держит дистанцию. Ждет. Надеется. И, по-моему, влюбляется все сильнее. Может, ты с ней поговоришь? Намекнешь, что нельзя ситуацию пускать на самотек. У нас с женой не получается.

– Обязательно, – обещаю совершенно серьезно.

Мне счастливое будущее Сейлы не менее важно, чем мое собственное. Она молодая, знатная, красивая, может детей родить. Да и брак с Нейваром будет династическим, в отличие от первого мезальянса... с фистом, как сказали бы на Томлине. Ваймон ведь не имел статусного происхождения. У него даже наши врожденные вионские способности оказались очень слабыми, поэтому и умер он от заражения крови после ранений, не справившись с интоксикацией, которую другой перенес бы с легкостью.

Что касается Нейвара, то он еще в мой прошлый прилет на королевскую свадьбу показался мне скромным, спокойным, заботливым братом, опекающим сестру. Может, потому что жили они в губернии, далекой от столицы и политических интриг. Да и Эйрон после предательства Латала, уверена, тщательно проверяет тех, кто входит в его окружение. И потому... Надо не просто поговорить, надо устроить этой паре настоящее свидание. О! В масках и во время карнавала! Идеально!

Размышления и обдумывание стратегии не мешают мне наслаждаться прогулкой. Неторопливо идти по заросшим дорожкам; кое-где с помощью мужа пробираться через плотно сросшийся кустарник; перепрыгивать через завалы камней обрушившихся стен; забираться в оконные проемы, которые опустились до самой земли; осторожно ступать по потрескавшимся плитам чудом уцелевших помещений.

Совсем недалеко, в пределах видимости, занимается раскопками Шейрон. Он то внимательно слушает рассказ Сейлисы, смирно шагая рядом с ней, то бросается в

сторону, наверняка увидев что-то интересное. В руках юного археолога появляются, а потом исчезают в мешке, который несет идущий следом воспитатель, найденные богатства: покореженная то ли временем, то ли взрывом ложка, кусок гибкого пластика, тонкая ажурная пластина – видимо, когда-то это была спинка стула...

Ох, чувствую, придется нам организовывать музей!

И словно в подтверждение моих мыслей раздается восторженное:

– Мама! Папа! Смотрите, что я нашел!

Шейрон не бежит, он практически летит к нам, перепрыгивая через преграды, – настолько велика его радость. Почти падает, когда наступает на шаткую кладку и складывающиеся ее камни осыпаются, вырываясь у него из-под ног. Я испуганно ахаю, Ликет успевает сына подхватить и сердится, но мальчишка, кажется, ничего не слышит и не замечает. Суетится, вырываясь из отцовских рук, и, раскрыв кулачок, показывает нам...

Кольцо.

Изящный резной ободок желтого металла, несколько не потускневшего, хотя наверняка украшение совсем древнее. Впаянный в него кристалл невероятно похож на глаз крага – пылающий, оранжевый, овальной формы, более темный к центру, словно это зрачок. Томлитонит?

Я невольно поднимаю руку и смотрю на кольцо, подаренное мне мужем, потому что...

– Как похожи! – изумленно выдыхает Ликет, забрав находку с маленькой ладошки. – Лина, кажется, это наше семейное украшение.

– Это, наверное, кольцо Тогриса, – говорю тихо. На глаза наворачиваются слезы, потому что почти забытое прошлое так неожиданно остро врывается в мое настоящее. Я вроде и была готова к возможным сюрпризам, знала же, куда шла, но не думала, что ждет меня такая находка.

– Можно, я его себе заберу? – подпрыгивая от нетерпения, сын кружит вокруг нас.

– Нет, Шейр, – мягко, но строго отзывается Ликет. – Ты молодец, что отыскал давно потерянное. Но мама в день твоего совершеннолетия отдаст тебе кольцо, которое я ей подарил для твоего рождения. А это украшение...

Муж не заканчивает мысль, вопросительно на меня смотрит, но я прекрасно понимаю, о чем он думает. И киваю, точно зная, что не хочу отказываться. Объединенным территориям нужна наследница, а мне... Мне будет приятно знать, что рождение дочери связано с тем, кто был мне когда-то дорог.

Протягиваю правую руку и завороченно смотрю, как на среднем пальце оказывается колечко, в противовес тому, что красуется на левой. Обнимаю мужа, украдкой стерев скатившуюся по щеке слезу, хотя уверена – Ликет поймет мои чувства и поддержит. А еще я надеюсь. Надеюсь на счастливое будущее империи и верю, что теперь все будет так, как и должно быть.

Сноски

1

Самое ядовитое растение на Вионе. – *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Свирт – укороченный жилет.

3

Ганиты – древняя форма жизни на планете Эйвор. Их ископаемые выделения способствуют быстрому излечению при любом инфекционном заболевании.

4

Ултриз – топливо для полетов в подпространстве.

Спираль (эпистатическая) – скрученная структура подпространства, позволяющая сокращать расстояние в реальном пространстве. Аналогично: червоточина, кротовая нора, подпространственный туннель.

Мелодия, переходящая в ультразвук. Характерна для музыкальных композиций Ипера.